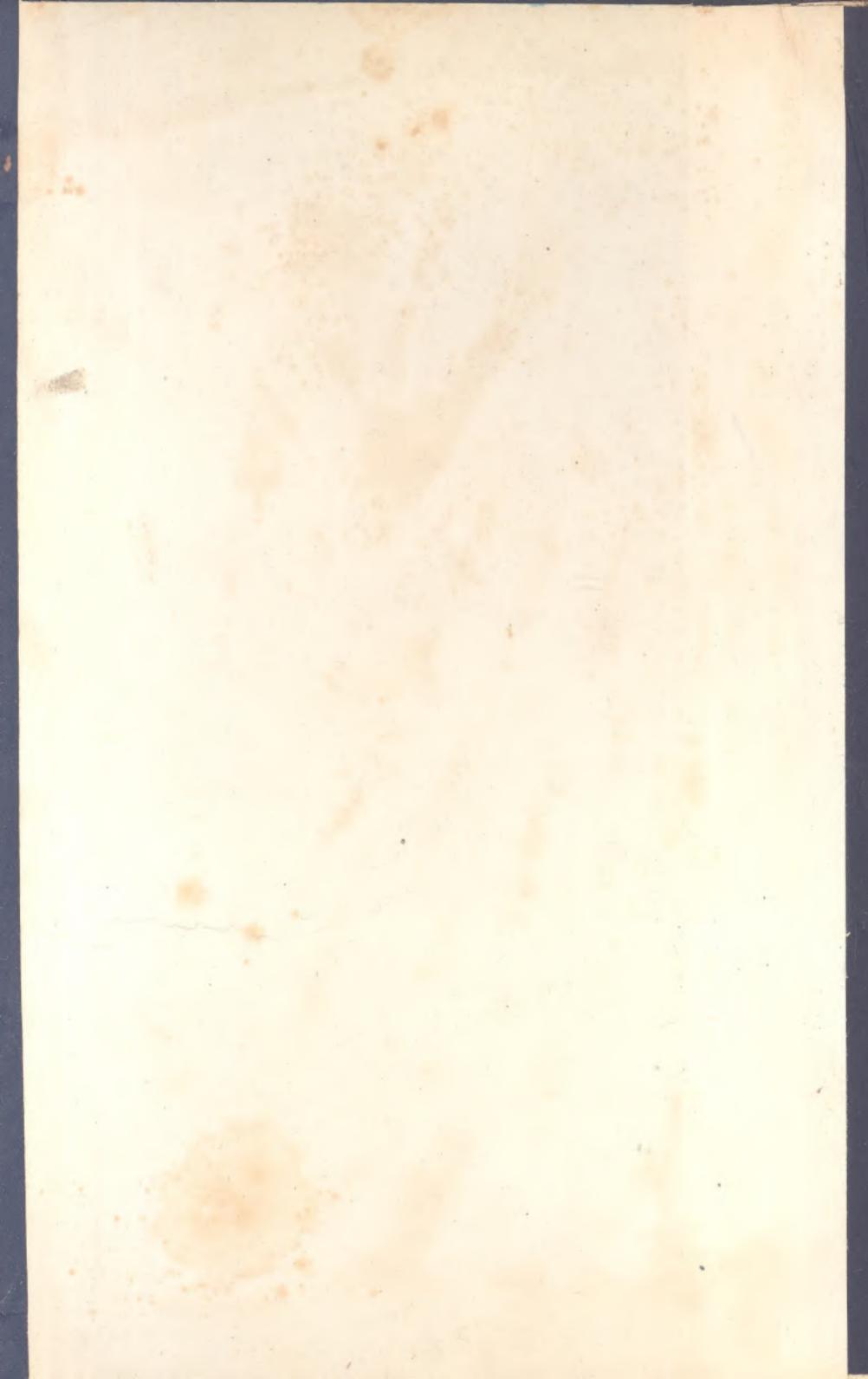
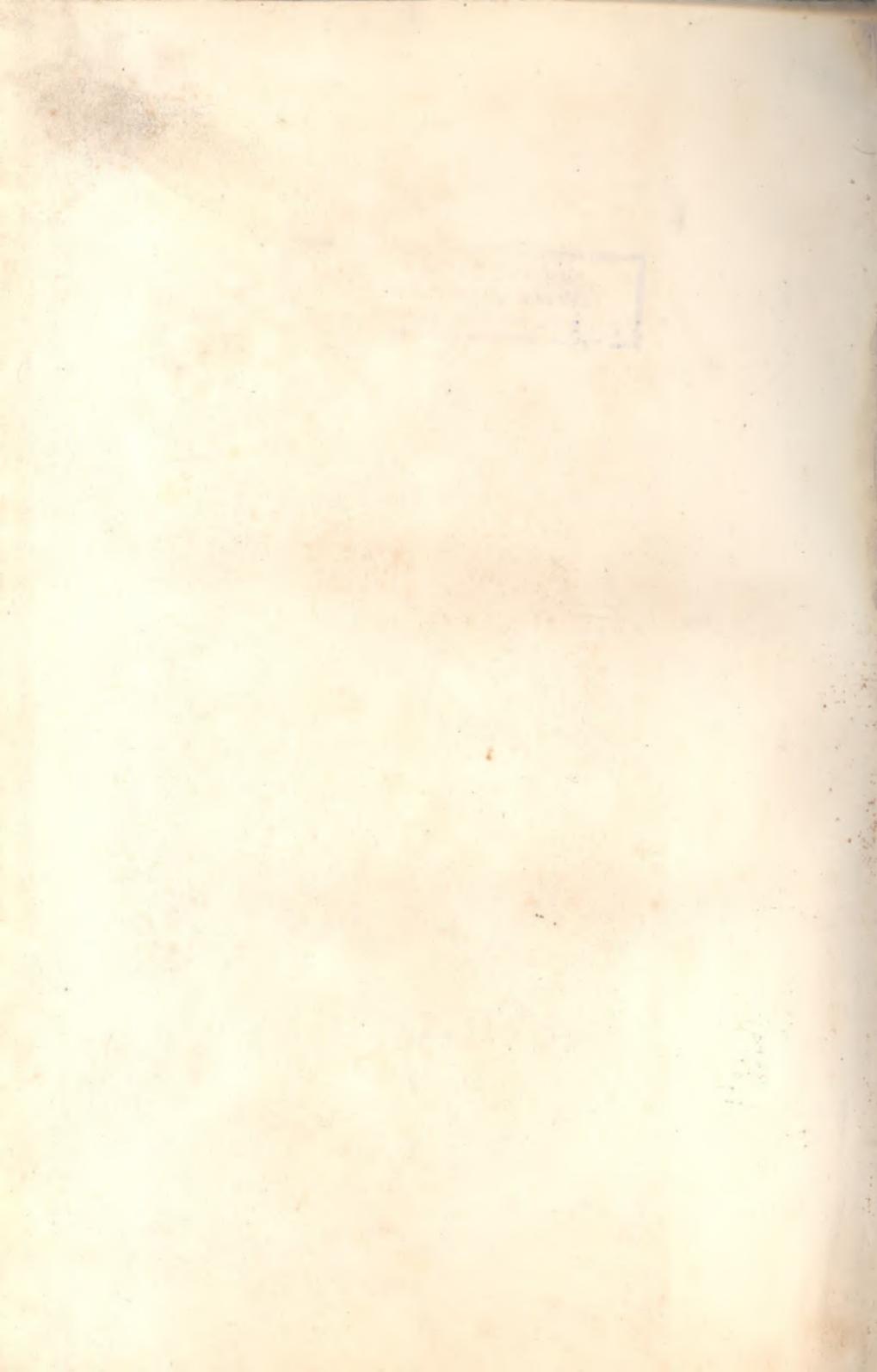

33-2
382

02 05

Вернеръ Зомбартъ.

(Проф. Бреславльского Университета).

33-2

3 - 82

ОРГАНИЗАЦІЯ
ТРУДА и ТРУДЯЩИХСЯ.

Перев. подъ ред. Л. А. Кириллова.

Съ портретомъ В. Зомбарта и предисловіемъ
М. Туганъ-Барановскаго.

Издание Б. Н. Звонарева.

Київський інститут
народного господарства
БІБЛІОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Бусселя, Невскій пр., № 126.
1901.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

«Организація труда и трудящихся» представляетъ собой переводы статей В. Зомбарта «Die gewerbliche Arbeit und ihre Organisation» и недавно вышедшей книги «Dennoch», соединенныхъ въ одну книгу Леонтиемъ Александровичемъ Кирилловымъ, редактировавшимъ эти переводы и имѣвшимъ въ виду объединить ихъ общимъ предисловиемъ. Въ настоящемъ изданіи выпущена V глава книги «Dennoch», представляющая скрѣпъ публицистической интересъ въ виду ея рѣзко полемического характера.

Смерть помѣнила Леонтию Александровичу закончить начатую работу, и вторая часть книги редактирована В. Ф. Тотоміанцемъ.

Предисловіе М. И. Туганъ-Барановскаго ознакомить читателя съ личностью безвременно умершаго Леонтия Александровича, оставившаго по себѣ во всѣхъ знатныхъ его самую добрую память.

Б. Звонаревъ.

Леонтій Александровичъ Кирилловъ.

(† 14 Января 1901 г.)

Когда умираютъ люди, давнишіе то, что они могли дать, совершивши въ предѣлахъ имѣвшихся у нихъ силъ, то къ грусти объ ихъ утратѣ не примѣшивается сожалѣнія о томъ, что они не исполнили всего, что могли исполнить. Вдвойнѣ жаль тѣхъ, кто умираетъ слишкомъ рано, едва начавъ дѣло своей жизни. Къ такимъ слишкомъ рано умершимъ принадлежитъ и покойный Леонтій Александровичъ Кирилловъ. Онъ умеръ 36 лѣтъ— для большинства это время полного расцвѣта силь, наиболѣе плодотворной и энергичной жизненной работы. Но Леонтій Александровичъ запоздалъ въ жизни, внѣшнія, независѣвшія отъ него обстоятельства долго препятствовали ему приняться за научно-литературную дѣятельность, къ которой его влекло... Только въ половинѣ 90-хъ годовъ онъ получаетъ возможность приступить къ ра-

ботѣ. И принимаетъ участіе въ статистическомъ изслѣдованіи отхожихъ промысловъ Ярославскаго уѣзда. Плодомъ этихъ работъ явился очень цѣнныій статистической трудъ Кириллова «Отхожіе промыслы крестьянъ Ярославской губерніи» (Обзоръ Ярославской губерніи. Выпускъ II Ярославль 1896 г.). Изслѣдованіе это выдѣляется среди другихъ подобныхъ оригинальностью своей точки зрѣнія; для Кириллова ростъ отхода, наблюдающійся почти повсемѣстно въ современной русской деревнѣ, былъ не болѣе, какъ однимъ изъ проявленій того глубокаго эволюціоннаго процесса, который переживается нынѣ народнымъ хозяйствомъ Россіи. Изучая на практикѣ деревенскую жизнь, знакомясь съ нею не по книгамъ, а по непосредственному наблюденію дѣйствительности, Кирилловъ, чисто эмпирическимъ путемъ, пришелъ ко многимъ выводамъ, которые другіе предвидѣли на основаніи теоріи. Статистическая наблюденія Кириллова приводили къ вполнѣ опредѣленной теоретической концепціи, которую Кирилловъ раздѣлялъ съ большинствомъ новѣйшихъ русскихъ экономистовъ, отказавшихся отъ вѣры въ самобытность нашего экономического развитія.

Любимой мыслью Кириллова было изслѣдовать русскій промысловый отходъ во всемъ его объемѣ и значеніи. Работа эта должна была быть его магистерской диссертацией, планъ которой былъ

у него готовъ и материалы собраны. Но судьба сулила иное...

Послѣдній годъ своей жизни Кирилловъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ нѣсколькихъ изданій—особенно «Сѣвернаго края» и «Сѣвернаго курьера». Ему принадлежитъ нѣсколько содержательныхъ и дѣльныхъ статей въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза и Ефона—въ томъ числѣ обширная статья «Союзы рабочихъ». Въ статьѣ этой приведены, между прочимъ, данные объ обществахъ взаимопомощи среди русскихъ рабочихъ; этимъ вопросомъ Кирилловъ особенно интересовался и собралъ довольно много материала по исторіи русскихъ кассъ взаимопомощи. Въ будущемъ онъ предполагалъ обработать этотъ материалъ въ особомъ изслѣдованіи.

Издаваемый переводъ двухъ работъ Зомбарты—его статьей въ *Archiv für Soziale Gesetzgebung und Statistik* и недавно вышедшей книги—*Dennoch!*—былъ задуманъ Кирилловымъ. Ему же принадлежитъ мысль соединить въ одномъ изданіи оба названныхъ сочиненія, дополняющихъ другъ друга. Смерть помѣшала ему докончить редактированіе перевода...

Кирилловъ умеръ въ Петербургѣ, гдѣ онъ жилъ послѣднее время. Смерть его вызвана несчастнымъ случаемъ: когда онъ переходилъ черезъ улицу, его сбила съ ногъ лошадь и причинила тяжелые ушибы головы.

Послѣдствіемъ было воспаленіе мозга, которое и свело его въ могилу.

Онъ поздно началъ жить и рано умеръ — дѣло его жизни не велико.

Но кто его зналъ лично, для тѣхъ не можетъ быть сомнѣнія, что только ранняя смерть помѣшила Кириллову занять видное мѣсто среди небольшой у насъ кучки честныхъ и убѣжденныхъ работниковъ мысли.

М. Туганъ-Барановскій.

8 Февраля 1901 г.

I.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ТРУДЪ
и
ЕГО ОРГАНИЗАЦІЯ.

„Qui bene distinguit, bene docet“.

І.

Промышленный трудъ съ естественно-научной и соціологической точекъ зре́нія.

Предшествующая литература.

Когда произведенія почвы взяты отъ послѣдней, когда хлѣбъ сжатъ, хлопокъ собранъ, деревья срублены, когда шерсть снята съ овецъ,— тысячи рабочихъ рукъ завладѣваютъ этими разнообразными предметами для того, чтобы сдѣлать ихъ болѣе пригодными для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Хлѣбъ везутъ на мельницу, хлопокъ въ прядильню; лѣсъ распиливаютъ и передаютъ плотнику и столяру для обработки; крестьянка начинаетъ прѣсть ленъ и шерсть, башмачникъ разрѣзать кожу на сапоги и ботинки. Всю эту дѣятельность, которую мы обыкновенно объединяемъ въ понятіи «промышленная жизнь», можно было бы обозначить, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, терминомъ «обрабатывающая дѣятельность» (*stoffveredelnde Thatigkeit*).

Чрезвычайно пестрый рядъ явленій представляеть изъ себя эта промышленная жизнь! Тутъ и дымящіяся трубы, и тянущіеся на работу мужчины и женщины, и прядущія крестьянки, и сверкающія паровыя машины, и котлы и чаны съ бродящими веществами, и фабричные инспекторы, и рабочія стачки, и образованіе картелей,—и мало ли еще какія явленія, которыми такъ богата полная безконечнаго разнообразія жизнь. Разнообразны также и тѣ отношенія, въ которыхъ мы можемъ находиться къ этой жизни: мы сами можемъ жить этой жизнью, сами на разсвѣтѣ отправляться въ предмѣстье, гдѣ нась на многіе часы поглотить мастерская, сами сидѣть за конторскимъ столомъ и объединять въ своихъ рукахъ всѣ нити какого-нибудь крупнаго производства, сами, въ качествѣ крестьянина, класть шкуру собственнаго быка въ дубильную яму, или, стоя за ткацкимъ станкомъ, ткать матерію изъ нами же выпряденныхъ нитокъ... Но мы можемъ также оставаться только зрителями движенія этого могучаго механизма промышленной жизни, и, быть можетъ, въ заботѣ о спасеніи душъ тѣхъ, кто является однимъ изъ маленькихъ колесъ этого механизма, итти къ нимъ съ благими намѣреніями попеченія о нихъ, помощи и поученія. Мы можемъ, если пожелаемъ, въ качествѣ поэтовъ, воспѣвать горести и радости тѣхъ слоевъ населенія, которые заняты промышлен-

нымъ трудомъ, или, въ качествѣ государственныхъ людей, вмѣшиваться въ ихъ жизнь съ цѣлью ея упорядоченія; можемъ, въ качествѣ художниковъ,увѣковѣчивать ихъ дѣятельность изображеніемъ отдѣльныхъ ея моментовъ блестящими красками на полотнѣ. Наконецъ, мы можемъ, въ качествѣ ученыхъ, приводить этотъ текучій рядъ явлений въ систему и подводить ихъ подъ извѣстные законы, можемъ, путемъ изученія ихъ, дѣлать эти явленія болѣе понятными для насъ. Тамъ, гдѣ такое изученіе совершается по опредѣленному методу, возникаетъ наука, въ данномъ случаѣ—*наука о промышленной жизни*; можно было бы даже сказать: «наука о промышленности» (Gewerbwissenschaft) или «ученіе о промышленности» (Gewerbelehre), если бы эти выраженія не были столь неопредѣленными, столь широкими, не имѣли бы столь разнообразныхъ значеній. Въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ научно разсматривать явленія въ сферѣ промышленного производства съ нѣсколькихъ точекъ зренія, благодаря чему эти явленія могутъ сдѣлаться—да уже и сдѣлались—предметомъ нѣсколькихъ наукъ.

Одна изъ такихъ наукъ, имѣющихъ предметомъ своего изученія промышленную жизнь, занимается вопросомъ, какъ изъ хлопка, льна или какого-либо другого матерьяла получается пряжа, какъ свекловица превращается въ сахаръ,

картофель въ алкоголь, желѣзная руда въ сталь. Она изслѣдуетъ естественные процессы механическаго или химическаго порядка, че-резъ которые долженъ пройти матерьялъ, чтобы уже въ другомъ, измѣненномъ видѣ, служить для удовлетворенія человѣческихъ по-требностей; при чемъ, она разсматриваетъ человѣка лишь съ одной стороны: какъ носителя силы, которая примѣняется въ процессѣ произ-водства. При такомъ способѣ изслѣдованія,— который мы назовемъ естественно-научнымъ,— представляется безразличнымъ, прядеть-ли нитку человѣческая рука, заставляютъ-ли подниматься тѣсто дрожжи.

Человѣкъ совершенно исчезаетъ за созданіями собственного духа: паровая машина является совокупностью соединенныхъ въ опредѣленномъ по-рядкѣ желѣзныхъ частей, на которыхъ извѣстнымъ образомъ дѣйствуетъ паръ; машина для прошиванія подошвъ извѣстнымъ образомъ прошиваетъ нит-ками кожу; красящія вещества въ чану подвер-гаются извѣстнымъ измѣненіямъ для полученія желаемой смѣси изъ нихъ и т. д. Однимъ сло-вомъ, съ сказанной точки зрѣнія, во всемъ про-мышленномъ производствѣ мы встрѣчаемъ толь-ко вещества, силы, соединенія, процессы—все под-чиненное однимъ и тѣмъ же законамъ, дѣйству-ющимъ въ природѣ. Такой способъ разсмо-трѣнія явленій промышленного производства,

покоящійся на естественно-научномъ основаніи развился въ ту научную систему, которую мы обыкновенно называемъ *технологіей*.

Технологія, въ буквальномъ смыслѣ, есть учение о техникѣ и, какъ таковое, могло бы охватывать чрезвычайно обширную область, такъ какъ техника въ наиболѣе широкомъ смыслѣ этого слова, есть всякий искусственный пріемъ (*Kunstverfahren*), имѣющій цѣлью достиженіе извѣстнаго результата¹⁾).

Мы говоримъ о военной техникѣ, о техникѣ пѣнія, а Шеффле даже о техникѣ религіозныхъ обществъ. Но, даже, если мы ограничимъ сказанное понятіе включеніемъ въ него лишь тѣхъ пріемовъ, которые стоятъ въ какомъ-либо отношеніи къ хозяйственной жизни²⁾), то и тогда наука техники будетъ охватывать область весьма обширную.

Въ самомъ дѣлѣ, и всемирная торговля имѣть свою технику, есть техника и въ каждомъ учрежденіи для сношений (*Verkehrsinstitut*). Однако, не этого рода технику имѣемъ мы въ виду, когда говоримъ о технології. Скорѣе, мы предпочли бы ограничить объемъ этого понятія, свѣдя его къ ученію о производствѣ и о перемѣ-

¹⁾) *Schäffle*, Bau und Leben des socialen Körpers, 4 Bde. 1881. XIII Hauptabschnitt.

²⁾) *Em. Herrmann*, Technische Fragen und Probleme der modernen Volkswirtschaft. Leipzig, 1891.

щениі благъ. Современная технологія, намъ кажется, достаточно выросла для того; между тѣмъ какъ въ началѣ она имѣла еще болѣе узкое значеніе и фактически была лишь ученіемъ о производственныхъ пріемахъ обрабатывающей дѣятельности, т. е. промышленности (*Gewerbe*) въ тѣсномъ смыслѣ. Но тогда, равнымъ образомъ, и подъ «техникой» понимали только способы обработки продуктовъ: «подъ техническимъ мы постоянно разумѣемъ то, что относится къ изгото-
влению издѣлій (*Zurichtungsgewerbe*)»¹). Такимъ образомъ, тогда послѣдовательно проводили различіе между воздѣлываніемъ почвы, технической дѣятельностью и торговлей²). Уже *Karmarsch* въ 1872 году высказалъ, что подъ технологіей онъ понимаетъ „систематическое описание и рациональное объясненіе тѣхъ процессовъ (*Verfahrensweise*) и вспомогательныхъ средствъ, при помощи которыхъ сырье естественные продукты перерабатываются при помощи искусствъ и прилежанія человѣка въ предметы потребленія“³). Еще и теперь говорять о „техникахъ“,

¹⁾ *P. Ph. Geiger*, Ueber den Haushalt in der Technik. Würzburg, 1820.

²⁾ Такъ, еще *Schüz*, Das Prinzip der Ordnung in der Volks-Wirtschaft. (Z. v. g. Staatswiss. II, 1845, стр. 248).

³⁾ *Karmarsch*, Geschichte der Technologie, München 1872, стр. 2—3. Ср. также стр. 859: „Ученіе объ искусственной переработкѣ сырыхъ продуктовъ“, и далѣе.

«политехникахъ», разумѣя при этомъ прежде всего технику промышленного производства.

Здѣсь для насъ важно только установить лишь то положеніе, что промышленное производство, при разсмотрѣніи его съ естественно-научной точки зрењія, являлось причиной возникновенія и существованія особой науки—технологіи, или вѣрнѣе, одной изъ отраслей этой послѣдней—промышленной технологіи, какъ прикладной естественной науки. Но нашъ путь уже теперь ведеть насъ мимо этой отрасли знанія къ другому, ближе касающемуся насъ способу изученія промышленной жизни, который, конечно, намъ придется пока выразить описательно, не называя его, за неимѣніемъ для того до сихъ поръ подходящаго термина.

Если технологія разсматриваетъ явленія производства, какъ естественные процессы, то съ той точки зрењія, къ которой мы теперь обратимся и которую я назову *соціально-научной*¹⁾,

¹⁾ Такъ какъ вся хозяйственная жизнь человѣка точно также, какъ и всякое хозяйственное производство, никогда не бываетъ дѣломъ отдельной личности, но постоянно и повсюду происходитъ въ обществѣ, то мы привыкаемъ смотрѣть на изученіе всякаго рода экономическихъ явленій, какъ на часть соціальной науки. Поэтому-то намъ и показалось название „соціальный“ наиболѣе умѣстнымъ для обозначенія той научной точки зрењія, о которой идеть рѣчь въ текстѣ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы еще будемъ имѣть возможность поговорить объ этомъ.

эти явления представляются намъ, какъ трудовая дѣятельность (*Arbeitsleistungen*). Вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ становится центральнымъ пунктомъ изслѣдованія: человѣкъ, какъ производитель (*Erzeuger*), человѣкъ, какъ личность съ опредѣленными силами и желаніями (*Kennen und Vollen*). Съ этой точки зрења настѣнко интересуетъ вопросъ: какимъ образомъ трудящійся человѣкъ исполняетъ свою задачу—производство благъ? Конечно, явленія, въ которыхъ выражается его дѣятельность, тѣ же самыя, которыя подвергаютъ своему анализу и технологію; разница заключается только въ точкѣ зрења, съ которой мы изучаемъ ихъ. Теперь мы спрашиваемъ: совершаются-ли работа ловкостью человѣческихъ рукъ или при содѣйствіи механическихъ приспособленій? однѣми-ли человѣческими силами или при посредствѣ силъ природы? выполняется-ли эта работа однимъ человѣкомъ или многими рабочими? каковъ тотъ порядокъ, которому эти послѣдніе подчиняются? каковы отношенія подчиненія и руководительства среди лицъ, занятыхъ въ производствѣ? мы задаемъ вопросъ: каковы тѣ формы организаціи, при которыхъ происходитъ обработка продуктовъ? и многое другое.

Примѣръ лучше уяснить разницу между обоими способами изслѣдованія: естественно-научнымъ и соціально—научнымъ. Въ одномъ изъ новѣйшихъ руководствъ по технологіи, нося-

щемъ характеръ компендіума, «Царствъ Изобрѣтеній»¹⁾ на страницѣ 554 я открываю отдѣль, трактующій о «Хлѣбопекарняхъ». Вотъ, что говорится тамъ, между прочимъ: «Сырымъ матеріаломъ для приготовленія хлѣба служить добываемая изъ хлѣбныхъ растеній (Zerealien) мука... Приготовленіе хлѣба начинается заготовкой тѣста и замѣшиваніемъ его; мука съ водой превращается въ тѣсто, при чемъ однѣ изъ его составныхъ частей измѣняются химически, другія—физически. Декстринъ, декстроза и другія белковыя вещества... и т. д.» Далѣе говорится: «Вместѣ съ водой при заготовкѣ тѣста въ него кладутся, въ качествѣ бродильнаго вещества, дрожжи или закваска. Закваска есть... и т. д. Затѣмъ, посыпанное мукой тѣсто оставляютъ въ умѣренно тепломъ мѣстѣ въ теченіе часовъ двѣнадцати для броженія. Вслѣдствіе броженія распадаются... и т. д. Выѣлка хлѣбовъ изъ отдѣльныхъ кусковъ тѣста производится теперь въ крупныхъ хлѣбопекарняхъ при посредствѣ рѣзательныхъ машинъ; при чемъ,—такъ какъ хлѣбы должны имѣть определенный вѣсъ,—принимается во вниманіе количество воды, испаряющейся изъ тѣста во время печенія... Окончательное изготавленіе хлѣба изъ поднявшагося и вымѣшан-

¹⁾ „Reich der Erfindungen“, herausgegeben von Dr. H. Samter, 3-te verm. Aufl. Berlin, 1898.

наго тѣста совершается путемъ его выпеченія. Хлѣбная печь устроена... и т. д.».

Совершенно иного рода вопросы придется поставить намъ при разсмотрѣніи тѣхъ же явленій—процесса изготошенія хлѣба—съ соціально-научной точки зрењія, какъ-то: совершается-ли работа исключительно посредствомъ или съ примѣненіемъ машинъ? какого рода дѣйствіе оказываютъ эти различные способы изготошенія продукта? производительнѣе-ли одинъ, чѣмъ другой, легче-ли и удобнѣе-ли? мало или много рабочихъ рукъ бываетъ занято при этомъ? производится-ли работа круглые сутки, т. е. ведется-ли производство безостановочно или же съ перерывомъ? и почему такъ, а не иначе? находятся-ли отдельные рабочіе въ отношеніяхъ зависимости одинъ отъ другого? и въ какихъ? потребляется-ли хлѣбъ тѣми же самыми лицами, которыя его пекутъ, или другими? и много другихъ вопросовъ.

Систематическое разрѣшеніе этихъ и тому подобныхъ вопросовъ можно назвать *ученіемъ о промышленномъ труде и формахъ его организациіи*. Въ послѣдующемъ я и намѣренъ заняться изложеніемъ этого ученія.

Чтобы читатель легче могъ освоиться съ ходомъ моихъ мыслей, я попытаюсь, прежде чѣмъ перейти къ собственному изложению, бросить взглѣдъ на то, что уже имѣется по этому пред-

мету въ литературѣ. Не станемъ при этомъ теряться въ туманной дали давно прошедшаго: достаточно будетъ, если мы начнемъ свое историко-догматическое резюме съ *Адама Смита*. И въ разработкѣ интересующихъ теперь насъ вопросовъ проявилось все то своеобразіе, которое такъ свойственно этому удивительному автору. Въ томъ, что онъ высказываетъ въ первыхъ трехъ главахъ своего «Богатства Народовъ»—а въ нихъ, именно, онъ касается проблемъ организаціи труда, подлежащихъ и нашему разсмотрѣнію—нѣтъ почти ни одной мысли,—какъ теперь извѣстно,—которая не была бы уже высказана раньше тѣмъ или другимъ писателемъ. Но, въ то же время, эти знаменитыя главы произведенія Смита заключаютъ почти *все*, что можно было въ то время сказать по данному предмету. Смиту, не смотря на недостатокъ у него «оригинальности», должно дѣйствительно принадлежать то положеніе,—какъ въ той области, въ которую мы хотимъ вступить теперь, такъ и во многихъ другихъ областяхъ нашей науки,—которое привыкли ему отводить безъ достаточной критики. Въ самомъ дѣлѣ, въ немъ, какъ въ фокусѣ, сходятся всѣ лучи предшествовавшихъ изслѣдований и отъ него же, въ свою очередь, расходятся вновь, такъ какъ всѣ позднѣйшія изслѣдованія въ томъ или иномъ отношеніи исходятъ отъ изысканія великаго шотландца. Конечно, совер-

шенно другой вопросъ, можно-ли считать удачнымъ принятый Смитомъ методъ изслѣдованія организаціи труда. Скорѣе, кажется, нѣтъ. Прежде всего, слѣдуетъ указать на запутанность проблемъ, рассматриваемыхъ совмѣстно въ тѣхъ знаменитыхъ главахъ, а затѣмъ—и это важнѣе всего—на неудачную группировку различныхъ вопросовъ вокругъ понятія «раздѣленіе труда». Эти недостатки стали роковыми для многихъ позднѣйшихъ изслѣдований. Здѣсь сказалась еще разъ истинность изрѣченія: *Citius emergit veritas ex ergo, quam ex confusione.*

Если мы проанализируемъ содержаніе трехъ главъ Смита о «раздѣленіи труда»,—къ чemu, къ удивленію, насколько я знаю, до сихъ поръ не дѣлалось попытокъ,—то тотчасъ же натолкнемся на рядъ мыслей, имѣющихъ своимъ предметомъ опредѣленный *принципъ создающаго блага труда* (*Prinzip des Gütererzeugenden Arbeiten*), опредѣленный *способъ производства* (*Verfahrensweise*) и соотвѣтствующую этому *степень техническихъ знаний* (*Können*). Я говорю про разсужденія о раздѣленіи труда, или, какъ теперь выражаются, разложеніи труда (*Arbeitszerlegung*) въ тѣсномъ смыслѣ. Здѣсь рѣчь идетъ объ опредѣленномъ способѣ приспособленія человѣкомъ для своего употребленія предметовъ вицѣния го міра. Сущность этого способа заключается въ томъ, чтобы весь процессъ производства разло-

жить на множество отдельныхъ частичныхъ процессовъ и обособленныя, такимъ образомъ, отдельная операціи выполнять при помощи искусно специализированныхъ инструментовъ и соответственно развитой ловкости рукъ. Противоположностью этой техникѣ, основанной на далеко идущемъ разложении труда, была бы сложная рабочая дѣятельность безъ инструментовъ или съ совершенно грубыми, еще не дифференцированными инструментами, или же, техника, при которой въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ примѣнялась бы работа вмѣсто ручного труда. Затѣмъ, Адамъ Смитъ, какъ известно, говорить съ большою обстоятельностью о благодѣтельномъ вліяніи этихъ техническихъ пріемовъ на рабочихъ, на производительность труда и т. д.

Къ этимъ разсужденіямъ примыкаютъ, какъ мнѣ кажется, два существенно различныхъ направленія въ литературѣ нашего столѣтія. Прежде всего, одно отличающееся крайнимъ обиліемъ произведеній. Это, именно, направленіе, поставившее себѣ задачей изслѣдованіе *вопроса о машинахъ*. Если Смитъ занимался изслѣдованіемъ способовъ, которые господствовали въ послѣдніе годы передъ введеніемъ паровыхъ машинъ, то весьма естественно, что въ послѣдующее время стали, такимъ же образомъ, интересоваться вопросомъ о машинѣ и ея вліяніи.

При этомъ, понятно, было опубликовано нѣ сколько цѣнныхъ работъ. Въ особенности болѣе старая англійская литература по вопросу о машинахъ¹⁾ является весьма богатой различного рода плодотворными изслѣдованіями, касающимися, напр., вопросовъ объ образованіи (*Gestaltung*) рынка труда вслѣдствіе перехода къ машинной техникѣ, о положеніи рабочихъ, занятыхъ при машинахъ, о повышенной производительности машиннаго способа производства. Въ общемъ, однако, эту попытку сгруппировать самыя разнообразныя проблемы вокругъ одного техническаго

1) Лучшее по этому вопросу можно найти въ системахъ и учебникахъ; „лучшее“ — потому, что здѣсь вопросъ о вліяніи машинъ включенъ въ рамки общаго изложенія, что гарантируетъ отъ слишкомъ ошибочнаго осѣщенія. Укажемъ, напр., относящіяся сюда главы у *Рикардо*, *Макъ Куллоха*, *Джемса Стюарта Милля*, *Джона Стюарта Милля*, *Торренса*, *Сеніора* и другихъ. Изъ болѣе ранней специальной англійской литературы выдѣляется: *Chas. Knight, Working men's companion. The results of machinery, namely cheap production and encreased employment exhibited etc.* London. 1831, изд. 1839; обратившая на себя большое вниманіе книжка, названная *Chalmers'омъ*, въ его *Pol. Econ.* 475 „an admirable little treatise“ (ср. также *Stamhammer, Bibliographie der Socialpol.*, см. *Машинъ*). О работахъ *Бэббеджа*, *Юра* и прочихъ, которыхъ также можно причислить къ литературѣ о машинахъ, будетъ сказано ниже. Изъ прежней французской литературы укажу неотмѣченныя у Штамгаммера: *Mad. E. Celnard, Des machines, de leur influence sur la prosperit  de la nation et le bien- tre des ouvriers. Turek, Dialogue entre plusieurs ouvriers sur les avantages des machines. B renger, De l'influence des m caniques sur le prix des salaires et le bien- tre du peuple.* Paris. 1830.

принципа производства — «машины» слѣдуетъ признать неудавшейся. Слѣдя по этому пути большинство писателей прошли мимо основной проблемы соціального порядка и вступили на шаткую почву, о чёмъ, впрочемъ, здѣсь не мѣсто ближе распространяться¹⁾.

Особымъ путемъ—который, однако, по нашему мнѣнію ведеть къ гораздо болѣе широкой точкѣ зреянія—пошли тѣ писатели, которые лишь постольку касаются выдвинутаго Адамомъ Смитомъ на первый планъ принципа раздѣленія труда, поскольку они занимаются принципіальнымъ

215912

¹⁾ Послѣ того, что англичане и французы въ первой половинѣ нашего вѣка написали о „машинахъ и ихъ влїннї“ позднѣйшимъ писателямъ оставалось только, или повторять ихъ слова, или дѣлать общую сводку ихъ разсужденій. Извѣстныя намъ работы о машинахъ: статья *Rosera* (1855) и книга *Pasqui* ничего не даютъ новаго; послѣдующія-же, понятно, еще меныше. Несмотря на это и въ новѣйшее время цѣлый рядъ авторовъ, съ затратой не малаго количества труда и остроумія, дѣлали машину центральнымъ пунктомъ своихъ изслѣдований. Наиболѣе обстоятельными трудами въ этомъ родѣ являются: *J. S. Nicholson*, *On the effects of machinery on wages*, 2 ed. London, 1892, сочиненіе весьма выигрывающее въ своей цѣнности, благодаря ограниченію разрѣшаемой имъ задачи вопросомъ о заработанной платѣ. *A. Graziani*, *Studi sulla teoria economica delle machine*. Torino, 1891. Постѣдній авторъ самъ считаетъ задачей своего труда: „raccogliere i frammenti ad unita“ (стр. 7). Никакихъ новыхъ выводовъ не даютъ и постѣднія монографіи по данному предмету: *A. Körner*, *Die industrielle Machine in der Volkswirtschaft* (Zeitschr. für Volkswirtsch. Socialpol. u. Verwaltung IV Bd. 1895; стр. 395 — 458) и *A. Graziadei*, *Il lavoro umano e la machine* (Giornale degli economisti. Aprile 1899).

изслѣдованиемъ способовъ приложенія человѣческаго труда вообще. Они работаютъ надъ тѣмъ, что можно было бы назвать *ученіемъ о принципахъ экономической техники* (*Prinzipienlehre der ökonomischen Technik*); т. е., они изслѣдуютъ исторически данные виды техническихъ приемовъ съ точки зренія затраты труда и результатовъ такой затраты. Особенное содѣйствіе этой отрасли соціальной науки до сихъ поръ было оказано учеными другихъ областей знанія: технологами, историками культуры, этнологами и гносеологами¹⁾.

Но и соціально-научная точка зренія въ дѣлѣ разрѣшенія затронутой проблемы нашла себѣ, по крайней мѣрѣ одного представителя, въ лицѣ Эммануэля Германа, который, быть можетъ,—самъ

¹⁾ Здѣсь слѣдуетъ указать на цѣлый рядъ превосходныхъ книгъ, авторы которыхъ всѣ нѣмцы, и которая принадлежать къ числу лучшихъ украшений нашей національной литературы. Изъ технологическихъ произведеній почетное мѣсто заслуживаетъ *standard work F. Reuleux, Theoretische Kinematik. Grundzüge einer Theorie des Maschinenwesens.* Braunschweig, 1875. Изъ культурно-исторической и этнологической литературы слѣдуетъ упомянуть: лекціи *L. Geiger'a, Zur Entwicklungsgeschichte der Menschheit.* Stuttgart, 1878; затѣмъ выдающаяся работа *L. Noiré, Das Werkzeug,* 1880, имѣющая значение главнымъ образомъ, въ гносеологическомъ отношеніи. Большое значеніе могла бы имѣть также книга *Ernst'a Kapp'a, Philosophie der Technik.* Braunschweig, 1877, если бы этимъ авторомъ не овладѣла несчастная, вполнѣ мистическая идея о „проекціи органовъ“ (*Organprojektion*), — около которой группируется все его изложеніе, см. стр. 26, 27, 140

не вполнѣ сознавая своихъ специфическихъ способностей въ этомъ отношеніи,—принадлежить къ самымъ глубокимъ работникамъ въ нашей наукѣ, и заслуги котораго далеко не оцѣнены по достоинству. Я ему столь многимъ обязанъ, что считаю здѣсь нужнымъ заявить, какъ высоко я цѣню его труды ¹⁾.

Однако, въ разсужденіяхъ Адама Смита заключается еще нечто совершенно иное, нежели разсмотрѣніе вопроса объ опредѣленномъ методѣ труда. При выясненіи этого метода—разложенія труда—на примѣрѣ мануфактурнаго производства булавокъ, онъ одновременно указываетъ и на

и сл.,—и это какъ разъ въ то самое десятилѣтіе, когда страшный призракъ „бессознательнаго“, къ ужасу человѣчества, средь бѣла дnia совершаѣтъ свое шествіе. Какъ живучая эта безумная идея о „прозкцї органовъ“, отъ которой не совсѣмъ были свободны даже такіе люди, какъ Нуаре, и вліянію которой могутъ подпасть сами „просвѣщенные“ „матеріалисты“, показываетъ *L. Woltmann*, который въ своемъ сочиненіи „Die Darwinsche Theorie und Socialismus“ (Düsseldorf, 1899) еще до сихъ поръ идетъ по стѣдамъ *Э. Каппа*. Ср. „Органическія основы техники“, стр. 248, и сл. и „Техническія условія логическаго сознанія“, стр. 249, основывающіеся непосредственno на „плодотворной теорії Каппа о прозкцї органовъ“ (стр. 266). По той же причинѣ является ничего не стоящей и часто цитировавшейся книга *M. Weinhold'a. Geschichte der Arbeit*, I. B. (единственный), Dresden, 1869.

¹⁾ Здѣсь имѣются въ виду почти всѣ труды Эм. Германна, въ особенности же: 1) *Miniaturbilder aus dem Gebiete der Wirtschaft*. Halle a. (S 1872. Нов. изд. 1877; 2) *Prinzipien der Wirtschaft*. Wien 1873.; 3) *Kultur und Natur*. Berlin 1877; 4) *Sein und Werden im Raum und Zeit*. Berlin 1889.; 5) *Technische Fragen und Probleme der Modernen Volkswirtschaft*, Leipzig 1891.

определенныя формы, въ какихъ производитель стремится использовать и примѣнить этотъ знаменитый методъ; указываетъ онъ и на организаціи, созданныя людьми въ крупныхъ производствахъ его времени—на вызывавшія иногда столько удивленія мануфактуры. Другими словами, онъ затрагиваетъ при этомъ *проблему системы (промышленного) производства*, которой суждено стать теперь предметомъ особой научной разработки.

Толчекъ, данный Смитомъ, привелъ къ весьма плодотворнымъ результатамъ, прежде всего, въ совершенно другой области, нежели национальная экономія. Нѣкоторые теоретики этой науки, полагавшіе, что они въ состояніи будутъ далѣе развить учение о раздѣленіи труда противоставивъ этому понятію еще болѣе неудачное понятіе соединенія труда (*Arbeitsvereinigung*), глубоко ошиблись. Уэйбильдъ въ его извѣстномъ изданіи сочиненій Смита¹⁾), высказалъ кое-какіе важные и правильные взгляды (понятію о сотрудничествѣ, въ той формѣ, въ которой позднѣе оно было развито Марксомъ, онъ впервые придалъ подобающее значение); но, примѣненіе имъ совершенно неопределенного понятія «соеди-

¹⁾ 4 тома, London 1840. Подобнымъ же образомъ и *Poulett Scrope* въ своихъ *Principles of economy* пытался еще раньше развить учение Смита съ помощью новаго понятія: „combination“ (сочетаніе).

ненія труда», около котораго группируются всѣ его разсужденія, завѣло его въ непроходимыя дебри. Выясненіе и развитіе правильныхъ взглядовъ на новыя,—и, особенно, на вновь созданныя новой техникой,—формы производства въ промышленности, скорѣе всего должно было стать дѣломъ тѣхъ, которыхъ побуждали къ тому собственные практическіе интересы. Такъ, контрастъ между концентрированнымъ крупнымъ производствомъ и домашней работой въ одиночку привлекъ къ себѣ вниманіе прежде всего, именно, соціальныхъ гигіенистовъ, и явилось стремленіе выяснить санитарные недостатки крупныхъ фабрикъ, противопоставляя имъ въ то же время идиллическое домашнее производство; чѣмъ были положены первыя основанія для систематики промышленнаго производства. Однимъ изъ первыхъ и, во всякомъ случаѣ, самыхъ извѣстныхъ произведеній, пролившихъ новый свѣтъ на этотъ вопросъ, была книга врача Р. Gaskell'я, появившаяся впервые въ 1830 году ¹⁾ и положившая

¹⁾ P. Gaskell. The manufacturing population of England, its moral, social and physical conditions and *changes which have arisen from the use of Steam Machinery* и. т. д. Lond. 1833. Новое издание носитъ заглавіе: Artisans and machinery: the moral and physical condition of the manufakturning population considered with reference to mechanical substitutes for human labour. London, 1836. Однимъ изъ главныхъ обстоятельствъ, вызвавшихъ появление этой книги, былъ совершившійся въ то время переходъ отъ ручного ткачества къ машинному. Ср., для примѣра, 2-ое изда-

начало обширной описательно-нравоучительной литературѣ 1830 и 40-хъ годовъ во Франціи и Германи. Насколько работа Гаскеля имѣла значеніе для ученія о системахъ промышленного производства, видно уже изъ названій двухъ первыхъ главъ ея: гл. I «Domestic Manufacture», гл. II «Factory System». Но, прежде всего, пробудить интересъ въ широкихъ кругахъ должно было преобразованіе, вызванное въ самомъ крупномъ производствѣ введеніемъ машинъ, приводимыхъ въ движение паромъ. Нападки на развивающуюся фабричную промышленность, все сильнѣе и сильнѣе поднимавшіяся въ Англіи въ первой трети XIX столѣтія, вызвали цѣлый рядъ сочиненій, имѣющихъ цѣлью защиту этого новаго порядка (*Ordnung*) промышленного труда, которая, благодаря произведеному ими анализу организаціи крупнаго производства, а въ особенности, благодаря анализу различія между мануфактурой и, такъ сказать, машино-фактурой (*Maschinofactur*) чрезвычайно способствовали развитію ученія о системахъ промышленного труда. Разумѣется, я имѣю въ виду здѣсь прежде всего

nie, стр. 330, 334 и сл. и *Schulze-Gaevertz*, Grossbetrieb, 71. Подъ вліяніемъ тѣхъ же обстоятельствъ и съ тѣми же цѣлями, но безъ глубины Гаскеля были написаны въ Германіи пятьдесятъ 10 спустя книжки *Tremund'a Welps'a* (nсебѣg. *Eduard'a Pelz'a*), *Ueber den Einfluss der Fabriken und Manufakturen in Schlesien*, Leipzig 1843 — 44, гдѣ на стр. 5 говорится объ „in Anklagezustand versetzten Fabrikeneinfluss“.

Беббеджа¹⁾ и Юра²⁾, этого «Пиндара новейшей фабрики», какъ назвалъ его Марксъ. Въ трудахъ того и другого ученіе о раздѣлении труда, равно какъ и о машинѣ и ея вліяніи играетъ очень большую роль. Шагъ впередъ, по сравненію съ Адамомъ Смитомъ и теоретиками машиннаго способа производства sans phrase заключается здѣсь въ томъ, что оба эти технические способы разсматриваются съ плодотворной точки зрѣнія развитія ими производительныхъ силъ (*betriebsbildende Kraft*). Исходнымъ пунктомъ для обоихъ авторовъ служить строй (*Ordnung*) промышленнаго труда сложившійся въ современномъ крупномъ производствѣ, и названные техническіе способы съ ихъ различнымъ дѣйствиемъ анализируются лишь въ рамкахъ этого строя.

Непосредственно къ Беббеджу и Юру примыкаетъ четвертый отдѣлъ «Капитала» *Карла Маркса*. Марксъ, въ качествѣ теоретика системъ промышленнаго производства, является завершителемъ того, что было начато Юромъ, и дальше Маркса никто не пошелъ въ этой отрасли нашей науки, какъ это видно будетъ изъ послѣдующаго изложенія.

¹⁾ *Charles Babbage*, On the Economy of machinery and manufactures. London 1832.

²⁾ *Andrew Ure*, The Philosophy of Manufactures or an exposition of the scientific, moral and commercial economy of Great Britain, London, 1835.

Однако, какъ всякому извѣстно, Карлъ Марксъ вовсе не ставилъ своею основною задачей спо-спѣществованіе развитію ученія о системахъ промышленного труда. Напротивъ, тамъ, гдѣ онъ говоритъ о новѣйшей промышленности и ея организаціи, мы, скорѣе, встрѣчаемся съ соверше-но другой основной мыслью, доминирующей во всѣхъ его разсужденіяхъ: а именно, что всѣ различныя формы производства—домашнее производство, мануфактура, фабрика—принадлежать каждая совершенно опредѣленному, исторически преходящему строю всей хозяйственной жизни, и, что каждая изъ нихъ вступаетъ въ противорѣчіе съ формами организаціи труда, свойственными другой ступени экономического развитія. Это была мысль, которая до того не приходила въ голову еще ни одному изъ названныхъ выше теоретиковъ системъ производства. Они принимали, какъ само собою разумѣющееся, что современный мѣновой строй есть всеобщій строй хозяйственной жизни и занимались изслѣдованиемъ только различныхъ формъ организаціи промышленного производства въ рамкахъ этого самаго собой разумѣющагося «естественнаго» хозяйственного строя. Съ совершенно противоположной критической точки зрѣнія Маркса необходимо изслѣдовать не только различную организацію производства, но и выяснить различія въ строѣ производства при различныхъ

системахъ хозяйства, вообще. Кроме мѣновыхъ отношеній между отдѣльными членами общества существуютъ еще и другіе виды отношеній, могущіе служить предметомъ анализа. Благодаря такой постановкѣ вопроса, были развиты дальне тѣ взгляды, которые были высказаны въ названныхъ главахъ Адамомъ Смитомъ, конечно, не предчувствовавшимъ такой ихъ судьбы. На ряду съ анализомъ опредѣленныхъ пріемовъ техники производства и описаніемъ современнааго ему мануфактурнаго производства, онъ все время имѣеть въ виду покоящуюся на хозяйственно-мѣновыхъ отношеніяхъ связь между отдѣльными производителями работающими по системѣ раздѣленія труда и объединенными по отдѣльнымъ специальнымъ профессіямъ, т. е., другими словами, онъ имѣеть въ виду совершенно опредѣленную форму хозяйственнааго строя, которая, прежде всего, не имѣеть ничего общаго съ обѣими другими вещами, о которыхъ онъ такъ же хорошо умѣлъ говорить. Мы можемъ также найти у Адама Смита въ зародыши и учение о *формахъ хозяйства, ступеняхъ хозяйственнааго развитія и системахъ хозяйства*¹⁾ и тѣмъ свести къ великому шотландцу и эту отрасль нашего

¹⁾ Болѣе точное разграничение понятій: *формы промышленного производства и формы хозяйства* будетъ дано въ по слѣдующихъ статьяхъ.

ученія объ организаціи труда. Сдѣлать это не трудно¹⁾.

И какъ же иначе? Неужели то ученіе объ исторически различныхъ системахъ хозяйства, которое мы находимъ у Маркса въ его произведенияхъ 1840-хъ годовъ и, затѣмъ, въ «Капиталѣ», вышло изъ его головы вполнѣ готовымъ, словно Аѳина Паллада изъ головы Зевеса? Никоимъ образомъ. Напротивъ того, цѣлый рядъ авторовъ до него занимались — и иногда весьма удачно — разрѣшеніемъ той же проблемы.

Кто привыкъ находить во всѣхъ научныхъ открытіяхъ подкладку интереса (*Bodensatz von Interesse*) тотъ заранѣе будетъ склоненъ искать

¹⁾ Для полноты слѣдуетъ упомянуть, что при ближайшемъ разсмотрѣніи понятія „раздѣленіе труда“ — понимаемаго въ смыслѣ дифференцированія профессій — возможенъ еще рядъ идей, ведущихъ насъ, чрезъ область организаціи труда, къ общему ученію объ обществѣ. Это то научное направление, которое, главнымъ образомъ, господствуетъ теперь въ такъ наз. *соціологіи* и сущность котораго состоить въ томъ, что, оно надѣется изъ принципа раздѣленія труда въ определенномъ выше смыслѣ, — другими словами, *принципа дифференцированія* въ смыслѣ близкомъ къ биологической точкѣ зрѣнія, — вывести принципъ развитія человѣческаго общества. Здѣсь я не буду входить въ ближайшее разсмотрѣніе этого ошибочнаго, по моему, направления. Въ моемъ труде по теоріи соціального развитія, въ первый томъ котораго, близкій къ окончанію, настоящія статьи войдутъ въ качествѣ вступительной главы, я покажу, что совершенно напрасный трудъ пытаться выставить единый принципъ развитія для человѣческаго общества, не принимая во вниманіе историческихъ данныхъ различныхъ формъ хозяйственнаго строя. Въ самомъ дѣлѣ, если мы хотимъ

зародыши ученія объ исторической обусловленности господствующей капиталистической системы хозяйства, а затѣмъ, и объ особенностяхъ различныхъ формъ хозяйственного строя у тѣхъ мыслителей, интересы или міросозерцаніе которыхъ дѣлали ихъ противниками новѣйшаго хозяйственного строя; т. е. у соціалистовъ и у ревакціонеровъ.

Дѣйствительно, если оставить въ сторонѣ совершенно безсознательное и весьма далекое отъ научности противопоставленіе мѣстнаго (городскаго) промышленного строя мѣновому хозяйству въ широкомъ смыслѣ,—какъ это довольно часто

дать формулу, приложимую ко всѣмъ различнымъ ступенямъ развитія хозяйства, то никогда не выйдемъ изъ общихъ мѣсть; если же этого желательно избѣжать, и точиѣ выражить „законъ“, то, волей-неволей, придется насиовать исторические факты, игнорируя ихъ разнообразіе. Изъ литературы по этому вопросу можно назвать: *Spenser, Sociology. Vol. III, G. Simmel, Ueber soziale Differenzierung. Leipzig, 1889. Em. Durkheim. De la division du travail social, Paris 1893* и др.

Какъ, съ другой стороны, и современная біологія пользуется взятымъ изъ соціальной жизни понятіемъ „раздѣленія труда“, показываетъ маленькая книжка. *E. Haeckel's Ueber Arbeitsteilung im Natur-und Menschenleben. Berlin, 1869.* Онъ изслѣдуетъ тамъ именно тѣ формы раздѣленія труда, которые естествоиспытатели называютъ обособленіемъ или дифференціаціей, спецификаціей или специализацией, полиморфизмомъ индивидуумовъ и расхожденіемъ способныхъ къ обособленію элементовъ (*Divergenz des Charakters*). Удивительно, съ какой ловкостью умѣеть Геккель вывести все изъ понятія „раздѣленіе труда“, отливающаго у него тысячью цвѣтовъ!

встрѣчается въ произведеніяхъ нашихъ нѣмецко-австрійскихъ камералистовъ¹⁾,—то окажется, что въ нашемъ вѣкѣ великие «утописты» первые, тяготясь цѣнями желѣзной естественной неизмѣнности господствующей системы хозяйства, мечтая разорвать ихъ, стали обращать свой умственный взоръ къ построеннымъ на иныхъ основаніяхъ формамъ хозяйства въ прошломъ или—конечно, чаще—въ будущемъ. Стоитъ вспомнить только смѣлія историко-экономической построенія *Симона и Фурье* и менѣе извѣстныя, но весьма поучительныя разсужденія *Томпсона* о Systems of labor (системахъ труда)²⁾.

Но всѣ построенія этихъ великихъ мечтателей и въ данномъ пунктѣ должны быть признаны довольно легкомысленными и не прочными. Мы-

¹⁾ Противорѣчіе системъ хозяйства есть единственное, что занимаетъ, напр., Юсти и Зонненфельса; между тѣмъ какъ, интересъ къ систематицѣ производства послѣ извѣстной попытки въ 17 в. сдѣлать употребленіе огня признакомъ отличія фабрики отъ мануфактуры, скоро совершенно исчезаетъ. Мануфактура, фабрика, производство на скучника (*Verleger*)—всѣ эти выраженія употребляются для обозначенія капиталистической мѣновой формы промышленной организаціи въ противоположность прежней ремесленной. Ср. для примѣра, *Justi, Von den Manufakturen und Fabriken*, 2 т. 1758—61 гг. „всѣ старые виды и способы обработки называются ремеслами, а новые только что вводимые обозначаются именемъ фабрикъ и мануфактуръ (I,3). Въ одномъ мѣстѣ онъ даже говоритъ о мануфактуристахъ и фабрикантахъ, какъ—*horribile dictu*—о

слителямъ пристальнымъ взоромъ глядящимъ въ лучшее будущее,—не исключая и С-нъ Симона,—не достаетъ прочного фундамента историческихъ свѣдѣній, безъ которыхъ и нельзя было ближе подойти къ разрѣшенію проблемы о классификаціи системъ хозяйства. Поэтому вовсе не случайность, что въ качествѣ первого серьезнаго теоретика въ этой области мы встрѣчаемъ историка *Сисмонди*, который, также критически относясь къ развивающемуся капиталистическому строю, столько же разсчитывалъ на возрожденіе до-капиталистическихъ формъ хозяйства, какъ и на ведущую къ дальнѣйшему развитію реформу; почему онъ съ живымъ интересомъ относился къ до-капиталистическимъ формамъ—а именно къ ремеслу. «Trois systèmes se sont succédés pour le travail des pauvres avant celui où nous entrons aujour d'hi»—этой мыслью было положено основаніе ученію о системахъ хозяйства, которое

„екуициахъ!“ (I, 115). Ср. также, II, 84, 92, 228. Также гласить опредѣленіе въ его „Staatswirtschaft“ I (1758), 290. „мануфактурами и фабриками называютъ у насъ обыкновенно тѣ улучшенные виды и способы производства, которые введены у насъ лишь въ послѣднее время и не включены ни въ гильдіи, ни въ цехи“. Равнымъ образомъ, ср. Sonnenfels, Grundsätze. II § 108.

²⁾ W. Thompson. An inquiry into the principles of the distribution of Wealth. 1824 стр. XVIII, 336 и passim.

самъ же Сисмонди блестяще (въ нѣкоторыхъ отношенияхъ) развилъ ¹⁾.

Затѣмъ, подъ вліяніемъ, въ значительной степени, Сисмонди и въ Германіи нѣкоторые консервативные и «этические» экономисты стали работать далѣе надъ систематикой ступеней хозяйственного развитія и соотвѣтствующихъ имъ формъ организаціи промышленного труда. Прежде всего, назовемъ *Лаверн-Пегилена* ²⁾ и, въ особенности, *Шюца*, къ которому поразительно немилостиво отнеслась официальная исторіографія ³⁾.

¹⁾ Cp. *Sismondi*, Nouveaux principes, 2 ed 1827. Vol. II, p. 434, а главнымъ образомъ XIII и XIV этюды во 2-мъ томѣ его „Etudes sur l'Économie politique“ (Paris 1838); напр. на стр. 243 мастерской очеркъ основныхъ чертъ ремесленной организаціи.

²⁾ *Larergne-Peguilhen*, „Bewegungs und Produktionsgesetze“, (1838), § 25—49, гдѣ онъ различаетъ 3 „формы хозяйствъ“: принудительную, товарищескую (*Anteilsform*) и денежную.

³⁾ *Шюцъ* принадлежитъ къ числу тѣхъ авторовъ, у которыхъ именно также изъ ученія о формахъ ремесленной организації, самымъ беззастѣничнымъ образомъ списываютъ и которыхъ несмотря на это—или поэтому именно—рѣже всего цитируютъ. Впрочемъ, кажется, у многихъ нашихъ прославленныхъ ученыхъ замалчиваніе своихъ предшественниковъ, мысли которыхъ имъ также „приходить въ голову“ (*nachempfinden*), сдѣлалось основнымъ правиломъ производства научныхъ трудовъ. Способъ, которымъ просто списывали, напр., у Маркса — какъ разъ въ указанныхъ выше главахъ — и затѣмъ игнорировали его, заслуживаешь названія, по меньшей мѣрѣ, безсовѣтнаго.

Въ отдѣлѣ своихъ «Grundsätze der Nationalökonomie» (1843), озаглавленномъ «Формы производства (Betriebsformen) техническихъ промысловъ» (§ 104 и сл.) Шюцъ различаетъ:

- 1) Крестьянскую домашнюю промышленность—техническую дѣятельность, въ качествѣ «побочнаго занятія сельскаго населенія»;
- 2) самостоятельное промышленное производство въ расширенныхъ хозяйствахъ, производящихъ для собственнаго потребленія (Eigenwirtschaften), какъ «это имѣло мѣсто въ средніе вѣка въ доменахъ князя, дворянства, монастырей»;
- 3) «ремесленное производство»; «всеобщее распространеніе этой формы производства составляетъ у каждого народа эпоху въ развитіи общественной жизни (стр. 192)»;
- 4) капиталистическое предпріятіе, котораго онъ хотя прямо и не называетъ по имени, но вполнѣ точно характеризуетъ по существу.

На основаніи этой классификаціи Шюцъ, наряду съ Сисмонди, является непосредственнымъ предшественникомъ Маркса.

Послѣ Шюца и Маркса въ Германіи (прочія страны не идутъ въ счетъ) дальнѣйшему развитію теоріи о системахъ хозяйства содѣйствовало прежде всего расширение свѣдѣній о до-капиталистическихъ способахъ хозяйства. Периодъ расширенного хозяйства, производящаго для соб-

ственного потребления (Eigenwirtschaft), «ойкоснаго хозяйства» нашелъ своего гениальнаго историка и теоретика въ *Родбертусъ*; періодъ ремесленной организаціи въ городскомъ хозяйствѣ сталъ излюбленнымъ предметомъ изслѣдованія для наиболѣе выдающихся представителей исторической школы національной экономіи. Извѣстныя работы *Шенберга, Штиды, Шталя, Шмиллера и Бюхера* пролили много свѣта на ремесленную организацію эпохи городского хозяйства, такъ что та эпоха кажется намъ, чутъ-ли, не болѣе близкой, чѣмъ послѣднее десятилѣтіе истекающаго вѣка.

II.

Основные черты учения о принципахъ экономической техники.

Если мы захотимъ выяснить особенности и принципиальное значение для хозяйственной жизни всего того, что люди придумали для приспособления предметовъ виѣшняго міра къ удовлетвореню своихъ потребностей, то мы поступимъ лучше всего, если разгруппируемъ различные способы (*Verfarhungsweise*) производства по степени ихъ пригодности къ расширению материальной власти человѣка надъ природой. При такой постановкѣ вопроса длинный рядъ этихъ способовъ, примѣнявшихся людьми въ теченіе всего необозримаго чередованія поколѣній, представится намъ непрерывнымъ ходомъ развитія, совершающагося по прямой линіи, ведущаго къ высшимъ формамъ существованія, къ увеличенію могущества человѣка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ расширению его свободы, путемъ все большаго подчиненія силъ природы, мѣшающихъ свободному развитію всѣхъ сторонъ нашего существа.

Было бы прекрасною задачей (до сихъ поръ по какому то странному случаю еще никъмъ не взятою на себя во всемъ ея объемѣ) прослѣдить за человѣчествомъ на всемъ этомъ пути его развитія но это значило-бы написать научную исторію культуры, для которой у насъ пока еще слишкомъ мало материаловъ; здѣсь же достаточно будетъ намѣтить въ нѣкоторыхъ чертахъ эту эволюцію техническихъ знаній человѣчества и сдѣлать нѣсколько принципіальныхъ замѣчаній о разнообразныхъ способахъ промышленного производства въ ихъ отношеніи къ возрастающей производительности человѣческаго труда.

Человѣческая способность къ производству развивается одновременно въ двухъ направленихъ: съ одной стороны, увеличиваются *знанія о свойствахъ окружающей насъ природы*, съ которой мы необходимо должны входить въ соприкосновеніе при достижениіи нашихъ цѣлей; съ другой, расширяется *степень собственного умнѣя* преобразовывать предметы внѣшней природы соотвѣтственно нашимъ желаніямъ: наша *рабочоспособность* подымается все на болѣе и болѣе высокую степень совершенства, какъ въ отношеніи количественной продуктивности, такъ и въ отношеніи качественной приспособляемости. Та и другая сторона необходимо дополняютъ другъ друга и, разсматриваемая совмѣстно, даютъ полную картину той степени технической про-

изводительности, которой достигло человечество.

У Людвіга Нуаре, въ введеніі къ своей книгѣ „Орудіе“ (стр. IX) мы находимъ слѣдующія слова: „если художникъ будущаго пожелаетъ создать изъ мрамора или бронзы фигуру перваго человѣка, то въ качествѣ единственного аттрибута онъ дастъ ему въ руку топоръ“. Я не берусь рѣшать, былъ ли первымъ орудіемъ человѣка топоръ или молотокъ,—оба спорятъ изъ-за первенства, такъ какъ оба впервые дали человѣку возможность воспользоваться силой размаха руки,—но одно мнѣ кажется вполнѣ вѣрнымъ: художникъ, появленіе котораго предвидѣть Нуаре, создалъ бы не совершенное произведеніе, если бы соединилъ съ „первымъ человѣкомъ“ только такой аттрибутъ человѣческаго умнія (K nnens)—молотокъ или топоръ. Я полагаю, что, если правая рука такой статуи будетъ опираться на первое орудіе сравнительно высокой техники, то лѣвая должна бы торжествующе подымать огонь, какъ символъ другой не менѣе важной стороны человѣческаго совершенствованія—увеличенія знанія о явленіяхъ природы.

Однимъ изъ такихъ знаній, позволяющихъ, путемъ искуснаго пользованія силами внѣшней природы, расширять рамки нашего матеріальнаго существованія было, по всей вѣроятности, знакомство съ употребленіемъ огня, кото-

рое, — какъ это понимали уже творцы миѳа о Прометеѣ, — имѣло рѣшающее значеніе для всего человѣчества. Если мы примкнемъ къ гипотезѣ *Людвига Гейгера*, по которой огонь былъ открытъ при совершеніи обрядовъ религіознаго культа¹⁾, то окажется, что искусство добыванія огня было распространено среди людей задолго до того, какъ въ ихъ мозгу блеснула мысль употреблять эту божественную искру для своихъ обыденныхъ потребностей.

На три объекта должно быть обращено вниманіе человѣка, чтобы онъ могъ подслушать у природы ея тайны и сдѣлать ее изъ неприступной противницы услугливой и готовой на всякия жертвы союзницей: на вещества, встрѣчающіяся въ природѣ и на ихъ свойства служить человѣческимъ потребностямъ, на силы, скрытые въ природѣ, которыя можно заставить служить намъ и, наконецъ, на самые процессы созиданія и разрушенія, происходящіе въ природѣ, которыми мы можемъ пользоваться, или, сами вызывая ихъ къ жизни въ нужное для насъ время и въ нужномъ мѣстѣ, или заставляя ихъ служить себѣ въ томъ мѣстѣ и въ то время, гдѣ и когда мы находимъ ихъ уже проявляющимися.

¹⁾ *L. Geiger*, Die Entdeckung des Feuers (Zur Entwicklungsgeschichte der Menschheit, 1878, стр. 86 и сл.).

Съ каждымъ днемъ увеличивается еще и теперь число веществъ, которыя оказываются пригодными для удовлетворенія нашихъ потребностей въ пищѣ, одеждѣ, во вспомогательныхъ материалахъ и пр. Начиная съ желѣза, угля и вплоть до новѣйшихъ красящихъ веществъ и пищевыхъ суррогатовъ тянется необозримый рядъ вновь открытыхъ и сдѣлавшихся полезными для насъ составныхъ частей виѣшией природы. Увеличивается постоянно также и число силъ въ природѣ, которыя мы заставляемъ служить намъ: къ вѣтру, водѣ и пару прибавилось въ наше время электричество¹). Явленіями, происходящими въ самой природѣ мы стали пользоваться для нашихъ цѣлей уже съ тѣхъ поръ, какъ научились варить и плавить на огнѣ, какъ научились мыть и красить,—и не перестаемъ дѣлать это вплоть до настоящаго времени съ его поразительными химическими способами производства, которыми умѣеть такъ искусно пользоваться въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ наша промышленность.

Можно установить также слѣдующее положеніе: власть человѣка надъ силами и процессами въ природѣ будетъ становиться все болѣе прочной.

¹⁾ О быстро расширяющейся области примѣненія электричества въ современной технике см. F. Uppenborn, Der gegenwrtige Stand der Elektrotechnik. Berlin 1892, стр. 18 и сл.

Вначалѣ намъ приходилось довольствоваться услугами только тѣхъ явлений природы, которые происходятъ безъ нашего содѣйствія: плыть при помощи вѣтра, когда онъ поднимался, представлять рѣкѣ вертвѣть колеса нашихъ мельницъ въ соотвѣтствіи съ силой ея теченія. Позднѣе мы научаемся направлять естественные явленія, вліять на нихъ такимъ образомъ, чтобы они дѣйствовали быстрѣе или медленнѣе, сильнѣе или слабѣе. Наконецъ, мы сами въ состояніи вызвать процессъ, произвести силу, которые служили бы намъ.

И все это вмѣстѣ взятое ведетъ къ тому, чтобы уменьшить нашу зависимость отъ природы и сдѣлать насъ болѣе свободными отъ случайностей и превратностей. Весьма полезно представить себѣ это *развитіе по направлению къ свободѣ* въ его отдѣльныхъ этаپахъ.

Наша зависимость, поскольку она является *зависимостью отъ мѣстныхъ условій*, уменьшается: тѣ способы пользованія силами природы, которые сдѣлались возможными лишь съ примѣненіемъ пара и электричества, являются чрезвычайно важными, прежде всего, въ томъ отношеніи, что они освобождаютъ насъ отъ зависимости отъ опредѣленного мѣста производства, какъ то теченія воды, свободной ровной поверхности, открытаго для вѣтра холма, воздушныхъ теченій на моряхъ и т. д. Лишь благодаря пару и

электричеству производственная деятельность становится въ полную независимость отъ мѣста, какъ бы, вездѣсущей. Такимъ образомъ, устраивается влияніе мѣстныхъ условій, какъ на количество такъ и на качество продуктовъ: дрова, воскъ, медъ и др. под. предметы могутъ быть получаемы всюду, смотря по обстоятельствамъ въ потребномъ количествѣ, а желѣзо, сахаръ, стеаринъ и др. могутъ производиться вездѣ одинакового качества.

Но еще большее значеніе имѣть эманципація отъ продолжительности времени, потребнаго для достиженія производительныхъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи за послѣдній періодъ достигнуты громадные успѣхи. Въ ряду самыхъ важныхъ отраслей промышленности произошло почти невѣроятное сокращеніе времени производства. Процессы изготавленія желѣза и стали, дубленія кожи требуютъ теперь едва десятую долю того времени, которое требовалось для нихъ прежде. Но техническое знаніе эмансируется не только отъ продолжительности времени производства, но въ то же время и отъ случайности въ выборѣ момента, удобнаго для производства; напримѣръ, пользованіе силой пара, введеніе искусственныхъ способовъ охлажденія, бѣленія и т. д. даютъ возможнымъ вести производство во всякое время, чѣмъ достигается непрерывность послѣдняго.

Но что болѣе всего ведетъ къ эмансирації отъ условій мѣста и времени, то это одинъ важный, процессъ, совершающійся незамѣтно и принявшій широкіе размѣры лишь въ наше время, всю важность котораго еще нельзя даже предугадать. Я подразумѣваю здѣсь то, что можно было бы назвать постепеннымъ *отказомъ отъ пользованія естественнымъ организующимъ процес-сомъ* при нашей промышленной дѣятельности. (Verricht auf Organiesierungsprozess in der Natur). Мы все болѣе и болѣе научаемся пользоваться неорганизованной матеріей¹⁾, какъ предметами потребленія, или непосредственно превращать ее въ таковые, тогда какъ прежде для производства подобныхъ предметовъ организованная матерія являлась необходимымъ посредствующимъ звеномъ. Другими словами, мы производимъ теперь все болѣе и болѣе увеличивающееся число предметовъ потребленія и удовлетворяемъ, такимъ образомъ, все возрастающую часть нашихъ потребностей, не нуждаясь при этомъ въ томъ, чтобы эти предметы прежде существовали въ

¹⁾ Эта противоположность—„организованной“ и „неорганизованной“ матеріи, могущей входить въ составъ такъ наз. органическихъ или неорганическихъ веществъ, признана уже и химиками; хотя послѣднее различие исчезаетъ, изъ современной химіи все болѣе и болѣе; но, всетаки, точной границы провести нельзя и теперь между этими двумя классами тѣль.

качествъ частей растеній или животныхъ, т.-е. чтобы они являлись въ непосредственной или посредственной формѣ продуктами почвы, что представлялось неизбѣжнымъ при прежнихъ способахъ производства. Приведемъ, хотя, важнѣйшіе относящіеся сюда примѣры. Въ какой сильной степени одно только желѣзо стало вытѣснять «организованную материю», т.-е. большую часть продуктовъ растительного царства: дерево при постройкѣ кораблей, домовъ, мостовъ, а также въ качествѣ материала для инструментовъ и утвари, ленъ и коноплю, въ качествѣ материала для выдѣлки веревокъ и канатовъ! Да и добываніе самаго желѣза,—этого одного изъ самыхъ революціонныхъ материаловъ,—начинаетъ все въ большей и большей степени обходиться безъ участія организованной матеріи, т.-е. при все уменьшающемся примѣненіи дровянаго отопленія: вмѣсто доменныхъ печей съ древеснымъ углемъ появляются коксовальныя печи, при выдѣлкѣ желѣза и стали начинаетъ все болѣе практиковаться пудлингованіе, бессемерованіе или способъ Сименсъ-Мартена, при которыхъ вообще требуется лишь каменный уголь. Въ качествѣ топлива послѣдній вытѣсняетъ торфъ, дрова и древесный уголь. Въ качествѣ освѣтительныхъ материаловъ керосинъ, газъ, электричество, вытѣсняютъ жиръ, сало, лучину, растительное масло. Прежнія растительныя и животныя красящія

вещества: пурпуръ, кашениль, марена, синильникъ, индиго, сафлоръ, серпуха вытѣсняются анилиновыми, нефталиновыми и другими красками ароматического ряда. Новѣйшая химія все болѣе научается теперь составлять также пищевые вещества изъ неорганизованной матеріи. Она стремится вызывать вкусовое ощущеніе сладости безъ помощи сахарного тростника или свекловицы; она даже приводить насъ въ состояніе опьяненія, не пользуясь вовсе перебродившими сахаристыми или крахмалистыми растиельными веществами¹⁾.

Но, кромѣ знаній, нужно еще и умѣнье; наряду съ эксплуатаціей силъ природы должно итти и примѣненіе нашихъ собственныхъ силъ. По мѣрѣ того, какъ мы проникаемъ въ тайны природы, научаемся заглядывать «въ ея глубокія нѣдра, какъ въ сердце друга», должна развиваться и наша способность воздѣйствовать на нее при помощи труда нашихъ собственныхъ рукъ, т. е. должно развиваться въ высшія формы то, что можно назвать «искусствомъ труда» (*Arbeitskunst*). Если мы прослѣдимъ за человѣчествомъ на этомъ пути его развитія и попытаемся представить себѣ отдѣльные этапные пункты этой

¹⁾ О добываніи алкоголя изъ побочного продукта коксоваго производства, этилена, см. *Chemische Industrie*, 1879 стр. 266 и 1898, стр. 27.

Via crucis, то должны будемъ обратить наше внимание прежде всего на процессъ совершенствованія методовъ *самаго труда*. Я разумѣю наше умѣніе приспособлять свои члены, и, главнымъ образомъ, руки, для обработки предметовъ при помощи всякаго рода вспомогательныхъ орудій. Нѣтъ необходимости разъяснять, что пальцы при этомъ являются лишь послушными орудіями изобрѣтательного ума.

Человѣческое искусство труда совершенствуется прежде всего благодаря *дифференцированію задачъ труда*, а съ тѣмъ вмѣстѣ и *рабочихъ операций* (*Arbeitsleistungen*). Съ прогрессомъ культуры задачи, которые ставить себѣ человѣческій трудъ, все расширяются; въ область потребленія вовлекаются все новыя и новыя матеріальные блага, и уже вслѣдствіе этого увеличивается разнообразіе исполняемыхъ нами работъ. Отъ единственной первобытной формы трудовой дѣятельности: вырыванія ямы въ землѣ¹⁾ и до современной промышленной дѣятельности, въ тысячу разъ болѣе сложной и дифференцированной, человѣческому искусству пришлось пройти огромный путь. Въ этомъ ходѣ развитія надо отличать двѣ стороны: дифференцированіе,

¹⁾ Современная филология указываетъ намъ на этотъ общий исходный пунктъ производительной дѣятельности; ср. Noiré, op. cit. paisim.

выразившееся въ увеличениі разнообразія тру-
довой дѣятельности (*Arbeitsverrichtungen*), вслѣд-
ствіе умноженія выработываемыхъ продуктовъ, и
дифференцированіе, развивавшееся, — какъ бы
изнутри, вслѣдствіе *сознательного разложения*
процесса труда на его отдельные моменты. Слѣ-
дуетъ при этомъ имѣть въ виду, что здѣсь дѣло
идетъ пока лишь объ одномъ опредѣленномъ
способѣ производства, заключающемся въ томъ,
что цѣлый комплексъ рабочихъ манипуляцій, — ска-
жемъ, пряденіе нитки — сознательно разлагаются
на отдельные составные моменты; усиѣшно дѣ-
лается «попытка изгнанія, объединяющаго начала,
и затѣмъ овладѣнія отдельными частями раз-
розненного цѣлаго» („Фаустъ“). Этотъ способъ
никоимъ образомъ не слѣдуетъ смѣшивать ни съ
спеціализаціей профессій въ обществѣ, когда
каждая изъ частичныхъ манипуляцій произво-
дится всегда однимъ лицомъ, ни съ коопера-
тивнымъ производствомъ, при которомъ отдель-
ныя части работы исполняются однимъ или нѣ-
сколькими лицами, взаимно помогающими другъ
другу въ работѣ¹⁾). Мы говоримъ о фактѣ го-
раздо болѣе простомъ, а именно о томъ про-
грессѣ въ искусствѣ труда, благодаря которому

¹⁾) ...distinct operations, which in some manufactories are all performed of distinct hands, though in others the same man will sometimes perform two or three of them (Ad. Smith).

совокупность отдельныхъ частей работы разлагается такъ, что каждая такая часть можетъ быть рассматриваема, какъ самостоятельная трудовая операций. Однимъ словомъ, совершенно по рецепту того несправедливо осмѣяннаго философа, который учитъ насъ:

„Dass, was wir sonst auf einen Schlag
Getrieben, wie Essen und Trinken frei.
Eins! Zwei! Drei! dazu nötig sei“¹⁾

Этотъ то охарактеризованный нами, — вообще, далеко не неразумный, но вызывающій много опасеній способъ труда — мы называемъ *разложениемъ труда*. При этомъ процессъ производства можетъ оставаться неизмѣннымъ, но способъ труда будетъ уже новый, такъ какъ трудовые манипуляціи, оставаясь сами по себѣ прежними, становятся теперь самостоятельными. Напримѣръ, крестьянка прядеть свой ленъ въ пряжу, никакъ не заботясь о томъ, изъ какихъ частей составляется эта производимая ею работа. Между тѣмъ, при способѣ разложенія труда пряденье нити распадается, по крайней мѣрѣ, на четыре отдельныя операциі: 1) чесанье, 2) вытягивание, 3) ссучиванье и 4) пряденье.

¹⁾ Что мы дѣлали когда-то въ одинъ приемъ, какъ ёдимъ и пьемъ, то теперь мы должны дѣлать съ разстановкой: разъ! два! три!

Основное значение этого способа заключается въ томъ, что онъ создаетъ для изобрѣтательного человѣка возможность примѣнить другіе новые приемы для лучшаго разрѣшенія поставленныхъ имъ себѣ задачъ. Разложеніе труда подготавливаетъ *спеціализацію труда*, при которой одна и та же часть работы исполняется всегда однимъ и тѣмъ же рабочимъ. Это можетъ быть изолированный рабочій или рабочій въ крупномъ производствѣ. Что спеціализація трудовыхъ операций можетъ повышать производительность труда, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ, зналъ уже Адамъ Смитъ¹⁾.

Далѣе, разложеніе труда впервые создаетъ возможность эксплуатировать трудъ несовершенный въ качественномъ и количественномъ отношеній вместо труда совершенного: благодаря разложенію общаго процесса производства на отдѣльные моменты, возникаютъ такія работы, исполнять которыхъ могутъ дѣти, женщины, старики, увѣчные и идиоты почти съ такимъ же успѣхомъ, какъ сильные и ловкіе рабочіе; возникаетъ также

¹⁾ Мы знаемъ теперь еравнительно больше и не преувеличиваемъ излишне значение спеціализаціи труда для развитія производительности. О томъ громадномъ увеличеніи результатовъ труда, котораго ожидалъ Адамъ Смитъ, не можетъ быть и рѣчи: точныя вычисленія показали, что спеціализація труда повышаетъ производительность послѣдняго лишь на $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$.

масса разнообразныхъ мелкихъ операций, такъ что самыя различные способности человѣка могутъ найти примѣненіе. Разложеніе труда придаетъ также извѣстную самостоятельность этимъ отдѣльнымъ частичнымъ процессамъ, благодаря че-му многія операции, которыя прежде должны были слѣдовать одна за другой, могутъ теперь производиться параллельно; становится возможнымъ, такимъ образомъ, одновременно начинать отдѣльные части работы, входящія въ составъ общаго процесса производства. Пока есть одно «пряденіе», этотъ общий процессъ можетъ начинаться сразу лишь, какъ нѣчто цѣлое во всей его совокупности, если же «пряденіе» разложено на его составныя операции, то чесанье, вытягиваніе, ссучиванье и самое пряденіе могутъ ити одновременно, что составляетъ одинъ изъ существенныхъ моментовъ для ускоренія процесса производства.

Этотъ способъ разложенія труда, благодаря связанный съ нимъ возможности цѣлесообразной организаціи труда, очень важенъ. Поэтому нѣть ничего удивительнаго, что нѣкоторые экономисты, подмѣтившіе этотъ принципъ (разложенія труда) въ нѣсколько видоизмѣненной его формѣ, а именно, въ формѣ, такъ сказать, „раздѣленія труда“, настолько были ослѣплены имъ, что долгое время не обращали вниманія на другіе аналогичные способы развитія искусства труда.

а между тѣмъ, такихъ способовъ есть еще довольно много. Эмануэлю Германну надо вмѣнить въ особую заслугу то, что онъ обратилъ наше вниманіе также и на другую нашу трудовую способность, а отчасти и на другое еще болѣе производительные мѣтоды труда. Такъ, напримѣръ, мнѣ кажется весьма достойными разсмотрѣнія тѣ четыре формы упорядоченія и организаціи (*Vier Formen der Anordnung und Organisation*), о которыхъ говорить *Германнъ*¹⁾), какъ виды усовершенствованныхъ способовъ труда. Онъ довольно неудачно называетъ ихъ: „всеобщей“, „индивидуальной“, „общей“ и „специальной“ организаціей, прежде всего, здѣсь, еще вовсе нѣть никакого опредѣленнаго порядка, организаціи процесса труда, дѣлающіе возможнымъ извѣстный порядокъ; притомъ, указанныя выше опредѣленія говорятъ очень мало. То, что имѣеть въ виду Германнъ, это, въ сущности, не что иное, какъ опредѣленные способы, заранѣе намѣченнымъ образомъ, приступать къ обработкѣ и переработкѣ материала, способы наиболѣе цѣлесообразной его заготовки для полученія наибольшихъ результатовъ при работѣ. Эти четыре способы приведенія материала въ извѣстный порядокъ слѣдующіе: 1) складываніе материала въ

¹⁾ *Kultur und Natur*, стр. 46.

отдельные кучки или связки, что дает возможность одновременную обработку многихъ отдельныхъ предметовъ; напримѣръ, пучекъ проволокъ, у которыхъ концы одновременно, en masse, выдѣлываются въ головки (булавочные), или пучекъ тонкихъ спичечныхъ лучинокъ, которые всѣ вмѣстѣ погружаются въ горячую массу ¹⁾; 2) раздѣление большихъ массъ материала на меньшія части въ цѣляхъ большаго удобства обработки; наприм., стеаринъ, который разливаютъ въ 200 формъ для отливки свѣчей; 3) цѣлесообразное расположение материала, чтобы онъ въ каждой послѣдовательности могъ проходить различныя стадіи производственного процесса, наприм., при производствѣ бумаги; 4) сортировка материала, чтобы онъ могъ подвергаться различной обработкѣ соотвѣтственно разнообразію въ качествѣ, напримѣръ, при обработкѣ тряпья.

Однако, вполнѣ мы поймемъ значение всѣхъ этихъ способовъ лишь тогда, когда разсмотримъ ихъ еще съ одной стороны, до сихъ поръ нарочно

¹⁾ Что, при этомъ „приведеніи въ порядокъ“ материала, рѣчь идетъ только о приемѣ работы, а не объ определенномъ порядке процесса труда, ясно, напримѣръ, изъ того факта, что расположение материала въ пучки можетъ быть примѣнено и, въ действительности, примѣняется, какъ отдельнымъ полнымъ рабочимъ (*Vollhandewerker*) въ изолированномъ производствѣ, такъ и специализировавшимся рабочимъ въ крупномъ производствѣ, основанномъ на раздѣленіи труда.

нами не затронутой. Именно, всѣ эти определенные способы труда являются въ значительномъ числѣ случаевъ условиемъ,—чаще, поводомъ,—для примѣненія вновь приобрѣтенныхъ свѣдѣній, наприм.,—о химическихъ процессахъ. Но, прежде всего, лишь они даютъ прочную основу для развитія того фактора творческаго человѣческаго труда, которому, по справедливости, можно отвести первое мѣсто среди элементовъ процесса труда, для развитія и совершенствованія *орудія труда* (*Arbeitsmittel*). Подъ этимъ названіемъ мы будемъ, вмѣстѣ съ Марксомъ, понимать такую вещь или сумму вещей, которыя работникъ помѣщаетъ между собой и предметомъ труда и которыя служить ему, какъ-бы, проводникомъ, переносящимъ его дѣятельность на другіе предметы, сообразно съ его цѣлями.

Съ того момента, когда первобытный человѣкъ въ первый разъ сознательно взялся вновь за тотъ острый камень, которымъ онъ уже разъ пользовался, для того, чтобы примѣнить его при процессѣ скобленья (примѣры того, что камень случайно берется и вновь бросается въ качествѣ вспомогательного орудія при ударѣ или при скобленіи, мы встрѣчаемъ также у высшихъ животныхъ), когда онъ, такимъ образомъ, понялъ цѣлесообразное значеніе этого предмета внѣшняго міра для своей производительной дѣятельности и представление о немъ включилъ въ свой умствен-

ный капиталъ,—съ того момента на землѣ появилось *первое орудіе*, то созданіе человѣческаго духа, которое вмѣстѣ съ языкомъ и религіей обыкновенно считается,—и вполнѣ основательно,—первыми признаками, выдѣлившими человѣка изъ міра животныхъ. Въ самомъ дѣлѣ—развитіе всѣхъ высшихъ способностей ведеть начало отъ изобрѣтенія орудія, такъ какъ лишь съ примѣненіемъ его человѣкъ получилъ возможность въ борьбѣ за существованіе дать отдыkhъ своему тѣлу и членамъ, чтобы развивать далѣе свои духовныя способности¹⁾.

Если мы бросимъ теперь взглядъ на путь, которымъ шло развитіе орудія въ теченіе тысячелѣтій,²⁾ то найдемъ, что оно шло параллель-

¹⁾ „Слово Werkzeug (орудіе) получило название отъ wirken (дѣйствовать). Это — средство для исполненія какого-либо произведенія (Werk)“. (Нуаре). Но при этомъ надо добавить,—чтобы указать на его характерный признакъ,—что это такое средство, функция которого заключается въ томъ, чтобы помогать человѣку въ его работѣ. Въ поддержку нашей, создающей блага, дѣятельности и, вообще, нашего ручного труда заключается сущность орудія; поэтому, вполнѣ правильно понимаютъ подъ нимъ *ручное орудіе* (*Hands-werkzeug*).

²⁾ Въ соотвѣтствующей литературѣ опять таки, ощущается большой недостатокъ. Ср., кроме Нуаре и Каппа, также Em. Herrmann, Das Prinzip der Teilung der Funktionen in der Geschichte des Mihlenwesens. Miniaturbilder 1872, стр. 193 и сл. Hartig, Ueber den Gebrauchswechsel als Bildungsgesetz füir Werkzeugformen. Vortrag in der 78 Versammlung des sächsisch. Ingenieur-und Arbeitsvereins. Dresden 1872. Reuleaux, Ueber die Entwicklung des Werkzeugs bei den Völkern des Südens und

но развитію тѣхъ рабочихъ операцій, той производительности труда, о которыхъ мы уже говорили. Изъ одного или немногихъ въ высшей степени простыхъ и несовершенныхъ орудій, служившихъ для самыхъ разнообразныхъ цѣлей, развиваются все новыя и новыя формы; функции отдельныхъ орудій дифференцируются все въ большей и большей степени. Это то же явленіе, какое мы наблюдаемъ при развитіи животныхъ видовъ и языка; увеличеніе разносторонности примѣненія создаетъ постоянно новыя формы, которые все болѣе являются приспособленными для совершенія специальныхъ операцій. Изъ примитивной остроконечной (*Spitzhacke*) или снабженной широкимъ лезвіемъ мотыки (*mit einer brei-*

des Orients. Много можно найти у *Julius Lippert*, *Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau*. Bd., I 1886 стр. 280 ch., 218 ch., 313 ch. Къ сожалѣнію, Липпертъ не обращаетъ вниманія на специальную литературу по этому вопросу. Богатый *смѣрой* матеріалъ содержитъ *A. Rauber's Urgeschichte des Menschen*, I Bd. 1884 стр. 29—112; а также отчасти иѣсколько устарѣлое *Gustav Klemm's, Werkzeuge und Waffen*, Leipzig, 1854. Клемму принадлежить та великая заслуга, что онъ первый вполнѣ сознательно указалъ на важную связь между развитіемъ орудій и развитіемъ человѣческой культуры. Уже одно заглавіе его произведенія, второй томъ котораго составляетъ указанная книга, представляло научный фактъ первостепенной важности: „Allgemeine Kulturwissenschaft. Die materiellen Grundlagen der Kultur“. Его свѣдѣнія о дѣйствительномъ ходѣ развитія орудія,—если принять во вниманіе тогдашнее состояніе научныхъ изслѣдований,—отличаются также необыкновенной глубиной; онъ, напр., называетъ топоръ „вѣнцомъ орудій“,

ten Schärfe versehene Hacke) ¹⁾ медленно развиваются топоръ, молотокъ, ножъ, долото, пила, буравъ и многіе другіе прототипы позднѣйшихъ категорій орудій. По мѣрѣ того, какъ проводится все дальнѣе принципъ разложенія труда, въ каждомъ изъ отдѣльныхъ процессовъ каждое отдѣльное орудіе совершенствуется далѣе, доходя до той тонкой нюансировки (*Nüancierung*) въ отдѣлкѣ, какую мы имѣемъ возможность наблюдать, напр., въ современномъ производствѣ часовъ. Малѣйшее измѣненіе въ рабочихъ манипуляціяхъ становится возможнымъ лишь при существова-

(„die Blüte der Werkzeuge“), имѣвшихся до появленія металловъ (стр. 64), или, уже вполнѣ ясно указывается на процессъ дифференцированія орудій (стр. 75). Извѣстно, что у *Маркса* можно найти многочисленные остроумныя аргументы къ исторіи развитія орудій труда; у него же имѣется указаніе на важность научной „исторіи образования производительныхъ органовъ общественнаго человѣка“, какъ pendant къ представленной тогда *Дарвиномъ* „исторіи естественной технологіи“, какъ онъ называетъ—играя словами,—ученіе объ образованіи органовъ у растеній и животныхъ. Ср. *Kapital*, I т., стр. 335, прим. 89. Извѣстно также, что *Марксъ* думалъ найти материалы для подобной исторіи человѣческаго общества въ книгѣ *Lewis H. Morgan's Ancient Society or Researches in the Lines of human progress from Savagery through Barbarism to Civilization*. Lond. 1877 и что *Ф. Энгельсъ* разработалъ выводы Моргана въ своей работѣ о происхожденіи семьи, etc. (сначала Геттинген-Цюрихъ, 1884). Ограничение вопроса, какое мы сдѣлали въ текстѣ освобождается настѣ отъ задачи ближайшаго обоснованія нашихъ взглядовъ,—въ большинствѣ случаевъ отклоняющихся отъ взглядовъ Моргана и Энгельса,—на ходъ развитія человѣческой культуры, а следовательно, также и на ходъ развитія орудій труда.

¹⁾ „Междуду этими то двумя формами придется намъ дѣлать выборъ, если мы захотимъ составить себѣ представление относительно самаго древнѣйшаго орудія“ (Нуаре, стр. 279).

нії соотвѣтственно приспособленного къ тому орудія ¹⁾.

Ясно само собой, насколько прогрессирующее разложение труда способствуетъ развитію техники ремесленныхъ орудій, насколько при всякомъ новомъ упрощеніи отдельныхъ рабочихъ операций,—а всякое разложение труда сводится къ *упрощенію*,—соотвѣтственное орудіе можетъ быть лучше приспособляемо къ человѣческой рукѣ и насколько, съ другой стороны, всякое усовершенствованное орудіе повышаетъ производительность труда.

«Если характерную для древней эпохи незначительность результатовъ воздействиѳ человѣка на виѣшній міръ въ связи съ огромною затратою силъ, при слабо развитой ловкости трудящагося лица, намъ приходится ставить въ зависимость отъ крайней простоты и несовершенства орудій труда, которыя служили одновременно для всевозможныхъ цѣлей, то современная стадія экономического развитія поражаетъ насъ тѣмъ разнообразiemъ результатовъ, которое достигается крайне простыми, почти элементарными механи-

¹⁾ Совѣршенно ошибочно мнѣніе, будто дифференцированіе орудій въ болѣе ранній, такъ наз. мануфактурный пе-ріодъ было гораздо болѣе значительнымъ, чѣмъ теперь, когда дифференцированіе при помощи машины составляетъ шагъ назадъ по сравненію съ прежними. Напротивъ, теперь дифференцированіе распространилось и на машины,—о чёмъ будетъ сказано ниже.

ческими приспособленіями (Potenzen). Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что простота послѣдняго рода кореннымъ образомъ отличается отъ прежней. То была простота бѣдности, еще не развившейся, такъ сказать, зародышевой жизни, примитивнаго уровня потребностей, благодаря чѣму, дѣятельность первобытнаго человѣка ограничивалась немногими однообразными операциими. Простота же нашего времени — простота сильнаго ума, который вполнѣ умѣетъ сообразовать средства съ имѣющейся въ виду цѣлью и, подобно искусному фехтовальщику или кормчему, достигаетъ желаемыхъ результатовъ съ наименьшей затратой силъ и безъ особено сложныхъ механическихъ приспособленій¹).

Въ тѣсной связи съ прогрессирующей дифференціаціей ручного орудія труда и его функцій стоитъ все увеличивающееся *совершенствованіе въ пользованіи* орудіемъ. Уже къ раннему періоду развитія, — какъ это можно заключить по многочисленнымъ находкамъ орудій,—относится примѣненіе *силы размаха* (Schwungkraft) руки для пользованія орудіемъ. Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, этому шагу впередъ въ пользованіи орудіемъ, которое прежде приводилось въ движение силой давленія или удара, должно присвоить особое значеніе для развитія культуры.

¹) Noiré, op. cit. 249—250.

Лишь съ его появленіемъ, впервые, являются къ услугамъ человѣка топоръ и молотокъ, которые, какъ мы знаемъ, могутъ служить, да и дѣйствительно служили для нашихъ предковъ — символами его творческой дѣятельности на землѣ¹⁾. Вмѣсто скобленья, раскалыванія, рѣзанья, царапанья появляются обтесыванье, высѣченіе (Hauen), и наша культура становится уже не насѣбленой, наколотой, нарѣзанной или нацарапанной, а, такъ сказать, *высѣченной* и вырубленной изъ земли, камня и дерева (ist herausgehauen aus Erde und Stein, aus Wald und Dickicht). Если при началѣ всякой культуры имѣло значеніе примѣненіе силы размаха, то въ наше время, быть можетъ, еще большее значеніе имѣеть другой принципъ пользованія орудіями, а именно,—какъ его называютъ,—*принципъ вращенія или ротаціи*²⁾, (Walzen-oder Rotationsprinzip), состоящій во введеніи въ технику непрерывнаго вращательнаго движенія.

¹⁾ Извѣстно прославленіе молота и его бога Донара въ германской миѳологии. Ср. напр. *B. F. Dahn*, Wodan und Donar, въ „Im Neuen Reich“ 1872. Nr 8.

²⁾ Относительно принципа вращенія и его значеній для техники ф. *M. Jobard*, Die Industrie und das Jahrhundert. Gränzboten, 2 Band 1842 стр. 302. *Louis Reybaud*, L’industrie en Europe, Paris 1856 pag. 22 q. *Rudolf Wagner*, Technologische Studien auf der allgemeinen Kunst-und Industrieausstellung im Jahre 1867. Leipzig 1868. *Em Herrmann*. Das Prinzip der Rotation. Miniaturbilder (1872) стр. 221—256. *Noiré*, op. cit. стр. 293. *F. Renleaux* op. cit.

Въ развитіи всѣхъ нашихъ орудій надо различать два главныхъ періода: 1) періодъ, въ которомъ орудіе движется туда и сюда, вверхъ и внизъ, т.-е. совершаеть неизмѣнно одно и то же обратное движение отъ мертввой точки, чѣмъ и вызываетъ живое движение впередъ и назадъ, и 2) періодъ безостановочнаго движенія впередъ или назадъ. Какъ ни не замѣтень кажется переходъ отъ періода мертваго обратнаго движенія (*des toten Rückgangs*) къ періоду живого непрерывнаго движенія, въ экономическомъ отношеніи онъ имѣль столь же важное значеніе, какъ и переходъ отъ растительныхъ и животныхъ формъ юрскаго періода къ таковымъ же формамъ мѣлкового періода¹⁾). Между тѣмъ, принципъ непрерывнаго движенія впередъ и назадъ есть лишь начало принципа вращенія: пока не появилась круглая пила (*Bandsäge*), прогрессъ заключался уже въ томъ, что пила, при движениіи вверхъ и внизъ, дважды должна была врѣзываться въ одно и то же бревно; а буравленіе полукругами (поворачиваніемъ бурава то въ ту, то въ другую сторону) было известно еще до появленія кругового бурава (*Kreisbohrer*). Первымъ важнымъ приложеніемъ принципа вращенія въ техникѣ было изобрѣтеніе повозки на

¹⁾ Hermann, Op. cit стр. 197.

колесахъ. Позднѣе же этотъ принципъ нашелъ себѣ столь широкое распространеніе въ сферѣ техники, что уже въ 1842 году Жобаръ (Jobard) называлъ его «критеріемъ современной промышленной дѣятельности», «такъ какъ всякая механическая работа, всякая фабрикація, при которыхъ не примѣняется непрерывное движение, должны быть признаны находящимися въ эмбриональномъ состояніи». Рело опредѣляетъ значеніе указанного принципа такими словами: подобно тому, какъ древній философъ сравнивалъ постоянную перемѣну всѣхъ вещей съ непрерывнымъ теченіемъ и резюмировалъ свои выводы въ положеніи: «*все течетъ*», такъ точно и мы можемъ выразить всѣ тѣ безчисленныя явленія движения въ томъ удивительномъ произведеніи человѣческаго ума, которое мы называемъ машиною, двумя словами: «*все вращается*».

Приведенные слова Рело открываютъ намъ новую перспективу и въ другомъ направленіи: въ нихъ указывается,—и совершенно справедливо,—на приложеніе принципа вращенія прежде всего къ той формѣ средствъ труда (*Arbeitsmittel*), «которую мы называемъ машиной». Насъ теперь интересуетъ вопросъ: какой принципъ находится себѣ выраженіе въ машинѣ? есть ли машина, по существу своему, нечто отличное отъ орудія? въ чёмъ, собственно, заключается различіе между орудіемъ и машиною?

Важность отчетливаго усвоенія принципа машины для пониманія также и соціальныхъ условій (*Dinge*) и достойная сожалѣнія неясность царящая въ этой области, заставляютъ насъ съ большей подробностью заняться здѣсь принципомъ машины и его значеніемъ для развитія (промышленной) техники.

Что такое машина? Вопросъ этотъ ставился весьма часто и столь же часто (хотя въ большинствѣ случаевъ довольно неудачно) давался на него отвѣтъ. Если мы теперь бросимъ взглядъ на почти безконечный рядъ опредѣленій понятія «машина»¹⁾, то тотчасъ же, безъ особенного труда будемъ въ состояніи отдѣлить овецъ отъ козлищъ, т.-е. безъ дальнѣйшихъ разсужденій исключить цѣлую группу опредѣленій, а именно тѣхъ, которыхъ не признаютъ между орудіемъ и машиной никакой разницы или признаютъ разницу только въ степени, какъ, наприм., въ длинѣ и числѣ промежуточныхъ членовъ между работающимъ человѣкомъ и предметомъ его труда. Извѣстнымъ

¹⁾ Сопоставленіе такихъ опредѣленій находимъ у Рело, „Теоретическая кинематика“, стр. 592 и сл. Однако, оно очень не полно, такъ какъ заключаетъ, главнымъ образомъ лишь опредѣленія технологовъ. Сюда надо отнести еще цѣлый рядъ опредѣленій, данныхъ экономистами, и др. Обзоръ новѣйшихъ опредѣленій, на которыхъ оказалъ вліяніе Рело, можно найти въ статьѣ Линднера, „Машина“ въ Otto Lunger's „Lexicon der gesammten Thechnik und ihrer Hilfswissenschaften“. Band VI.

представителемъ этихъ «квантитатистовъ» является *Пасси*, стоящій въ своемъ этюдѣ на точкѣ зрѣнія того англійскаго рабочаго, который, на вопросъ: что такое машина, отвѣтилъ: «les machines c'est tout ce qui en plus des ongles et des dents sert à l'homme pour travailler» (т.-е., значить, и стуль, на которомъ онъ сидѣть, и платье, которое онъ носить?!). Всякое дальнѣйшее различіе орудія и машины этотъ писатель рѣшительно называетъ «subtilité des savants» (ученой тонкостью).

Подобное пониманіе вещей, понятно, должно быть признано лишь компрометирующими. Тотъ, кто считаетъ всякую попытку болѣе строгаго разграничія понятій за «subtilité des savants», долженъ, вообще прекратить всякія теоретическія разсужденія. Но что же остается намъ по изгнаніи Пасси и его единомышленниковъ изъ этой области? Остается еще крайне пестрая смѣсь взглядовъ на сущность машины, которые чрезвычайно трудно согласить между собою. Лично со мной при этомъ случилось нѣчто довольно странное. При моихъ занятіяхъ вопросомъ о машинѣ упомянутая книга Рело (его теоретическая «Кинематика») попала мнѣ въ руки сравнительно поздно, когда, какъ мнѣ казалось, я уже составилъ о машинѣ совершенно ясное и прочное представление. При чтеніи этой „Кинематики“ я, къ моему огорченію, замѣтилъ, что мой взглядъ на

сущность машины совершенно не сходится со взглядомъ Рело, къ которому я относился съ восхищениемъ, какъ къ выдающемуся уму. Я рѣшилъ тогда еще разъ провѣрить свою точку зре-
нія, еще разъ продумать каждую мысль. Резуль-
татъ моей провѣрочной работы сводился къ тому,
что и мой взглядъ, во всякомъ случаѣ, не былъ
неправиленъ. Но, съ другой стороны, я не могъ
не считать правильнымъ и опредѣленіе сущно-
сти машины, данное Рело. Эта тревожившая меня
«антиномія» привела меня, въ концѣ концовъ,
къ заключенію, что здѣсь дѣло идетъ, очевидно,
о двухъ, *toto coelo*, различныхъ взглядахъ на одинъ
и тотъ же предметъ, изъ которыхъ ни тотъ, ни
другой не ложны, хотя ихъ и нельзя признать
 тождественными. Придя къ столь утѣшительно-
му выводу и предпринявъ вновь провѣрку столь
различныхъ опредѣленій машины, я не только
убѣдился въ возможности полной ихъ согласи-
мости, но даже нашелъ, что оба опредѣленія пре-
красно дополняютъ и въ то же время, такъ ска-
зать, контролируютъ другъ друга, такъ какъ изъ
одного во всякое время можно правильно выве-
сти формулировку второго.

Остроумное опредѣленіе Рело гласитъ слѣдую-
щее: «машина есть соединеніе способныхъ къ
сопротивленію тѣлъ такимъ образомъ, чтобы съ
помощью ихъ можно было бы заставить силы
природы дѣйствовать и приводить тѣла въ

определенная движение. («Eine Maschine ist eine Verbindung widerstandsfähiger Körper, welche so eingerichtet ist, dass mittels ihrer mechanische Naturkräfte genötigt werden können, unter bestimmten Bewegungen zu wirken») ¹⁾.

Если определить ближе способъ соединенія, о которомъ идеть рѣчь, то придется сказать: «механизмъ есть замкнутая кинематическая цѣль, которая можетъ быть сложной или простой и состоять изъ кинематическихъ элементарныхъ паръ; причемъ, изъ механизма устраняются всѣ другія движения, кроме желаемыхъ. Механизмъ приходитъ въ движение, когда на одну изъ его подвижныхъ частей воздѣйствуетъ механическая сила, способная измѣнить ея положеніе. При этомъ сила совершаєтъ механическую работу, происходящую при известныхъ движеніяхъ. Все это вмѣстѣ и есть машина» ²⁾.

Въ популярной лекціи Рело такъ выразилъ свою мысль: «общій принципъ... машины есть *вынужденіе къ движению* (Bewegungserzwingung). Подъ машиной разумѣютъ механизмъ, способный сообщать движение тѣламъ, но это движение должно совершаться по известному плану, имъ должны быть пройдены известные пути съ определенной

¹⁾ Reuleaux, Theor. Kinem., 38,

²⁾ Тамъ же, стр. 53—54. Ср. стр. 490—492 и сл.

скоростью и въ извѣстной послѣдовательности, въ соотвѣтствіи съ имѣющейся въ виду цѣлью»¹⁾.

Этому опредѣленію я хощу противопоставить свое, которое гласитъ: машина есть орудіе или комплексъ орудій труда (*Arbeitsmittel*), устроенное такимъ образомъ, чтобы совершать работу, исполнявшуюся раньше человѣкомъ, т.-е. машина есть такое орудіе труда, которое не помогаетъ работѣ самого человѣка, а замѣняетъ ее, и въ этомъ я вижу главный признакъ, отличающій машину отъ простого инструмента (*Werkzeug*).

Оба эти различные взгляда, выраженные въ приведенныхъ опредѣленіяхъ, можно характеризовать слѣдующимъ образомъ: *Рело* назвалъ свой взглядъ на сущность машины «кинематическимъ», въ отличие его отъ другихъ взглядовъ—техноло-гическихъ. Характерной чертой его взгляда яв-ляется то, что онъ выясняетъ законы «на ко-торыхъ поконится *устройство* (*Bildung*) маши-ны²⁾, а вмѣсть съ тѣмъ въ немъ заключается «теорія о составѣ машины на новыхъ основа-ніяхъ»³⁾.

¹⁾ F. Reuleaux, Ueber den Einfluss der Maschine auf den Gewerbebetrieb. Vortrag, gehalten in der Museumsgesellschaft in Frankfurt a. M., напечатанная въ „Nord und Süd“. 1879 стр. 113—114.

²⁾ Reuleaux, Theor. Kinematik. стр. VII ср. стр. IX.

³⁾ Тамъ же стр. 4. ср. стр. 31 и сл., гдѣ авторъ еще рѣзче выясняетъ свою точку зрѣнія.

Выясняя, такимъ образомъ, что такое машина, Рело лишь мимоходомъ касается вопроса о томъ, что даетъ (leistet) машина. Вотъ, этотъ-то *вопросъ о специфическихъ услугахъ* (Leistung) машины въ процессѣ труда и выдвигается на первый планъ въ нашемъ опредѣлениі. Напомнимъ здѣсь о томъ, какъ мы раньше точнѣе опредѣляли эту *технико-экономическую точку зрѣнія*. Тамъ было выяснено, какъ человѣческій трудъ приводится въ соприкосновеніе съ тѣмъ, что должно быть отвоевано у природы для удовлетворенія нашихъ потребностей, и это составлять специфически технико-экономический взглядъ на способы производства, а слѣдовательно, и на принципъ машины¹⁾.

Заключительнымъ словамъ Рело: «общій принципъ машины есть вынужденіе къ движению» съ нашей точки зрѣнія мы можемъ противопоставить также слѣдующее краткое motto: «общій принципъ машины—замѣщеніе человѣческаго труда» (Arbeitersetzung). Какъ машина выполняетъ эту функцию, учить кинематика.

¹⁾ Марксъ также лишь мимоходомъ указываетъ на различіе взглядовъ на сущность машины (Kapital, I⁴, 335), не устанавливая критерія для различія. Относящееся сюда замѣченіе, что „съ экономической точки зрѣнія объясненія математиковъ и механиковъ не даютъ ничего, такъ какъ въ нихъ нѣтъ исторического элемента“,—довольно неудачно.

Что приведенные два взгляда не только не исключаютъ другъ друга, но, какъ мы уже замѣтили, самыи лучшимъ образомъ дополняютъ другъ друга, станеть ясно, лишь только мы зададимся вопросомъ *о принципѣ развитія машины*, такъ какъ мы придемъ къ слѣдующему весьма важному заключенію: машина, по мѣрѣ совершенствованія въ кинематическомъ отношеніи, совершенствуется также и въ технико-экономическомъ. Это можно выразить еще и такъ: чѣмъ лучше выполняетъ машина свою задачу—вынужденіе къ движению (Bewegungswang), тѣмъ ближе подходитъ она къ своей конечной цѣли—полному замѣщенню человѣческаго труда.

Это станетъ вполнѣ яснымъ при сопоставленіи обѣихъ сторонъ развитія. При этомъ, вопросъ о томъ, для какихъ цѣлей служить машина, не имѣтъ существенного значения. Мы раздѣляемъ машины на машины, создающія силу (двигатели), и рабочія машины (in Kraft-und Arbeitsmaschinen), смотря по тому, является ли цѣлью созданіе силы или работа въ узкомъ смыслѣ; рабочія же машины дѣлимъ, въ свою очередь, на машины для перемѣщенія или транспортирующія и машины, служащія для обработки матеріаловъ или трансформирующія¹⁾). Обо всѣхъ категоріяхъ машинъ можно сказать слѣдующее:

¹⁾ Ср. Reuleaux, Theor. Kin., 479 и сл.

Съ кинематической точки зрењія, развитіе машинъ въ высшія формы характеризуется постепеннымъ переходомъ отъ смыканія по силамъ (Kraftschluss) къ смыканію по парамъ (Paarschluss), т.-е. отъ замыканія элементарныхъ паръ явными (sensibel) силами къ замыканію ихъ скрытыми силами, т.-е. такими (силами), которые связаны въ тѣлахъ, приводящихъ въ движение элементарные пары ¹).

Принципъ развитія заключается, такимъ образомъ, въ увеличеніи ограниченности движений въ желаемомъ направлениі. Неограниченному господству силъ природы, на полномъ просторѣ стакивающихся другъ съ другомъ и приводящихъ въ этой борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ къ слѣпой необходимости, какъ къ конечному результату, можно противопоставить дѣйствіе силъ въ машинѣ, урегулированное и направленное къ единственной имѣющейся въ виду цѣли. Чѣмъ лучше и точнѣе достигается, при этомъ, желаемый результатъ, тѣмъ совершеннѣе является машина въ кинематическомъ отношеніи. Но участіе человѣческихъ рукъ при выполненіи машиной извѣстной работы, все-таки, является не надежнымъ моментомъ. Стремленіе къ совершенству въ кинематическомъ отношеніи совпадаетъ съ

¹ Подробнѣе см. у Рѣло нази. соч. именно, въ VI гл., ср. также стр. 161 и сл., 227 и сл.

стремлениемъ уменьшить участіе человѣка въ работе. Слѣдовательно, чѣмъ полноѣ осуществляется принципъ вынужденія (*Bewegungzwanges*) движѣ самой машиной, тѣмъ болѣе значенія приобрѣтаетъ одновременно — pari passu — принципъ замѣщенія человѣческаго труда (*Arbeitersetzung*¹).

Въ такомъ замѣщеніи заключается не только самое существенное свойство машины, но имъ же опредѣляется и все то значеніе, как-

¹) Примѣръ всѣмъ извѣстнаго хода развитія паровой машины пояснить сказанное. Машина Ньюкомена (Newcomen) требовала еще въ значительной степени участія человѣка. Рабочій долженъ быть регулярно открывать и закрывать иѣсколько крановъ (Hahnѣ) и, кроме того, наблюдать за давленіемъ пара, поска, наконецъ, Ньюкоменъ добавилъ предохранительный клапантъ, а мальчикъ Гѣмфри Поттеръ (Humphrey Potter), чтобы освободиться отъ притупляющаго наблюденія за кранами, соединилъ веревками ручки крановъ съ коромысломъ машины и создалъ, такимъ образомъ, механическій регуляторъ, т. е. замѣнилъ Kraftschluss Paarschluss'омъ. Среди нововведеній Уатта (Watt) иѣкоторыя имѣли результатомъ чисто автоматический ходъ машины: маховое колесо, механическіе уравнители, къ которымъ стѣдуетъ присоединить также механические смазочные аппараты и др. Ср. *Em. Hermann, Wirtschaftliche Ursachen und Fehlerquellen des Denkens* иъ „*Kultur und Natur*“, стр. 184 и сл., а для возникновенія паровой машины особенно *F. Reuleaux, Kurzgefasste Geschichte der Dampfmaschine*, Braunschweig, 1859, *Th. Beck, James Watt und die Erfindung der Dampfmaschine*. Ср. „*Das Gewerbeblatt für das Grossherzogthum Hessens*“, 1894 годъ, источникомъ котораго (не названнымъ, однако!) служить извѣстный трудъ *James Patrick Muirhead, a: The origin and progress of the mechanical invention of James Watt*. 3 Vol. 1854.

кое-ся введеніе въ процессъ труда имѣло для всей материальной культуры. Вспомнимъ, что за основную точку зренія, съ которой мы рѣшили разсматривать всѣ виды способовъ человѣческаго труда, мы принадли степень ихъ вліянія на расширение власти человѣка надъ природой. Съ этой точки зренія машинѣ должно быть отведено первое мѣсто. Она, такимъ образомъ, является яркимъ опроверженіемъ, по отношенію къ области техническаго знанія, словъ мудреца: «ты останешься навсегда тѣмъ, что ты есть», такъ какъ, именно, машина оказалась способной сдѣлать дѣятельность человѣка болѣе широкой, чѣмъ та, на которую онъ былъ бы обреченъ, если бы пользовался только своими природными органами. Она увеличиваетъ до громадныхъ размѣровъ его руки и тѣло, гигантски повышаетъ силу его мускуловъ и придаетъ пальцамъ утонченѣйшую чувствительность; она позволяетъ взору его проникать за тысячи миль и ногамъ его даетъ быстроту вѣтра. Говоря проще, машина расширяетъ силы человѣка въ качественномъ и, прежде всего, количественномъ отношеніи за предѣлы того максимума совершенства (*Vollkommenheit*), какого только можетъ достигнуть отдельный человѣкъ. Самый совершенный инструментъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ вспомогательнымъ средствомъ при ручномъ труде. Машина не знаетъ этихъ

ограниченій. Она не требуетъ, чтобы глазъ непрерывно слѣдилъ за рукой, въ чемъ заключается вся сущность ручной ловкости; она такъ тонко можетъ рѣзать, съ такой тонкостью и привольностью повторять какое-нибудь движение, такъ тихо стучать и такъ хорошо буравить, какъ не въ состояніи никогда этого сдѣлать рука живого человѣка, она въ самой совершенной формѣ замыняетъ трудъ работника. Ни одинъ, даже самый сильный кузнецъ не въ состояніи работать молотомъ тяжелѣе 50 фунтовъ, ни одна, даже самая ловкая пряха не въ состояніи выпрясть рукой одновременно болѣе одной или, много что, болѣе двухъ нитокъ, тогда-какъ паровой молотъ на заводѣ Круппа вѣсить 50 тоннъ, т.-е. 1000 центнеровъ, а новыя прядильныя машины приводятъ въ движение одновременно 2—3 тысячи веретенъ. Чтобы вполнѣ понять изумительную продуктивность машинъ, надо принять во вниманіе слѣдующее: во всякой человѣческой обрабатывающей дѣятельности, до тѣхъ поръ пока она не прибѣгаеть къ помощи машинъ, имѣются два составныхъ момента: самый психо-физический актъ и затрачиваемая при этомъ сила; оба момента органически и, повидимому, неразрывно связаны между собой. Та или другая изъ этихъ функций можетъ перейти къ машинѣ; такимъ образомъ, динамо-машина, создающая силу, избавляетъ рабочаго лишь отъ затраты его собственной силы.

но тѣ дѣйствія, которыя можно назвать трансформирующими по прежнему должны выполнятьсь имъ самимъ: случай сравнительно рѣдкій и мыслимый только по отношенію *къ части* общей затраты силъ, такъ какъ даже при самой простой обрабатывющей дѣятельности нельзя бываетъ обойтись безъ такой, хотя бы, самой легкой затраты. Другой случай встрѣчается весьма часто, начиная отъ первыхъ ступеней культуры и до послѣдняго времени. Здѣсь, собственно, исполненіе работы переходитъ къ (рабочей) машинѣ, на долю же человѣка остается лишь приложеніе силы (*Kraftaufwand*). «То, къ чѣму смутно стремился человѣкъ при созданіи машины, было приведеніе неодушевленныхъ предметовъ въ движение, нужное для его цѣлей. Силы для произведенія этихъ движений онъ ищетъ прежде всего въ себѣ и себѣ подобныхъ. Онъ еще далекъ отъ мысли подчинить себѣ силы внѣшней природы». (Рѣло.) Для исторіи развитія машинъ весьма важно имѣть въ виду слѣдующее: въ большинствѣ случаевъ какая-нибудь опредѣленная трудовая операциѣ перелагается на машину не вся сразу, а мало-по-малу, часть за частью¹⁾.

¹⁾ Solo a poco la machina si perfeziona, direi si emancipa; diviene atta al moto meccanico ed in ultimo quasi automatica. A. F. Labriola, *Tecnica ed economia*. Diss. di Laurea (1894) стр. 5.

Машина не съ первого раза становится *полной машиной* (Vollmaschine), какъ я бы назвалъ ее, но прежде, въ большинствѣ случаевъ, является лишь *частной машиной* (Teilmaschine). Извѣстный примѣръ представляетъ развитіе прядильной машины. Пряденіе уже въ самомъ началѣ совершается машиннымъ способомъ: веретено своимъ движеніемъ *затягиваетъ* потребовавшееся бы въ противномъ случаѣ верченіе при помощи человѣческой силы¹⁾. Этотъ механическій аппаратъ является болѣе совершеннымъ въ формѣ самопрялки: руки вполнѣ освобождаются отъ держанія веретена и приведенія его въ движение; и весь нужный запасъ силы доставляется только ногой. Такимъ образомъ, на долю рукъ остается одно вытягивание нитки (Fadenherausziehen); причемъ, требуется подвести къ веретену соотвѣтственно незначительное количество нитокъ; следовательно, часть обрабатывающаго процесса исполняется еще самимъ рабочимъ. Значеніе изобрѣтений 18 вѣка и заключается въ томъ, что они сдѣлали не нужною и эту долю участія человѣка въ процессѣ пряденія. Все современное машинное производство пряжи основано на примѣненіи двухъ или нѣсколькихъ паръ валиковъ (Walzenpaare), вращающихся съ неодинаковой

¹⁾ Рѣло также (Теорет. кинем., 223) правильно называетъ веретено *механическимъ аппаратомъ* (machinelle Verrichtung).

быстротой, между которыми проходит подлежащій пряденю материалъ—превращенный чесалкой (Karde) въ длинныя полосы (Bänder)—и наматывается на веретено или на крылатую (geflogelt) шпульку. Такъ какъ передніе валики движутся быстрѣе заднихъ, то эти полосы вытягиваются въ нить, которая въ то же время скручивается, благодаря быстрому вращенію веретена ¹⁾). Благодаря такому устройству, цѣль машинныхъ приспособленій была замкнута и весь процессъ пряденя сталъ совершаться машиной, включая сюда и доставленіе силы, что раньше лежало на обязанности человѣка. Первые прядильные машины приводились, какъ известно, въ движение рукою. Лишь съ того момента—и ни минуты раньше—какъ опредѣленный производственный процессъ во *всѣхъ* своихъ частяхъ (исключая доставленія силы) изъять былъ изъ человѣческихъ рукъ, стало возможнымъ неограниченно увеличивать количество нужной рабочей силы,

¹⁾ По моему мнѣнію, вполнѣ справедливо признавать громадное (epochale) значеніе и за тѣмъ изобрѣтеніемъ, которое впервые примѣнило этотъ принципъ валиковъ для пряденія нитки. Это изобрѣтеніе номинально связывается съ именемъ *L. Paul'я*, фактически же принадлежитъ Watt'у; на него было полученъ патентъ еще въ 1738 году, т.-е. задолго до *Аркрайта*. Ср. *Bains, Geschichte der britischen Baumwollenmanufaktur etc.* Stuttg. и Türingen, 1836 стр. 44. Мнѣніе это раздѣлить, впрочемъ, и *Karmarsch, Geschichte der Technologie*. 1872 стр. 596 и сл.

не считаясь съ узкими предѣлами индивидуальной способности къ труду. Лишь теперь въ полной мѣрѣ можно было воспользоваться значительными источниками силы, не находившимися примѣненія тогда, когда хоть часть работы производилась руками человѣка.

Уже изъ этого можно заключить, какое громадное значение для развитія машинъ имѣло предшествовавшее разложеніе всего рабочаго процесса на возможно большее количество отдѣльныхъ моментовъ. Для полнаго развитія механической дѣятельности достаточно, чтобы какая-нибудь функция въ рабочемъ процессѣ обособилась и сдѣлалась какъ бы самостоятельной и въ этомъ видѣ была передана машинѣ. Разъ это произошло, выполнение такой части работы можетъ быть ускорено или расширено по желанію, что далеко не всегда возможно при ручной работе. Стоить лишь вспомнить о стегальныхъ машинахъ, о машинахъ, пробивающихъ петли, о фальцевальныхъ и полировочныхъ машинахъ, о машинахъ въ производствѣ обуви, о машинахъ въ вышивальномъ производствѣ; всѣ онѣ пополняютъ лишь отдѣльные части общей работы, но уже совершенно безъ участія человѣка. Лишь разложеніе труда, впервые сдѣлало возможнымъ разностороннее примѣненіе, машинъ, такъ же, какъ и обратно, лишь машинная техника позволила довести принципъ

разложенія труда до его крайнихъ послѣдствій¹⁾.

Наше столѣтіе очень часто то превозносили, то проклинали, какъ вѣкъ машинъ. Если, при этомъ, на особенно быстрое развитіе машинъ хотѣли указать, какъ на характерную черту нашего вѣка, то тутъ возражать ничего не приходится. Но, иногда, даже и теперь такое представлѣніе, будто машины появились впервые лишь въ прошломъ столѣтіи, и что въ теченіе всѣхъ предыдущихъ вѣковъ ихъ не было вовсе.

¹⁾ „Въ общемъ, все клонится къ тому, чтобы, послѣ того какъ работа будетъ раздѣлена на отдельныя функции, требующія извѣстнаго приложенія силы, отнять эту работу отъ человѣка и передать ее машинѣ. *Lindner* 1. cit. „На многихъ машинныхъ фабрикахъ специализація отдельныхъ механизмовъ заходитъ такъ далеко, что для отдельныхъ видовъ поверхности (*Flächenart*) и для отдельныхъ *размѣровъ* (*Dimensionen*) выдѣлываемыхъ предметовъ, даже для отдельки каждой плоскости отдельной части предметовъ, существуютъ особыя машины. Такъ напр., есть машины для желѣзныхъ струговъ (*Eisenhobelmaschinen*), отъ шести до десяти различныхъ видовъ машинъ для паровозныхъ машинъ, особыя токарные станки для побочнѣхъ частей, и, опять, особыя токарные станки для двухъ или трехъ сторонъ и поверхностей тира (*Tyres*), который долженъ быть приваренъ къ внутреннему желѣзному ободу (*Radkranze*). Здѣсь есть также особыя машины для колесъ локомотива и для простыхъ телѣжныхъ или легковыхъ колесъ (*Trag-oder Laufräder*), смотря по ихъ размѣрамъ. *E. Hermann*, *Miniaturbilder*, 156.—Въ современной башмачной фабрикѣ я насчитываю слѣдующіе типы рабочихъ машинъ: 4 различные стегальныя машины, машины для петель, для пуговицъ и для застежекъ; 3 различныхъ машины для прошивки подошвъ, 3 различныхъ машины для пропрашиванія, 2 различныхъ машины, служащи для при-

Подобное мнѣніе совершенно не основательно. Машина, можно сказать, почти такъ же стара, какъ и инструментъ; она сопровождаетъ человѣка на всѣхъ ступеняхъ культуры и достигаетъ медленно постепенно теперешняго своего совершенства.

По примѣру *Рело*, мы, привыкли теперь считать *сверло, для добыванія огня, первой машиной*, т.-е. «первой робкой попыткой человѣка привести въ опредѣленное взаимное движеніе два тѣла, находящіяся внѣ его»¹⁾.

крѣпленія головокъ къ голенищу, 13 различныхъ машинъ, для аппретуры уже готоваго башмака (подпроволочныя, красильныя, и др.)—всего, значитъ, 34 различныхъ вида рабочихъ машинъ, и все это—стоить только подумать—для замѣны пила и молотка! При фабрикаціи оружія употребляется свыше 600 различныхъ машинъ. То же разнообразіе встрѣчаемъ мы и при фабрикації швейныхъ машинъ. Даже столь простая, повидимому, процедура, какъ изготавленіе спичекъ, требуетъ цѣлой системы машинъ. Тутъ находимъ: 1. паровую пилу; 2. машину для сниманія коры; 3. рубильную машину; 4. обрѣзальную машину; 5. машину, для раскладки спичекъ; 6. машину для ихъ укладки; 7. паровой станокъ для струганья; 8, 9 и 10. машины для изготавленія коробокъ; 11. машину для этикетовъ; 12. машину для внутреннихъ коробокъ; 13. еще машину для укладки; 14. машину для обмазыванья; 15. упаковочную машину; 16. машину для наклеиванія этикетокъ. То обстоятельство, что въ другихъ случаяхъ введеніе машинъ снова дѣлаетъ сложнымъ разложеній раньше трудъ (примѣромъ тому,—часто неправильно обобщаемыи иѣкоторыми авторами,—являются машины для выѣлки гвоздей и конвертовъ), ничего не измѣняетъ въ томъ фактѣ, что обычно разложение труда и машинная техника идутъ рука обь руку.

Въ такомъ случаѣ начало развитія машинъ относится къ тому времени, когда люди употребляли огонь лишь для религіозныхъ, а не для промышленныхъ цѣлей, т.-е. къ необыкновенно раннему періоду культуры ²⁾. Да и другія, несомнѣнно механическія, приспособленія относятся къ самому отдаленному времени. Дѣйствительно, лукъ и стрѣла, веретено, гончарный станокъ, отъ котораго произошелъ токарный станокъ, подливные колеса, повозки и колеса для повозокъ, плугъ—являются такими механическими приспособленіями, которыхъ мы встрѣчаемъ у человѣка въ очень ранній періодъ ³⁾.

¹⁾) *Reuleaux*, Theor. Kinem., 198 и сл. Ср. также обѣ этой „первой машинѣ“ *L. Geiger*, Zur Entwickelungsgechichte der Menschheit, 1878 стр. 93 и сл. *Noiré*, Das Werkzeug стр. 298.

²⁾) Гипотезу Гейнера относительно открытия огня мы считаемъ правильной; см. выше.

³⁾) Ср. относительно этого, прежде всего, VI главу „Кинематики“ Рѣло, заключающую въ себѣ „Взглядъ на исторію развитія машины“.

Кромѣ того, изъ слѣдующихъ словъ *Густава Клемма* видно, что онъ ясно представлялъ себѣ начало примѣненія принципа машины: „Междѣ зачатками машины, мы можемъ считать древній приборъ для добыванія огня—буравъ (Drillbohrer) и ручную мельницу; затѣмъ, веретено и ткацкій станокъ, а также, лишь сравнительно поздно появившійся, гончарный станокъ... Водяные колеса, которыхъ мы находимъ въ Египтѣ и Китаѣ, водяные мельницы и ручныя мельницы, еще и теперь существующія въ Польшѣ, слѣдуетъ отнести уже къ болѣе развитымъ формамъ машинъ“. Ср. *Werkzeuge und Waffen*, 1854, стр. 302—303.

Мы видимъ, какъ машина постепенно развивается изъ этихъ первобытныхъ, зародышевыхъ формъ въ формы высшія. Превосходный примѣръ этого органическаго хода развитія машинъ пред-ставляетъ намъ исторія мучного дѣла, т.-е. му-комольной техники.

Мы знаемъ, что уже очень рано примѣнялись различныя механическія приспособленія для размельченія хлѣбныхъ зеренъ; должно быть, у китайцевъ рано вошло въ обыкновеніе при-дѣлывать къ тому песту, которымъ толкли зерна въ каменныхъ ступкахъ, горизонтальный рычагъ, который, при помощи шиповъ, былъ по-движно укрѣпляемъ почти посрединѣ своей длины между двумя камнями, снабженными отверстія-ми. Другую форму мукомольной машины, тоже первобытную, но, все-таки, уже болѣе развитую, представляетъ намъ изображеніе древней ость-индской мельницы: тамъ ступка уже преврати-лась въ широкій каменный котелъ на камен-номъ стативѣ: пестъ сдѣланъ изъ тяжелаго дре-веснаго ствола, который, при помощи прикреп-ленной къ нему горизонтальной балки, приводит-ся въ вращеніе парою быковъ. Эти первобытные типы мукомольной машины шагъ за шагомъ совершаются, и въ нихъ вводится безчис-ленное множество улучшеній: жернова становятся лучше, а ихъ движенія и приспособленія для очи-щенія и просѣиванія муки подчиняются меха-

низму; доставка и удаление материала производятся автоматически. Съ усовершенствованиемъ приспособлений въ мукомольномъ, дѣлѣ идетъ параллельно эксплуатация болѣе значительныхъ паровыхъ источниковъ силы: въ эпоху Цицерона водяные колеса, въ качествѣ двигателей замѣнили рабынь,¹⁾ къ 12-му вѣку относится появление вѣтряныхъ мельницъ. Теперь же у насъ имѣются паровые мельницы, въ которыхъ каменный жерновъ замѣненъ желѣзнымъ валомъ, и гдѣ, во всей полнотѣ, нашелъ себѣ примѣненіе принципъ машинъ.

Значительные успѣхи машинной техники съ конца предыдущаго вѣка слѣдуетъ рассматривать не только, какъ простое равномѣрное продолженіе прежняго хода развитія, напротивъ,—для пониманія ихъ принципіального значенія,—необходимо подчеркнуть, что во второй половинѣ предшествующаго вѣка произошелъ цѣлый рядъ открытій въ области техники, которымъ суждено было положить начало новой эрѣ въ области машинизма. На первомъ планѣ стоитъ *развитіе рабочей машины*. Какъ разъ въ это время оно

¹⁾) Dao hat die Arbeit der Mäden den Nymphen befohlen

Und itzt hüpfen sie leicht über die Räder dahin,

Dass die erschütterten Achsen mit ihren Speichen sich wälzen

Und im Kreise die Last drehen des wälzenden Steines.

(Пер. Штольбергъ стих. Аппиготоса, греч. поэта, цит. у Маркса, Капитал I⁴, 373).

проходитъ двѣ важныхъ фазы: оно заканчивается для нѣсколькихъ важнѣйшихъ производствъ (текстильная промышленность, фабрикація бумаги), и завоевываетъ ту область, въ которой, впервые, находить точку опоры для своего дальнѣйшаго завершенія, а именно производство самихъ машинъ. Лишь съ этого момента развитіе машинъ смогло пойти болѣе быстрымъ темпомъ: болѣе тонкая выдѣлка¹⁾ и увеличеніе размѣровъ (машинъ) возможно лишь при машинномъ способѣ постройки машинъ. Но рѣшающимъ моментомъ въ этомъ процессѣ слѣдуетъ признать развитіе,—параллельно съ этими значительными успѣхами машиностроенія,—примѣненія той силы природы, которая по своей значительности и подвижности во много разъ превосходитъ силы, эксплуатировавшіяся до того, а именно, силы пара. Правильная критическая оцѣнка техническихъ приобрѣтеній нашего времени должна вновь признать «за могучимъ паромъ» («König Dampf») все то значеніе, оспаривать которое пытался цѣлый рядъ историковъ, справедливо возставшихъ противъ чрезмѣрного преувеличенія значе-

²⁾ Одно изъ крайне важныхъ для развитія машинъ усовершенствованій заключается въ такой точной выдѣлкѣ отдельныхъ частей машины, чтобы ихъ можно было представить изъ одной машины въ другую. Но эта система, т. ск., взаимозамѣнности (Austauschbarkeit) отдельныхъ частей („interchangeable system“) сдѣлалась впервые возможной въ машинномъ производствѣ машинъ.

нія парової машини и столь же справедливо указывавшихъ на громадное вліяніе рабочихъ машинъ на ходъ разитія современной промышленности. Та и другая сторона въ развитіи машинъ—развитіе рабочей машины и двигателя—должны постоянно разматриваться какъ взаимно обуславливающія другъ друга.. Конечно, сила пара со всѣмъ не нашла бѣ себѣ, разумнаго примѣненія, еслибъ ея открытие не предшествовало соотвѣтственное развитіе рабочей машины. Но, съ другой стороны, надо сказать, что дальнѣйшее развитіе этой послѣдней шло бы гораздо медленнѣе, не будь найдено юваго источника силы въ паровой машинѣ. Паровая машина имѣть значеніе въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, она въ громадной степени увеличиваетъ двигательную способность; во-вторыхъ, что самое важное, —даетъ возможность примѣнять силу любой величины для любой цѣли, въ любомъ мѣстѣ и въ любой моментъ. Благодаря этому, устраниется масса препятствій, мѣшивавшихъ развитію рабочей машины: увеличене двигательной способности, впервые, позволяетъ примѣнять рабочія машины болѣе крупныхъ рамбровъ, въ то же время, впервые, дѣлая возможнымъ постройку такихъ машинъ, не стѣсняясь при этомъ, ни мѣстомъ, ни временемъ. Въ отношеніи увеличеваемой по производству двигательной способности, паровая машина превзошла всѣ прежніе источники, и, едва-ли,

будеть превзойдена электричествомъ, каковы бы ни оказались преимущества послѣдняго. А, такъ какъ, въ способности паровой машины развивать любое количество силы заключается существеннѣйшее условіе, споспѣшствующее дальнѣйшему прогрессу современной машинной техники, то по-зволительно назвать нашъ вѣкъ вѣкомъ пара ¹⁾.

Но не быстрое совершенствование рабочей машины, не изобрѣтеніе паровой машины, придаетъ въ послѣднемъ счетъ второй половинѣ предшествовавшаго вѣка то значеніе важнѣйшей эпохи въ развитіи техники, какое оно дѣйствительно имѣетъ. Въ развитіи техники, ведущемъ свое начало отъ появленія первого орудія, встрѣчается лишь одно событие, которое, — соотвѣтственно принципіально различнымъ періодамъ времени, протекшаго до него и наступившаго послѣ,—даетъ намъ возможность раздѣлить исторію развитія человѣческой техники, въ общемъ, только на два главныхъ періода: первый отъ начатковъ человѣческаго рода до второй половины прошлаго вѣка (до наступленія сказанного события), второй отъ этого времени и до послѣднихъ дней рода человѣческаго на землѣ;

¹⁾ По даннымъ новѣйшей статистики двигателей въ Германской Имперіи (1895), всѣ дѣйствовавшіе въ промышленности двигатели имѣли 3421194 лошадиныхъ силъ, изъ которыхъ 79,4% падали на паровыя силы, а 18,4% на силу воды. Viertelsjahrshefte der Statistik des Deutschen Reichs. 1898. Erg鋘zungsheft zum I Heft. стр. 37.

всѣ же остальныя перемѣны въ техникѣ имѣютъ лишь относительное, но не принципіальное значеніе. Фактъ, о которомъ я говорю, есть *приложение науки къ техникѣ*, т.-е. замѣна искусственныхъ эмпирическихъ методовъ методомъ рациональнымъ или научнымъ.

Но, прежде всего, правильно ли относить это событие ко второй половинѣ 18 вѣка? Развѣ въ болѣе раннія эпохи не знали научныхъ методовъ? Безъ сомнѣнія, древній міръ и, именно, востокъ оставилъ намъ въ цѣломъ рядъ произведеній доказательства высоко развитой техники, которая съ несомнѣнностью указываютъ на чрезвычайно большой запасъ техническихъ свѣдѣній и знаній. Но, все намъ известное о способѣ ихъ творчества въ области техники позволяетъ заключить, что они нигдѣ не вышли изъ періода эмпирізма уже по той простой причинѣ, что у нихъ не было необходимаго базиса не эмпірической, а національной техники—именно, естественно-научныхъ знаній. Знанія эти должны были достигнуть известной зрѣлости, прежде чѣмъ они могли произвести переворотъ въ техникѣ. Но это произошло только въ концѣ прошлаго вѣка, когда были пожаты плоды духовной работы героевъ 17 вѣка, заложившихъ для насъ основаніе современного міросозерцанія. Изъ высоко развитыхъ, въ экономическомъ отношеніи, итальянскихъ городовъ, гдѣ школой Галилея

положена была основа для наблюдательныхъ естественныхъ наукъ, исходяще лучи свѣта, приводящіе мыслителей 17 вѣка къ ихъ важнымъ для техники выводамъ. Напомню о творцахъ современной механики: Лагранжѣ, Лапласѣ, Пуассонѣ, Гауссѣ, основателяхъ гидростатики и динамики; напомню о творцахъ современной физики: наряду съ Лавуазье и Лапласомъ еще о Гальвани (1789) и Вольта (1792); о творцахъ современной химіи: Блэкѣ, Пристли, Кавендишѣ, Кирванѣ, Бергманѣ, Венцелѣ и, прежде всего, Лавуазье ¹⁾, голова которого въ 1794 г. пала подъ ударомъ гильотины. Всѣ они принадлежать

¹⁾ Специально о стоянії *химії*, развитіе которой было необходимо предварительнымъ условіемъ развитія всей современной промышленности, въ срединѣ прошлаго вѣка Кармаршъ говоритъ слѣдующее („Geschichte der Technologie“, 1872, стр. 33); „Если мы перенесемся мысленно отъ современности, съ ея необыкновеннымъ развитіемъ химическихъ знаній, къ 1750 году, то намъ покажется, что мы перешагнули иѣсколько тысячелѣтій назадъ, въ неизвѣстную страну, где знанія, представления и языки не имѣютъ ни малѣйшей точки соприкосновенія съ современностью и не представляютъ нималѣйшей возможности перехода къ ней; мы найдемъ науку въ такомъ положеніи, при которомъ она является совершенно чуждой не только жизни вообще, но въ значительной мѣрѣ даже (!) и промышленности; всѣ изслѣдованія касаются только качествъ элементовъ, количественная же сторона въ соединеніяхъ и при процессахъ, ставшая теперь существенной основой всѣхъ изслѣдованій, совершенно пренебрегается, такъ что нѣть ни одной мысли объ аналитической химіи или о естественной законосообразности въ количественныхъ отношеніяхъ, нѣть никакой научной номенклатуры; свѣдѣнія о реактивныхъ—въ первобытномъ состо-

къ одному и тому же поколѣнію или же къ нѣсколькимъ слѣдовавшимъ непосредственно другъ за другомъ, и всѣ ихъ главнѣйшія открытія относятся къ послѣднимъ тремъ десятилѣтіямъ прошлаго вѣка. А такъ какъ современная промышленность обязана своимъ рациональными приемами ихъ открытіямъ, то не будетъ неправильнымъ относить,—какъ это дѣлаемъ мы,—начало приложенія науки къ техникѣ къ той эпохѣ¹⁾.

Теперь, чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе этого факта, мы должны разобраться въ частностяхъ, а именно, въ чёмъ же собственно коренится вытѣсненіе эмпирическаго метода рациональнымъ и

яющіи; крайняя скудость химическихъ приборовъ и другихъ вспомогательныхъ средствъ; въ большинствѣ случаевъ—совершенно неясная и ложная представлениія о составныхъ частихъ самыхъ обыкновенныхъ тѣлъ; масса ложныхъ тѣлъ принимаются за простыя; почти три четверти уже полученныхъ теперь простыхъ веществъ, а также безчисленное множество соединеній неизвѣстны, а образованіе новыхъ соединеній предоставлено случаю²⁾.

Точнѣе эпоху возникновенія новѣйшей химії описываетъ *A. Ladenburg*, *Vorträge über Entwicklungsgeschichte der Chemie in den letzten hundert Jahren*, 2 Aufl. Braunschweig, 1887 стр. 16: „Между 1774 и 1794 годами шла весьма важная борьба за химію; дѣло шло объ освобожденіи отъ тѣхъ оковъ, которыя наложили греческіе философы на мыслителей той эпохи; требовалось послѣдовательно проводить принципы Бэконовской философіи и признать экспериментъ... основой всякихъ теоретическихъ выводовъ“... Къ тому времени относится установлѣніе Лавуазье закона о неразрушимости матеріи и отъ той же эпохи ведемъ мы дату „современной химіи, нашей химіи“. Должно быть извѣстно, что современная

въ чём заключается существенное различие между этими обоими методами техники?

Въ эмпирическихъ, искусственныхъ приемахъ техники (*Kunstverfahren*) находитъ себѣ выражение та умѣлость, которая основана на индивидуальномъ, личномъ пониманіи цѣлесообразности извѣстныхъ пріемовъ, для достиженія определённого результата. Архитекторъ знаетъ, какого рода долженъ быть материалъ, какъ его слѣдуетъ расположить для того, чтобы придать ему устойчивость; кожевникъ знаетъ, что если положить кожу быка на годъ въ настой изъ дубовой коры, то она выдубится; башмачникъ

химія не только создала химическія производства въ узкомъ смыслѣ, но что своимъ развитіемъ она содѣйствовала также успѣхамъ цѣлаго ряда весьма важныхъ другихъ отраслей производствъ. Стоитъ только вспомнить о желѣзодѣлательной промышленности, о приготовленіи пищевыхъ продуктовъ, о вспомогательныхъ производствахъ текстильной промышленности (красильномъ, бѣлизильномъ), стеклянной промышленности, о полиграфическихъ производствахъ, обязаннныхъ своимъ развитіемъ успѣхамъ физики, а также весьма важной отрасли химіи—электрохиміи. Какъ основатель постѣдней Гѣмфри Дэви (1778—1829), такъ и цѣлый рядъ другихъ выдающихся химиковъ, отъ работъ которыхъ, собственно, ведетъ свое начало современная промышленность, принадлежатъ уже 19-му вѣку; напомню обѣ основателей свекло-сахарного производства: Ашарѣ (Achard) († 1821), Клаупротѣ (Klaproth) († 1817), творцѣ атомистической теоріи—Дальтонѣ (Dalton) и теоріи объемовъ—Гей-Люссакѣ (Gay Lussac), Тэнорѣ (Thénord) и др.

¹⁾ Когда A. Riedler въ своей извѣстной книжкѣ: „Unsere Hochschulen und die Anforderungen des zwanzigsten Jahrhunderts“ (Берлинъ 1898) въ такихъ словахъ превозносить „технику“:

знаеть, какъ ему приняться за дѣло, чтобы изъ куска кожи сдѣлать пару башмаковъ; всѣ они знаютъ, что имъ нужно дѣлать и какъ. Всѣ они работаютъ по опредѣленнымъ правиламъ. Ихъ взглядъ на свою работу чисто технологической, такъ какъ они смотрятъ на всѣ свои дѣйствія и пріемы въ работе лишь съ точки зреінія соотвѣтствія послѣднихъ намѣченной цѣли. Если основнымъ вопросомъ, при всякомъ эмпирическомъ методѣ производства, является, такимъ образомъ: «какъ это дѣлается?», то при *раціональному методѣ* мы спрашиваемъ: почему что либо происходитъ? ¹⁾.

„обыкновенно . . . теоретическая изслѣдованія природы слѣдуютъ за техникой“ (стр. 48), то это въ устахъ представителя высшей технической школы можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ, такъ какъ слово „техника“ крайне неопределено. Если Дидлеъ понимаетъ технику въ емыслѣ техническихъ знаній, какъ напр. на стр. 46: „горнодѣлѣ древнѣе геологіи . . . обработка рудныхъ богатствъ химії“, то никто не станетъ оспаривать факта, что люди, прежде чѣмъ создавать науку, должны были позаботиться о собственномъ пропитаніи. Вопросъ лежитъ въ томъ: *какъ?* И отвѣтъ будетъ: эмпирически; раціонально же—только *послѣ* научныхъ изслѣдованій. Поэтому, къ словамъ Ридлера: „теоретическое изслѣдованіе слѣдовало всегда за техникой“ надо прибавить: „но всегда предшествовало технологіи“.

1) На этой эмпирической точкѣ зреінія стоять еще и теперь старые учебники технологіи (въ Германіи т. наз. Бекмановская школа). Они описываютъ „въ хронологической послѣдовательности рабочія операциіи при технической обработкѣ какого-нибудь сырого материала и при производствѣ какихъ-нибудь искусственныхъ продуктовъ, а также служащія для этого орудія и машины“. Karmarsch. P. cit. стр. 881.

Не останавливаясь на чисто технологическомъ объясненіи процесса производства, мы ищемъ здѣсь причиннаго объясненія: мы стараемся выяснить причины, вызывающія тѣ или иные результаты. Нашъ интересуетъ не то, что кожа быка, пролежавши нѣкоторое время въ растворѣ опредѣленного состава, оказывается выдубленной, но то, почему это происходитъ, какіе процессы вызываютъ тѣ измѣненія въ составѣ кожи, которые мы называемъ дубленіемъ. Такимъ образомъ, при рациональномъ способѣ производства, всякое явленіе въ послѣднемъ разсматривается, прежде всего, какъ естественный процессъ, между тѣмъ какъ при эмпирическомъ способѣ имѣется всегда въ виду лишь одна цѣль, исполненіе работы (*Arbeitserrichtung*). Если послѣдняя совершаются правильно, то процессъ идетъ по законамъ, изслѣдованіе и измѣненіе которыхъ на практикѣ составляютъ задачу именно рациональнаго способа производства.

Крупное значеніе этой несущественной, повидимому, перемѣны заключается въ слѣдующемъ. Прежде всего претерпѣваетъ полное измѣненіе, такъ сказать, *способъ обладанія технической умѣлостью* (*Die Art des Besitzes des technischen Könnens*). Послѣдняя, какъ бы, объективируется со введеніемъ рационального метода. Какъ мы уже видѣли, всѣ искусственные приемы при производствѣ неразрывно связаны съ личностью «ма-

стера»: они живутъ съ нимъ и вмѣстѣ съ нимъ умираютъ. Лишь то, что видѣлъ у него или услышалъ отъ него его ученикъ, переживаетъ, но, опять таки, пріурочивается къ опредѣленной личности, чтобы умереть вмѣстѣ съ нею. Поэтому, можно считать уже соціальнымъ прогрессомъ образованіе такихъ институтовъ, цѣлью которыхъ является передача техническихъ знаній изъ поколѣнія въ поколѣніе. При началѣ человѣческой культуры, когда къ этому и не стремились, было общимъ правиломъ, что цѣль традицій постоянно прерывается, и всякое новое поколѣніе опять бываетъ принуждено завоевывать снова прежнія знанія. Позднѣе, семья и цехъ являются хранителями традиціонныхъ техническихъ пріемовъ. Но даже, если, благодаря имъ, и входитъ въ обычай забота о непрерывномъ продолженіи техническаго развитія, то, все же, часто случается, что со смертью великаго мастера навсегда погибаетъ какой-нибудь особенно важный искусственный пріемъ. Стоить только вспомнить о судьбѣ столькихъ способовъ живописи въ дрѣвнее время. Будучи связано съ личностью мастера и замкнуто въ кругу его учениковъ, искусство легко становится тайнымъ искусствомъ¹⁾, по-

¹⁾ Характерно, что вплоть до 18 вѣка особые цехи назывались *mystères*, въ тайну которыхъ могъ проникнуть лишь посвященный, Marx, Kapital, I, 451. „Every craft... has a mystery which must be studied or learned by a regular appren-

крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о высшихъ формахъ технической умѣлости. Напротивъ того, рациональные приемы производства являются знаніемъ совершенно самостоятельнымъ, объективировавшимъ, доступнымъ для всякой отдельной личности, и, благодаря слову и письму, они становятся вѣчной собственностью всѣхъ послѣдующихъ поколѣній. Такимъ образомъ, они вдвойнѣ становятся свободными отъ случайностей всего чисто личного: прежде всего предотвращается ихъ полная утрата; затѣмъ, получается возможность обходиться, при примѣненіи какого-нибудь приема, безъ содѣйствія извѣстнаго, ограниченаго въ своихъ дѣйствіяхъ условіями мѣста и

тiceship". A. Ferguson, *Essay on the history of Civil Society*. Basil. 1789, стр. 274. Такъ, въ прежнее донаучное время со всяkimъ высшимъ умѣньемъ и искусствомъ связывалось представление о чёмъ то сверхъестественномъ, чародѣйскомъ, въ виду его необъяснимости. Подобное представление прямо приводить нась къ мню о божественномъ происхожденіи ремесль и искусствъ, общему всѣмъ народамъ. При зачаткахъ культуры мистическимъ туманомъ облекалась прежде всего выдѣлка и обработка желѣза. Такъ какъ изумленіе человѣчества передъ дивнымъ искусствомъ расплавлять на огнѣ твердый металль и выковывать изъ него цѣнныя вещи привело къ тому, что открытие его стали приписывать сверхъестественнымъ существамъ, то понятно, что занятій этимъ искусствомъ нельзя было себѣ представить проходящими безъ помощи тайныхъ и чародѣйскихъ средствъ. Подобное вѣрованіе было распространено ... по всей Европѣ, какъ это видно изъ многихъ свидѣтельствъ". O. Schrader. *Sprachvergleichung und Urgeschichte*. 2 Aufl. 1890, стр. 236 и сл.

времени, индивидуума. Пока промышленная деятельность, — даже современная капиталистическая индустрия,— находилась въ стаді эмпиризма, новые отрасли промышленности въ какой-нибудь странѣ могли возникать лишь по переселеніи туда людей, приносившихъ съ собой тайну производства. Переселеніе брабантскихъ суконщиковъ (Tuchmacher) въ Англію, итальянскихъ прядильщиковъ шелка и ткани во Францію, наконецъ, вся политика Гогенцоллерновъ по отношенію къ иммигрантамъ— ясно указываетъ, что въ то время промышленное искусство было неразрывно связано съ личностью мастера. Затѣмъ, нѣкоторое время оно было связано съ продуктами, и страны заботились о томъ, чтобы известныя машины не попадали за границу, какъ, напр., это дѣлала Англія въ началѣ нашего вѣка. Теперь же какой-нибудь націи стоитъ лишь послать своихъ молодыхъ инженеровъ и техниковъ въ нѣмецкія высшія школы, чтобы они могли приобрѣсти *in puro* все необходимыя свѣдѣнія для примѣненія ихъ, по своему усмотрѣнію, въ родной странѣ.

Если примѣненіе и поддержаніе техническаго искусства въ вѣкъ эмпіріи зависитъ отъ случайностей индивидуального характера, то еще въ большей степени это справедливо относительно *увеличения* (*Vermehrung*) техническихъ знаній (*Können*). Оно, обыкновенно, совершенно завис-

сить эти случаи, так что не только не замечается желания измѣнить или улучшить существующие обычные приемы производства, но, скопъе, замечается желание сохранить все по прежнему. Какое-нибудь нововведение является результатом чисто случайного усовершенствования в время работы. Если где и замѣтно стремление къ улучшению, то оно сводится къ неумѣльмъ поискамъ ощущью, впомахъ, безъ ясного сознанія задачи, которую требуется разрѣшить. При рациональныхъ же приемахъ производства, вмѣстѣ неопределенныхъ попытокъ подобного рода, выступаетъ планомерное и методическое искане на почвѣ прочныхъ знаній о всей совокупности, уже известныхъ приемовъ труда вмѣсто юдачныхъ попытокъ, появляется опытъ, искатель (Finder) превращается въ изобрѣтателя (Erfinder) и самое изобрѣтательство (Erfinden) изъ случайного дилетантского занятія гениальныхъ священниковъ и талантливыхъ парикмахеровъ становится профессиональной дѣятельностью ученыхъ специалистовъ. Легко понять, какое значеніе имѣла эта перемѣна для развитія техники, какъ могла ¹⁾ она ускорить темпъ нововведеній

¹⁾ Не необходимо *должна* была ускорить. Переходъ къ научнымъ методамъ разъясняетъ намъ только одно: какъ могъ въ нашемъ вѣкѣ произойти столь громадный переворотъ въ технике. Но, почему онъ дѣйствительно наступилъ, должно естественно быть выяснено раньше, иначе и слѣдуетъ исправить приведенное выше замѣчаніе *Маркса*. *Kapital*, I, 452.

въ неизвѣстной и недостижимой степени въ періодъ эмпіризма.

Но, благодаря приложенію науки, устраниются не только случайности въ дѣлѣ сохраненія и увеличенія техническихъ знаній, но все больше и больше исчезаютъ также и *случайности при выполнении работы*. Техническія знанія (Köppen) становятся болѣе вѣрными, точными и болѣе поддаются контролю. Оно и понятно: лишь при пониманіи процесса производства во всемъ его цѣломъ становится возможнымъ планомѣрно избѣгать всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и пополнять всѣ недочеты, встрѣчающіеся при производствѣ. Цѣлые отдѣльныя отрасли производства достигли полнаго развитія лишь послѣ того, какъ химія и недавно бактеріологія дали намъ въ руки средства вести производство непрерывно и съ избѣжаніемъ прежнихъ, не поддававшихся контролю, остановокъ. Въ качествѣ примѣра, можно взять пивовареніе¹⁾.

Многочисленные измѣрительные инструменты самыхъ специальныхъ видовъ, особые контрольные аппараты, точные индикаторы, аппараты для

1) „Теперь въ пивоварняхъ воздухъ изслѣдуется не только въ отношеніи содержанія въ немъ пыли, влажности, но и въ отношеніи содержанія пѣсневыхъ и другихъ грибковъ; при чемъ, тщательно довѣдываются о тѣхъ путяхъ, которыми температурные измѣненія, пыль, сырость и грибки проникаютъ въ помѣщенія и погреба“. *Em. Hermann, Technische Fragen* (1891), стр. 297—298.

регистрації, химіческія пробы, физические вспомогательные приспособления, какъ и пр. поляризационные инструменты, спектроскопы, манометры, динамометры и проч.,—все это имѣется въ распоряженіи современной техники для возможной большей надежности въ веденіи производства¹⁾). При этомъ также происходитъ процессъ, который можно было бы назвать объективированиемъ веденія производства и который не мало способствовалъ упроченію рационального метода. Эмпирія, для опредѣленія состава вещества, его температуры и т. д., для измѣренія и взвѣшиванія, прибѣгала къ человѣческимъ органамъ и несовершеннымъ инструментамъ и аппаратамъ. Осязаніе и вкусъ играли большую роль: пивоваръ пробовалъ воду для пивоваренія, отвѣдывая ее языкомъ, красильщикъ и дубильщикъ изслѣдовали жидкости рукой и глазомъ. Рациональный методъ противоставляетъ этимъ субъективнымъ и случайнымъ пріемамъ изслѣдованія объективные и точныя измѣренія тяжести, длины, теплоты, плотности и т. д. при помощи строго научно сдѣланныхъ аппаратовъ. А, по мѣрѣ совершенствованія измѣрительной техники, возрастаетъ и надежность техническихъ пріемовъ, нуждающихся въ ея услугахъ.

¹⁾ *Em. Hermann, Technische Fragen (1891) стр. 297.*

Но не только становятся болѣе прочными отдельные рациональные приемы: благодаря приложению науки необыкновенно расширяется базисъ всѣхъ техническихъ знаний (Коннен) вообщѣ. Технологія, рассматривая процессъ производства, какъ бы независимо отъ совершающаго его человѣка, можетъ разложить этотъ процессъ на его составные элементы, такъ что рѣшающимъ моментомъ будетъ являться не рука рабочаго, а цѣлесообразная причинная послѣдовательность отдельныхъ процессовъ. Лишь тогда становится возможнымъ методическое примѣненіе способа разложенія труда. Затѣмъ, наука, изобрѣтая остроумныя машинныя приспособленія, заботится о томъ, чтобы соотвѣтственная отдельная операциѣ въ процессѣ производства, выдѣлившаяся при рациональномъ разложеніи этого процесса на отдельные моменты, исполнялась точно, хотя она теперь уже и не соотвѣтствуетъ естественной дѣятельности человѣческихъ органовъ. Вместо прежняго органическаго расчлененія процесса производства, необходимо обусловливаемаго свойствами живой вѣчности, выступающѣ тѣперь на сцену цѣлесообразное механическое расчлененіе, имѣющее въ виду лишь нужный, желаемый результатъ производства. Тѣперь только мы, впервые, можемъ понять, почему развитіе машиннаго дѣла могло быть столь быстрымъ въ нашемъ вѣкѣ. Его надо приписать особаго рода (и совер-

шенно вѣрной) перемѣнѣ взглядовъ изобрѣтателей машинъ, заключающейся въ томъ, что теперь стремятся не къ тому, чтобы машина подражала ручной работе или приводу, но къ тому, чтобы она разрѣшала задачу своими собственными средствами, часто совершенно отличными отъ средствъ природы». (Рело¹).

Умный Юрь выражалъ то же нѣсколько другими словами: принципъ современной фабрики состоитъ въ томъ, чтобы «to substitute *mechanical science* for hand skill and the partition of a process into its essential constituents, for the division or graduation of labour among artisans», «чтобы замѣнить механическими знаніями ручную ловкость, а раздѣленіе труда между рабочими—разложеніемъ процесса на его существенные составные элементы»².

¹) Поразительный примѣръ этого представляетъ изобрѣтеніе швейной машины, построенной, какъ извѣстно, на совершеніи другомъ принципъ шитья, чѣмъ шитье ручное. Ср. «недавнюю статью R. Escher, Erfinden und Erfinder въ „Zeitschrift für Socialwissenschaft“ II Jahrgang (1899) стр. 160 и сл. Между прочимъ, выше цитированные слова Рѣло, равно какъ и все разсужденіе въ текстѣ, къ которому они примыкаютъ, я весьма бы рекомендовалъ благосклонному вниманію автора теоріи „прозекціи органовъ“. Ихъ совершенно достаточно, чтобы выбросить эту мистическую „теорію“ вмѣсть со старымъ хламомъ.

²) Anbrey Ure, The philosophy of manufactures; 3 ed. 1861 стр. 20. По Марксу (Капитал, I⁴, 451), принципъ крупной промышленности заключается въ томъ, что „она разлагаетъ всякий процессъ производства“ на его составные элементы, никакъ не считаясь съ человѣческими руками“.

Разъ устранио ограничение, обусловливаемое естественными свойствами человѣческихъ органовъ, техникѣ открываютя самыя широкія перспективы. Въ этомъ то, прежде всего, и заключается то громадное значеніе, какое мы приписываемъ поступленію науки на службу техникѣ. Теперь производство является уже синтезомъ любыхъ веществъ и силъ въ томъ видѣ, въ какомъ они представляютсягодными для человѣческихъ цѣлей. Съ этого времени начинается, какъ бы, новое созданіе земного міра, и та самая наука, которая столкнула насъ съ трона владыкъ, который мы столь долго занимали, и открыла все наше ничтожество, одновременно указала намъ путь, какъ снова завоевать міръ и сдѣлать природу нашей служанкой, какъ найти забвеніе о воображаемомъ, потерянномъ го-сподствѣ. Я думаю, не будетъ особеннымъ святотатствомъ примѣнить прекрасныя слова *Гегеля*,— имѣвшія другой смыслъ,—къ произведшимъ переворотъ результатамъ приложенія науки къ техникѣ въ нашемъ столѣтіи: «Первоначально скрытая и замкнутая сущность вселенной (*Wesen des Universims*) не въ состояніи болѣе оказать сопротивленіе духу познанія; она должна раскрыться передъ нимъ и раскрыть предъ нимъ свои недра съ ихъ богатствами и представить послѣднія въ его распоряженіе». Изъ того, что пред-

видѣлъ поэтъ въ своемъ предчувствіи, сбылось, по крайней мѣрѣ, теперь, «на склонѣ столѣтія»:

„О, человѣкъ! ты властелинъ природы, которая любить наложенные тобой на нее оковы, которая доставляетъ тебѣ возможность изощрять твои силы въ постоянной борьбѣ съ ней и которая изъ-подъ твоей повелѣвающей руки, въ блескѣ развернувъ свою мощь, вышла изъ состоянія дикости“¹⁴).

¹⁾ „Du bist, o Mensch, Herr der Natur, die deine Fesseln liebet, die deine Kraft in tausend Kämpfen übet, und prangend unter dir aus des Verwilderation stieg“.

III.

Хозяйство и производство.

Всякая разумная работа служить осуществлению известной цѣли и нуждается, при выполнении, въ *планѣ*. Но, если работа совершается людьми сообща, то, какъ бы ни было случайно и поверхностно при этомъ общеніе людей другъ съ другомъ, одного субъективнаго плана оказывается уже недостаточно; является потребность въ объективномъ регулированіи, которое служило бы связующей силой для всѣхъ работающихъ совмѣстно; другими словами, необходимъ *порядокъ работы* (*Ordnung der Arbeit*). А всякая хозяйственная дѣятельность человѣка, т.-е. всякая дѣятельность, вызванная необходимостью приспособлять предметы внѣшняго міра — вещественные блага — для поддержанія нашего индивидуального существованія, есть всегда трудъ совмѣстный, а слѣдовательно, требующій объективного регулированія. Такимъ образомъ, говоря о производительномъ трудѣ (*wirtschaftliche Arbeit*), мы должны включить въ область нашихъ разсужденій и тотъ порядокъ, въ которомъ трудъ

каждаго отдельнаго лица сочетается съ трудомъ другихъ¹).

Совокупность всѣхъ нормъ, извѣдѣ регулирующихъ хозяйственную дѣятельность человѣка, мы назовемъ *строемъ хозяйства* (*Wirtschaftsordnung*). Онъ образуетъ часть общественнаго или соціальнаго строя вообще²). Такъ какъ строй хозяйства, созданный обычемъ или правомъ, полагаетъ дѣйствія индивидуума при производствѣ и потребленіи благъ («производствѣ», «обращеніи», «потребленіи») строгія объективныя гра-

¹⁾ Можно было бы сказать также, что „хозяйственная дѣятельность“ есть „упорядоченная забота о средствахъ существования“ (*geordnete Lebensf\u00fcrsorge*)³, въ указанномъ выше смыслѣ. Противъ такого определенія не стала бы возражать и Бюхеръ, потому что, если онъ въ своихъ послѣднихъ работахъ и подчеркивалъ особенно беспорядочность, непослѣдовательность и импресіонизмъ „хозяйственной жизни“ дикихъ народовъ, и указывалъ на то, что дикарю приходится прибѣгать ко всякаго рода искусственнымъ испомогательнымъ средствамъ (ритмъ), чтобы придать известную прочность и постоянство своей „хозяйственной дѣятельности“, то подобное (совершенно правильное) мнѣніе не стоитъ ни въ малѣйшемъ противорѣчіи съ моимъ взглядомъ. Я называю заботу о поддержаніи жизни—хозяйственную дѣятельностью—лишь *тойда* (и лишь потому), когда она является упорядоченою, т.-е. дѣлаю моментъ порядка отличительнымъ признакомъ—хозяйственнаго. Слѣдовательно, у меня съ Бюхеромъ различие только въ терминологии.

²⁾ Что хозяйственный строй не тождественъ съ соціальнымъ, на это я имѣть уже случай указать въ своемъ возраженіи *Штаммлеру*, Ср. Braun's Archiv f\u00fcr soziale Gesetzesgebung etc. Bd. X. (1897, стр. 6).

ницы, то въ немъ прежде всего и надо искать разрѣшенія вопроса, какие органы — единичныя или коллективныя личности — имѣютъ наибольшее значеніе для структуры хозяйственной жизни. Эти личности, воля которыхъ опредѣляетъ, или ихъ собственную хозяйственную дѣятельность, или дѣятельность другихъ лицъ, и въ которыхъ, такъ сказать, лежитъ центръ тяжести хозяйственной жизни, мы можемъ назвать *хозяйственными субъектами* (*Wirtschaftssubjekte*) и среди нихъ различать субъектовъ потребляющаго хозяйства и субъектовъ производящаго (*Konsumptions-und Produktionswirtschaftssubjekte*). Въ дальнѣйшемъ намъ придется имѣть дѣло только съ послѣдними. Въ противоположность пассивности строя хозяйства, хозяйственные субъекты являются представителями всего, что только есть въ хозяйственной жизни активнаго, дѣятельнаго, творческаго, такъ какъ отъ ихъ инициативы зависитъ самое развитіе этой жизни и правильный ходъ процесса производства и воспроизведения продуктовъ. Отъ ихъ цѣлесообразныхъ дѣйствій зависитъ хозяйственная жизнь, а сами ихъ дѣйствія опредѣляются извѣстными цѣлями, въ свою очередь, имѣющими свое основаніе въ цѣломъ рядѣ мотивовъ. Поэтому, если мы хотимъ проникнуть въ самую глубь хозяйственной жизни какой-нибудь эпохи, то должны выяснить мотивы, руководящіе дѣйствіями хозяйственныхъ

субъектовъ. Но мы не можемъ довольствоваться составленіемъ общаго списка мотивовъ съ описаніемъ пестрыхъ рядовъ отдѣльныхъ, личныхъ побужденій: въ нашемъ стремлениі найти типическое среди разнообразія и въ перемѣнахъ отыскать какое-нибудь правило—мы должны постараться вскрыть тѣ мотивы хозяйственныхъ субъектовъ, которые въ извѣстную эпоху являются постоянно и однообразно повторяющимися. Вотъ, эти-то руководящіе мотивы, кладущіе особенный характерный отпечатокъ на хозяйственную жизнь той или иной эпохи, слѣдовательно, исторически обусловленные и ставшіе основными принципами и правилами дѣйствій хозяйственныхъ субъектовъ мы назовемъ *хозяйственными принципами* (*Wirtschaftsprinzipien*).

Такимъ образомъ, мы находимъ, что хозяйственная жизнь человѣка опредѣляется (*untersteht*) извѣстнымъ строемъ хозяйства и извѣстными принципами послѣдняго. Но тотъ строй хозяйства, который опредѣляется какимъ либо хозяйственнымъ принципомъ, представляетъ собой—какъ мы хотѣли бы его назвать—*систему хозяйства* (*Wirtschaftsystem*).

Еще шагъ, и мы будемъ у нашей первой цѣли!

Для производства благъ согласно принципамъ хозяйства и для осуществленія въ производствѣ цѣлей, выражениемъ которыхъ служатъ эти принципы, производство должно быть опредѣленнымъ

образомъ организовано. При этомъ повторяются въ правильномъ порядке дѣйствія хозяйственныхъ субъектовъ изависимыхъ отъ нихъ лицъ, возникаютъ опредѣленные типическія отношенія людей другъ къ другу: получается, такимъ образомъ, цѣлая сумма правовыхъ отношеній, нравовъ и обычаевъ, которые заключаютъ въ себѣ сумму опредѣленныхъ дѣйствій и начинаній. Возникаетъ то, что можно назвать формами организаціи производительного хозяйства, а короче, (производительно) хозяйственными единицами (*Wirtschaftseinheiten*). Въ нихъ-то совершается процессъ производства отъ начала до конца, т.-е. начиная съ того момента, какъ планъ производства возникаетъ въ головѣ хозяйственного субъекта (въ данномъ случаѣ руководителя производства), и до того момента, какъ онъ заканчивается соотвѣтствующей цѣли производства реализацией продуктовъ. Существеннѣйшимъ признакомъ опредѣленной *формы хозяйства* является конечная цѣль производства, къ которой оно стремится согласно хозяйственному принципу. Такъ какъ эта цѣль осуществляется лишь въ моментъ реализаціи продуктовъ въ желаемомъ руководителемъ производства смыслѣ, то, короче, можно выразиться такъ: *форма хозяйства опредѣляется процессомъ реализаціи результатовъ производства* (*durch den Verwerthungsprozess der Produktion*).

Но для того чтобы самое производство, вообще, совершилось, необходимо, чтобы процессъ труда былъ доведенъ до конца. А это мыслимо лишь при томъ условіи, чтобы этотъ процессъ происходилъ по извѣстному плану и въ опредѣленномъ порядкѣ. Но, чтобы работа исполнялась по опредѣленнымъ методамъ и планомъ, отдельными рабочими силами должна руководить единая воля. Но для этого требуется, чтобы рабочія силы были направляемы единой волей къ выполнению работы, по опредѣленнымъ методамъ, и весь процессъ производства являлся бы, такимъ образомъ, общимъ единымъ дѣломъ. Такъ возникаетъ *едино регулируемый* (*geordnete*) *процессъ труда*, для правильнаго повторенія котораго явились *производства* (*Betriebe*). Каждое такое производство имѣть также опредѣленную форму, такъ что мы имѣемъ право говорить о различныхъ формахъ производствъ (*Betriebsformen*).

Сущность формы производства заключается въ опредѣленной организаціи (*Anordnung*) рабочихъ силъ для производства потребительныхъ благъ и въ приемахъ, примѣняемыхъ этими рабочими силами; короче говоря—въ *способѣ производства* (*Herstellungsmodus*). Для меня весьма важно проведение такого различія между *формами хозяйства* и *формами производственныхъ предпріятій* т.-е. (держась ближе къ нашей задачѣ) промышленного труда, *сдѣлать прочныиѣ достояніемъ нашей*

науки, такъ какъ я придаю ему,—какъ видно будетъ изъ послѣдующаго—громадное значеніе для правильнаго пониманія хозяйственной жизни.

Въ виду важности предмета, я еще разъ резюмирую выводы нашихъ разсужденій, приведшихъ насъ къ этому двучастному дѣленію. *Форма* хозяйства есть такая организація, созданная хозяйственнымъ субъектомъ на почвѣ хозяйственного строя, въ которой всѣ элементы производства объединяются соотвѣтствующимъ образомъ для достиженія его конечной цѣли—реализаціи результатовъ; *форма же производства* есть опредѣленный способъ соединенія рабочихъ силъ въ производствѣ, т.-е. въ объединенномъ и урегулированномъ процессѣ труда, съ цѣлью созданія опредѣленныхъ потребительныхъ благъ и по опредѣленному методу. При этомъ, такъ какъ эта цѣль—созданіе потребительныхъ благъ—при всѣхъ формахъ производства остается неизмѣнной, а по отношенію къ конечной цѣли производства—реализаціи продуктовъ—является лишь средствомъ, то мы можемъ также различать формы хозяйства и формы производства, называя первыя—формами цѣли (*Zweckformen*), а вторыя—формами средства (*Mittelformen*).

Въ дальнѣйшемъ мы подробно опишемъ различныя формы хозяйства и производства, чтобы вполнѣ иллюстрировать все сказанное выше. Здѣсь же—еще два слова, чтобы поставить въ

всякаго сомнѣнія важность нашей классификаціи, и разсѣять подозрѣнія въ томъ, что намъ вздумалось, будто-бы, покинуть тѣ пути, которыми шло до сихъ поръ «ученіе о системахъ промышленного производства» (*Lehre von den gewerblicher Betriebsystemen*) изъ-за простого удовольствія поиграть въ понятія.

Необходимость нашего нововведенія видна изъ того факта, что исторически формы хозяйства и формы производства были всегда различны, и что лишь строгое разграничение этихъ понятій можетъ привести къ правильнымъ научнымъ выводамъ. И здѣсь¹⁾ уже можно сдѣлать нѣсколько указаний на то, что формы хозяйства и формы производства вовсе не совпадаютъ, но въ различныхъ комбинаціяхъ могутъ вступать въ отношенія другъ къ другу. Въ одной и той же формѣ хозяйства могутъ примѣняться и дѣйствительно примѣняются самыя разнообразныя формы производства: домашнее хозяйство заключаетъ въ себѣ мелкое и крупное производства (стоитъ вспомнить «оїкосное» хозяйство въ древности и въ средніе вѣка!); тоже слѣдуетъ сказать и о ремеслѣ. А капиталистическое предпріятіе пользуется соотвѣтственно своимъ цѣлямъ также, то мелкимъ, то крупнымъ производствомъ, а въ послѣднемъ, то мануфактурой, то фабрикой. Изъ

¹⁾ Ближе обѣ этомъ, см. слѣдующія главы настоящихъ очерковъ.

этого видно, что одна и та же форма производствъ можетъ принадлежать самыи разнообразныи формамъ хозяйства; напримѣръ, фабрика, въ качествѣ формы крупнаго производства, можетъ встрѣчаться, какъ въ расширенномъ натуральномъ хозяйствѣ, производящемъ для собственнаго потребленія (*erweiterte Eigenwirtschaft*), такъ и въ капиталистическомъ предпріятіи и въ общинномъ хозяйствѣ (*Gemeinwirtschaft*). Другими словами, различныи цѣли (лежащія въ основѣ всѣхъ формъ хозяйства) могутъ осуществляться при помощи одинаковыхъ средствъ (однѣхъ и тѣхъ же формъ производства), а различныи средства могутъ служить осуществленію одной и той же цѣли.

Вполнѣ понятнымъ станетъ для насъ различие между хозяйствомъ и производствомъ, если мы представимъ себѣ, какъ часто отдельное хозяйство и отдельное производство являются совершенно неравными величинами, такъ что *одно* хозяйство заключаетъ въ себѣ нѣсколько производствъ, а *одно* производство принадлежитъ нѣсколькимъ хозяйствамъ. Приведемъ примѣры:

Хозяйства, обнимающія нѣсколько производствъ:

домашнее хозяйство заключаетъ, по крайней мѣрѣ, сельскохозяйственное и ремесленное производствы.

Имѣнъ, помѣщичье хозяйство (Fronhof, oikos) заключаетъ въ себѣ обыкновенно цѣлый рядъ производствъ, какъ то: хозяйство на господской землѣ (auf dem Salland), сельскохозяйственный производство обязанныхъ крестьянъ, мукомольное производство, пивовареніе, ремесленную дѣятельность женщинъ, кузнечное ремесло и др.

Капиталистическое предпріятие можетъ заключать въ себѣ многочисленныя отдельныя производства, какъ при домашне-промышленной организаціи, такъ и при крупно-промышленной организаціи производства нѣсколькихъ мастерскихъ, частей промышленного заведенія, которая могутъ разматриваться, какъ самостоятельныя производства.

Товарищество (напр. потребительное товарищество) имѣть часто различныя производства: пекарни, мясные лавки и др.

Производства, принадлежащія нѣсколькимъ хозяйствамъ, встречаются рѣже, но, всетаки, бываютъ. Напримѣръ, цеховыя организаціи среднихъ вѣковъ: гранильныя заведенія, сукновальни, валяльни, красильни, которыми пользовались все ремесленники. Сюда же можно отнести и прядильни, наемный помѣщенія для портныхъ, выстроенные нѣсколькими плотниками сообща и сообща эксплуатируемые ими; мастерскія домашнихъ ремесленниковъ, работающихъ на нѣсколько скупщиковъ и др.

Насколько наша классификація важна при обсужденіи хозяйственныхъ отношеній, видно изъ того факта, что определенная форма производства, напр. фабрика—должна подлежать совершенно различной оцѣнкѣ, смотря по тому, служить ли она, напр., капиталистическимъ или общественно-хозяйственнымъ цѣлямъ; такъ что, когда говорять о результатахъ работы какой-нибудь капиталистически руководимой фабрики, то имѣютъ дѣло, въ сущности, вовсе не съ производительностью определенной формы производства, но, скорѣе, съ различной постановкой цѣлей въ различныхъ формахъ хозяйства.

А сколько разъ происходили подобныя недоразумѣнія! Сколько разъ, напр. ремесло смѣшивалось съ мелкимъ производствомъ, крупное производство съ капиталистическимъ предпріятіемъ.

Большую часть неясностей, встрѣчающихся при обсужденіи нашего промышленного развитія, надо безъ сомнѣнія объяснить недостаточностью и неполнотой систематики формъ производства и хозяйства. Изслѣдованія о положеніи ремесла, предпринятые обществомъ соціальной политики (*Verein für Socialpolitik*), могли бы содѣйствовать распространенію правильныхъ взглядовъ, если бы авторы ихъ вполнѣ ясно понимали разницу между различными формами организаціи промышленного труда въ современномъ его видѣ. Но молодыхъ людей, разрабатывавшихъ матеріалы произведеній

этимъ Обществомъ анкеты нельзя особенно упрекать въ неясномъ пониманіи предмета, такъ какъ у самихъ учителей мы не встрѣтимъ полнаго его пониманія. Вся систематическая часть современного ученія объ организаціи промышленного труда неудовлетворительна, такъ какъ въ нее не вошла важная мысль о раздѣленіи формъ организаціи, на которую мы указывали въ своихъ разсужденіяхъ. Обзоръ важнѣйшихъ, относящихся сюда пунктовъ, подтвердить сказанное.

Раньше я уже указывалъ, что въ четвертомъ отдѣлѣ своего главнаго произведенія *Карлъ Марксъ* придалъ значительную глубину ученію о формахъ промышленного производства¹⁾) и весьма значительно расширилъ ученіе объ основныхъ чертахъ формъ хозяйства, соотвѣтствующихъ различнымъ ступенямъ хозяйства. Но мы будемъ неправы, если заключимъ отсюда, что Марксъ далъ удовлетворительную картину формъ организаціи промышленного труда. Не говоря уже объ его особенности—никогда не возиться долго надъ педантичнымъ опредѣленіемъ и безупречной въ методическомъ отношеніи систематикой, мы наталкиваемся у него даже на такія мѣста, кото-

¹⁾ При дальнѣйшемъ анализѣ различныхъ писателей я буду пользоваться установленной мною терминологіей, — хотя бы она и не совсѣмъ совпадала съ терминологіей анализируемыхъ авторовъ.

рыя убеждаютъ насъ, что нашъ авторъ не вполнѣ ясно понималъ существенную разницу между обоими типами промышленной организаціи. Отличительной чертой четвертаго отдѣла «Капитала» является стремлениe характеризовать мануфактуру и фабрику, какъ специфически капиталистическая формы производства. Въ сущности, противъ такого стремленія, самого по себѣ, нельзя было бы возразить ничего, еслибъ оно не привело, въ концѣ концовъ, Маркса къ полному почти игнорированію различія между обѣими формами крупнаго производства и капиталистического предпріятія. Стоитъ сравнить одиннадцатую главу и четвертый подотдѣль двѣнадцатой главы, гдѣ понятіе «мануфактурное производство» (*manufakturmässiger Betrieb*) употребляется въ перемежку съ понятіемъ «капиталистическое предпріятіе» (напр., стр. 318 и 324 нѣм. ор.) и понятіе коопераціи съ раздѣленіемъ труда (*Arbeitsteilige Kooperation*), въ смыслѣ формы производства (напр. стр. 323). Далѣе, желательны были бы большія строгость и точность въ различеніи домашней промышленности, какъ особой формы капиталистического предпріятія, и формы (производства) изолированнаго процесса труда, на которой поконится трудъ отдѣльныхъ домашнихъ рабочихъ. Такъ, особенно на стр. 307 (нѣм. ориг. рус. 2 изд. 312), гдѣ слова «между тѣмъ» (*indess*), которыми

начинаются послѣднія, строки указываютъ на
далеко не обычную у Маркса неувѣренность¹⁾.
Если изложеніе Маркса является не вполнѣ
удовлетворительнымъ, то позднѣйшія попытки си-
стематики формъ хозяйства и производства слѣ-
дуетъ признать еще болѣе недостаточными.

Непосредственно примыкаетъ, въ этомъ отно-
шении, къ Марксу *Альфонсъ Тунъ*, который въ
приложениі къ своей книгѣ о промышленности
на нижнемъ Рейнѣ, опубликовалъ извѣстную та-
блицу «системъ промышленного производства»
(«gewerbliche Betriebssysteme»)²⁾. Онъ не по-
шелъ дальше Маркса, и ему часто даже не хва-
таетъ глубины послѣдняго.

Тунъ различаетъ четыре формы промышлен-
ного производства: ремесло, домашнюю промыш-
ленность, мануфактуру и фабрику. Затѣмъ, онъ
характеризуетъ эти «системы производства» (Be-
triebssysteme), какъ формы хозяйства, беря за осно-
ваніе при ихъ различіи, главнымъ образомъ,
условія зависимости рабочихъ, т.-е. историко-пра-
вовые моменты, что уже является грубой ошибкой,
потому что домашняя промышленность, ману-
фактуры и фабрика, какъ таковыя, не только не

¹⁾ Ср. также „La misère de la phylosophie“, 128.

²⁾ A. Thun. «Die Industrie am Niederrhein». Bd. II, 1879,
стр. 242 и сл. Основывается на немъ Ad. Braun, «Zur Frage
der gewerblichen Betriebssysteme (Deutsche Worte, IX Jahrg.,
1889, стр. 248 и сл.).

противоположны другъ другу, но даже другъ съ другомъ согласуются. Когда далѣе (l. cit. стр. 242) Тунь говоритъ: «четыре названныя системы производства, прежде всего, можно прослѣдить въ мѣновомъ хозяйствѣ, а также въ производящемъ для собственаго потребленія частномъ хозяйствѣ (*Eigenwirtschaft*)», то очевидно, что системамъ хозяйства онъ придаетъ совершенно другое значеніе, соотвѣтствующее формамъ производства по нашей терминологии. Но и это является опять непослѣдовательностью съ его стороны, такъ какъ онъ тотчасъ же приписываетъ ремеслу признаки исторически опредѣленной формы производства («рабочіе въ большинствѣ случаевъ являются сами предпринимателями, снабженными небольшимъ основнымъ капиталомъ» стр. 242—243).

Весьма много развитію интересующаго насть ученія содѣйствовалъ *Карлъ Бюхеръ* своими работами¹), въ которыхъ онъ старается объединить теорію Маркса и Родбертуса съ упомянутыми уже изслѣдованіями о ремеслѣ, предпринятыми исторической школой національной экономіи. Его таблица пяти «главныхъ системъ промышленного производства» такова: 1) домашнее производство

1) Ср. статью «Gewerbe» въ Conrad's Handwörterbuch и статью «Системы промышленного производства въ ихъ историческомъ развитіи» въ его „die Entstehung der Volkswirtschaft“, 2 Aufl. 1898. (есть русскій перев.).

(Hauswerk), 2) работа по найму (Lohnwerk), 3) ремесло (Handwerk), 4) производство на посредника (Verlagssystem, «Hausindustrie»), 5) фабрика.

Я могу относительно нея замѣтить слѣдующее. Не говоря уже о частностяхъ систематики,— относительно которыхъ я, какъ будетъ видно изъ слѣдующаго, расхожусь съ Бюхеромъ,— я считаю недостаткомъ этой таблицы, опять таки, смѣшеніе формъ производства и формъ хозяйства. Домашнее производство, работа по найму, ремесло, производство на посредника, фабрики— выражаютъ собой опредѣленныя цѣли реализаціи (Verwertungszwecke) продуктовъ, какъ онъ отражаются на формахъ хозяйства; фабрика же есть опредѣленная организація процесса труда, совершенно безразличная по отношенію къ цѣли реализаціи. Все это вполнѣ правильно понято Бюхеромъ тамъ, гдѣ онъ отличаетъ эту форму производства отъ изолированнаго мелкаго производства, составляющаго основу производства на посредника: «фабрика организуетъ весь процессъ труда» и т. д. Но дальнѣе понятіе о фабрикѣ опять сливаются у него съ понятіемъ о капиталистическомъ предпріятіи, когда онъ говоритъ, что «затрата большого капитала и хозяйственная независимость рабочихъ» являются особынностями фабрики (стр. 155). Но развѣ не свойственны эти признаки также системѣ производства на посредника, какъ другой формѣ

капиталистического предприятия? И—наоборот—развѣ рабочіе на фабрикѣ, устроенной соціалистической общиной, были бы также «экономически несамостоятельны»? или, рабочіе въ пекарнѣ производительного товарищества?

Нѣкоторыя достойныя вниманія замѣчанія, относящіяся къ нашей темѣ, можно найти въ диссертациі ученика Бюхера *I. Гельфанд*, хорошо знакомаго также съ Марксомъ,—что уже даетъ основаніе ожидать отъ него нѣчто цѣнное. Къ сожалѣнію, у этого автора не хватило силъ въ самый рѣшительный моментъ. Его раздѣленіе организаціи труда на «техническую» и «экономическую»—близко къ правильному пониманію сути дѣла¹⁾). Но въ дальнѣйшемъ авторъ касается лишь мимоходомъ вопроса объ «организаціи» и совершенно отказывается отъ характеристики различныхъ формъ обоихъ способовъ организаціи и ихъ систематического со-поставленія.

Наконецъ, надо упомянуть здѣсь и о новѣйшихъ работахъ *Густава Шмольера*, касающихся нашего предмета²⁾). Въ своей статьѣ о раздѣленіи труда, его причинахъ и слѣдствіяхъ, гдѣ

¹⁾) *I. Helphand*, Technische Organisation der Arbeit, Zürich. 1891. S. 6—9.

²⁾) *G. Schmoller*, Die Thatsachen der Arbeitsteilung, въ его Jahrbuch, XIII Jahrg. 1889, стр. 1003 и сл. *Eго же*. Die geschichtliche Entwicklung der Unternehmung, тамъ же, Jahrg. XIV—XVII (1890—1894).

было бы умѣстно дать систематику формъ производствъ, Шмollerъ лишь мимоходомъ касается вопроса объ организаціи вообще; между тѣмъ, серія его статей объ историческомъ развитіи предпріятія представляеть, собственно говоря, исторію типовъ соціальной организаціи. Взглядъ Шмollера весьма близко подходитъ къ взглядаамъ, высказываемымъ нами, особенно тамъ, гдѣ подъ «предпріятіемъ» онъ понимаетъ то, что мы называемъ «формой хозяйства». Но у Шмollера я не нахожу (что, впрочемъ, вовсе не было задачей его работы) сознательного и рѣзкаго противопоставленія обѣихъ существенно различныхъ формъ организаціи труда, какъ это задумалъ сдѣлать я. Пунктовъ разногласія между мною и Шмollerомъ во взглядахъ на рядъ организацій формъ хозяйства, для изслѣдованія которыхъ онъ собралъ столько поучительныхъ материаловъ, я подробнѣе коснусь тогда, когда займусь систематическимъ описаніемъ этихъ формъ.

Я не буду здѣсь касаться остальной литературы, такъ какъ она мало дала для разрѣшенія интересующей насъ проблемы: такова, напр. работа *Гельда*¹⁾, занимающаяся детальными во-

¹⁾ *Ad. Held, Handwerk und Grossindustrie* (приложение къ его *Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands*. Leipzig. 1881). Гельдъ различаетъ, известнымъ образомъ, «три формы промышленного производства»: домашнее производство, ремесло и фабричную промышленность.

просами, статьи *Шварца*¹⁾ и *Шеффле*²⁾, трактующія о различныхъ формахъ производства въ одной и той же формѣ хозяйства, — капиталистическомъ предприятіи³⁾.

¹⁾ O. Schwarz, Die Betriebsformen der modernen Grossindustrie въ Zeitschrift für die des Staatswissenschaften, XXV Jahrg. 1869, стр. 535 и сл.

²⁾ A. E. Fr. Schäffle, Die Anwendbarkeit der verschiedenen Unternehmungsformen, ibidem, стр. 261 и сл.

³⁾ Во времіи корректуры получить я книгу R. Liefmann's, Ueber Wesen und Formen des Verlags (der Hausindustrie). Ein Beitrag zur Kentniss der Volkswirtschaftlichen Organisationsformen. Freiburg 1899, близко касающуюся предмета настоящей работы. Строгая критика Лифмана прежнихъ теорій,—включая и мою собственную,—по большей части справедлива. Но его собственную теорію, я считаю неудачной, и самъ Лифманъ, безъ сомнінія, познакомившись съ моими дальнѣйшими работами, сознается, что онъ недостаточно понялъ мою точку зрѣнія, суть которой въ различіи между производствомъ (Produktions—Betrieb) и хозяйствомъ (Produktions—Wirtschaft). Сущность того и другого Лифманъ выяснилъ себѣ, очевидно, далеко не въ достаточной степени; иначе, онъ не сталъ бы утверждать, что существуетъ лишь два рода производства (Betriebsstätte), что единство мѣста производства (Betriebsstätte) является критеріемъ единства производства и не высказалъ бы чудовищной мысли, высказанной имъ на стр. 63 («Produktion ohne (?) Betrieb»). При болѣе глубокомъ размышленіи онъ нашелъ бы признаки, отличающіе производительное предприятіе (Produktionsunternehmung) отъ торгового предприятия (Handelsunternehmung), и долженъ быть бы допустить, что можетъ быть такой руководитель производительного хозяйства (Produktionswirtschaftleiter), который можетъ не быть одновременно ни руководителемъ производства (Betriebsleiter), ни торговцемъ (Händler). У Лифмана, какъ и у прежнихъ авторовъ, мы не встрѣтимъ спасительной

IV.

Производство и формы производства.

1. Понятие и сущность производства.

Подъ производствомъ (Betrieb) мы будемъ понимать организацію (человѣческой дѣятельности) въ целяхъ продолжительного исполненія работъ (Veranstaltung zum Zwecke fortgesetzter Werkver-

мысли, что единство производительного хозяйства (Produktionswirtschaft) заключается не в цели производства благ (Güterzeugung), но в цели их реализации (Güterverwertung). Допускать существование отдельных производительных хозяйств рядом с производствами (Betriebe), не только можно, но и необходимо для правильного понимания современной хозяйственной жизни. Основная мысль Лифмана — классифицировать формы организаций промышленного труда по характеру лежащего в их основах рабочего договора («обменивается» ли продукт или услуга) совершенно неудачна, потому что лишает насть возможности определить центр тяжести хозяйственной жизни, который надо искать в субъектах производительного хозяйства, организующих производство. Ставь на точку зрения Лифмана, мы получили бы передь собой лишь хаотическую беспорядочную кучу отдельных рабочих договоров.

richtung) ¹⁾). Въ этомъ опредѣлениі заключается слѣдующее:

Говоря о «производствѣ» (Betreiben) какой нибудь вещи, мы прежде всего думаемъ о дѣятельности, о выполнении, совершении работы. Это представление должно заключаться и въ научномъ опредѣлениі понятія производства; въ то же время оно должно направить наши мысли нѣсколько въ другую сторону. Говоря о «производствѣ», мы не должны думать ни о поводахъ къ производительной дѣятельности, ни о реализаціи (Verwerung) ея результатовъ. Не всякая дѣятельность есть, уже сама по себѣ, «производство». Что бы быть выдѣленной, въ качествѣ «производства», дѣятельность должна отличаться извѣстными признаками. Говоря о выполнениіи работы (Werkverrichtung), мы уже выражаемъ

¹⁾) Здѣсь мы впервые дѣлаемъ попытку установить экономическое понятіе производства. Оно отличается отъ юридического. Въ юриспруденціи необходимость точной формулировки понятія производства была вызвана прежде всего новѣйшимъ рабочимъ законодательствомъ. Въ юридической литературѣ эта тема наиболѣе подробно и оструумно была разработана у Г. Розина (H. Rosin, Das Recht der Arbeiterversicherung. Bd. I Die rechtsrechtlichen Grundlagen. Berlin. 1893. §§ 33 и сл.). Розинъ опредѣляетъ производство „по смыслу закона“ (im Sinne des Gesetzes), какъ «сумму (Inbegriff) дозволенныхъ хозяйственныхъ дѣйствий относительной безостановочности и продолжительности» (Kontinuität und Dauer) (стр. 209). Выраженіе „дозволенныхъ“ придаетъ опредѣлению правовую, юридическую окраску, которой нѣть въ экономическомъ понятіи.

мысль, что дѣло идеть о комплексѣ дѣятельности—о суммѣ процессовъ труда. Но и не всякий комплексъ дѣятельности для совершения работы есть «производство». Требуются еще дальнѣйша ограниченія. Мы и включимъ, ихъ въ опредѣленіе, если будемъ говорить о *продолжительномъ* (*vortgesetzte*) исполненіи работы¹⁾. Однако, ясно, что и критерій продолжительности недостаточенъ для конструированья понятія «производства», такъ какъ этотъ признакъ присущъ, напримѣръ, дѣятельности многихъ звѣрей, которую нельзя назвать производствомъ. Дѣятельность животнаго, роющаго себѣ нору, собирающаго пищу, дѣятельность бобра, пчелъ, крота—отличаются извѣстной продолжительностью. Но можно ли говорить о производствѣ у этихъ животныхъ? Конечно, нѣтъ. Слѣдовательно, въ понятіи производства должна быть какая-нибудь другая *differentia specifica*, отличающая его отъ

1) То же дѣлаетъ, по мнѣнию Розина (ср. опредѣленіе въ предыдущемъ примѣчаніи), законодатель въ законахъ о страховании рабочихъ. Можетъ быть, здѣсь оказывается влияние на него «господствующей» точки зрѣнія офиціальной германской национальной экономіи, какъ она выражается въ Schönberg's «Handbuch». Тамъ Клейнвехтеръ даетъ такое опредѣленіе (I, 203): „Если производство становится (болѣе или менѣе!) длительнымъ, то говоря о *Betrieb der Produktion* и понимаютъ подъ этимъ (болѣе или менѣе!) продолжительное (*dauernde*) единеніе и трату производительныхъ силъ въ цѣляхъ производства въ какомъ либо хозяйствѣ“.

всякой другой человѣческой дѣятельности, а также отъ продолжительной (*dauernde und kontinuirliche*) дѣятельности животныхъ. По моему, такимъ признакомъ является планомѣрность, порядокъ, свойственные каждому производству. Его то и выдвигаетъ на первый планъ наше опредѣленіе, называя производство организаціей, устройствомъ (*Veranstaltung*).

Если человѣкъ работаетъ одинъ, то порядокъ, благодаря которому эту работу можно назвать производствомъ, есть порядокъ лишь субъективный, складывающійся по разумному *плану* труда-щагося индивидуума. Разъ дѣло идетъ о работе для хозяйственныхъ цѣлей, такой планъ долженъ быть всегда, какой бы неурегулированной, беспорядочной и причудливой ни казалась работа.

Недисциплинированный домашній ремесленникъ (*Hausindustrielle*) во многихъ случаяхъ представляетъ собою типъ такого, повидимому, не имѣющаго опредѣленнаго плана рабочаго: онъ то бездѣльничаетъ, то просиживаетъ ночи за работой, какъ ему вздумается. Но подобная нерегулярность въ работе вовсе не есть признакъ человѣка, работающаго безъ плана, такъ какъ иначе и сама работа не была бы разумной т.-е. человѣческой дѣятельностью. Въ основѣ этого, якобы, беспорядочнаго производства домашняго ремесленника лежитъ опредѣленный планъ работы; согласно этому плану, добыва-

ются средства производства, тратится рабочая сила, прискивается работа и т. д.

Если нѣсколько человѣкъ соединяютъ свои силы для общей работы, планъ производства (Plan der Produktion) необходимо объективируется въ опредѣленный *порядокъ* (Ordnung), такъ какъ для того, чтобы дѣятельность отдѣльного лица планомѣрно входила въ составъ общей работы, для нея заранѣе должны быть опредѣлены надлежащее время и мѣсто и способъ ея проявленія. Такимъ образомъ, складывается известный порядокъ производства (Betriebsordnung); онъ можетъ или подразумѣваться, или можетъ быть выраженъ устно, письменно или печатно; онъ можетъ быть автономнымъ или гетерономнымъ для отдѣльныхъ органовъ трудового процесса— это безразлично, важно только, чтобы порядокъ имѣлъ мѣсто.

Этотъ отличительный признакъ (порядокъ) важенъ для насъ еще и въ другомъ отношеніи: благодаря ему мы можемъ признать каждое отдѣльное производство нѣкоторымъ единствомъ (Einheit), индивидуализировать его, чего невозможно сдѣлать при такомъ опредѣленіи понятія «производство», въ которое не входитъ этотъ нашъ признакъ. Розингъ также приходитъ къ выводу, что „нельзя установить разъ навсегда, съ какой точки зрењія можно обосновать отдѣльное производство и выдѣлить

его изъ другихъ: нѣтъ объединяющаго индивидуализирующаго момента¹⁾. Мы нашли такой моментъ; это единство порядка производства (Einheit der Betriebsordnung), лежащее въ основѣ организаціи производства. При этомъ намъ, конечно, приходится во всѣхъ его оттѣнкахъ опредѣлить моментъ единаго порядка производства.

Общей задачей организаціи производства является цѣлесообразное сочетаніе отдѣльныхъ факторовъ производства въ одно цѣлое при помощи правильнаго ихъ расположенія во времени и пространствѣ²⁾. Въ частностяхъ, организація

¹⁾ L. с. 212. Розинъ перечисляетъ всѣ тѣ признаки, которые опредѣляютъ единство производства по смыслу закона о страхованиі, а именно: 1) тождество (Identitt) предпринимателя производства, за счетъ котораго (fr dessen Rechung) совершаются извѣстный комплексъ дѣйствий; 2) личный моментъ предпринимателя и вещный моментъ предмета производства; 3) opus, какъ конечная цѣль производства; 4) средства производства и помѣщенія для производства; 5) одни лишь помѣщенія для производства (стр. 212—217).

²⁾ „Техническая организація,—по нашей терминологии, организація производства,—состоитъ въ томъ, чтобы собирать рабочія силы для нужной творческой дѣятельности (Kunst und Gewaltverrichtungen), снабжать ихъ потребными орудіями и средствами и составлять изъ этихъ послѣднихъ способное къ дѣйствіяхъ техническое тѣло.—Техническая организація состоить далѣе въ продолжительномъ заготовленіи и соединеніи рабочихъ силъ, подлежащихъ обработкѣ матеріаловъ, вспомогательныхъ матеріаловъ, оборотныхъ средствъ (Umsatzmittel), постоянныхъ помѣщеній, химическихъ аппаратовъ, транспортировочныхъ машинъ (оружія и проч. оборонительныхъ орудій) для образования единаго цѣлаго“. Sch ffle, Bau und Leben des soc. K rg. I. 873.

производства сводится къ слѣдующимъ пунктамъ, по которымъ нужно будетъ прослѣдить единство организаціи производства для того, чтобы признать послѣднее единымъ:

- a) *подготовленіе* къ процессу труда (*Einleitung des Arbeitsprozesses*); сюда относится распорядительная власть относительно пріема, назначенія на работы и отпуска рабочихъ, въ соображеніи съ потребными количествомъ и качествомъ послѣднихъ, а также распорядительная власть надъ нужными для производства помѣщеніями и средствами труда;
- в) *устройство* (*Gestaltung*) процесса труда, т.-е. опредѣленіе мѣста и времени производства;
- с) *проведеніе* (*Ausfhrung*) процесса труда, т.-е. забота о фактическомъ приведеніи въ исполненіе намѣченного плана для успешнаго завершенія процесса труда, для чего руководство процессомъ должно быть объединеннымъ, что съ вѣнѣшней стороны выражается въ идентичности (тождественности) руководящихъ и наблюдающихъ за ходомъ процесса органовъ.

Это можно пояснить на нѣсколькихъ примѣрахъ. Едино руководимымъ (*einheitlich geordnete*) производствомъ является, по правилу, производство домашняго ремесленника, такъ какъ оно удовлетворяетъ тремъ указаннымъ требованіямъ:
а) домашній ремесленникъ береть себѣ рабочія силы по своему усмотрѣнію,—сколько и какія онъ

хочеть; онъ снабжаетъ ихъ необходимыми средствами труда, при чмъ совершенно безразлично, получаетъ онъ орудія и сырые материалы отъ посредника (*Verleger*) или нѣтъ—это выражаетъ лишь извѣстное имущественно-правовое отношеніе; онъ предоставляетъ въ распоряженіе рабочихъ рабочее помѣщеніе; однимъ словомъ, онъ является организаторомъ процесса труда, имѣющаго цѣлью *исполненіе* (*Ausfhrung*) извѣстной работы; в) онъ назначаетъ мѣсто производства—у себя на дому или въ другомъ помѣщеніи; онъ назначаетъ и время работы: начало, конецъ, перерывы; с) онъ наблюдаетъ за производствомъ и на немъ лежатъ, такъ сказать, полицейскія обязанности при производствѣ. Всѣ эти моменты планомѣрно объединены въ одномъ домашнемъ промышленномъ производствѣ, различно въ различныхъ производствахъ. Впрочемъ, въ этихъ послѣднихъ инициатива производства можетъ исходить изъ одного мѣста, именно, отъ одного капиталиста—предпринимателя. Слѣдовательно, для единства производства *недостаточно* распределенія (*Zuteilung*) работы между отдѣльными домашними ремесленниками, даже если оно происходитъ и по общему, единому плану. Для осуществленія единства въ производствѣ требуется не только объединенное *веденіе* производства (*Produktionsleitung*), но и объединенное *руководство самой работой* (*Werklei-*

tung) ¹⁾. Нельзя также назвать объединеннымъ производствомъ купеческое „дѣло“, т.-е. предпріятіе, во главѣ котораго стоитъ одно лицо, но у котораго въ одномъ мѣстѣ есть прядильня, въ другомъ ткацкая мастерская, въ третьемъ печатня и т. д.; это уже не одно производство, а нѣсколько, что можетъ выражаться, напримѣръ, въ со-

¹⁾ Что единство производства при домашне-промышленной организаціи выражается не совокупностью домашнихъ рабочихъ, стоящихъ подъ командой посредника, а именно личностью отдельного домашняго рабочаго, особенно ясно становится тогда, когда въ домашней промышленности возникаютъ болѣе крупныя мастерскія посредниковъ („Zwischenmeisterwerksttten“). Эти производства уже всякий долженъ разсматривать, какъ единыя, обособленныя дѣлыя, особенно если они работаютъ то на одного, то на другого посредника, или, даже на нѣсколькихъ одновременно. Послѣднее часто бываетъ и у отдельныхъ домашнихъ рабочихъ: но въ какомъ производствѣ работаютъ они въ такомъ случаѣ? вступаетъ ли домашній рабочій въ другое производство, откладывая сшитыя для одного посредника брюки и принимаясь за жилетъ для другого? Интересно прослѣдить, при помощи какихъ ухищреній посредники стараются загладить недостатокъ объединенности и единства домашняго производства. Они прибѣгаютъ къ т. наз. понукателіямъ (Eintreiber), по поводу которыхъ „Konfektionr“ отъ 16 Марта 1899 замѣчаетъ слѣдующее: „Ищутъ понукателей!“ Это выражение ново, такъ какъ прежде въ конфекціонномъ производствѣ знали только „распорядителя“ („Einrichter“). „Понукателями“ называются молодые люди, которые во время сезона ежедневно съ утра до вечера обходять портныхъ и наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы партіи заказовъ были готовы въ урочное время, чтобы портные принимались сначала за нужныя и спешныя вещи, чтобы они въ данный моментъ дѣлали вышитые, а не тюлевые воротнички, которыхъ еще не носять и т. д. На такихъ понукателей теперь большой спросъ.

вершенно различныхъ распорядкахъ въ каждомъ изъ этихъ отдельныхъ производствъ: въ то время какъ въ одномъ изъ нихъ могутъ соблюдать католические праздники, въ другомъ нѣть¹⁾; въ одномъ, — рабочихъ могутъ прижимать, въ другомъ,— нѣть; въ одномъ—могутъ происходить стачки, а въ другомъ—нѣть; въ одномъ—могутъ вводиться какие нибудь новые способы, а въ другомъ—нѣть; одно можетъ быть совсѣмъ уже въ ходу, другое — нѣть: въ одномъ можетъ послѣдовать сокращеніе рабочаго времени, въ другомъ—нѣть и т. д.

Итакъ, если объединенная организація производства (*einheitliche Produktionsorganisation*) оказывается недостаточной для единства производства (*Einheitlichkeit des Betriebes*), то, обратно, единство мастерскихъ не является всегда необходимымъ требованіемъ для единства производства: единство можетъ быть, хотя производство и совершается въ различныхъ пунктахъ. Если процессъ производства совершается въ послѣдовательные промежутки времени (*geschieht dies nach einander*), то, вообще, не можетъ и возникать сомнѣнія относительно его единства; такъ

¹⁾ Ср., напримѣрь, известный случай волненій среди рабочихъ въ Писбергѣ, на рудникѣ *Georgs-Marie*. Споръ возникъ изъ-за того, что въ этомъ рудникѣ предполагалось соблюдать другие католические праздники, чѣмъ въ остальныхъ. См. *Deutsche Industriezeitung* XVII (1898) № 9, стр. 193 и сл.

напр., при работѣ переходныхъ рабочихъ, русскихъ артелей и т. д. Но подобное замѣчаніе имѣть силу и для одновременной работы въ пространственно-различныхъ мѣстахъ. Это видно на при-мѣрѣ вагонной мануфактуры, занимающей 30—40 гектаровъ площади и отдѣльныя мастерскія которой находятся подъ строгимъ единымъ контролемъ, хотя порой и стоятъ на получасъ ходьбы другъ отъ друга. Но и расположенные отдѣльно друга отъ друга мастерскія (*Werke*) доменнай печи или желѣзнаго рудника, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могутъ входить въ составъ одного производства; напр., доменная и коксовальная печи, или домна и пудлинговая и плавильная печь, или сталелитейный заводъ и прокатная мастерская. Рудникъ, представляющій собою, во всякомъ случаѣ, единое производство, уже въ силу своихъ естественныхъ свойствъ захватываетъ нѣсколько отдѣленныхъ другъ отъ друга мѣстъ (*Stätte*). Если различныя мѣста разработки (*Arbeitstellen*), тяготѣющія къ одной рудоподземной шахтѣ (*Förderschacht*) и объединяются ею по мѣсту, то, съ другой стороны, одинъ и тотъ же рудникъ имѣть нѣсколько рудоподземныхъ шахтъ; затѣмъ, кромѣ рудоподземной шахты въ составѣ производства, напр. желѣзной руды и цинка—входятъ еще промывочные и нѣкоторыя другія заведенія, расположенные часто на склонѣ горы въ получасѣ или часѣ ходьбы

отъ шахты. Точно также въ ткацкомъ дѣлѣ бѣлильня и красильня могутъ находиться совершенно отдельно отъ ткацкой и, всетаки, входить вмѣстѣ съ послѣдней въ составъ одного производства.

Бываютъ также такие случаи, когда рабочихъ, работающихъ совершенно изолированно по одиночкѣ и разбросанныхъ на значительномъ пространствѣ, приходится считать принадлежащими къ одному производству, такъ какъ они подчинены даже въ мельчайшихъ деталяхъ своей работы одному руководителю. Сюда причисляю я, напр., разсылаемыхъ центральнымъ управлениемъ помощниковъ живописцевъ (*Malergehülfen*), работающихъ въ отдельныхъ жилищахъ: имъ не только дается планъ производства въ мельчайшихъ деталяхъ, но они находятся подъ непрерывнымъ контролемъ мастера (*Malermeister*), обходящаго ихъ всѣхъ по очереди, при чемъ заранѣе устанавливаются сроки для начала и конца ихъ работы, для отдыха и т. д.—Также можетъ случиться, что нѣсколько изолированно работающихъ домашнихъ рабочихъ могутъ образовать одно производство: для этого требуется лишь объединенное внутреннее руководство исполненіемъ работы. Такой примѣръ представляетъ собою одна организація, которая, по свидѣтельству Туна имѣла мѣсто въ древней крефельдской шелковой промышленности. Тамъ въ случаѣ

надобности, фирма ставила новый ткацкій станокъ въ жилищѣ мастера, ему давались помощники и въ вознагражденіе за присмотръ за ними ему назначалась часть ихъ заработанной платы... Если дѣла шли плохо, то у болѣе крупныхъ мастеровъ останавливали три, четыре, пять станковъ, и опредѣляли имъ количество рабочихъ часовъ въ день. Выполненіе контроля въ маленькомъ городишкѣ было чрезвычайно легко ¹⁾). Равнымъ образомъ, и производство различныхъ ремесленниковъ многихъ средневѣковыхъ цеховъ можно рассматривать во многихъ отношеніяхъ, какъ объединенное производство. Въ самомъ дѣлѣ, права надзора и контроля со стороны цеха простирались сплошь и рядомъ не только на качество товаровъ, примѣненіе вспомогательныхъ силь, пользованіе инструментами, но и на рабочее время, начало и конецъ его, отдыхъ и т. д. „Въ Ахенѣ въ одиннадцать часовъ утра и въ девять часовъ вечера раздавался звонъ колокола, съ которымъ должна была согласоваться работа всѣхъ суконщиковъ“ ²⁾). Развѣ это не объединенное веденіе процесса труда? И—обратно, подъ одной и той же кровлей, въ одной и той же комнатѣ, могутъ вестись два или нѣсколько производствъ; напр., двѣ бѣлошвейки или два портныхъ, сидя въ

¹⁾ A. Thun. Industrie am Niederrhein. I 87 f.

²⁾ (с. 10—11 стр.).

одной и той же комнатѣ, исполняютъ совершенно различнаго рода работы. Но, въ то же время, какъ часто приходится встрѣтить въ какомъ-нибудь промышленномъ заведеніи законченные и замкнутые рабочие процессы, со всѣми отличительными признаками самостоятельнаго производства въ другомъ производствѣ. Возьмемъ, напр., бѣлизнью, включенную въ прядильное заведеніе, и работающую съ нимъ по одному патенту; но во главѣ которой стоитъ отдѣльный специалистъ, въ которой введены особые рабочие часы и которая бѣлить пряжу, то одной, то другой прядильни. Мы должны рассматривать подобную бѣлизнью, какъ отдѣльное самостоятельное производство. Совершенно также должны мы отнести, встрѣчая на бойнѣ отдѣльную солильню для кожъ или салотопию¹⁾.

Въ книжкѣ, содержащей статистическія свѣдѣнія о предпріятіи *Фридриха Круппа* (Х.1886), на стр. 11 и сл. значится: «сталелитейной фабрикѣ въ Эссенѣ принадлежать слѣдующія «производства»: 2 бессемеровскихъ, 4 мартеновскихъ,

¹⁾ Напр., въ отчетѣ о состояніи городскихъ боенъ и скотопригонныхъ дворовъ въ Бреславль за 1896—97 значится: салотопия сдана на 10 лѣтъ въ аренду бреславльскому юсудо-сберегательному банку; предметомъ аренды служать устроенные для этой цѣли постройки со включеніемъ сюда водопроводовъ, главнаго парового двигателя (Befriebsdampf), но съ исключеніемъ всѣхъ другихъ механическихъ сооруженій.... Салотопия была пущена въ ходъ 1-го декабря 1897 г. (стр. 26). Бойня была открыта 1-го октября 1896 г.

2 сталелитейныхъ завода, пудлинговое производство, сварочная мастерская, плавильня для тигельной стали, чугунно-плавильный заводъ, заводъ для отливки ядеръ (*Geschossgiesserei*), латунно-плавильный заводъ, калильныя печи (*Glühhäuser*), камеры для закаливанія, тигельные камеры и т. д.; — во всѣхъ этихъ случаяхъ слово „производство“ понимается въ нѣсколько болѣе узкомъ смыслѣ чѣмъ нами. Но, съ другой стороны ясно, что «сталелитейная фабрика въ Эссенѣ» никоимъ образомъ не представляетъ собой одного производства, что она имѣеть нѣсколько распорядительныхъ и руководящихъ центровъ, которые въ крупно-капиталистическихъ предпріятіяхъ обыкновенно совмѣщаются въ лицѣ „директора“. Часть дѣла, которой можетъ руководить одинъ человѣкъ, становится «производствомъ» (*Betrieb*), руководитель которого вполнѣ самостоятеленъ и получаетъ отъ „главнаго директора“ — общаго руководителя, лишь инструкціи самаго общаго характера. Строгое разграничение на практикѣ и выдѣление въ особыя „производства“ различныхъ отдѣловъ крупно-капиталистического дѣла — фактъ, хорошо известный всѣмъ свѣдущимъ людямъ и подтверждающій правильность нашего опредѣленія. «Это меня не касается, это дѣло моего коллеги» — такой отвѣтъ часто приходится слышать отъ начальника отдѣленія крупныхъ промышленныхъ

зведеній, который уже своимъ титуломъ „завѣ-
дующаго производствомъ“ (Betriebsdirector) ука-
зываетъ на единство въ научномъ отношеніи
руководимаго имъ производства. Въ одномъ
крупномъ рудникѣ (Montanwerk) въ верхней
Силезіи я нашелъ нѣсколько самостоятельныхъ
производствъ, — хотя и не разграниченныхъ
вполнѣ территоріально,— администрація которыхъ
была подчинена «центральной дирекціи, имѣющей
мѣстопребываніе въ другомъ мѣстѣ»; благодаря
этому, ими получались лишь самыя общія указанія
относительно производства, и не могло быть рѣчи
о какомъ либо строгомъ, систематическомъ руко-
водствѣ. Подобная организація составляетъ пра-
вило повсюду, где отдельныя части производства
разрослись до такихъ размѣровъ, что требуютъ
близкаго руководства технически образованнаго
человѣка.

2. Формы производства.

При полномъ недостаткѣ *критической* систе-
матики производствъ¹⁾, весьма желательно пред-

¹⁾ Изъ литературы послѣ Маркса къ нашему предмету относятся лишь отдельныя мѣста въ работахъ *Бюхера* и *Германна*, которые однако вовсе и не задавались цѣлью крити-
ческой разработки материала. Да и Марксъ, какъ известно,

послать нашей собственной системѣ критику критеріевъ, тѣхъ *principia divisionis*, которыхъ имѣютъ главное значеніе для различенія видовъ производства.

Прежде всего, конечно, является мысль признать отличительнымъ признакомъ отдѣльныхъ видовъ и формъ производства ту *цѣль*, для которой данное производство собственно возникаетъ. Цѣль эта, какъ мы знаемъ, есть созданіе потребительныхъ благъ. Если бы мы предприняли классификацію производствъ на основаніи различій (*Modalitt*) ихъ цѣли, то намъ представилось бы на выборъ одно изъ двухъ: мы могли бы сосредоточить свое вниманіе или на сущности созданныхъ въ производствѣ потребительныхъ благъ, состоящей въ томъ, что они являются потребительной цѣнностью — потребительнымъ благомъ *in abstracto* — или на вицѣней формѣ ихъ проявленія, съ какой мы встрѣчаемся въ перстромъ ряду различныхъ потребительныхъ благъ: башмаковъ, платьевъ, книгахъ — потребительныхъ благахъ *in concreto*. Въ первомъ случаѣ цѣль

быть далекъ отъ критической точки зреінія въ отношеніи къ нашей проблеммѣ. Какъ ни остроумна и какъ ни полезна была для нашей дальнѣйшей работы его систематика, все-таки, теперь уже она, разумѣется, не можетъ быть признана удовлетворительной. Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ еще представится случай указать настоящее мѣсто положеніямъ Маркса.

созданія потребительныхъ благъ представляется единой, во второмъ же—число отдѣльныхъ цѣлей безконечно; но въ обоихъ случаяхъ признакъ этотъ (постановка цѣли) оказывается одинаково непригоднымъ для того, чтобы быть взятымъ за основаніе систематизаціи видовъ производства: во-первыхъ, потому, что вообще здѣсь цѣли не различны, а однообразны; во-вторыхъ, потому, что классификація конкретныхъ потребительныхъ благъ по отдѣльнымъ цѣлямъ привела бы только къ бесполезному перечисленію отдѣльныхъ отраслей производства.

Кромѣ того, надо принять во вниманіе еще слѣдующее соображеніе: цѣль, даже и опредѣленная въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, не могла бы намъ дать никакихъ указаний относительно важныхъ признаковъ производства, различенію которыхъ мы придаемъ большое значеніе. Такъ, напр., цѣль не имѣтъ существенного значенія (*ist indifferent*) при опредѣленіи момента величины производства, приемовъ работы и т. д.

На основаніи этихъ и другихъ причинъ, выборъ цѣли производства въ качествѣ принципа дѣленія оказывается совершенно непригоднымъ. Этотъ принципъ мы найдемъ, скорѣе, въ *различияхъ структуры производства* (*Modalitte der Betriebsgestaltung*), т.-е. въ особенностяхъ средствъ производства (*Eigenart der Mittel*).

Большая часть прежнихъ систематиковъ про-

изводства, поступала, конечно, не критически, когда классифицировала производства на основании ихъ величины (*Grösse*) или размѣровъ (*Umfang*). Не подлежитъ сомнѣнію, что, такимъ образомъ, захватывался крайне важный моментъ структуры производства. Но, несмотря на это, я колеблюсь взять размѣры производства за *fundamentum divisionis*, и вотъ почему. Во-первыхъ, весьма трудно опредѣлить размѣры какого фактора—въ производствѣ должны итти въ разсчетъ при классификаціи. Представляются различныя возможности при этомъ. Въ основу дѣленія можно класть, или протяженіе производства въ пространствѣ, или количество продуктовъ, или величину и число примѣняемыхъ моторовъ и рабочихъ машинъ, или наконецъ,—что чаще всего и дѣляютъ,—число занятыхъ въ производствѣ рабочихъ. Смотря по тому, какой бы изъ этихъ факторовъ мы выбрали, намъ пришлось бы зачислять различныя производства, то въ ту, то въ другую рубрику—«крупнаго», «средняго», «мелкаго» производства. Но даже допустивъ, что единый признакъ, опредѣляющій выбранный моментъ величины производства, найденъ, и принялъ за таковой—число занятыхъ рабочихъ, мы все еще не покончили бы со всѣми возраженіями противъ этого критерія. Во-вторыхъ надо припомнить, что величина есть вѣдь только *differentia gradualis*, но никакъ не *differentia specifica*. Гдѣ же въ такомъ случаѣ будеть

лежать граница между мелкимъ, среднимъ и крупнымъ производствами? Тамъ, гдѣ установила ее по традиції статистика? Но почему, именно, при 5 и 20 лицахъ, а не при 10 и 30? Для удовлетворительного отвѣта на эти вопросы пришлось бы обозначить *специфическая* различия различаемыхъ по величинѣ классовъ (Grössenklassen); чѣмъ быль бы совершенно устраненъ критерій чистой, абстрактной величины. Въ 3-хъ, неудовлетворителенъ взятый критерій еще и потому, что онъ весьма неопределенно выражаетъ особенности (Eigenart) данного производства. Прежде всего, онъ безразличенъ (indifferent) по отношению къ чрезвычайно важной характерной чертѣ структуры производства пріемамъ труда. Всѣ эти соображенія побуждаютъ меня низвести величину производства на степень лишь principium subdivisionis, не оставляя, однако, совсѣмъ безъ вниманія нѣкотораго его значенія и какъ принципа классификаціи (Einteilungsprinzip).

Признакъ производства, лежащимъ въ основѣ не только differentiae gradualis, но и differentiae specificae, является уже неоднократно упоминавшійся способъ (пріемы) труда (Arbeitsverfahren), примѣняемый въ производствѣ. Мы уже настолько знакомы съ различными методами труда, что легко можемъ дать классификацію производствъ, взявши за основаніе дѣленія этотъ признакъ. Мы получимъ тогда слѣдующее:

1. Производства, основанныя на разложении труда и производства, не пользующиеся такимъ пріемомъ;
2. производства, въ которыхъ имѣеть мѣсто соединеніе матеріаловъ (*materialvereinigende*), и производства, въ которыхъ матеріалы не соединяются;
3. производства ремесленныя и машинныя, смотря по характеру орудія труда;
4. мануматорныя и механомоторныя машинныя производства,—смотря по тому, приводятся ли машины въ дѣйствие человѣческой силой или силами природы;
5. производства, ведущіяся эмпирически и производства, ведущіяся рационально,—смотря по характеру общаго веденія производства.

Противъ такого способа классификаціи можно однако привести серьезныя возраженія. Прежде всего, одно—формального свойства: правда, на основаніи различія примѣняемыхъ въ производствѣ пріемовъ, легко дать длинный рядъ двучастныхъ дѣйствій, какъ это и видно изъ нашего перечисленія; но, въ то же время, крайне трудно образовать законченную настоящую систему изъ этихъ, стоящихъ рядомъ, двойныхъ формъ; а это—то, какъ разъ, и составляетъ нашу задачу. Среди перечисленныхъ признаковъ различія нѣтъ ни одного настолько важнаго и значительного, чтобы ему можно было подчи-

нить всѣ остальные. Такимъ образомъ, нѣть главнаго дѣленія, въ которое можно было бы включить всѣ остальные пары перечисленныхъ формъ производства. Далѣе, еще болѣе существенное возраженіе противъ классификациіи, на основаніи пріемовъ труда: эти пріемы такъ же, какъ и величина производства, имѣютъ мало отношенія (*indifferent*) къ другимъ важнымъ отличительнымъ признакамъ структуры производства, и, въ то же время, только съ одной ихъ помощью нельзя дать яснаго разграничения и раздѣленія действительного различныхъ видовъ производства. Если моментъ величины производства мало зависитъ отъ пріемовъ труда, то зависимость этихъ послѣднихъ отъ величины производства еще болѣе незначительна.

Пріемъ разложенія труда или пріемъ соединенія материаловъ могутъ столь же успешно примѣняться отдельнымъ рабочимъ, какъ и тысячеголовой рабочей массой, да и другие способы труда принципіально вовсе не связаны съ какими-нибудь определенными размѣрами производства. Примѣненіе определенныхъ, конкретныхъ пріемовъ можетъ быть возможно лишь при определенныхъ размѣрахъ производства: конечно, современную бумажную машину или домну я не могу примѣнить въ мелкомъ производствѣ. Но самый принципъ машинного, автоматического производства осуществимъ, какъ въ самомъ мелкомъ,

такъ и въ самомъ крупномъ производствѣ. Машинное производство въ самомъ чистомъ его видѣ мы встрѣчаемъ у «бѣдной швеи» или у домашняго ткача, механическая сила въ $\frac{1}{4}$ лошадиной столь же часто примѣняется мелкимъ ремесленникомъ-производителемъ, какъ и въ крупномъ производствѣ. Очевидно, мы ни на шагъ не подвинемся въ своей систематикѣ производствѣ, если поставимъ на одну доску бѣлоншвейку и Круппа и противопоставимъ ихъ нашему сапожнику и парижской гобеленовой мануфактурѣ потому только, что въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ машиннымъ производствомъ, а во второмъ нѣтъ¹⁾). Изъ всѣхъ этихъ

¹⁾ Здѣсь мимоходомъ слѣдуетъ замѣтить, что выводы нашего изслѣдованія имѣютъ значеніе для отвѣта на вопросъ, поставленный т. наз. матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи,—вопросъ о зависимости между „техникой“, „хозяйственнымъ строемъ хозяйства“ и „строемъ общественнымъ“. Разъ желательно ясно представить эту зависимость, 1) то, прежде всего, необходимо согласиться относительно значенія понятій: „техника“, „способъ хозяйства“, „соціальный порядокъ“ и пр. Я думаю, что своей классификацией я положу этому начало. Затѣмъ, 2) слѣдовало бы установить, между чѣмъ требуется указать зависимость. По нашей терминологіи: А. между методами труда и формами производства; В. между методами труда и формами хозяйства; С. между формами производства и формами хозяйства. Наконецъ, 3) слѣдовало бы узнать, какого рода зависимость мыслится при этомъ: т. наз. естественно необходимая, т.-е. не могущая быть иной, или, цѣлесообразная, которая устанавливается разумно человѣкомъ, ставящимъ извѣстныя цѣли. Здѣсь мы не будемъ касаться этихъ вопросовъ. Если же мы пожелаемъ подвести

разсужденій необходимо слѣдуетъ, что для болѣе удачной классификациії производствъ, необходимою основаніемъ дѣленія брать оба признака, имѣющіе, какъ мы видѣли, рѣшающее значеніе для структуры производства,—величину производства и методъ труда. Если желательна правильная классификація, то никакъ не слѣдуетъ брать одинъ изъ этихъ признаковъ за *principium divisionis*, а другой за *principium subdivisionis* (что, при равнозначенности обоихъ признаковъ, можно было бы сдѣлать лишь по произволу); напротивъ, надо постараться оба названные критерія объединить въ одномъ высшемъ понятіи и затѣмъ уже съ помошью его предпринимать дѣленіе на главныя категоріи. Объединителемъ обоихъ нашихъ моментовъ, опредѣляющихъ структуру про-

итогъ всѣмъ нашимъ предыдущимъ изслѣдованіямъ, то окажется, что между методами труда — обычно называемыми „техникой“ — и характерными признаками структуры производства *иѣтъ* такой зависимости, чтобы напр., определенные методы труда требовали определенныхъ размѣровъ производства, или чтобы послѣдніе были возможны лишь при определенныхъ приемахъ труда. Для примѣненія данного приема труда представляется большой просторъ такъ что для доказательства закономѣрности хода развитія въ направлениі къ определенной структурѣ производства, наличности одного определенного приема труда еще недостаточно. Основной мыслью книги, къ которой печатаемая здѣсь главы служить лишь введеніемъ, будетъ доказать это положеніе и вскрыть тѣ потенциальныя силы, изъ постоянного и необходимаго дѣйствія которыхъ проистекаетъ то, что мы обыкновенно называемъ соціальной закономѣрностью.

изводства будетъ моментъ *порядка сочетанія* (Anordnung) *факторовъ производства*. Соединеніе нѣсколькихъ рабочихъ силъ въ одно производство,—чѣмъ опредѣляется его величина, а также примѣненіе въ этомъ производствѣ опредѣленного метода труда,—сводится, въ сущности, одинаково къ установлению опредѣленного порядка сочетанія. Избравъ послѣдній въ качествѣ отличительного признака различныхъ видовъ производства, мы удовлетворимъ также и другому требованію здраваго мышленія, такъ какъ для подраздѣленія производства мы обращаемся вновь къ *differentia specifica* этого понятія и, такимъ образомъ, основываемъ нашу классификацію на модификаціяхъ самаго существеннаго (*konstitutiv wesentliche*) признака нашего понятія. Наконецъ, указанный способъ дѣленія идетъ въ разрѣзъ съ обычной терминологіей, разъ только мы сможемъ представить себѣ ясно и образно отдѣльные *виды* производства (Betriebsarten), различаемые нами на основаніи признака порядка сочетанія, и потому съ удобствомъ назовемъ ихъ *формами* производства (Betriebsformen),—какъ мы и будемъ дѣлать въ дальнѣйшемъ.

Факторами (Productionsfactoren), могущими стать объектами сочетанія въ производствѣ, являются *человѣческая рабочая сила и винтиная природа*¹⁾.

¹⁾ Ср. для слѣд. Маркса, Капиталь, V глава «Процессъ труда».

Первую мы можемъ назвать личнымъ факторомъ производства, а вторую—вещнымъ, вещественнымъ (*sachlich*). Но «*внѣшняя природа*» слишкомъ широкое описательное выражение, такъ что является необходимость опредѣлить точнѣе, что мы подъ нимъ разумѣемъ. Природа во всякомъ процессѣ производства проявляется въ видѣ: 1) условій труда, 2) предмета труда и 3) орудій труда. Въ первой своей функции она создаетъ материальныя условия производительного труда, безъ которыхъ, вообще говоря, невозможенъ никакой трудъ; при этомъ безразлично, даны ли эти условія самой природой, напр., земля (какъ мѣсто), воздухъ (какъ атмосфера), силы природы, или же созданы человѣкомъ въ потребной для него формѣ—какъ рабочія зданія, дороги, каналы. Предметъ труда есть та вещь, *надъ которой* совершается человѣческая работа. И его или находять готовымъ въ природѣ, какъ, напр., руду, уголь, кремень, которымъ пользовался первобытный человѣкъ, чтобы сдѣлать изъ него орудіе; или же онъ самъ является продуктомъ труда, что и бываетъ обыкновенно. Въ этомъ случаѣ предметъ труда мы называемъ сырымъ материаломъ. Сырой материалъ самъ уже по себѣ можетъ быть годнымъ къ употребленію благомъ, какъ, напр., виноградная кисть, въ качествѣ сырого материала при винодѣліи, уголь, соль и другіе, такъ называемые вспомогательные материалы при про-

изводствѣ. Или же, онъ встрѣчается въ такой формѣ, что можетъ служить только въ качествѣ сырого материала для дальнѣйшей переработки, и въ этомъ случаѣ онъ называется полуфабрикатомъ, (по Марксу—*Stufenfabrikat*) — какъ-то: хлопчатая бумага, древесина, чугунъ. Наконецъ, орудіе труда (*Arbeitsmittel*) мы уже знаемъ: мы опредѣлили его, какъ вещь или сумму вещей, которая работникъ помѣщаетъ между собой и предметомъ труда, чтобы при ихъ посредствѣ воздѣйствовать на другія вещи сообразно своимъ цѣлямъ. Точноѣ, мы можемъ различать активныя и пассивныя орудія труда. Марксъ называетъ первыя «механическими орудіями труда», которые, взятые въ цѣломъ, могутъ быть названы скелетомъ и мускульною системою производства»; это—орудія и машины, которые, подъ руководствомъ человѣка, принимаютъ дѣятельное участіе въ переработкѣ подлежащаго преобразованію материала; между тѣмъ, какъ другая категорія орудій труда играетъ болѣе пассивную роль въ производствѣ, орудія этой категоріи служатъ вмѣстилищами веществъ и силъ (напр. трубы, бочки, горшки, корзины) и «всѣ въ совокупности могутъ быть названы сосудистой системой производства». Всѣ составныя части материальнаго, вещественнаго фактора производства мы можемъ назвать *средствами производства* (*Productionsmittel*) въ широкомъ смыслѣ и разли-

чать между ними, какъ средства производства въ узкомъ смыслѣ, тѣ, которыя сами уже являются продуктами труда. Въ дальнѣйшемъ, гдѣ не будетъ оговорокъ, мы будемъ говорить о средствахъ производства въ первомъ, болѣе широкомъ смыслѣ, т.-е. какъ о совокупности вещественныхъ факторовъ производства. Всякая организація (*Anordnung*) производства будетъ, такимъ образомъ, сводиться къ снабженію человѣческой рабочей силы необходимыми для цѣлей производства средствами производства.

Всякая организація человѣческаго труда, — разъ только пройдены первыя ступени планомѣрного производства, — основывается на двухъ различныхъ принципахъ: *специализаціи* и сотрудничествѣ или *коопераціи*. Ничего другого человѣкъ не могъ выдумать, кромѣ этихъ двухъ принциповъ организаціи, которые одни лишь лежатъ въ основѣ даже самой современной организаціи производства, хотя, конечно, и въ разнообразныхъ соотношеніяхъ.

Подъ *специализаціей* я разумѣю тотъ видъ организаціи, при которомъ одинъ и тотъ же работникъ постоянно совершаєтъ одинъ и тѣ же трудовые операции (*Verrichtung*). Такимъ образомъ, онъ являются такой формой организаціи, въ которой методъ разложенія труда впервые находитъ свое настоящее примѣненіе. Пока этотъ методъ примѣняется однимъ рабочимъ, его (ме-

тода) преимущества въ отношеніи повышенія производительности остаются въ значительной мѣрѣ скрытыми. Лишь тогда, когда одинъ рабочій дѣлаетъ постоянно одно и тоже, выступаютъ онъ съ полной ясностью. Мы должны указать далѣе, что степень специализаціи можетъ быть весьма различна. Принципъ специализаціи примѣнялся и тогда, когда, напр., одинъ и тотъ же рабочій въ теченіе продолжительного времени занимался кузнечной или гончарной работой; примѣняется онъ и теперь, когда, напр., въ современной конфекціонной индустріи работница въ теченіе цѣлой жизни только и дѣлаетъ, что пришиваетъ роговыя пуговицы къ мужскимъ жилетамъ; разница лишь въ степени. Точно также совершенно безразлично, возникаетъ ли частичная трудовая операція (*Teilverrichtung*), совершаемая отдельнымъ рабочимъ, вслѣдствіе расчлененія прежняго соединенного процесса труда въ горизонтальномъ или вертикальномъ направлениі: отдѣляются ли, напр., замочное производство отъ кузнечного или раздѣленіе происходитъ между кожевенными и сапожными производствами. Наконецъ, для самаго понятія специализаціи,— которая, кстати сказать, есть не методъ труда, но принципъ организаціи, т.-е. возникаетъ на базисѣ известной организаціи производства совершенно бозъ отношенія къ тому, происходитъ ли специализація *между* производствами

или *внутри* одного производства. Въ первомъ случаѣ возникаютъ, такъ назыв. специальнаяя производствы, среди которыхъ есть крайне разнообразныя градаціи, но внутри которыхъ невозможнo провести какой-нибудь опредѣленной границы для ихъ раздѣленія¹⁾. Кузнечное производство, какъ цѣлое, является специальнымъ производствомъ по сравненію съ прежнимъ домашне-промышленнымъ производствомъ; тоже кузнечное производство явлется специализированнымъ производствомъ, послѣ того, какъ отъ него отдѣлилось производство замковъ; наконецъ, кузнечное производство орудій, въ свою очередь, является специальнымъ производствомъ внутри специализированнаго такимъ образомъ кузнечнаго производства, а производство косъ—внутри производства инструментовъ и т. д.

Для примѣненія принципа *специализаціи внутри производства*, т.-е. для того, чтобы внутри одного и того же производства одинъ рабочій могъ бы постоянно дѣлать одно, а другой—другое, въ соотвѣтствующей организаціи производ-

¹⁾ Совсѣмъ другое дѣло, конечно, если мы, принявъ определенную степень специализаціи за прочно установленную, всѣ производства, соотвѣтствующія ей, будемъ называть „полными“, а всѣ остальныя производства, составляющія лишь части этихъ полныхъ производствъ, назовемъ „специальными“. Такъ поступаемъ мы съ полнымъ правомъ, когда желаемъ выяснить процессы разложения стараго „ремесла“.

ства должно быть выполнено одно условіе, а именно: иѣсколько рабочихъ должны быть соединены для совмѣстной работы; другими словами: долженъ быть осуществленъ второй принципъ организаціи труда, уже знакомый намъ: *кооперація*. Она состоить ни въ чёмъ иномъ, какъ въ суммированіи индивидуальныхъ рабочихъ силъ, которые уже потомъ извѣстнымъ образомъ расчленяются, составляя, однако, вмѣстѣ одно органическое цѣлое. Въ примитивной ея формѣ мы называемъ ее *простой коопераціей*, а въ комбинаціи съ специализацией—*коопераціей съ раздѣлениемъ труда* (*Arbeitsleilige K.*). Для примѣненія принциповъ организаціи мы получимъ, такимъ образомъ, слѣдующую схему:

1. Робинзонъ самъ удовлетворяетъ всѣ свои потребности, хотя онъ можетъ прилагать методы разложенія труда или методъ соединенія материала, но не можетъ ни специализировать, ни кооперировать.
2. Робинзонъ и Пятница дѣлятъ между собой общий трудъ такъ, что одинъ ходитъ на охоту и рыбную ловлю, а другой занимается домашними работами: простая специализація.
3. Робинзонъ и Пятница соединяютъ свой трудъ, чтобы подкатить къ берегу тотъ древесный стволъ, изъ котораго они хотятъ сдѣлать лодку: простая кооперація.

4. Робинзонъ и Пятница идутъ вмѣстѣ на охоту; Пятница выгоняетъ дичь, Робинзонъ убиваетъ ее: соединеніе коопераціи и спеціализаціи — кооперація съ раздѣленіемъ труда. Всѣ дальнѣйшія различія въ структурѣ производствъ лишь коли-чественаго свойства, т.-е. являются слѣдствіемъ или усиленной спеціализаціи, или увеличенной коопераціи, или же обусловливаются различіями материальнаго фактора производства, различнымъ характеромъ имѣющихъ въ распоряженіи рабо-чаго средствъ производства.

Во всякомъ случаѣ, изъ сказаннаго слѣдуетъ, что существуетъ крайнее разнообразіе формъ про-изводства, смотря по различію организаціи фак-торовъ производства. Поэтому весьма желательно избрать какую-нибудь объединяющую точку зре-нія для соответствующей дѣйствительности груп-пировки этихъ различныхъ видовъ организаціи. Такой точкой опоры лучше всего можетъ слу-жить отношеніе отдельнаго рабочаго къ общему процессу и ко всей совокупности производимыхъ продуктовъ (*Gesamtprodukt*), т.-е. къ производ-ству во всемъ его цѣломъ въ моментъ его дѣй-ствія и по окончаніи дѣйствія. Съ принципіаль-ной стороны отношеніе это можетъ быть двоя-кимъ: или трудъ, или продуктъ труда принадле-жать собственно одному лицу, являются ясными проявленіями его и только его личной дѣятель-ности, и сами вмѣстѣ съ тѣмъ — личны и инди-

видуальны; или же трудъ и продуктъ являются резултатомъ общей дѣятельности многихъ, резултатомъ, въ которомъ нельзя выдѣлить отдельные части какъ трудъ индивидуальный; они существуютъ, такимъ образомъ, въ качествѣ общаго труда и общаго результата труда (*Gesammtwirken und Gesammtwerk*), они не личны, но коллективны, не индивидуальны, но общественны. На основаніи этого, всѣ производства можно раздѣлить на двѣ большія группы: первая, въ которой сочетаніе факторовъ производства таково, что продуктъ является продуктомъ труда одного рабочаго,¹⁾ и вторая, въ которой сочетаніе факторовъ производства таково, что продуктъ является продуктомъ труда коллективнаго рабочаго (*Gesamtarbeiter*). Производства первой группы мы назовемъ *индивидуальными*, а производства второй—*общественными производствами*.

¹⁾ Поскольку дѣло идетъ о томъ производствѣ (*Produktion*), которое совершается въ рамкахъ одного предприятия отъ момента, когда напр. кожа поступаетъ на кожевенный заводъ и до того, какъ она выходитъ изъ него. Что безъ этого ограниченія индивидуальное производство едва ли гдѣ существовало и можетъ существовать во всякомъ случаѣ лишь въ самомъ примитивномъ-производящемъ для собственнаго потребленія (*Eigenwirtschaft*) хозяйствѣ, ясно само собою. Въ уже нѣсколько развитой хозяйственной жизни трудъ отдельныхъ производителей является лишь звеномъ въ необходимой цѣпи другихъ производителей, такъ что даже самые незначительныя потребности могутъ быть удовлетворены лишь при взаимодѣйствіи многихъ. Ср. еще пастуховъ Адама Смита.

Но прежде чѣмъ перейти къ классификациї производствъ на основаніи указанного признака, необходимо еще убѣдить читателя, что признакъ этотъ дѣйствительно имѣеть то рѣшающее значеніе, которое мы ему приписываемъ. Причины, въ силу которыхъ мы при классификациї производствъ за основаніе дѣленія беремъ моментъ обобществленія (*Vorgesellschaftsmoment*), таковы:

1. Признакъ этотъ является самымъ существеннымъ для понятія, виды которого мы хотимъ различать, такъ какъ онъ касается самого момента организации.
2. Признакъ этотъ допускаетъ единую классификацію, такъ какъ всѣ другіе важные признаки необходимо должны въ немъ заключаться.
3. Признакъ этотъ допускаетъ ясное, т.-е. специфическое различеніе различныхъ видовъ производства и исключаетъ (въ принципѣ, по крайней мѣрѣ, при примѣненіи же на практикѣ—не вполнѣ) всякое сомнѣніе.
4. Признакъ этотъ самый важный въ организаціи производства, такъ какъ является рѣшающимъ моментомъ для общаго результата производства, т.-е. для цѣли производства.

Послѣдній пунктъ, однако, надо болѣе подробно обосновать.

Если мы пожелаемъ въ одномъ положеніи выразить значеніе обобществленія процесса труда, то мы скажемъ: обобществленіе есть тотъ прин-

ципъ организації производства, черезъ который осуществляется идея, лежащая въ основаніи всего техническаго развитія; а именно, идея *расширения человеческаго могущества* (Конненс) за органическія границы индивидуальностей. Общественная организація производства вызываетъ къ жизни то, для осуществленія чего весь процессъ человѣческихъ знаній и искусствъ создаетъ лишь возможность; лишь при ея помощи реализуются идеи, лежащія въ основѣ всего того, что мы обыкновенно называемъ техническимъ и экономическимъ прогрессомъ.

Не говоря уже о какихъ-нибудь совершенныхъ способахъ, одно лишь простое соединеніе многихъ рабочихъ силъ въ одномъ общемъ дѣлѣ не только даетъ въ работѣ эффектъ большій, чѣмъ способенъ дать отдельный индивидуумъ, но и общий эффектъ работы всей массы будетъ больше, чѣмъ сумма эффектовъ работы того же числа лицъ, работающихъ каждый отдельно.

Это явленіе мы наблюдаемъ уже, въ такъ назыв. простой коопераціи, о которой такъ остроумно писалъ Марксъ¹⁾. Мы видимъ, что благодаря кооперативному труду получаются много полезныхъ эффектовъ, немыслимыхъ безъ такого совмѣстнаго дѣйствія: напр., когда дѣло идетъ объ охотѣ на крупнаго звѣря, о поднятіи и пе-

¹⁾ Kapital, I⁴, 289 и сл., см. также Heplhand.

ремѣщеніи громадной тяжести, т.-е., однимъ словомъ, когда требуется употребить силу, превышающую силу отдѣльного человѣка; или когда нужно окончить большія работы въ короткій промежутокъ времени: при жатвѣ, при ловлѣ сельдѣй; или когда, для успѣшности работы, ее надо начать сразу и на большомъ пространствѣ: при ловлѣ звѣря, при запруживаніи потока и т. п. Но даже и тамъ, гдѣ исполненіе работы возможно и для отдѣльного человѣка, при простой кооперациіи она исполняется во много разъ скорѣе и лучше. Стоитъ вспомнить только школьный примѣръ передачи кирпичей въ замкнутой цѣпи людей. Не надо упускать изъ виду и психологический моментъ, а именно, что совмѣстная работа поощряетъ соревнованіе и повышаетъ интенсивность труда, по крайней мѣрѣ, за предѣлы средней интенсивности каждого отдѣльного рабочаго.

А на сколько же значительнѣе результаты совмѣстной работы тамъ, гдѣ примѣняются усовершенствованные пріемы труда! будетъ ли это способъ разложенія труда или соединенія материаловъ, примѣненіе ли химическихъ процессовъ или машиннаго принципа: работа сообща (*Werkfereinigung*) всегда будетъ необходимымъ условіемъ для плодотворности тѣхъ методовъ труда. Мы раньше уже видѣли, что результатомъ применения этихъ высшихъ пріемовъ труда является

освобождение производства отъ количественной и качественной недостаточности, связанной съ личностью отдельного рабочаго. При этомъ мы, однако, уже дѣлали молчаливое допущеніе, что мѣсто отдельного рабочаго замѣняетъ рабочій коллективный, съ гигантскими руками и легкими, обладающій въ то же время миниатюрными органами для исполненія мелкихъ работъ. Основная идея соотвѣтственнаго метода труда осуществляется только послѣ того, какъ выдѣлившаяся при рациональномъ способѣ разложенія труда, частичная трудовая операция, исполнявшаяся прежде рукой или рабочей машиной, дѣлается особенной функцией опредѣленнаго органа въ организмѣ коллективнаго рабочаго; приводить въ дѣйствіе тысяченудовый молотъ имѣеть смыслъ только тогда, когда при помощи цѣлесообразной организации производства созданъ коллективный рабочій, которому этотъ циклопический молотокъ также хорошо придется по рукѣ, какъ подручному кузнеца полупудовый молотокъ.

Очевидно, что рациональные приемы труда вообще и наука могутъ лишь тогда найти себѣ приложеніе въ производствѣ, когда, благодаря искусной организации, мѣсто отдельного рабочаго или суммы рабочихъ, займетъ коллективный рабочій. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, научный способъ какъ разъ въ томъ и состоитъ, чтобы процессъ производства разложить на составныя его части,

не считаясь съ работоспособностью и пригодностью человѣческихъ органовъ, а затѣмъ, объединить эти частичные процессы въ новомъ сочетаніи въ одно цѣлое. Тогда нужно создать столько исполнителей частныхъ трудовыхъ операций, столько наблюдателей за отдѣльными процессами, сколько того требуетъ рациональный способъ; и лишь общественная форма производства въ состояніи опять искусно соединить всѣхъ частичныхъ рабочихъ въ единый рабочій организмъ, представляющій процессъ производства во всемъ его цѣломъ. Рациональный, научный способъ производства находитъ свой субстратъ въ коллективномъ рабочемъ общественного производства, подобно тому какъ эмпирическій—въ личности отдѣльного производителя.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы еще часто будемъ имѣть случай касаться различія между индивидуальной и общественной организаціей производства. Но уже здѣсь слѣдуетъ себѣ вполнѣ ясно представить всю выдающуюся важность этого признака отличія, важность, какой не имѣлъ не одинъ изъ перечисленныхъ выше признаковъ—даже моментъ величины производства. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни вліяла величина производства на результаты производства, решающую роль она начинаетъ играть только тогда, когда и поскольку она одновременно приводить производство къ общественной организаціи. Не число

рабочихъ вызываетъ необыкновенное динамическое дѣйствіе простой кооперации, но лишь ихъ совмѣстная дѣятельность; не число рабочихъ повышаетъ производительность каждого отдельного лица въ производствѣ съ раздѣленіемъ труда, но ихъ объединеніе въ одно цѣлое: наконецъ, не число рабочихъ въ машинномъ производствѣ производитъ громадный эффектъ силь, но ихъ группировка вокругъ ими эксплуатируемыхъ сообща и потому увеличивающихся въ своихъ размѣрахъ средствъ и орудій производства.

Желая, наконецъ, дать систему формъ производства, на основаніи выбраннаго нами критерія, мы можетъ составить слѣдующую

ТАБЛИЦУ ФОРМЪ ПРОИЗВОДСТВА:

Индивидуальное производство.	Переходная форма производства.	Общественное производство.
1. Одиночное пр.	4. Расширенное пр. съ помощниками.	6. Индивидуальное пр. въ крупн. размѣрахъ.
2. Семейное пр.	5. Общественное пр. въ мелкихъ размѣр.	7. Мануфактура.
3. Производство съ помощниками		8. Фабрика.
т.-н. „мелкое производство“.	т.-н. „среднее производство“.	т.-н. „крупное производство“.

Въ этой таблицѣ прежде всего бросается въ глаза ея трехчастное дѣленіе, происходящее оттого, что между двумя главными противоположными группами вставлена группа «переход-

ныхъ формъ производства». Конечно, я прекрасно понимаю, что столь неопределённое обозначение, выбранное мною для третьей категории производства, очень далеко отъ идеального совершенства и, въ извѣстномъ смыслѣ, уничтожаетъ строгое и безупречное дѣленіе на индивидуальный и общественный производства. Не смотря на это, я рѣшился включить его, такъ какъ полагаю, что оно будетъ скорѣе полезно, чѣмъ вредно при обработкѣ эмпирическаго материала. Въ дѣйствительной жизни встрѣчается такое необыкновенное обилие различныхъ формъ производства, что заключать ихъ въ строгія и неподвижныя рамки нашихъ двухъ главныхъ противоположностей—значило бы насиовать дѣйствительность. Теоретически это во всякомъ случаѣ возможно, да и для практическихъ потребностей науки извѣстная широта бываетъ плодотворнѣе. Въ оправданіе нашего трехчастнаго дѣленія я, далѣе, приведу еще и то соображеніе, что вставка подобной промежуточной группы между двумя главными противоположными группами—весьма обычный пріемъ у логиковъ въ случаяхъ подобныхъ нашему. „Трихотомія примѣняется обыкновенно тамъ, гдѣ можно признать самостоятельное, происходящее въ силу внутреннихъ причинъ, развитіе, такъ какъ оно совершается обыкновенно въ формѣ перехода отъ одной противоположности къ другой черезъ третье, посредствую-

щее звено¹. ¹⁾ Точно также и подразделения внутри отдельных группъ, встречающихся въ нашей таблицѣ, были продиктованы намъ желаниемъ указать въ нашей классификаціи именно это развитіе отъ самыхъ примитивныхъ формъ индивидуального производства къ высшей формѣ производства общественнаго. Получается цѣль формъ производства, восходящихъ въ постепенной послѣдовательности до высшихъ ступеней развитія ²), отдельныя звенья которой мы будемъ брать и анализировать, какъ типы. Для лучшаго пониманія мы еще разъ приводимъ ряды типовъ производствъ, безъ распределенія ихъ на группы и съ перестановкой 5 и 6 №№ (что было объяснено только что въ примѣчаніи):

1. одиночное производство;
2. семейное производство;

¹⁾ Ueberwerg-Jürgen Bona Meyer, System der Logik, Bonn 1882, стр. 181.

²⁾ Съ однимъ однако ограниченіемъ: на нашей таблицѣ форма № 6 помѣщена послѣ формы № 5, хотя первая представляетъ низшую степень развитія. Произошло это потому, что № 6 надо было объединить вмѣстѣ съ №№ 7 и 8 подъ традиционнымъ названіемъ „крупнаго производства“. Что „постепенную послѣдовательность“ здесь надо понимать не въ смыслѣ эмпирически исторического слѣдованія другъ за другомъ,—ясно каждому свѣдущему человѣку. Недавно Бюхеръ вполнѣ справедливо указалъ на то, что общественные производства въ формѣ простой кооперациіи въ эпоху неразвитой техники, какъ напр., у древнихъ египтянъ, а также у многихъ „естественныхъ“ народовъ играли сравнительно болѣе важную роль, чѣмъ въ болѣе позднее время K. Bücher, Arbeit und Rhythmus, II Aufl. 1899 стр. 370 и сл.

3. производство съ помощниками;
4. расширенное производство съ помощниками;
5. индивидуальное производство въ крупныхъ размѣрахъ;
6. общественное производство въ мелкихъ размѣрахъ;
7. мануфактура;
8. фабрика.

Низшую степень индивидуального производства представляетъ:

I. Одиночное производство.

Въ одиночномъ производствѣ или производствѣ въ одиночку (*Alleinbetrieb*) сущность индивидуального производства выдѣляется съ особенной ясностью, хотя на практикѣ эта форма встречается и не особенно часто. Одиночный работникъ своей дѣятельностью проходитъ всѣ фазы производственного процесса и весь расходуемый при этомъ трудъ есть его вполнѣ личный трудъ. Весь аппаратъ средствъ производства берется въ самыхъ небольшихъ размѣрахъ, съ такимъ раз-
счетомъ, чтобы соответствовать сферѣ дѣйствія одиночного работника. Этотъ послѣдній въ любыхъ размѣрахъ можетъ примѣнять способъ раз-
ложения труда или способъ соединенія матеріаловъ; разсматриваемый какъ цѣлое, трудъ его можетъ представлять большую или меньшую степень

спеціалізації (ср. выше),—что и бываетъ въ дѣйствительности, начиная отъ такъ наз. полнаго производства ремесленника старого типа до высшей степени спеціалізації отдѣльныхъ производствъ въ современной домашней промышленности. Самое исполненіе работы носить крайне различный характеръ вслѣдствіе этого: въ одномъ случаѣ мы встрѣчаемъ большое разнообразіе различнѣйшихъ пріемовъ, напр., тамъ, гдѣ отдѣльный работникъ хотя бы и искусный ремесленникъ производить надъ однимъ и тѣмъ же предметомъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ трудовыхъ операцій; въ другомъ случаѣ исполненіе работы отличается большимъ однообразіемъ, когда на долю работника выпадаетъ лишь небольшое участіе въ общемъ процессѣ производства какогонибудь простого продукта. Мы можемъ добавить еще слѣдующее: лишь тамъ, гдѣ работа одиночнаго работника состоитъ изъ значительного количества трудовыхъ операцій,—а это относится ко всѣмъ формамъ индивидуального производства—лишь тамъ она наиболѣе приближается къ идеѣ этой формы производства. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ сущность этой формы производства заключается въ томъ, чтобы давать необходимый просторъ дѣятельности отдѣльной личности, то вполнаго своего развитія она (эта сущность) достигаетъ лишь тогда, когда индивидуальность можетъ дѣйствительно развернуться въ своей жизнен-

ности. А всякая человѣческая натура требуетъ не однообразной работы, но разносторонней. Получается ненормальное изувѣченіе и захилѣніе личности, если ей приходится имѣть дѣло съ однообразными, никогда не мѣняющимися рабочими манипуляціями. Частичный трудъ (*Teilverrichtung*) индивидуума, объединяемый въ общественномъ производствѣ въ высшее единство, въ которомъ разрѣшается указанное противорѣченіе, въ крайне специализированномъ и потому однообразномъ индивидуальномъ производствѣ представляется, такъ сказать, уродливостью (*Abart*) естественного развитія: процессъ обобществленія тутъ, какъ бы останавливается на поль-дорогѣ, или, выражаясь по гегелевски: индивидуальный трудъ находитъ себѣ антитезу въ специальному трудѣ, отрицающемъ, уничтожающемъ индивидуальность; но, недостаетъ отрицанія этого отрицанія, синтеза въ высшее единство, въ нашемъ случаѣ—синтеза въ коллективнаго рабочаго общественнаго производства.

О томъ, что одиночное производство можетъ быть машиннымъ или ремесленнымъ, механическимъ, или ручнымъ, можно упомянуть лишь мимоходомъ, принципіального же значенія оно не имѣеть. Извѣстными примѣрами машиннаго одиночного производства могутъ служить уже упомянутые выше ткачъ и швея—стереотипное явление въ различнѣйшихъ системахъ производства.

Но одиночное производство, какъ уже было указано, не есть единственная и даже не важнѣйшая форма индивидуального производства. Гораздо чаще встрѣчаемъ мы его въ расширенномъ видѣ, въ видѣ:

2. Семейного производства.

Собственной сферой этой формы производства является не столько промышленное производство, сколько сельское хозяйство; здѣсь она играетъ рѣшающую роль и опредѣляетъ особенности сельско-хозяйственного производства. Въ качествѣ мелкого семейного производства, она можетъ быть характерной формой производства для мелкаго крестьянства, какъ крупное семейное производство для крупнаго крестьянства. Причина, почему семейное производство имѣть гораздо большее значеніе въ области сельско-хозяйственного производства, чѣмъ въ какой либо другой отрасли хозяйственной жизни, заключается въ томъ, что въ сельскомъ-хозяйствѣ хозяйство производительное и потребительное, какъ по объему, такъ и по содержанию гораздо тѣснѣе связаны другъ съ другомъ; такимъ образомъ, область, подлежащая вѣдѣнію женщины — потребительное хозяйство не столь обособлено отъ сферы дѣйствія мужчины—хозяйства производительного,—какъ это

мы видимъ, напр., въ промышленности. Здѣсь неизбѣжно члены семьи должны вовлекаться въ сферу дѣйствія главы семейства.

Наиболѣе извѣстные и важные примѣры промышленныхъ и семейныхъ производствъ,—составляющихъ правило для всѣхъ домашне-промышленныхъ производствъ для собственнаго потребленія,—представляютъ сельскія домашнія производства, уже исчезающія въ Западной Европѣ, но еще процвѣтающія въ Восточной Европѣ, и выросшія въ большинствѣ случаевъ въ органической связи съ крестьянскимъ хозяйствомъ: прежде всего ткачество¹⁾), гдѣ мужъ ткетъ, жена рѣжетъ ножницами, а дѣти наматываютъ; частью также валянье (Wirkerei) и вязаніе въ Саксоніи, Форарльбергѣ и Швейцаріи²⁾); производство игрушекъ въ Тюрингенѣ³⁾; производство инструментовъ въ саксонскомъ Фойтландѣ⁴⁾.

Семейное производство характеризуется вызваннымъ физіологическими причинами раздѣ-

¹⁾ Ср. для Нижняго Рейна *A. Thun*, d. cit. Bd I; для Саксоніи *L. Bein*, Die Industrie des sächs. Voigtlandes, Bd II, Leipzig 1884; для Силезіи *A. Glücksmann*, Die Weberei im Eulengebierge (Schr. d. V. f. S.-P.Bd. 84).

²⁾ Богатую литературу объ этой промышл. см. у *Laurent*, Die Strickereiindustrie der Ostschweiz und des Voralbergs. Bas, Diss. 1891.

³⁾ Ср. *Em. Sax*, Die Hausindustrie in Thüringen. Iena, 1884—1885.

⁴⁾ *L. Bein*, Die Industrie des sächs. Voigtlandes. Bd. I. Leipzig 1884.

леніемъ труда между отдельными членами семьи, проявляющимся въ томъ, что, на ряду съ главнымъ полнымъ работникомъ, въ производствѣ принимали участіе небольшое число неполныхъ рабочихъ силъ; онѣ примѣняются для исполненія болѣе легкихъ частичныхъ трудовыхъ операций, выдѣленныхъ изъ общаго процесса труда¹⁾). Вслѣдствіе такой группировки подручныхъ рабочихъ вокругъ одного главнаго работника, семейное производство должно быть разсматриваемо еще какъ индивидуальное производство, хотя оно какъ будто и представляетъ загадочную форму производства общественнаго: оно лишь, такъ сказать, расширяеть и увеличиваетъ отдельные органы главнаго работника, и, въ дѣйствительности, общій продуктъ труда всего семейства является продуктомъ его индивидуального труда. Въ семейномъ производствѣ мы встрѣчаемъ еще не объединеніе частичныхъ работниковъ въ одинъ общественный колективный рабочій организмъ, но лишь поддержку одного работника нѣсколь-

¹⁾ „L'industrie domestique, dans sa forme primitive, est essentiellement basée sur le travail des membres de la famille, hommes, femmes, vieillards, adultes et enfants. Plus les opérations qu'elle comporte peuvent être réparties rationnellement entre tous les membres de la famille, plus l'industrie devient avantageuses“.

Les travaux sont répartis entre les divers membres des familles selon leur importance et selon l'âge et l'habileté des travailleurs“. W. Weschniakoff, Notice sur l'état actuel de l'industrie domestique en Russie. St. Petersburg, 1873. pp. 12—13.

кими помощниками-подручными. Этотъ признакъ является у семейнаго производства общимъ съ третьей формой производства, которую мы назвали:

3. *Производство съ помощниками.*

Этотъ типъ производства, однако, отличается отъ предыдущаго типа рѣзко по свойствамъ подручныхъ работниковъ, которыхъ беретъ себѣ въ помощь главный представитель процесса труда: въ настоящемъ случаѣ—это качественно и количественно такія же рабочія силы, какъ и самъ руководитель производства; они или оказываютъ ему значительную поддержку своими вспомогательными трудовыми операциями или испоняютъ одинаковую съ нимъ работу. Въ первомъ случаѣ, пожалуй, можно было бы говорить о коллективной, общей работе (*Gesamtwerk*), еслибы размѣры коллективнаго рабочаго не были бы такъ незначительны и не подходили ближе къ индивидуальной рабочей личности и еслибы нельзя было выдѣлить трудъ руководителя и противоставить главную работу работѣ второстепенной, какъ это сдѣлали мы. Школьнымъ примѣромъ для этого типа—производства съ подручными въ собственномъ смыслѣ—служить производство кузнeca, обыкновенно съ однимъ подручнымъ, молотобойцемъ

и однимъ ученикомъ, раздувающимъ мѣхи, при чмъ всѣ трое въ сущности составляютъ одно нераздѣльное цѣлое. Конечно, намъ нравится, что мейстеру Гейнриху въ его работѣ помогаютъ три *карлика!* Но творцомъ-то остается, всетаки, онъ, а они лишь его помощники. Въ другомъ случаѣ, когда помощники совершаютъ ту же работу, что и руководитель производства, не получается общаго дѣла, а лишь нѣкоторое число индивидуальныхъ работъ лицъ, соединенныхъ въ одномъ производствѣ. Весь доходъ труда (*Arbeitspensum*) такого производства дѣлится, по благоусмотрѣнию руководителя производства, между нимъ и его помощниками, смотря по работоспособности каждого. Иногда, но не всегда, распределеніе труда происходитъ такъ, что отдельныя, существующія одна за другой, части рабочаго процесса поручаются различнымъ рабочимъ. Эта форма производства съ помощниками, какъ разъ и господствуетъ собственно въ главныхъ отрасляхъ старого ремесла. Портняжное, сапожное, столярное, замочное, переплетное и тому подобная производства были организованы указаннымъ образомъ, пока держались отеческихъ преданій. Дѣятельность умѣренно специализированная, довольно поэтому разносторонняя, вполнѣ подходящая къ средней индивидуальности, стоящей не на особенно высокой ступени развитія, проявляющаяся скорѣе въ коллегіальной, чѣмъ

вещественной формѣ съ незначительными по размѣрамъ средствами производства, поставленная, само собою разумѣется, на эмпирическихъ нача-лахъ: таковы характерныя черты той формы про-изводства, которая преобладала, какъ мы уви-димъ, въ ремеслѣ.

Лишь въ чисто количественномъ отношеніи отличаются отъ разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ формъ производства тѣ формы, которыя мы объ-единили подъ названіемъ „переходныхъ прои-зводствъ“, такъ какъ они ведутся хотя и въ об-ширныхъ размѣрахъ, но не общественно, или же, хотя и общественно, но въ мелкихъ размѣрахъ.

4. Расширенное производство съ помощниками.

Оно возникаетъ, благодаря простому увеличе-нию числа рабочихъ силъ, занятыхъ въ прои-зводствѣ съ помощниками, по группамъ или по одиночкѣ. Кузница съ болѣе, чѣмъ однимъ гор-номъ, плотничья мастерская съ нѣсколькими вер-стаками, токарня съ нѣсколькими токарными станками, хлѣбопекарня съ нѣсколькими печами, вотъ примѣры такихъ расширенныхъ производствъ съ помощниками. Рабочій процессъ въ нихъ, въ принципіѣ, тотъ же, что въ одиночномъ прои-зводствѣ или простомъ производствѣ съ помо-щниками. Объемъ (Dimensionierung) средствъ про-

изводства также остается почти неизменнымъ. Существенное отличие отъ разсмотрѣнныхъ выше формъ заключается лишь въ слѣдующемъ: выступая за границы лично индивидуальной дѣятельности, эта форма прокладываетъ путь новому принципу организаціи производства. Въ «мелкомъ производствѣ»,—какъ можно назвать общимъ именемъ три выше разобранныя формы производства,—весь трудъ, въ сущности, группируется вокругъ одного центрального пункта—руководителя производства съ его главнымъ трудомъ, даже тогда, когда онъ уже не является болѣе одиночнымъ рабочимъ. Въ расширенномъ производствѣ съ помощниками мы впервые не находимъ этой, въ высшей степени личной, концентрированной организаціи; вслѣдствіе увеличенія числа помощниковъ, проявляется тенденція перенести центръ тяжести съ личности главнаго рабочаго на личности его помощниковъ. Единство, господствовавшее въ производствѣ, нарушается, хотя сознательное и ясное руководство производствомъ расширяется: руководитель производства (*Betriebschef*) посвящаетъ часть своей дѣятельности наблюденію за помощниками. Но это наблюденіе не можетъ замѣнить того интимнаго и часто непроизвольнаго вліянія, которое въ мелкомъ производствѣ главный мастеръ оказываетъ своимъ примѣромъ, знаніемъ и ловкостью на немногихъ или даже на одного по-

мощника. Къ тому присоединяется еще то обстоятельство, что собственно отвѣтственная дѣятельность, выполненіе которой придаетъ производству его специфическій характеръ, лежить на руководителеъ производства, вслѣдствіе чего сохраняется личная, таѣъ сказать, окраска всѣхъ производственныхъ операций. Въ расширенномъ производствѣ съ помощниками, гдѣ, какъ мы видѣли, часть времени главнаго работника уходитъ на наблюденіе за помощниками и на руководство процессомъ, онъ уже не можетъ быть такимъ исключительнымъ представителемъ производства, какъ раньше. Въ процессѣ развитія къ высшимъ формамъ производства, на долю этого типа, который, надо замѣтить, съ крайнимъ трудомъ можно отграничить отъ родственныхъ ему типовъ, выпадаетъ, главнымъ образомъ, задача разрушенія принципіально индивидуально-личной организаціи производства. Онъ заключаетъ въ себѣ элементы, отрицающіе эту организацію, хотя въ то же время самъ еще не можетъ быть признанъ типомъ, воспринявшимъ въ себя элементы для положительного созиданія новаго строя производства.

Если число лицъ, занятыхъ въ производствѣ, увеличивается, но форма труда въ принципѣ остается тою же самой, то возникаетъ

5. Индивидуальное производство въ крупныхъ размѣрахъ.

Оно рѣзко отличается отъ всякой формы производства: отъ общественного производства — отрицательнымъ моментомъ, а именно тѣмъ, что въ немъ еще незамѣтно никакого преобразованія (*Umgestaltung*) въ индивидуальномъ трудѣ; отъ расширенного производства съ помощниками — тѣмъ, что оно настолько увеличилось въ размѣрахъ, что общее руководство стало исключительной функцией одного лица.

Крупное индивидуальное производство, въ качествѣ замкнутаго производства въ какомъ-нибудь промышленномъ заведеніи, едва ли, мыслимо, и, во всякомъ случаѣ, непрактично. Ближе всего къ нему подходитъ напр., ткацкое производство, соединяющее подъ одной крышей значительное количество ручныхъ ткачей. Впрочемъ, уже и въ этихъ случаяхъ отдѣльныя части производственного процесса перешли въ область производства общественного, какъ напр. наматываѣ и отрѣзыванье, а то, даже, и аппретура. Впрочемъ, можно себѣ представить производство, въ которомъ подъ единымъ руководствомъ и въ одной мастерской соединено много рабочихъ, въ процессѣ производства которыхъ общественными являются, однако, лишь мастерская, освѣщеніе и отопленіе; эти послѣдніе всегда бываютъ обще-

ственны. Если мы, всетаки, выдѣлили особенную категорію «крупныхъ индивидуальныхъ производствъ», то сдѣлали это потому, что эта форма при другихъ условіяхъ пріобрѣтаетъ въ промышленной жизни весьма большое значеніе. Бываетъ это тамъ, гдѣ дѣло касается производствъ, захватывающихъ нѣсколько мѣстъ (Betriebsstätte), т.-е. такъ наз. разрозненныхъ (aufgelöste) или летучихъ (flielgende) производствъ¹⁾.

Примѣръ такого летучаго индивидуального производства въ крупныхъ размѣрахъ представляетъ современное *маллярное дѣло* (Malereigeschäft) въ большихъ городахъ. Въ немъ сотни подмастерьевъ-помощниковъ состоять подъ руководствомъ одного мастера подрядчика: день за днемъ имъ указываютъ работу и мѣсто работы, въ определенный срокъ они должны выполнить заданный имъ урокъ, при чёмъ все это время находятся подъ непрерывнымъ контролемъ главнаго

¹⁾ Название, введенное Шварцемъ (1 с. стр. 542 сл., 616 сл.) и принятое Бюхеромъ: „централизованное“ и „декентрализованное“ крупное производство не только звучитъ некрасиво, но и неправильно само по себѣ: „централизовано“—каждое производство, въ противномъ же случаѣ оно и не было бы производствомъ. Указанные авторы понимаютъ подъ „декентрализованнымъ крупнымъ производствомъ“ домашнюю промышленность, характеризующуюся какъ разъ тѣмъ, что она состоитъ не изъ крупныхъ, а изъ мелкихъ производствъ. Въ обозначеніи пятой формы производства по моей классификаціи я намѣренno избѣгать названія „крупное производство“.

мастера или специально нанятаго для наблюденія лица. Но дальше этого не идетъ объединеніе различныхъ работъ: рабочие инструменты и техника остаются тѣ же, что и въ „карликовыхъ производствахъ“; развѣ только, что въ тѣхъ есть мастерскія. Ничего при этомъ не мѣняеть тотъ фактъ, что въ крупныхъ производствахъ исполненіе отдѣльныхъ работъ поручается специальнymъ работникамъ: исполненіе это остается крайне индивидуальнымъ. Многія изъ т. п. «Anbringungsgewerben» въ строительномъ дѣлѣ могутъ вестись въ крупныхъ размѣрахъ и, всетаки, оставаться индивидуальными производствами. Для каждого отдѣльного случая приходится рѣшать: имѣемъ ли мы дѣло съ единымъ производствомъ или только съ объединеннымъ расположениемъ (*einheitliche Disposition*) производства, напр., въ одномъ предпріятіи, но безъ дѣйствительно объединеннаго, единаго порядка производства¹⁾.

Придавать самостоятельное значеніе этой особынной формѣ производства, которую обыкновенно сбрасываютъ въ одну кучу съ остальными «крупными производствами», вовсе не значитъ впадать въ педантизмъ. Этимъ теорія только определенно и вполнѣ правильно выражаетъ практическіе чрезвычайно важное различіе. Что, именно,

¹⁾ См. выше наши разсужденія о критеріяхъ единства производствъ.

отличаетъ всякое, болѣе или менѣе крупное, индивидуальное производство отъ всякаго болѣе или менѣе мелкаго общественнаго производства, такъ это то обстоятельство, что въ первомъ не имѣютъ мѣста ни сколько-нибудь высокая организація труда, ни,—въ особенности,—сколько-нибудь высокій методъ труда, связанный съ общественнымъ пользованіемъ средствами производства. Не говоря уже о специализаціи трудовыхъ операцій, возможной, какъ мы уже видѣли, при единой, объединенной организаціи процессовъ производства и безъ предварительного объединенія въ единый производственный организмъ,—форма процесса труда въ крупномъ индивидуальномъ производствѣ является ничуть не болѣе высокой чѣмъ въ мелкомъ. У всякаго индивидуального производства какъ „крупнаго“, такъ и „средняго“ есть общій признакъ, отличающій его отъ всякаго общественной структуры производства, а именно: оно не представляеть собой органическаго цѣлаго, но всегда только агрегатъ, такъ что, по желанію, можетъ быть увеличено или уменьшено. Напр. въ малярномъ дѣлѣ сегодня можетъ быть занято 30, завтра 200, послѣ завтра еще черезъ день 20 рабочихъ, при чѣмъ не потребуется никакой перемѣны въ самомъ производствѣ. Крупное индивидуальное производство можно расчленять на части, какъ колбасу, тогда какъ даже самое мелкое общественное производство характеризуется тѣмъ, что оно

можетъ быть расширено или сужено только въ извѣстныхъ рамкахъ, до извѣстной границы. Важность этого момента станетъ для насъ особенно ясной, когда мы теперь приступимъ къ анализу общественныхъ производствъ. Начнемъ, прежде всего, съ той формы, которую мы назвали

6. Общественное производство въ малыхъ размѣрахъ.

Если различать формы производства только по ихъ величинѣ и, особенно, по числу занятыхъ въ нихъ рабочихъ, то названную форму нельзя будеть отдѣлить отъ формы расширенного производства съ помощниками (№ 4). У обѣихъ общей признакъ — „средняя величина“, т.-е. обѣ онъ привадлежать къ категоріи тѣхъ производствъ, въ которыхъ, по принятому статистикой масштабу, бываетъ занято отъ 6 до 10 и отъ 11 до 20 лицъ, т.-е. обѣ относятся къ т. наз. «среднему производству». И, всетаки, изъ рукъ вонъ плохъ быль бы тотъ классификаторъ, который поставилъ бы на одну доску расширенное производство портного старого типа, въ которомъ работаютъ, положимъ, 15 подмастерьевъ, съ мастерской посредника (*Zwischenmeisterwerkanstalt*) въ современ-

ной конфекціонной промышленности съ такимъ же числомъ рабочихъ силъ. Тамъ — и это самое характерное — въ процессѣ труда не произошло почти никакихъ измѣненій по сравненію съ процессомъ труда въ мастерской мелкаго мастера, здѣсь же этотъ процессъ покоится на совершенно новомъ основаніи. Общій процессъ производства разложенъ на свои отдѣльныя составныя части, которыя выполняются особыми рабочими силами, а ихъ единство проявляется уже не въ творческой индивидуальности отдѣльной личности, но въ организмѣ коллективнаго рабочаго. Дифференцированіе и интегрированіе въ новую форму — существенный признакъ общественнаго производства,—происходящія, какъ вслѣдствіе разложения общаго процесса и распределенія отдѣльныхъ трудовыхъ операцій между различными рабочими, такъ и вслѣдствіе общаго пользованія средствами производства,—проявляются въ разбираемой нами формѣ производства, хотя и въ довольно слабой степени, но, всетаки, проявляются. Такимъ образомъ,—оставаясь все при томъ же примѣрѣ домашне - промышленной портняжной мастерской,—мы встрѣчаемъ въ такомъ конфекціонномъ производствѣ закройщика, кроющаго матеріалъ для всѣхъ рабочихъ, и гладильщика, ручнымъ или машиннымъ способомъ разглаживающаго готовыя штуки платья; въ промежуткѣ между двумя этими рабочими операціями совер-

шается процессъ изготовлениі отдельной штуки платья такимъ способомъ, что при этомъ имѣеть мѣсто разложеніе общаго, совокупнаго труда, какъ въ горизонтальномъ, такъ и въ вертикальномъ направленіи: съ одной стороны, мы видимъ сюрточныхъ, брючныхъ и жилетныхъ мастеровъ, а съ другой—внутри этихъ категорій, опять таки, спивальщиковъ, пришивальщиковъ пуговицъ и т. д. Если-бы Адамъ Смитъ писалъ свою первую главу о „раздѣленіи труда“ въ наше время, онъ непремѣнно выбралъ бы подобную мастерскую посредника въ конфекціонной промышленности примѣромъ для поясненія мануфактурной (manifakturmässige) организаціи производства, основанного на раздѣленіи труда. Его булавочная мануфактура представляетъ собой нечто совершенно аналогичное. Она — типъ общественнаго производства въ „мелкихъ размѣрахъ“, такъ какъ свой известный ошибочный расчетъ относительно того, что раздѣленіе труда въ 4800 разъ повышаетъ производительность труда, Адамъ Смитъ отнесить именно къ булавочной мануфактурѣ съ 10 рабочими. Но Адамъ Смитъ не зналъ одного, что мы можемъ видѣть ежедневно, а именно, что обобществленіе труда не необходимо вызывается основанной на раздѣленіи труда организаціей производства, но можетъ также обусловливаться, напр., и общимъ пользованіемъ средствами производства. Это возможно

при значительномъ масштабѣ. Стоить вспомнить о мелкихъ кожевенныхъ заводахъ, мелкихъ химическихъ фабрикахъ и т. д., которые, несмотря на одинаковое число рабочихъ, существенно отличаются оть крупныхъ производствъ обуви, крупныхъ кожевенныхъ заводовъ и т. п. Въ качествѣ «мелкихъ производствъ», всѣ эти категоріи общественныхъ производствъ отличаются тѣмъ самымъ признакомъ, которымъ намъ уже приходилось пользоваться для отличія мелкихъ производствъ оть крупныхъ, при разсмотрѣніи индивидуальныхъ производствъ, а именно, что въ этихъ «средней величины» предпріятіяхъ функция руководства еще не обособилась вполнѣ и не сдѣлалась еще настолько самостоятельной, чтобы сосредоточиваться въ рукахъ специально уполномоченного къ тому лица. Общественное производство достигаетъ своей полноты и законченности лишь тогда когда выполнено указанное условіе и, въ то же время, вполнѣ сохраненъ характеръ общественного производства.

Первую изъ этихъ двухъ формъ такого крупнаго общественного производства мы назвали

7. Мануфактура.

Подъ мануфактурой я разумѣю такое общественное крупное производство, въ которомъ существенные части процесса производства выполняются ручной работой¹⁾.

Къ существеннымъ признакамъ мануфактуры относятся такимъ образомъ: 1. величина. Конечно, можно было бы и мелкія общественные производства раздѣлить на мануфактуры и фабрику. Но на основаніи соображеній, приведенныхъ въ примѣчаніи, мы относимъ название мануфактуры лишь къ крупнымъ производствамъ, т.-е. къ такимъ, въ которыхъ функция производ-

¹⁾ Мне казалось нужнымъ удержать название „мануфактура“, такъ какъ оно до извѣстной степени пріобрѣло право гражданства въ нашей науцѣ и во многихъ случаяхъ употребляется въ смыслѣ, который приданъ ему въ текстѣ. Вполнѣ безспорного единобразнаго смысла это слово, насколько мнѣ извѣстно, не имѣло никогда. Въ эпоху меркантилизма название „мануфактура“ употреблялось заодно съ назнаніемъ фабрика и др. для обозначенія капиталистической промышленности: см. цитированныя выше мѣста и др. у Штида: „Фабрика“ въ Handwörterbuch, а также Schröder, Fürstliche Schatz und Rentkammer (1686) напр. стр. LXXXVII. Въ законодательствѣ и въ официальномъ языкѣ оно употреблялось также въ указанномъ смыслѣ: напр. „Manufacturhaus auf dem Tabor in Wien“; ср. также безчисленные работы, перечень которыхъ находится въ Ioh. Jac. Moser Bibliothec von Ekonomischen - Cameral-Polizey-Handlungs-Manufactur-Mechanischen und Bergwerksschriften und kleinen Abhandlungen (Ulm 1758) статьи: „Cameral Wesen“, „Fabriken“, „Handlung“, „Ma-

ства уже специализировалась; 2. *общественный характеръ* (Gesellschaftlichkeit) производства. На основании этого признака мы отличаемъ мануфактуру отъ индивидуального производства въ крупныхъ размѣрахъ; 3. *ручной способъ труда* въ важнейшихъ частяхъ производственного процесса. Этимъ мануфактура отличается отъ фабрики.

Конечно, въ отдельныхъ случаяхъ и при этой форме производства будетъ возникать сомнѣніе, куда ее отнести; но принципиально отличительные признаки вполнѣ ясны и въ большинствѣ случаевъ легко будетъ установить принадлежность данной формы производства къ категории мануфактуръ.

На основаніи главъ «Капитала», трактующихъ

nufacturen“, „Miscellanea“, „rohe Waaren“, „Spanien“, „Waaren“, „Wolle“, „Woll-Manufacturen“. Если слову „мануфактура“ хотѣли придать значеніе отличное отъ слова „фабрика“, то подъ нимъ понимали производство *безъ помоши огня и молотка*, ср. *Iusti, Staatswirtschaft I.* 291 и *ето же* о мануфактурахъ и фабрикахъ (1758—61) I, 5. „Мануфактура и фабрика считаются обыкновенно словами однозначащими и употребляются безразлично. Значеніе же ихъ въ дѣйствительности совершенно различно. Подъ мануфактурой подразумѣвается собственно такая обработка, при которой не примѣняется ни огни, ни молотка, а однѣ только руки. Фабриками же называются работы, въ которыхъ примѣняются огнь, молотокъ и другіе подобные же инструменты; также II, 203 стр., гдѣ Юсти повторяетъ это опредѣленіе и продолжаетъ; „это понятіе имѣть общее значеніе, по которому всѣ ремесленники, работающіе съ огнемъ—суть фабрикаторы (Fabricateurs), точно также, какъ всякий ремесленникъ, работающій съ деревомъ, льномъ, хлопкомъ и шелкомъ можетъ быть названъ

о мануфактурѣ, на эту форму производства принято смотрѣть, какъ на *переходную*, представляющую собою ступень несовершенного развитія индивидуальныхъ производствъ на пути ихъ къ полному обобществленію въ фабрикѣ. Въ этомъ смыслѣ можно говорить о «мануфактурномъ періодѣ», пережитомъ будто бы индустріей между 1650 и 1750 годами, когда уже существовали крупныя общественные производства, но безъ значительного примѣненія рабочихъ машинъ и безъ примѣненія пара. Ежедневно мы могли бы замѣтить, что та или другая отрасль промышленности находится въ этой стадіи несовершенного развитія, и каждый день могли бы наблюдать, что индустріи переходили отъ мануфактурной

въ этомъ смыслѣ мануфактурщикомъ (Manufacturier). Но въ болѣе узкомъ смыслѣ подъ фабрикой разумѣются единое значительное заведеніе, гдѣ производятся разные роды работъ, посредствомъ которыхъ металлы и минеральные продукты, при помощи огня и молота или другихъ подобныхъ орудій перерабатываются въ совершенные товары⁴. Такимъ образомъ, нашъ авторъ колеблется между различіемъ двухъ совершенно отличныхъ методовъ труда и двухъ различныхъ формъ производства и даже въ концѣ концовъ не всегда придерживается намѣченного выше имъ самимъ различія. Такъ напр. на стр. 228, II онъ говоритъ о „мелкихъ фабрикахъ, подразумѣвая мастеровъ и II. 92 „о фабрикантахъ въ Силезіи“, подразумѣвая домашнихъ ткачей. *Зонненфельсъ* замѣчаетъ уже (Grundsätze der Polizey, Handlung und Finanzwissenschaft II, 1771, стр. 8): „Пуритане (!) при употребленіи искусственныхъ словъ называютъ мануфактурами производства, гдѣ не требуется огня и молота: суконная мануфактура, хлопчато-бумажная мануфактура; напротивъ того, гдѣ

организації къ организації фабричной. Оба факта, безъ сомнѣнія, отмѣчены правильно— и преимущественно мануфактурный характеръ цѣлаго исторического периода, по сie время еще происходящее превращеніе мануфактуръ въ фабрики. Примѣрами первого факта могутъ служить важные крупныя индустріи, какъ ткачество съ его вспомогательными отраслями, многочисленныя производства по переработкѣ желѣза и т. д.; примѣрами второго факта для нашего времени могутъ служить производство сапожнаго товара, нѣкоторыя отрасли изготошенія бѣлья и т. д.

Впрочемъ, было бы совершенно неправильно стремиться къ установлению общаго «закона развитія», по которому обобществленіе индивидуаль-

требуется молоть и огонь, то они называются фабрикой: стальная фабрика, латунная фабрика. Но практика почти совершенно уничтожила это различіе: на каждомъ шагу говорить о суконныхъ фабрикахъ, о хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ... Взглядъ этотъ подтвердитъ всякий знакомый съ экономической литературой той эпохи въ Австріи и Германіи. Такъ напр. Iustus M oser почти постоянно говоритъ о „фабрикахъ“, разумѣя подъ ними иногда и домашнюю промышленность. Ср. Patriot. Phantas. (1780), I, 184. II, 124 сл. въ „Schreiben  ber die Cultur und Industrie“; 139 сл. „Zur Bef rderung einheimischer Wollfabriken“. Въ совершенно другомъ смыслѣ употребляеть слово мануфактура Adrianus Beier, признанный въ свое время авторитетомъ въ области науки о промышленности. Вотъ что болтаетъ онъ въ своемъ Tractatio juridica de manufacturis (Ienae, 1795): „usus... efficit, ut sub hac figura—se. manufacture—unusquisque exaudiat species illas, quae opificibus artis suaे beneficio de manu prodeunt, sic, ut Germanus id quoquo assumserit, suumque fecerit Manufacturen“ (§ 1) „eritque

ныхъ производствъ совершалось постоянно въ видѣ перехода черезъ стадію мануфактуры къ стадіи фабрики ¹⁾). Подобное допущеніе было бы вдвойнѣ неправильно. Во-первыхъ, фабричному производству вовсе не необходимо проходить предварительно стадію мануфактурной организаціи. Въ доказательство можно привести много механическихъ и большую часть химическихъ фабрикъ. Во-вторыхъ, неправильно утвержденіе, будто мануфактура по сравненію съ фабрикой представляеть низшую ступень развитія. Обѣ эти формы производства, скрѣпе, могутъ быть сопоставлены, какъ имѣющія вполнѣ одинаковое значеніе, такъ что развитіе можетъ имѣть два высшихъ пункта:

adeo Manufactura Corporalium rerum species quam, cum Natura talis non esset, mechanicus manu sua, per introductionem formae, pro conditione artis sua in materiam substratam, extra suas elicere causas atque conspectui sistit (стр. 5, cf стр. 24), что, кажется, должно значить, что мануфактура есть всякий продуктъ промышленности. Во всякомъ случаѣ замѣтимъ слѣдующее: если понимать выражение „мануфактура“ на основаніи его этимологического состава, то придется или примкнуть къ Бейеру или же подразумѣвать подъ этимъ опредѣленный способъ, приемъ, именно основанный на ручномъ труде въ противоположность „машинофактурѣ“ - любимому словечку остроумаго Рѣло. Но въ такомъ случаѣ, поестественнѣости ради, надо будетъ сохранить это обозначеніе для всякаго способа ручного труда, въ какой бы формѣ производства онъ ни прилагался; тогда работа ручной швей будетъ „мануфактура“, а работа ея товарки на швейной машинѣ „машинофактурой“, что очевидно противорѣчить всѣмъ намѣреніямъ номенкляторовъ. Говоря о мануфактурахъ, мы во всякомъ случаѣ, имѣемъ въ виду крупнаго производства, и, несмотря

¹⁾ См. прим. на стр. 191.

фабрику и мануфактуру. Родословное дерево общественныхъ крупныхъ производствъ представляется намъ поэтому въ такомъ видѣ:

Сущность мануфактуры опредѣляется, слѣдовательно, двоякимъ образомъ: 1) какъ переходной формы и 2) какъ самостоятельной, вполнѣ

ни на что, съ этимъ словомъ связывается представление именно о такомъ крупномъ производствѣ, въ которомъ машины и парь не играютъ рѣшающей роли. Наконецъ, эта характеристика сходится съ характеристикой „фабрикъ“ Юсти и Зониенфельса, такъ что эти авторы, съ нашей точки зрѣнія, не были особенно неправы, не выдвинувъ существенное различіе между фабрикой и мануфактурой для своего времени, знавшаго крупное производство лишь въ видѣ мануфактуры. Въ другихъ европейскихъ странахъ, какъ и въ Германіи, возникающую капиталистическую индустрію въ отличіе отъ ремесла обозначали общимъ именемъ мануфактуры, не различая отдельныхъ формъ производства. Говорили о manufactures, manifatture, manufactures или manufacturers, примѣняя послѣдній терминъ, впрочемъ, только къ крупному производству. Въ указахъ Кольбера, говорится почти-что только о „manufactures“, о „manufacture royale des

развитой формы общественного крупного производства. Въ первомъ случаѣ ея собственная функція сводится, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы подготовить почву для примѣненія машинаго способа производства. Въ другомъ мѣстѣ я показалъ, что полнаго и плодотворнаго развитія способъ этотъ можетъ достигнуть только тогда когда руководитель машинъ разовьется въ колективнаго рабочаго, неограниченаго своими органами, и когда рабочія операциіи окажутся настолько дифференцированными и упрощенными, что могутъ быть переданы искуснымъ рабочимъ (Ingenieur) машинѣ. Оба эти предварительныя условія создаются мануфактурой, путемъ разложенія процесса производства на его простые

meubles de la couronne", о „manufactures des porcelaines“ въ Севрѣ и т. д. „Arts et manufactures“—очень употребительное сопоставленіе въ то время. Въ началѣ капитализма выражение „manufacture“ еще спорить за пальму первенства съ выражениемъ „industrie“ для обозначенія современной промышленной дѣятельности. Еще Сисмонди употребляетъ это слово въ первоначальномъ его смыслѣ—въ смыслѣ капиталистического способа производства.—Въ Англіи точно также слово „manufacture“ было однозначно съ выражениемъ: „капиталистическая промышленность“, или же употреблялось въ смыслѣ промышленной дѣятельности вообще. Такъ напр. los. Child (Чайлдъ)—въ своей „A new discourse of Trade, I ed. 1693 стр. 158, спрашиваетъ „what will improve our Woollen-Manufactures in quality and quantity?“ или Уильямъ Петти (Several Essays etc. 1699 стр. 176 замѣчаетъ: „it is commonly seen that each country flourisheth in the Manufacture of its Native Commodities, vir. England for Woollen Manufacture, France for Paper, Suic-Land for Iron-Ware, Portugal for Confectures, Italy

элементы и распределенія частичныхъ трудовыхъ операций между отдѣльными (личностями) организациями колективнаго рабочаго. Роль мануфактурной организаціи заключается здѣсь, слѣдовательно, въ томъ, что она, какъ бы, лишаетъ процессъ труда объединяющаго его духа, освобождаетъ его отъ живой личности индивидуальнаго рабочаго.

Совершенно противоположна функция мануфактуры, какъ самостоятельной, вполнѣ развитой формы общественного производства. Въ этомъ случаѣ она не только не должна подавлять творческой индивидуальности отдѣльного рабочаго, но, наоборотъ, должна стремиться къ возможно полному и разностороннему ея развитию. Она

for Silks" или напр., Джемсъ Стюартъ опредѣляетъ мѣсто положенія тѣхъ промышленныхъ заведеній, которыя „въ отличие отъ другихъ промысловъ должны быть названы „мануфактурами“ въ собственномъ смыслѣ (what may be properly called manufactures, distinguished from trades", Inquiry into the principles of political economy etc. Basel 1796, Vol. I, стр. 64). Адамъ Смитъ употребляетъ выраженіе „мануфактура“ больше въ смыслѣ „промышленной дѣятельности“ и обозначаетъ крупныхъ производствъ съ раздѣленiemъ труда болѣе точнымъ терминомъ „manufactory“. Ср. I главу Бог. Народовъ.—Наконецъ, и въ итальянской литературѣ „manifattura“ первоначально синонимична съ „капиталистической индустрией“ или, если хотите, съ „крупнымъ производствомъ“. Впрочемъ, послѣднее замѣчаніе относится лишь къ тому времени, когда manifattura стала обозначать вообще промышленную дѣятельность; въ началѣ же оно и въ итальянскомъ употреблялось въ смыслѣ — „продукта ручного труда“—мануфактура. Послѣднее мы находимъ у Броджіа

является той формой производства, которая соединяет въ себѣ преимущества общественного производства съ незамѣнимымъ для извѣстныхъ трудовыхъ операцій личнымъ творчествомъ индивидуума. При желаніи дальнѣйшей разработки классификаціи формъ производства, ее можно было бы назвать синтезомъ общественного и индивидуального производства, какъ ни несомнѣмими кажутся, на первый взглядъ, обѣ эти формы. Примѣрами можно это вполнѣ выяснить.

Въ своемъ первоначальномъ видѣ описывалась часто мануфактура. Стоитъ только вспомнить примѣръ булавочной мануфактуры у *Адама Смита*, сдѣлавшійся съ тѣхъ поръ классическимъ,

(Broggia, Trattato de' Tributi, 1743). См. въ изданіи этого Trattato въ собраний Scrittori classici italiani di Economia politica, Parte antica Tomo IV (Milano 1804) стр. 228: „si proibiscono le manifatture forastiere“, стр. 234: „le manifatture che si fabriccano nell'emporio“, стр. 296: „proibir le manifatture forastiere“ и passim. Но уже у Дженоовези (Genovesi + 1769) мы встрѣчаемъ слово manifattura въ указанномъ выше смыслѣ. Его „Ragionamento su le manifatture“, эта квинтесенція меркантилистической науки, имѣть цѣлью доказать ни болѣе, ни менѣе, какъ необходимость увеличенія капиталистической индустрии: „di tutte le arti che piu conferiscono alla popolazione e ella richezza di un popolo sono le manifatture“, и прежде всего, подъ мануфактурами, по мнѣнію итальянца, надо понимать текстильную промышленность (ср. Scrittori classici cit. parte mod. Tomo X, rad. 73). Это противопоставленіе Arte—ремесло и manifattura—капиталистическая промышленность мы часто встрѣчаемъ въ древней итальянской литературѣ. Такъ напр. Beccaria третью часть своихъ Elementi di economia по-

и мы можемъ отказаться оть обращенія къ типу такъ назыв. «мануфактуръ съ раздѣленіемъ труда», къ чemu мы уже неоднократно прибѣгали. Зато гораздо менышимъ вниманіемъ пользовалась мануфактура въ ея второй формѣ, и потому мы считаемъ необходимымъ привести нѣкоторые поучительные примѣры этой формы.

Возьму, въ качествѣ таковыхъ, фарфоровую мануфактуру и мануфактуру искусственной мебели.

Производство фарфора обнимаетъ 4 отдѣльные и различные процессы: 1) приготовленіе материала; 2) формовку; 3) обжиганіе и 4) окрашиваніе. Изъ этихъ частичныхъ процессовъ (въ крупномъ производствѣ, о которомъ только мы

litica (лекціи читанныя въ 1771 году) озаглавливается: „Delle arti e manifatture“ и т. д.—Название „мануфактура“ для обозначенія капиталистической промышленности продолжало употребляться даже и тогда, когда введеніе пара сдѣлало фабрику автоматической и когда, следовательно, при всемъ желаніи нельзя было найти мануфактуры. Уже справедливо начинаетъ свою *Philosophy of manufactures*, первая книга которой трактуетъ о „general principles of manufactures“ слѣдующими словами: „Manufacture is word, which in the vicissitude of language, has come to signify the reverse of its intrinsic meaning, for it now denotes every extensive product of art which is made by machinery with little or no aid of the human hand.“ Но несмотря на этотъ парадоксъ, слово сохранило свою живучесть до настоящаго времени и въ Англіи и во Франціи. Въ английскому языку выражение *manufactory* еще не вполнѣ замѣнено словомъ *factory* и „manufacture“ въ смыслѣ „manufacturing industrie“ употребляется еще весьма часто; точно также и соответствующее слово „manufactures“ ср. напр.

и говоримъ)—два (1-й и 3-й) имѣть совершенно общественную организацію; а два другихъ (2-й и 4-й) остаются почти повсюду индивидуальными производствами. Щѣлый рядъ сильныхъ машинъ измельчаетъ сырой матеріалъ для дальнѣйшей переработки, который затѣмъ поступаетъ въ гигантскіе котлы, и тамъ размѣшиваются машиннымъ же способомъ и получаетъ надлежащую примѣсь. Изъ замѣшанной такимъ образомъ, какъ слѣдуетъ, глиняной массы берется кубъ (*Kubus*): матеріалъ для работы формовщика. Это крайне индивидуализированная ручная работа, даже при выдѣлкѣ самаго грубаго товара, когда на гончарномъ станкѣ выдѣлываются сотни дюжинъ одинаковой по формѣ и по величинѣ по-

Royal Commision on Labour, Digest of Evidence Vol. I. Textile, London 1892 стр. 30—31; Second annual report of the Labour Department of the Board of Trade, London 1895, стр. V, где идетъ рѣчь о Pig Iron Manufacture; далѣе англійскій переводъ русскаго выставочнаго изданія о хозяйственной жизни Россіи, первый томъ котораго называется „Manufactures and Trade“ (St. Petersburg 1893), где въ текстѣ говорится то о manufactures, то объ industries, точно также, какъ иѣмцы безсмысленно говорятъ о „Gewerbe und Industrie“. Тамъ же встрѣчается обозначеніе manufactory вместо factory; 1. с. стр. III. XVIII. XXXII. LIII. („manufactories and mills“), 10, 76 и слѣд.

Еще больше осталось въ употреблении слово „manufacture“ во Франціи, хотя и въ разныхъ значеніяхъ: и въ смыслѣ „промышленности“ (*Gewerbe*), и въ смыслѣ „производство“, наконецъ, въ смыслѣ промышленного заведенія или крупнаго производства. Въ 1840-хъ годахъ было известно соч. *Villerm s*, *Tableaux de l' tat physique et morale des ouvriers employ s dans les manufactures de coton, de laine et de soie* (Paris

суды. Мы не говоримъ уже о болѣе совершенныхъ образцахъ, гдѣ собственно и играетъ главную роль индивидуальная работа. Тутъ сидить цѣлый рядъ художниковъ съ инструментами въ рукахъ и выдѣлываютъ тѣ изящныя вещи, которыми мы восхищаемся, какъ произведеніями берлинскаго, мейсенскаго и севрскаго искусствъ. Когда каждый изъ этихъ художниковъ оканчиваетъ свое произведеніе, вложивъ въ него часть своего «я», оно снова поступаетъ въ круговоротъ общественного производства и попадаетъ вмѣсть съ другими собратіями въ печи для обжиганія, огромныя искусныя сооруженія, напоминающія домны, и требующія для себя цѣлаго штаба искусственныхъ рабочихъ и громадной массы

1840); такой же известностью пользовались въ 60-хъ годахъ *Reybands, Etudes sur le régime des manufactures*— о шелкѣ въ 1860, о хлопчатой бумагѣ 1862, о шерсти 1867. Но и въ новѣйшее время приходится встрѣчаться съ официально признаннымъ обозначеніемъ „мануфактура“ въ смыслѣ фабрики. Въ „Annuaire de Statistique“ можно найти „manufactures de l'Etat“; „manufactures de fleurs et plumes“; „manufactures d'armes“ и т. под. „Ecole centrale des arts et manufactures“ въ Парижѣ напоминаетъ нѣсколько Кольберовскія времена.

Слово „мануфактура“ только въ Германіи, кажется, сохранило прочное значение. Лишь „торговля мануфактурными товарами“ напоминаетъ нѣсколько о прежнемъ историческомъ значеніи словъ; теперь же слово это употребляется для обозначенія производствъ по опредѣленныхъ отрасляхъ промышленности. Такъ напр., мы не говоримъ уже о фарфоровыхъ фабрикахъ, но о фарфоровыхъ мануфактурахъ. Въ разговорномъ языке это кажется самое употребительное значеніе слова. Напротивъ того, экономиче-

матеріала. Послѣ 12 или 14 часового обжиганія печь открывается.

Wird's auch schön zu Tage kommen,
Dass es Fleiss und Kunst vergilt?

Если штука посуды вышла удачной послѣ этого момента производства, въ которомъ исчезаетъ всякое индивидуальное совершенство, то она снова переходитъ въ руки отдѣльного рабочаго для раскрашиванія. Если это какое-нибудь простое изображеніе, то его отпечатаютъ обыкновенные рабочіе на чашкахъ или тарелкахъ; если же дѣло касается художественной вазы, тарелки и т. д., которыми мы украшаемъ свои гостиныя и столовыя, то за работу опять должны взяться художникъ. Такимъ образомъ, мы

ская наука и до сихъ поръ продолжаетъ пользоваться словомъ и самымъ понятіемъ „мануфактура“. Еще въ совершенно меркантилистическомъ смыслѣ употребляетъ это слово Фридрихъ Листъ къ своей „Национальной Системѣ“ (1842), где онъ развиваетъ свою теорію о благодѣтельной „силѣ мануфактуръ“. Впослѣдствіи его стали понимать крайне различно. Наиболѣе неудачно понималъ его В. Ропшеръ въ своихъ „Ansichten der Volkswirtschaft“ (2 Aufl, 1861); по его опредѣленію, мануфактура должна обозначать то же, что и домашняя промышленность: „крайне интересной (!) средней ступенію (!) между собственно (!) фабрикой и ремесломъ является работающая на рынокъ домашняя промышленность или, какъ я предпочту назвать ее, мануфактура“ (I. c. 140). Эта совершенно неправильный взглядъ нашелъ въ литературѣ, насколько мнѣ известно, одного только приверженца въ лице Эммингауза (см. Allgemeine Gewerkslehre. 1868. стр. 295). Рядомъ съ взглядомъ Ропшера, имѣется еще другой взглядъ въ экономической литературѣ—именно Маркса и

встрѣчаемся два раза съ творческой индивидуальностью въ этомъ производствѣ: при формовкѣ и при раскрашиваніи. Дальнѣйшей стадіей производства является глазировка и другія операціи, всесѣло совершающіяся по способу общественной организаціи труда.

Такое же соединеніе индивидуального и общественного производства представляеть второй типъ мануфактуры, о которой я хочу сказать нѣсколько словъ: *мануфактура изящной мебели* (*Kunst möbelmanufaktur*); притомъ, въ простѣйшей ея формѣ, какую только можно наблюдать, а, именно—мануфактуру деревянной мебели (*Holzmöbelmanufaktur*). Въ процессѣ производства мебели можно различить три главныя части, ко-

его школы. По Марку, подъ мануфактурами слѣдуетъ понимать „всѣ крупныя мастерскія кромѣ собственно фабрикъ“ (Кап. I⁴, 430).

Въ томъ же смыслѣ употребляеть это слово Шмольеръ, *Thatjachen der Arbeitsteilung* въ своемъ *Jahrbuch*. XIII (1889) стр. 1050—1051 и изложеніе въ текстѣ соотвѣтствуетъ определенію Маркса. Слѣдующе сразу поймутъ, въ чемъ мой взглядъ отличенъ отъ взгляда Маркса. Я думаю, что употребленіе слова мануфактура въ избранномъ здѣсь значеніи имѣть за себя болѣе данныхъ, чѣмъ въ значеніи, принятомъ Рожеромъ. И то и другое пониманіе слова имѣть между собою то общее, что они примыкаютъ къ прежнему словоупотребленію: въ эпоху меркантилизма мануфактура обозначала какъ домашнюю промышленность, такъ и крупное производство. Но, на мой взглядъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что съ теченіемъ времени незамѣтно понятие „домашняя промышленность“ вполнѣ обособилась въ номенклатурѣ, и значеніе слова мануфактура въ историче-

торыя мы назовемъ обработкой дерева, монтажемъ (Montage) и украшениемъ. Первый процессъ, не совпадающій обыкновенно съ какимъ-нибудь однимъ опредѣленнымъ моментомъ производства, но распредѣляющійся на весь periodъ производства и частью переплетающійся съ остальными двумя процессами, носить совершенно общественный характеръ; остальные же два процесса, въ особенности въ производствѣ изящной мебели, всецѣло относятся къ области индивидуального труда. Если мы послѣдимъ за сырьемъ материаломъ въ различныхъ стадіяхъ его обработки, то

скомъ смыслъ свелось къ „крупному производству“. Доказательство тому—примѣръ „фарфоровой мануфактуры“. Съ одной стороны, исторический обзоръ говорить въ пользу нашего словоупотребленія, а съ другой—оно оправдывается аналогичнымъ употребленіемъ того же слова для обозначенія замкнутыхъ *крупныхъ производствъ* въ современномъ англійскомъ и французскомъ. Наконецъ, въ нашу пользу говорить и смыслъ самого слова, указывающій на *ручную* работу, какъ на отличительный признакъ этой формы производства и противополагающей ее другимъ формамъ общественного крупного производства. Изъ текста будетъ видно, почему мы такъ настаиваемъ на этомъ противоположеніи и почему такъ желаемъ сохранить его, хотя подобное же ланіе могло бы показаться излишней щепетильностью.

1) Марксъ говоритъ объ „историческомъ ходѣ развитія крупной промышленности, на заднемъ планѣ котораго традиціонные образы мануфактуры, ремесла и домашней работы претерпѣваютъ коренные измѣненія, мануфактура постоянно преображается въ фабрику, ремесло — въ мануфактуру. „Marx, Kapit. I⁴, 485. Мысль эта ветрѣчается у Маркса со временемъ Misère (стр. 131 и сл.) и коммунистич. манифеста (стр. 10, 6-го иѣм. изд.)

увидимъ, что древесные стволы поступают сначала на лѣсопильню, изъ которой выходятъ въ видѣ досокъ. Доски эти, смотря по ихъ назначенію, подвергаются дальнѣйшей переработкѣ въ машинномъ отдѣленіи: обработкѣ круглой или ленточной пилой или различнаго рода стругами. Въ такомъ видѣ береть ихъ столяръ, чтобы сдѣлать изъ нихъ опредѣленную штуку мебели: стулъ, буфетъ, шкафъ и пр. Часто это бываетъ крайне тяжелая, продолжительная работа, причемъ каждый отдѣльный столяръ постоянно работаетъ только надъ однимъ и тѣмъ же опредѣленнымъ видомъ мебели. Въ теченіе своей работы ему приходится пользоваться разнаго рода машинами, которыя всегда къ его услугамъ. Между тѣмъ въ другой залѣ работаетъ цѣлый штабъ собственно художниковъ—рѣзчиковъ, выдѣлывающихъ всѣ тѣ украшенія, которыя мы по традиції любимъ видѣть на нашей мебели. Вмѣстѣ съ токарями они заботятся о томъ, чтобы вышедшиа изъ рукъ столяра штуки мебели были соотвѣтственнымъ образомъ украшены. Послѣ нихъ наступаетъ очередь полировщика, лакировщика, позолотчика, придающихъ мебели окончательную отдѣлку. Здѣсь повторяется то же самое, что и въ фарфоровой мануфактурѣ: въ крупномъ производствѣ, стоящемъ, въ цѣломъ, на почвѣ общественной организаціи, остается еще просторъ для развитія индивидуальной работы отдѣльныхъ лич-

ностей. Характерный общественный отпечатокъ обоимъ типамъ производства придаетъ (не говоря уже объ общественіи элементарныхъ трудовыхъ операций) именно *обобществленіе чисто духовной, художественно-творческой* (а не только исполнительной) функции коллективной работы. Оно происходит вслѣдствіе участія въ производствѣ особыхъ рисовальщиковъ, т.-е. лицъ, берущихъ на себя созданіе художественныхъ проектовъ для всѣхъ рабочихъ.

8. Фабрика.

Noi sem vennti al luogo ov'io t' ko detto
Che vederai le genti dolorose
Ch'hanno perduto'l ben dello'utelletto (Dante. Inferno).

«Фабричное дѣло (Fabrikwesen) явленіе столь многообразное, налагающее на всю хозяйственную жизнь новаго времени настолько характерный отпечатокъ, что нечего удивляться, если въ обыкновенномъ словоупотребленіи понятіе это имѣть крайне неопределенный и широкий смыслъ. Уже слово фабрикація, выраждающее исключительно частно-хозяйственную сторону фабричного дѣла, понимается въ весьма различномъ смыслѣ; начиная отъ манчестерской прядильной машины, работающей 10 тысячами веретенъ, отъ фабрикаціи часовъ, объединяющей въ Швейцарской

Юрѣ нѣсколько кантоновъ какъ бы въ одно крупное производство, до позументщика, работающаго съ полудюжиной рабочихъ и одной машиной, до магазина портного, который по временамъ, въ качествѣ «академика по портняжной части» «тригонометрически» шьетъ сюртуки и панталоны, до мастерской сапожника, работающаго въ крупныхъ размѣрахъ для экспорта, по завѣту предковъ, все говорятъ о фабрикахъ и фабрикатахъ... Но фабричное *dѣло*, какъ ни разносторонне и многообразно было и есть вліяніе фабрики на хозяйственную, общественную и государственную жизнь... Такими жалобными словами начиналъ 40 лѣтъ тому назадъ Шеффле свою статью о «фабричномъ дѣлѣ» въ «Deutsches Staatswörterbuch» (Изд. Bluntschli Broter. Band III. 1858). Но что же скажемъ мы, принужденные 40 лѣтъ спустя предпосылать подобная ламентаціи разъясненію понятія фабрики! За все время не только не высказано было ни одного удовлетворительного замѣчанія для разъясненія этого понятія, но наоборотъ, оно, казалось, становилось тѣмъ расплывчатѣе, неопределеннѣе, туманнѣе, чѣмъ шире и полноѣ развивалась хозяйственная жизнь. Ни одно изъ названий формъ производства, съ которыми мы до сихъ поръ познакомились, не употребляется чаще, чѣмъ слово фабрика, и, вѣроятно, потому и въ наукѣ,

и въ законодательствѣ, и въ обыденной жизни ни одно не отличается большей неопределённостью.

Для неустойчивости словаупотребленія характеренъ фактъ, что нашъ высшій судъ не считаетъ удобнымъ признавать какого-нибудь общаго определенія для «фабрики». Какъ же обстоитъ дѣло въ отдѣльныхъ законахъ! «Многочисленныя попытки, значится въ мотивировкѣ закона о страхованиі отъ несчастныхъ случаевъ, которыя дѣлались въ этомъ направлениі законодательствами разныхъ странъ, постоянно находили ограниченіе въ многообразіи практической жизни». «Нѣть общаго определенія для понятія фабрика», безнадежно заявляетъ Имперское Статистическое Бюро и старается выйти изъ затрудненія съ помощью робкаго: «фабриками принято считать» и т. д. (См. Erhebung über die Verhältnisse im Handwerk. Veranstaltet im Sommer 1895, Berlin. 1895. Стр. 21 и 3). Штида также приходитъ къ выводу, что «понятіе фабрика неопределенно и не можетъ быть строго разграничено отъ соответствующихъ понятій «ремесло» и «домашняя промышленность». (Статья фабрики въ Handwörterbuch der St. Wis.). При такихъ условіяхъ желаніе дать общее определеніе фабрики можетъ показаться дерзостью, въ особенности, если мы еще выражимъ убѣжденіе въ возможности дать общее, недвусмысленное определеніе этого понятія. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ по край-

ней мѣрѣ отказываться отъ попытки внести свѣтъ въ господствующій въ этой области мракъ и хаосъ.

Если мы, такъ сказать, сдѣлаемъ смотръ почти необозримому ряду опредѣленій фабрики, то прежде всего убѣдимся въ справедливости старой французской пословицы: «Qui trop embrass, mal tient». Недостатокъ, общій всѣмъ опредѣленіямъ, заключается въ тщетномъ стремлѣніи обнять въ одномъ понятіи *форму производства и форму хозяйства* (капиталистическое предпріятіе). Это, конечно, невозможно и по необходимости приводить къ неясностямъ, въ особенности, когда упускается изъ виду различіе этихъ существенно разнородныхъ вещей. Примѣромъ этого общаго способа опредѣленія можетъ служить опредѣленіе Штиды, которое я, наглядности ради, схематически раздѣлю на двѣ его составныя части:

Признаки формы производствта.

„Подъ фабрикой разумѣютъ соединеніе въ одномъ зданіи для цѣлей производства болѣе или менѣе значительнаго числа рабочихъ, которые, преимущественно при примѣненіи

Признаки формы хозяйства.

Распредѣленіе работы, равно какъ и доставленіе сырыхъ материаловъ, инструментовъ и машинъ береть на себя владѣлецъ фабрики, на которомъ лежитъ также забота

машины и двигателей, взаимно помогают другъ другу въ работе такимъ образомъ, что всѣ участвуютъ определенными дѣйствіями въ изготовлениі одного и того же пред- мета.

о сбытѣ изготовленныхъ продуктовъ. Возникновеніе фабрикъ обусловливалось измѣненіемъ формы сбыта, неудовлетворявшагося уже мѣстнымъ рынкомъ, развитіемъ разделенія труда и изобрѣтеніемъ рабочихъ машинъ.

(Рус. пер. въ изд. Водовозовой. Промышленность, ст. изъ Hahdwörterbuch).

Теперь намъ предстоитъ рѣшить: обозначать ли терминомъ фабрика определенную форму производства или определенную форму хозяйства. Читатель уже знаетъ, что мы съ словомъ фабрика связываемъ представление о формѣ производства.

Спрашивается, каковы будутъ отличительные признаки понятія фабрика. Нѣкоторые изъ этихъ признаковъ мы уже установили: фабрика есть, какъ мы знаемъ, общественное крупное производство. Слѣдовательно, намъ остается только отдѣлить ее отъ другихъ видовъ этого рода производствъ. Намъ помогутъ въ этомъ слѣдующіе критеріи (стоящіе въ извѣстномъ согласіи съ обычнымъ словоупотребленіемъ, котораго не приходится игнорировать):

1. *Однообразие, массовое количество и даже сравнительно незначительная ценность* (*Minderwertigkeit*) продуктовъ. Въ этомъ смыслѣ говорять о «фабричныхъ товарахъ», о «фабрикахъ докторовъ» въ переносномъ смыслѣ. Но было бы крайне неправильнѣо видѣть въ этихъ моментахъ сущность фабрики. Есть производства, которыхъ всякий безъ раздумья назоветъ фабриками и которые, тѣмъ не менѣе, не доставляютъ ни однообразныхъ, ни невысокихъ по качеству массовыхъ товаровъ. Стоитъ вспомнить механическія ткацкія, производящія изящныя ткани съ изображеніями, или современныя печатни, гдѣ отпечатываются такія роскошныя и изящныя изданія, какъ *Jugend*, *Simplizissimus*, и др. или наши журналы по искусству и художественной промышленности, въ родѣ *Pan*, *Studio*, *Deutsche Kunst und Dekoration* и др.

2. Любимымъ признакомъ фабрики считается обыкновенно примѣненіе въ производствѣ *машинной техники*. Фабрику отождествляли даже, какъ мы указывали, съ машинофактурой. Въ особенности со временеми Маркса вошло въ обыкновеніе считать раѣнозначающими понятія машиннаго крупнаго производства и фабрики. «Исходный пунктъ крупной промышленности образуетъ коренной переворотъ въ орудіяхъ труда, и эти преобразованныя орудія труда находятъ наибольшее развитіе въ расчлененной системѣ машинъ»

на фабрикъ» (*Kapital*, I⁴, 358. Рус. пер. 3-е изд. 345 ср. стр. 384: «Фабрика»). Но это определение рѣшительно слишкомъ узко. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ у Маркса, можно найти слѣды того сильнаго впечатлѣнія, которое произвела на него хлопчато-бумажная фабрика. Вся его теорія, можно сказать, принаровлена къ этой отрасли производства. Въ «Капиталѣ» отъ начала до конца вмѣсто слова товаръ можно подставить пряжа, вмѣсто «производство» — «хлопчато бумажное производство», вмѣсто «фабрика» — «хлопчато бумажная прядильня», вмѣсто «рабочій» — «прядильщикъ», и смыслъ при этомъ не измѣнится. Хотя и нельзя не признать вмѣстѣ съ Марксомъ необыкновенную пригодность этой отрасли производства въ качествѣ примѣра современной промышленности, всетаки отождествленіе хлопчато-бумажнаго производства и крупной промышленности вообще недопустимо¹⁾). До-

¹⁾ Такое, часто безсознательное отождествленіе приводить иногда Маркса къ совершенно неправильнымъ обобщеніямъ, т. напр., въ характеристицѣ сущности современной машины, которая, по его мнѣнію (что хлопчато-бумажнѣмъ производствѣ) повсюду должна состоять „изъ трехъ существенно различныхъ частей, двигательной машины, передающаго механизма, наконецъ, исполнительного механизма или собственно рабочей машины“ (*Капиталъ* I⁴, 336), причемъ Марксъ строго слѣдуетъ Ure (*Philosophy of Manufactures*, стр. 27). Объ ошибочности такого взгляда подробно говорить уже Рѣло въ своей Теоретической Кинематикѣ (1875) § 129 и сл. Или также см. стр. 391 Маркса, гдѣ онъ пере-

стачоно указать на крайне важную категорию всѣхъ т. наз. химическихъ фабрикъ, далѣе пивоваренныхъ заводовъ и т. д., чтобы признать неправильнымъ опредѣленіе фабрики, основанное исключительно на признакѣ примѣненія машинъ.

3. Мы легко найдемъ настоящій признакъ фабрики, если отыщемъ принципъ, лежащий въ основаніи какъ всякой развитой машинной системы, такъ и всякой химической промышленности въ широкомъ смыслѣ. Принципъ этотъ безъ сомнѣнія заключается въ *автоматичности процесса производства*. Если основная идея обобществленія *процесса* производства сводится вообще къ освобожденію его отъ ограниченности индивидуального рабочаго, то идея фабрики въ частности заключается въ освобожденіи процесса производства отъ творческаго, созидающаго участія рабочаго въ производствѣ. Объективированье процесса производства, полное его отдѣленіе отъ живого человѣка, перенесеніе его на систему безжизненныхъ тѣлъ, которая, благодаря сообщенію имъ искусственно созданной силы, какъ-бы

числять материальныя условія, при которыхъ происходит работа. „Всѣ органы чувствъ терпятъ поврежденія отъ искусственно повышенной температуры, отъ запыленной частицами сырого матеріала атмосферы, отъ оглушающего шума и т. д. не говоря уже объ опасности для жизни отъ нагроможденныхъ повсюду машинъ“. Онъ забываетъ при этомъ, напр., о прохладной, тихой пивовариѣ, объ опрятной печати, о химической фабрикѣ, гдѣ не можетъ быть и рѣчи о нагроможденіи машинъ.

наполняются жизнью, создание автоматически действующего, заступающего мѣсто человѣка, механизма: вотъ что, приблизительно, представляется нашему умственному взору, когда мы говоримъ о «фабрикѣ», ¹⁾ или что, мы по крайней мѣрѣ, должны были бы вкладывать въ это понятіе, такъ какъ только при такихъ условіяхъ оно впервые пріобрѣтетъ специфически ясное и цѣнное значеніе для системы формъ производства. Тогда фабрика обозначала бы ту форму общественного крупнаго производства, въ которой важнѣйшія части процесса производства стали независимыми отъ творческой дѣятельности рабочаго и переданы автоматически действующей системѣ безжизненныхъ тѣлъ. Специфическая функция ея заключалась бы въ совершенномъ устраненіи несовершенствъ индивидуального рабочаго какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеній, возможномъ лишь при введеніи машинъ въ производство и научныхъ

¹⁾ „I conceive, that this title, in its strictest sense, involves the idea of a vast automaton, composed of various mechanical and intellectual organs, acting in uninterrupted concert for the production of a common object, all of them being subordinated to a self-regulated moving force“ Ure, 1. c. стр. 18. Рѣзко выраженнымъ типами законченной фабрики для *механической* промышленности могутъ считаться паровыя мюль-машины, а для *химической* фабрики—для очистки керосина (*Petroleumraffinerien*). Незнакомыхъ съ первымъ типомъ отсылаю къ *Em. Hermann*, *Miniaturbilder aus dem Gebiete der Wirtschaft*. N. A. Halle. 1877. Fünftes Bild: Die Dampfmühle zu Ebernfurt.

химическихъ способовъ. Выражаясь нѣсколько смѣло, можно сказать: фабрика есть орудіе труда колективнаго рабочаго, при помощи котораго ему удается достигать въ производствѣ силы, тонкости, точности и быстроты, переходящихъ за предѣлы органически возможнаго для отдельныхъ лицъ. Этотъ колективный рабочій одинъ безраздѣльно царитъ на фабрикѣ: въ ней (и это ея характерный отрицательный признакъ) нѣть мѣста для развитія индивидуально-личной дѣятельности. Поэтому то въ фабрикѣ и находитъ наиболѣе полное и послѣдовательное выраженіе принципъ общественнаго производства; но она въ то же время не можетъ считаться единственной высшей формой организаціи производства вообще; такихъ формъ, какъ мы видѣли, двѣ—фабрика и мануфактура.

V^o.

Ступени хозяйства, системы и формы хозяйства.

Если мы, на основаніі всѣхъ нашихъ предыдущихъ разсужденій, назовемъ *производительнымъ хозяйствомъ* (Produktionswirtschaft) организацію, создаваемую хозяйствующимъ субъектомъ съ той цѣлью, чтобы помошью производства вещественныхъ благъ получить соотвѣтствующій его хозяйственному принципу полезный эффектъ (Nutzeffekt), то болѣе точное изслѣдованіе и разложеніе этого понятія приводить нась къ слѣдующимъ выводамъ.

1. Субъективную сторону понятія хозяйственной организаціи составляетъ *реализація, продажа, какъ цѣль*. (Verwertungszwek) Не изготоленіе, созданіе потребительныхъ благъ, какъ цѣль, но цѣли, лежащія за этимъ изготоленіемъ, именно цѣли реализаціи, какъ я ихъ называю, опредѣляютъ видъ и форму организаціи. Вслѣдствіе этого обстоятельства организація хозяйства всту-

паетъ въ ясную противоположность съ организаціей производства, имѣющей цѣлью, какъ мы видѣли, созданіе потребительныхъ благъ. Для изготошенія башмаковъ я могу примѣнить ручной или машинный способъ труда, могу организовать производство на индивидуальныхъ или коллективныхъ началахъ, и получу опредѣленное производство, послѣдней цѣлью котораго всетаки является изготошеніе башмаковъ. Но смотря по тому, изготошляются ли сапоги для собственаго употребленія, или для заказчика, или для правленія богоугодныхъ заведеній, возникаютъ разнообразныя организаціи, разные виды производительныхъ хозяйствъ. Цѣлью капиталистической сапожной фабрики никогда не бываетъ изготошеніе сапогъ, но всегда—полученіе прибыли; цѣль крестьянскаго частнаго хозяйства также не изготошеніе сапогъ само по себѣ, но защита сапогами ногъ отъ холода, сырости и т. д.

2. Объективная сторона хозяйственной организаціи выражается въ господствующей *системѣ хозяйства*, т.-е. въ господствующемъ строѣ хозяйства и господствующихъ принципахъ хозяйства, съ которыми каждому отдѣльному хозяйствующему субъекту приходится считаться, какъ съ объективными фактами.

Благодаря этой связи съ условіями общественного строя, (порядка, *Ordnung*) хозяйство носить всегда опредѣленный исторический коло-

ритѣ, отличающій его отъ организаціи производства, которое, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, не зависитъ, какъ мы видѣли, отъ господствующаго строя хозяйства (*Wirtschaftsverfassung*).

Въ какой степени система хозяйства обусловливаетъ форму хозяйства мы вполнѣ поймемъ, если выяснимъ себѣ, въ какихъ отношеніяхъ другъ къ другу стоятъ въ отдѣльности различные заведенія и учрежденія, вызванныя къ жизни организаціей формы хозяйства. Этой послѣдней опредѣляется:

1. Способъ привлеченія къ производительной дѣятельности необходимыхъ факторовъ производства — орудій и средствъ производства и рабочихъ силь: напр., идутъ ли рабочіе, какъ члены одной семьи, на работу по приказанію главы семьи; или ихъ заставляютъ идти на работу, какъ чужихъ; назначены ли они высшей правительственной властью въ обществѣ свободныхъ людей на опредѣленные работы, или вступаютъ они въ договоръ для совмѣстной работы въ качествѣ равноправныхъ товарищѣ; покупаютъ ли ихъ рабочую силу на рынке, какъ товаръ, или быть можетъ они работаютъ въ качествѣ помощниковъ за плату, опредѣленную высшей властью и т. д.

2. Способъ вліянія участвующихъ въ производствѣ лицъ на структуру и на ходъ его. Ру-

ководитель производства есть хозяйствующій субъектъ. Но отношеніе къ нему остальныхъ участниковъ производства можетъ быть крайне различнымъ: отъ неограниченного деспотизма до полнѣйшей свободы при демократическомъ строѣ, тутъ можно вообразить безконечный рядъ градаций въ отношеніяхъ руководителя къ подчиненнымъ.

3. Способъ реализаціи (продажи) продукта: отдается ли онъ заказчикамъ за плату, продается ли онъ на рынкѣ, потребляется ли онъ въ хозяйствѣ самого производителя, отдается ли онъ въ усадьбу помѣщика или въ монастырь, или складывается въ государственные магазины и т. д.

4. Способъ участія занятыхъ въ производствѣ лицъ въ доходѣ (*Ertrag*) съ производства: или совсѣмъ они въ немъ не участвуютъ — стоитъ вспомнить объ оброчныхъ крестьянахъ! — получаютъ ли долю дохода, или независящую отъ дохода, прочно установленную сумму натурой или деньгами; происходитъ ли такое участіе на почвѣ молчаливаго соглашенія или ясно выраженнаго договора, правительственной нормировки или какимъ-либо другимъ путемъ.

Это разсмотрѣніе исторической обусловленности хозяйства заставляетъ настъ для полнаго выясненія различныхъ видовъ производительного хозяйства, т.-е. различныхъ формъ хозяйства (такъ ради краткости мы будемъ впредь называть формы

производительныхъ хозяйствъ — *Produktionswirtschaftsformen*) предпослать имъ *характеристику системъ хозяйства*, въ рамкѣ которыхъ бываетъ включена всякая опредѣленная форма хозяйства.

Въ попыткахъ систематического разсмотрѣнія и классификаціи различныхъ системъ хозяйства или какъ говорятъ иногда: ступеней хозяйства, способовъ хозяйства, состояній хозяйства (*Wirtschaftszustände*) — недостатка нѣть. Въ силу моей привычки, — высказывать свое мнѣніе, сопоставляя его съ прежними взглядами, чтобы такимъ образомъ установить въ изслѣдованіяхъ нашей науки нѣкотораго рода преемственность и непрерывность, я долженъ сдѣлать критической обзоръ всѣхъ прежнихъ теорій, ограничиваясь, конечно, лишь самыми распространенными или самыми остроумными¹⁾). Почтеннымъ возрастомъ, большой жизнеспособностью и широкимъ распространеніемъ отличается теорія, по которой человѣчество въ своемъ хозяйственномъ развитіи послѣдовательно проходило — *охотничью, пастушескую, земледельческую и промышленную стадію*. Отцомъ этой теоріи въ ея развитой формѣ былъ *Фридрихъ Листъ*, составившій даже

¹⁾ Т. е. теоріями о ступеняхъ *хозяйства* въ узкомъ смыслѣ. Всѣ теоріи, касающіяся лишь общественнаго развитія вообще и мало затрагивающія хозяйственную жизнь, будуть исключены изъ этого обзора. Точно также и важныя „теоріи развитія“ въродѣ Фурье, С. Симона и т. д.

и схему для своего домашняго обихода ¹⁾). Еще и по сие время можно встрѣтить ее въ самыхъ распространенныхъ нашихъ учебникахъ ²⁾). Не говоря уже о томъ, что эта теорія ошибочна въ самыхъ существенныхъ пунктахъ, она слишкомъ поверхностна и не идетъ въ глубь явлений ³⁾). Конечно, примитивныя хозяйственныя отношенія можно характеризовать по направленію и тен-

¹⁾ Fr. List, Das nationale System. Въ собр. соч. Т. III, стр. 14. Лишь различается: а) періодъ дикости (охотничий); б) пастушескій періодъ; с) земледѣльческій періодъ, д) земледѣльчески-промышленный періодъ; е) земледѣльчески-промышленно-торговыій періодъ. Зачатки этой теоріи встрѣчаются гораздо раньше, напр., во французской литературѣ XVIII вѣка. Зародышъ ея мы находимъ уже у Аристотеля, различающаго народы по ихъ образу жизни.

²⁾ Напр. въ Handbuch'ѣ Шенберга Bd. I, стр. 29, гдѣ ступени хозяйства, смотря по состоянию „народнохозійственного производства“, идутъ въ такомъ порядкѣ: а) охотничий народъ; б) рыбачій народъ; с) пастушескій и кочевой народъ; д) осѣдлый чисто земледѣльческій народъ; е) ремесленный и торговый народъ; f) промышленный народъ. Ср. также Ропера, Syst. II, S. 7 и сл.

³⁾ Такъ, напр., ошибочно допущеніе правильнаго послѣдовательнаго перехода отъ охотничьяго состоянія черезъ кочевое состояніе къ состоянію земледѣльческому. Новѣйшія изслѣдованія показали намъ, что здѣсь идти не по послѣдовательности во времени, а о существовании въ пространствѣ. Земледѣльческие народы жаркаго пояса никогда не были народами пастушескими, иnomады центральной Азіи никогда не будуть земледѣльцами; точно также американскія или арктическія „охотничыи племена“ не представляютъ собой предшествовавшихъ ступеней по отношенію къ „пастушескимъ“ или „земледѣльческимъ“ народамъ⁴⁾. Ср. F. Ratzel, Völkerkunde, 3 Bde, Leipzig. Затѣмъ Ernst Grosse, Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft, Freiburg und Leipzig 1896, стр. 25, особ. стр. 29. Rich. Hildebrand, Recht und Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen. I Theil, Iena 1896, стр. 43 и сл.

денції производства, какъ это дѣлаютъ указанные въ примѣчаніяхъ авторы. Но сводить всѣ различія между способомъ хозяйства негрскаго племени, средневѣковымъ европейскимъ и способомъ хозяйства въ наше время къ различіямъ въ господствующемъ направленіи производства, значитъ ужъ очень упрощать задачу и слишкомъ легко смотрѣть на дѣло. Тотъ фактъ, что въ основаніи этой классификаціи лежатъ правильныя мысли, ничего не измѣняетъ въ нашемъ приговорѣ: отличительные признаки для этой классификаціи выбраны слишкомъ поверхностно.

Тоже можно сказать и о второй, весьма распространенной теоріи ступеней хозяйствъ, берущей въ основаніе своей классификаціи «состояніе обмѣна» (*Zustand des Tauschverkehrs*)¹⁾ и состоящей духовнымъ чадомъ старшаго Гильдебранда (*Bruno Hildebrand, Naturalwirtschaft, Geldwirtschaft und Kreditwirtschaft*, въ *Jahrbücher für*

¹⁾ Выраженіе Шейберга, который и этой теоріи наряду съ вышеизложенній даетъ пріютъ въ своемъ *Handbuch'*. Стр. 44 и сл. Недавно она снова возродилась у *I. Conrad'a* въ *Grundriss zum Studium der Politischenoekonomie*, I Theil, Iena 1896 §§ 31—33, а также, конечно, нѣсколько въ модернизованномъ видѣ—присвоена себѣ Максимомъ Ковалевскимъ (*Coup d'oeil sur l'évolution du régime économique et sa division en périodes*. Въ *Devenir Social. Deuxième Année* 1896, стр. 481. Очень любить ее также историки, хотя и стоящіе далеко отъ національной экономіи. Такъ, напр., *Ed. Meyer* въ своей статьѣ о хозяйственномъ развитіи древняго міра (*Jahrbücher für Nat. Oek.* III f. Bd IX, стр. 699 и сл.) много оперируетъ надъ этой теоріей.

Nat.—Oekon., Band II (1864) стр. 1 и сл.). Это была одна изъ неудачъ, столь часто постигавшихъ этого ученаго всякий разъ, когда онъ переходилъ въ область теоріи. Онъ провозгласиль три ступени развитія хозяйства: *натуральное, денежное и кредитное хозяйство*. Я не знаю другой теоріи, которая, не говоря уже объ ея поверхностности, заключала бы одновременно столько ошибокъ. Даже устранивъ изъ этой теоріи грубѣйшее смѣшеніе производства для собственнаго потребленія (*Eigenproduktion*) съ натуральнымъ хозяйствомъ, т.-е. такимъ состояніемъ, при которомъ «блага обмѣниваются непосредственно на блага», мы все таки найдемъ въ ней массу ошибочныхъ положеній, на которыхъ мы уже указывали ¹⁾). Если и была правильная мысль у автора этой теоріи, то она оказалась весьма поверхностной: онъ различалъ способы хозяйства по ихъ симптомамъ, а не по основному харак-

¹⁾ Изъ многочисленныхъ критиковъ Гильдебрандовской теоріи достаточно указать на критику *Густава Конна* въ его *Grundlegung* (Stuttgart 1885) § 337, где онъ говоритъ: „Такое трехчастное дѣленіе недопустимо уже потому, что оно упускаетъ изъ виду существенную функцию денегъ: служить мѣрой цѣнности; послѣднюю функцию совершенно не затрагиваетъ то обстоятельство, дается ли при продажѣ кредитъ или неѣтъ; настоящую противоположность мы бы получили, еслибы сказали: „хозяйство на наличныхъ деньгахъ“ и „хозяйство въ кредитѣ“, между тѣмъ, какъ въ обоихъ выше указанныхъ случаяхъ имѣеть мѣсто „денежное хозяйство“. Точно также несправедливо, будто „продажа въ кредитѣ“, какъ утверждаютъ, на основаніи этого трехчастного дѣленія,

теру, вызывавшему эти симптомы. Въ сущности, давно бы ужъ пора выбросить этотъ негодный хламъ.

Въ нашей литературѣ сдѣжалось довольно обычнымъ, что одинъ и тотъ же авторъ въ учениі о развитіи ступеней хозяйства или системѣ хозяйства не довольствуется одной теоріей, а держитъ про запасъ двѣ или нѣсколько, беря изъ нихъ по мѣрѣ надобности ту или другую и не особенно заботясь о томъ, совмѣстимы ли эти теоріи или нѣтъ, не исключаютъ ли онъ отчасти другъ друга, дополняютъ ли взаимно другъ друга, стоитъ ли одна изъ нихъ къ другой въ отношеніи подчиненія или въ какомъ-либо другомъ отношеніи. Такъ, напр., у *Шенберга* мы уже встрѣчались съ двумя различными классификаціями ступеней хозяйственнаго развитія, которымъ предполано одно только крат-

все болѣе расширяется по мѣрѣ развитія хозяйства и все болѣе вытесняетъ продажу за наличныи деньги: напротивъ того, при прогрессирующемъ хозяйствѣ кредитъ все болѣе отрывается отъ продажи и доставленіе кредита выдѣляется въ особую отрасль дѣятельности, позволяющую покупателю покупать за наличныи деньги. Нѣкоторое знакомство съ современнымъ положеніемъ дѣла въ Англіи, Америкѣ и. т. д. подтверждаетъ это положеніе. Но какъ разъ специфическимъ признакомъ Бр. Гильдебранда было то, что онъ не имѣть этихъ свѣдѣній и строилъ свои теоріи на основаніи воззрѣній, складывавшихся у него среди окружающихъ отсталыхъ условий. Экономический міръ заключался для него сначала въ провинціи Оберъ-Гессенѣ, а потомъ въ Тюрингенскихъ княжествахъ.

кое замѣчаніе: «въ исторіи различаютъ двѣ группы ступеней хозяйства. Для одной важнѣйшимъ (!) признакомъ служить состояніе народно-хозяйственнаго производства, для другой — состояніе обмѣна (*Tauschverkehr*)». Точно также и *Ad. Wagner* перечисляетъ различные ряды системъ хозяйства, не дѣляя нигдѣ,—насколько мнѣ известно,—попытки «ближе установить ихъ взаимныя отношенія», не дѣляя даже предположенія (которое все равно, впрочемъ, не имѣло бы смысла), что одно дѣленіе способовъ хозяйства относится къ «народному хозяйству, какъ естественному организму», а другое къ «народному хозяйству, какъ искусственному организму». Такимъ образомъ, читатель «Основаній», познакомившись въ § 188 съ видоизмѣненной классификацией Гильдебранда, въ § 300 вдругъ узнаетъ, что «организація народного хозяйства» «покоится на трехъ различныхъ принципахъ, что на каждомъ изъ нихъ, въ свою очередь, основывается особая система хозяйства, въ которой принадлежащія къ ней отдѣльные хозяйства функционируютъ, хотя и не исключительно, но преимущественно на основаніи соотвѣтствующаго принципа».

Wagner различаетъ, какъ известно, частно-хозяйственный, общехозяйственный (*Gemeinwirtschaftlich*) и каритативный принципы ¹⁾, при-

¹⁾ *Ad. Wagner* Grundlegung, 3 Aufl, I, стр. 770.

мыкая къ *Шеффле*, у котораго впервые встрѣчается эта классификація, хотя съ нѣсколько иной терминологіей и съ болѣе удачной характеристикой важнѣйшаго изъ «принциповъ хозяйства» такъ назыв. частно-хозяйственаго, по Шеффле—*спекулятивнаго*. *Шеффле* отличаетъ¹⁾ спекулятивную, капиталистически-частно-хозяйственную (*kapitalistisch-privatwirtschaftliche*) организацію отъ *общественной* (*effentlichen*) организаціи.

Какъ ни симпатична мнѣ мысль — классификациіи способовъ хозяйства по «хозяйственнымъ принципамъ», я, всетаки, не могу считать удачной теорію Вагнера—Шеффле²⁾, такъ какъ она, по моему мнѣнію, грѣшитъ въ слѣдующихъ важныхъ пунктахъ.

Прежде всего, въ характеристикѣ и классификациіи принциповъ хозяйства. Она такова, что съ ея помощью нельзя разграничить совершенно различные эпохи хозяйства, напр., средневѣковое городское хозяйство и современное капиталистическое мѣновое хозяйство. Въ обѣихъ не-

1) A. E. F. *Schäffle*, Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirtschaft, 3 Aufl, Tübingen 1873. См. Т. II, стр. 25 и сл.

2) Точно также и книгу *Гросса*, *Wirtschaftsformen und Wirtschaftsprinzipien* Leipzig 1888, основывающуюся главнымъ образомъ на ученіяхъ обоихъ названныхъ авторовъ и не дающую удовлетворительного рѣшенія вопроса, несмотря на массу мѣткихъ отдѣльныхъ замѣчаній.

сомнѣнно господствуютъ различные принципы хозяйства, но по теоріи Шеффле-Вагнера ихъ нельзя раздѣлить. Очевидно, при своей классификациі авторы имѣли въ виду не исторически различные періоды хозяйства: они, скорѣе, склонны видѣть различные принципы хозяйства и различные формы организаціи хозяйства, существующими одновременно, рядомъ другъ съ другомъ. Такъ, напр., Вагнеръ (I. c. стр. 778) выразительно замѣчаетъ: «Немыслимо теперь и не было и въ исторіи такого народнаго хозяйства, которое основывалось бы исключительно на одномъ или даже на двухъ изъ этихъ принциповъ организаціи хозяйства; наоборотъ, мы постоянно имѣемъ передъ собой комбинацію ихъ съ мѣняющимся преобладанiemъ то того, то другого. Эта-то комбинація и лежитъ въ основѣ всего народнаго хозяйства». Но подобное пониманіе указываетъ на непригодность указанныхъ отличительныхъ признаковъ для разграниченія исторически различныхъ эпохъ хозяйства.

Зато во всѣхъ остальныхъ теоріяхъ, о которыхъ будетъ рѣчь, замѣтно стремленіе характеризовать, именно, эти историческія различія, т.-е. дѣйствительныя хозяйственныя *эпохи*, хозяйственныя *ступени*. Мы лишь вкратцѣ коснемся авторовъ той группы, которая различаетъ исторически важные способы хозяйства по *правовымъ отношеніямъ*, въ которыхъ стоять другъ

къ другу личности въ *отдельномъ производительномъ хозяйстве*¹). Какъ ни важень этотъ моментъ, но, на мой взглядъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ не можетъ служить высшимъ принципомъ для классификаціи видовъ хозяйственной жизни. Понятно, что онъ получаетъ второстепенное значеніе по вопросу о характерѣ эпохи хозяйства, разъ мы сопоставимъ его съ остальными моментами, вліающими и опредѣляющими *видъ самого производства* и съ вызванными имъ взаимными отношеніями между отдельными производительными хозяйствами. Само производство должно пріобрѣсти извѣстные размѣры и направленіе, прежде чѣмъ можно думать о констатированіи отношеній между отдельными участниками производства.

¹) Въ качествѣ представителя этой группы изъ англійской литературы слѣдуетъ упомянуть о Томсонѣ, на *Systems of labour* которого мы указывали въ другомъ мѣстѣ. Томсонъ различается: 1. labour by force or compulsion; direct or indirect; 2. labour by unrestricted individual competition; 3. labour by mutual cooperation (W. Thompson, An inquiry into the principles of the distribution of Wealth 1824, p. XVIII 363 и сл.). Вліяніе Томсона замѣчается на цитированномъ уже Лавернь-Пегиленѣ, когда онъ въ своей книгѣ о законахъ производства (стр. 224 и сл.) называетъ „принудительное и кооперативное хозяйство“ предшествующими формами современной „формы хозяйства“. Имъ онъ противоставляетъ „денежное хозяйство“, т. е. смѣшиваетъ основанія дѣленія и дѣлаетъ свою классификацію совершенно непригодной, несмотря на множество важныхъ замѣчаній, имѣющихся въ ней. Такъ, напр., всѣ правильныя мысли знаменитой теоріи Гильденбранда высказаны были уже М. Пегиленомъ. Сисмонди также раз-

Къ послѣдней группѣ можно отнести всѣ тѣ теоріи обѣ эпохахъ хозяйства, которыя основаніемъ классификаціи берутъ *расчлененіе* (*Gliederung*) *производительныхъ хозяйствъ, участвующихъ въ изготавленіи цѣлого продукта* (*Gesamtprodukts*)—*vulgo—раздѣленіе труда*. Такъ, по крайней мѣрѣ, должны мы правильно формулировать основной принципъ классификаціи, ихъ *principium divisionis*, хотя ни у одного изъ авторовъ онъ не выраженъ достаточно ясно. Я дамъ очеркъ теоріи четырехъ—пяти авторовъ, наиболѣе остроумныхъ и самостоятельныхъ изъ всѣхъ, о которыхъ идетъ рѣчь: теорій Родбертуса, — Маркса и Энгельса, — Шмollerа и Бюхера.

Неоспоримой заслугой *Карла Родбертуса*, дающей ему право на одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду экономистовъ XIX вѣка—было то, что онъ въ первый разъ со всей рѣзкостью подчеркнулъ

личаетъ различныя ступени хозяйства по степени зависимости рабочаго; ср. *Nouv. principes II*, 434 и сл. Въ изиѣстномъ смыслѣ тоже можно сказать и про *Маркса*. Быть пе-
риодъ, когда онъ придавалъ рѣшающее значение правовому положенію „агентовъ производства“ по отношенію другъ къ другу для классификаціи ступеней хозяйства. Окончательная классификація его и Энгельса была другая, какъ я укажу дальше. Особенно развита мысль Маркса его ученикомъ *H. H. Hyndmann'омъ* въ его *The economics of Socialism*. London. 1896. I Sect. A. brief historic survey of Metteods of Production.

характерный признакъ современаго способа хозяйства—слияніе безчисленныхъ отдѣльныхъ хозяйствъ въ одно общественное цѣлое. Хотя уже Адамъ Смитъ и другіе авторы не могли пройти мимо этого факта, но никто до Родбертуса не взялъ его исходнымъ пунктомъ для цѣлой системы, никто не указалъ одновременно на историческую обусловленность господствующаго способа хозяйства и никто не противоставилъ его предшествовавшему, не общественному способу хозяйства; все это сдѣлалъ лишь Родбертусъ и въ принципѣ уже въ первыхъ двухъ главныхъ своихъ произведеніяхъ¹⁾). Точно также въ своихъ изслѣдованіяхъ 1842-го года Родбертусъ указалъ и на различные виды связи между специализированными производственными дѣятельностями, связи выражающейся, или въ обмѣнѣ, или въ главенствѣ землевладѣльца или какъ-нибудь иначе, и на возникающія вслѣдствіе этого разновидности

¹⁾ Zur Erkenntniss unserer Staatswirtschaftlichen Zustände. Neubrandenburg. Стр. 67. Zweiter Sozialer Brief an von Kirchman. (1851). Въ новомъ изданіи (Berlin, 1875) стр. 25, 32, 33, 42—43. „Наука должна была быходить изъ положенія, что благодаря раздѣленію труда общество слилось въ одно неразрывное хозяйственное цѣлое и что она должна приступать къ объясненію отдѣльныхъ государственно-хозяйственныхъ понятій и явленій съ точки зрѣнія этого цѣлага... Но и государственное хозяйство не могло избѣжать преувеличенній индивидуалистическихъ тенденцій времени“. Стр. 25—26.

ступеней хозяйства¹⁾). Затѣмъ, онъ въ частностяхъ выяснилъ различія между частнохозяйственнымъ порядкомъ и порядкомъ мѣнового хозяйства въ своихъ извѣстныхъ работахъ о римскомъ землевладѣніи (*Grundherrschaft*²⁾ и, наконецъ, въ своемъ посмертномъ 4-мъ письмѣ къ ф. Кирхманну³⁾ сдѣлалъ не вполнѣ удачную сводку своимъ отдѣльнымъ изслѣдованіямъ о различныхъ способахъ хозяйства. Родбертусъ ясно отличаетъ періодъ изолированного хозяйства, «періодъ полнаго индивидуализма» отъ періода раздѣленія труда⁴⁾, а этотъ, въ свою очередь, дѣлить на эпоху безъ собственности на землю и

¹⁾ Для древности можно принять за правило, что продуктъ обмѣнивается или продается не раньше, чѣмъ будетъ закончена его выѣлка. Но и тогда уже существовало раздѣленіе труда т. е. одни изготавливали сырье продукты, другіе превращали ихъ въ фабрикатъ, третьи транспортировали его, но всѣ эти работы отъ начала до конца заставляли дѣлать собственникъ, землевладѣльца, при помощи рабовъ или, что было рѣже, при помощи свободныхъ рабочихъ.... Лишь съ возникновеніемъ современныхъ городовъ, съ возникновеніемъ юридической противоположности между городомъ и деревней, съ возникновеніемъ для послѣдней исключительного права заниматься большей частью ремесленныхъ производствъ (*Fabrikationsgewerbe*) и въ виду необходимости стѣстнія всѣхъ этихъ фактovъ, сырье продукты должны были перемѣнить владѣльцевъ и т. д. *Zur Erkenntniss und 1842*, стр. 76—78.

²⁾ Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationalökonomie des klassischen Alterthums; *Jahrbücher für Nat. Oek.* Bd. II (1864), Bd IV (1865), Bd V (1865), Bd VIII (1867).

³⁾ Das Kapital. Vierter sor. Brief an v. Kirchmann. Heraus von Th. Kohak, Berlin 1884, стр. 74.

⁴⁾ „Съ раздѣленіемъ труда появляется между индивидуумами общность, придающая совершенно новый характеръ всѣмъ понятіямъ изолированного хозяйства“ и т. д. *Ibidem* стр. 77 и дальше 119, 120.

капиталъ и эпоху съ собственностью на землю и капиталъ. На этомъ онъ, впрочемъ, и остановился. Послѣ 1851, а въ особенности послѣ 1864 года Родбертусъ уже не могъ сказать ничего новаго въ учении о способахъ хозяйства; во многихъ отношеніяхъ въ своихъ позднѣйшихъ работахъ онъ даже исказилъ свои юношеские взгляды. Чудовищно, напримѣръ, добавленное въ 4-мъ письмѣ къ вышеуказанной схемѣ соопоставленіе государственного хозяйства, какъ особенной системы хозяйства, основанной на раздѣленіи, труда и частнаго производительнаго и потребительнаго хозяйствъ. Получается спо-собное внушить ужасъ трехчастное дѣленіе на «системы» (!):

- 1, производительнаго хозяйства
- 2, потребительнаго хозяйства,
- 3, общественнаго хозяйства.

«Эта третья система хозяйства (!), основанная на хозяйственной общности, возникшей вслѣдствіе раздѣленія труда между индивидуумами и потому не могущая никоимъ образомъ отрѣшиться отъ своего коммунистического характера—есть національная экономія или государственное хозяйство». Подобная спутанность, объясняемая, развѣ, старческимъ слабоуміемъ, не должна заслонять отъ насъ блестящія заслуги

Родбертуса въ молодости, имѣвшія громадное значение для послѣдующихъ теоретиковъ, а прежде всего для Маркса.

Если мы зададимся вопросомъ; что собственно сдѣлали Марксъ и Энгельсъ для ученія о хозяйственныхъ эпоахъ, то болѣе или менѣе опредѣленный отвѣтъ дать не легко. Во всякомъ случаѣ, для человѣка свѣдущаго не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что господствующее капиталистическое мѣновое хозяйство никѣмъ до нихъ не было характеризовано такъ мѣтко, такъ глубоко, такъ геніально. Но далеко не съ такой тщательностью характеризовали они другіе способы хозяйства. Когда имъ представлялся къ тому случай—въ коммунистическомъ манифестѣ (1847), въ Mis re (1847)—ихъ воззрѣнія на способы докапиталистического хозяйства далеко не были ясны; впослѣдствіи же Марксу никогда не представлялось случая дать систематической обзоръ различныхъ ступеней хозяйства, и онъ довольствовался лишь небольшими apercu въ «Капиталѣ»; точно также, все, что говорить по этому поводу Энгельсъ въ своемъ «Анти-Дюингѣ» и въ „Происхожденіи семьи“ носить слишкомъ отрывочный характеръ. Такимъ образомъ, взгляды обоихъ авторовъ по вопросу о хозяйственныхъ ступеняхъ, разсѣянные въ ихъ многочисленныхъ работахъ, представляютъ собою, какъ я уже замѣтилъ въ моихъ «Соціальныхъ

теченийхъ къ крайнему негодованію слѣпыхъ поклонниковъ Маркса— «безпорядочную кучу са-мыхъ разнородныхъ мыслей».

Насколько я могу понять, у Маркса и Энгельса различные взгляды на сущность хозяйствен-наго развитія и разнородные методы классифи-кації переплетаются между собою и у Маркса вообще не достигаютъ полнаго объединенія, у Энгельса же въ послѣднихъ произведеніяхъ дѣло заканчивается побѣдой одного взгляда надъ всѣми остальными. Но, всетаки, намъ слишкомъ часто приходится встрѣчаться у нихъ не съ строгой классификаціей на основаніи одного *principium divisionis*, а съ простымъ перечисленіемъ различ-ныхъ разновидностей двухъ или нѣсколькихъ „способовъ производства“¹). Часто также авторы лишь называютъ нѣкоторыя изъ такихъ хо-зайственныхъ ступеней, не давая никакой характеристики²). При классификаціи различ-ныхъ способовъ хозяйства у обоихъ авторовъ играютъ роль главнымъ образомъ слѣдующіе критеріи:

¹⁾ Ср. Ком. Manifest, ed. cit стр. 10. Marx, Misère, 113 и сл. Engels, Anti-Dühring, 254.

²⁾ Такъ, напр., въ известномъ мѣстѣ предисловія къ „Zur Kritik der polit. oekonomie“ (1859) стр. VI: „Въ общихъ че-ртахъ азіатскій, античный, феодальный, и современный бур-жуазный способы производства могутъ быть обозначены (?), какъ прогрессивныя эпохи экономической общественной формаци“.

1. *Правовое положение „рабочаго“*, т. е. производителя въ отдельномъ производительномъ хозяйствѣ. Какъ много значенія придается этому признаку въ раннихъ произведеніяхъ, показываетъ уже одно частое обозначеніе докапиталистического способа производства «феодальнымъ», въ «Манифестѣ», въ «Нищетѣ» и др. Но даже и въ «Капиталѣ» встречаются мѣста, въ которыхъ какъ разъ этотъ моментъ выдвигается для характеристики одной эпохи хозяйства,¹⁾ такъ что есть популяризаторы ученія Маркса, признающіе вообще у Маркса лишь одинъ этотъ способъ классификації²⁾. То обстоятельство, что Марксъ до глубокой старости особенно настаивалъ на этомъ признакѣ хозяйственныхъ эпохъ—условіяхъ правовой зависимости, стоитъ въ связи

¹⁾ Ср. Kapital, I⁴, 43 и сл. 133. „Капиталистическую эпоху характеризуетъ то, что рабочая сила для самого рабочаго становится лишь формой принадлежащаго ему товара, а его работа получаетъ поэому форму его заработной платы“ 197 стр.

²⁾ Ср. L. Stein, Die soziale Frage im Lichte der Philosophie, 1897, стр. 383, где принимается, что Марковскія хозяйственныя ступени таковы: 1. рабское хозяйство; 2. феодальное хозяйство (Fronwirtschaft); 3. капиталистическое хозяйство, 4. соціалистическое хозяйство. Комбинацію различныхъ способовъ классификації представляетъ новая теорія Каутского. Каутскій различаетъ слѣдующія крупныя эпохи хозяйственаго развитія: натуральное хозяйство; феодальное хозяйство; цеховое монопольное хозяйство; товарное производство. Послѣднее въ свою очередь распадается на простое и капиталистическое. (Ср. Kantsky, Die Agrarfrage, Stuttgart 1898, стр. 60—61).

съ тенденцией его выводить форму существующаго общественнаго строя изъ классовыхъ противорѣчий, а эта тенденция опять - таки легко объясняется направленіемъ его практически-политическихъ интересовъ. Теперь известно, что при построеніи его теоріи экономического разви-
тия большія услуги ему оказала Гегелевская формула отрицаніи отрицанія. При помощи ея онъ довольно часто конструировалъ различныя системы хозяйства, такъ что вторымъ принципомъ Марковской классификациіи хозяйственныхъ эпохъ мы можемъ принять:

2. мѣсто известной эпохи хозяйства *въ схемѣ гегелевской трихотоміи*. Схема эта не всегда примѣняется въ одномъ, неизмѣнномъ значеніи т. е. по отношенію къ одному лишь признаку, но съ менѣющимся значеніемъ. Важнѣйшіе случаи приложенія ея таковы:

Тезисъ.	Антитезисъ.	Синтезисъ.
1. Первобытный коммунизмъ.	Товарное производство.	Сознательный коммунизмъ.
2. Непосредственно обществоенное производство.	Производство безъ плана (planlose).	Посредственно обобществленное производство.
3. Рабочій владѣть средствами производства.	Рабочій отдѣленъ отъ средствъ производства.	Рабочій и средства производства вновь соединены на высшей ступени хозяйственнаго разви- тия.

Наконецъ, у Маркса и Энгельса остался лишь одинъ постулатъ:

3. *Классификация различныхъ ступеней хозяйства по технике производства, по способамъ труда.* Если бы этотъ критерій былъ дѣйствительно примѣненъ, то пришлось бы указать качественные различія въ способахъ производства, чего, однако, ни Марксъ, ни Энгельсъ даже и не пытались сдѣлать. Поэтому фразы въ родѣ, напр., слѣдующей: „n'est ce pas dire assez que le mode de production, les rapports dans lesquels les forces productives se d閑veloppent... correspondent à un d閑veloppement d閞miné des hommes et de leurs forces productives» («не достаточно ли сказать, что способъ производства, отношенія, въ которыхъ развиваются производительныя силы соотвѣтствуютъ опредѣленному развитію людей и ихъ производительныхъ силъ») ¹⁾ или такой: „въ общественномъ производствѣ люди вступаютъ въ опредѣленныя, необходимыя, независимыя отъ ихъ воли отношенія — производственные отношенія, которые соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія ихъ материальныхъ производительныхъ силъ;» ²⁾ или, наконецъ: «экономическая эпохи отличаются одна отъ другой не тѣмъ, что дѣлалось въ теченіе этихъ эпохъ, а

¹⁾ Mis re, 115.

²⁾ Zur Kritik и т. д. Предисловіе.

тѣмъ, какъ это дѣлалось, при помощи какихъ орудій труда»,¹⁾—къ сожалѣнію, остались лишь невыполненными пунктами программы.

Часть этой программы, впрочемъ, выполнила Энгельсъ своими очерками хозяйственныхъ эпохъ въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ (ср. именно—«Происхожденіе семьи» и т. д., стр. 121 и сл.) находясь уже подъ вліяніемъ Льюиса Моргана. Здѣсь, во всякомъ случаѣ, довольно удачно установлено значеніе „производительныхъ силъ“, какъ рѣшающаго момента для структуры хозяйственной жизни. Но здѣсь не можетъ быть и рѣчи собственно о выполненіи, выставленной въ приведенныхъ цитатахъ программы. Не говоря уже о томъ, что изложеніе слишкомъ отрывочно, Энгельсъ понялъ свою задачу совершенно иначе, чѣмъ слѣдовало бы это на основаніи строгаго толкованія основоположеній Маркса. Въ самомъ дѣлѣ, онъ различалъ экономическая эпохи не по различію техники производства, въ особенности же не по различію орудій производства, примѣнявшимся въ той или другой изъ этихъ эпохъ, но ограничился попыткой прослѣдить вліянія *количественного* повышенія производительности настрой хозяйственной жизни, и даже въ одномъ только опредѣленномъ направленіи, а именно, ихъ влія-

¹⁾ Kapital, I⁴, 142. Р. пер. 2-е изд. стр. 134.

ніє на розвитіє раздѣленія труда. Такимъ образомъ, за *principium divisionis* при класифікації ступеней хозяйства взята была уже не техника производства,—вообще, несознательная и несравнимая величина, но

4, расчленение производительныхъ хозяйствъ, участвующихъ въ изготавлении цѣлаго продукта; такимъ образомъ, на первый планъ снова выступила мысль, со времени 1840-хъ годовъ игравшая значительную роль въ произведеніяхъ Маркса и Энгельса. Не входя ближе въ разсмотрѣніе многочисленныхъ случайныхъ замѣчаній, убѣждающихъ насъ, что Марксъ и Энгельсъ уже очень рано имѣли въ виду класифікацію ступеней хозяйства по степени раздѣленія труда¹⁾, я резюмирую лишь послѣдніе выводы Энгельса²⁾. По Энгельсу слѣдуетъ различать три главные этапа и внутри второго три промежуточныхъ ступени въ прежнемъ экономическомъ развитіи;

1, *самопотребляющее хозяйство* (*Eigenwirtschaft*), производство для собственныхъ потребностей;

2, *мѣновое хозяйство*, имѣющее различную организацію, смотря по тому, является ли мѣновой оборотъ

а) случайнымъ явленіемъ—обмѣнъ избытковъ;

¹⁾ Ср. напр. *Маркx, Misere*, стр. 6 и сл.; *Kapital I⁴*, 46, 78 § 22. *Engels, Anti-Dühring* 138 и сл.

²⁾ *Entstehung der Familie* и т. д. 1884, стр. 121 и сл.

в) правильнымъ явленіемъ, — дифференцированье производствъ для добыванія средствъ существованія между пастушескими и земледѣльческими родами (*Stämme*);

с) необходимымъ явленіемъ — отдѣленіе землѣдѣлія отъ обрабатывающей промышленности;

3, *капиталистическое хозяйство* — характеризуется товарнымъ производствомъ, руководимымъ купцомъ. Появленіе его стало необходимымъ въ виду расширенія области хозяйства.

Не бѣда, что даже въ эту классификацію попали и другія *principia divisionis*; на лицо остается важный фактъ, что степень раздѣленія труда здѣсь ясно и рѣзко провозглашается отличительнымъ признакомъ различныхъ эпохъ хозяйства и что, слѣдовательно, въ историко-догматическомъ отношеніи теоріи Маркса-Энгельса принадлежитъ, именно, то мѣсто, которое мы ей и отвели.

Третімъ писателемъ, самостоятельно пришедшемъ къ одинаковымъ съ указанными авторами выводамъ, былъ *Густавъ Шмольеръ*, теорія которого въ одномъ важномъ пунктѣ значительно отличается отъ родственныхъ теорій. Если Шмольерь и различаетъ подобно Родбертусу, Марксу и Энгельсу отдѣльные хозяйственныя эпохи по степени раздѣленія труда и необходимо возникающаго вслѣдствіе этого сліянія нѣсколькихъ или многихъ хозяйствъ въ одинъ, такъ сказать, ор-

ганизмъ, то различія отдельныхъ системъ хозяйства онъ обосновываетъ, всетаки, совершенно иначе, чѣмъ остальные авторы. Въ то время, какъ послѣдніе объясняютъ эти различія чисто причиннымъ образомъ—именно вліяніемъ производительныхъ силъ,—теорія Шмольера въ своемъ объясненіи стоитъ на чистоteleologической точкѣ зрѣнія: различія хозяйственныхъ ступеней происходятъ оттого, что на каждой изъ нихъ должны осуществляться различныя—преимущественно политическія—цѣли, на основаніи чего выработалась и особая терминологія¹⁾. Не особенно удачная,—въ виду ея излишней картинности, формулировка теоріи Шмольера въ существенныхъ чертахъ такова: весьма важное значеніе имѣеть «связь хозяйственной жизни съ существенными и руководящими органами соціальной и политической жизни вообще... связь (Anlehnung) существенныхъ хозяйственно-соціальныхъ учрежденій съ важнейшими или съ отдельными важными политическими тѣлами». «Въ связи (im Auschluss) съ развитиемъ марки, деревни, территории, города, государства, союза государствъ послѣдовательно развиваются все болѣе и болѣе крупныя соціальные хозяйственныя тѣла; такимъ образомъ, мы

¹⁾) G. Schmoller, Studien iiber die Wirtschaftliche Politik Fried-
richs des Grossen. II. Das Merkantilsystem in seiner historischen
Bedeutung: Stdtische, territoriale und Staatische Wirtschaftspolitik
въ его Jahrbuch. VIII (1884) стр. 15 и сл.

имъемъ передъ собой единый процессъ развитія. никогда, конечно, не исчерпывающій хозяйственной жизни, но охватывающій, опредѣляющій ее и господствующій надъ ней. Внутри деревни города, территоріи и государства отдельная личность и семья сохраняютъ свое самостоятельное и важное положеніе, идетъ своимъ чередомъ раздѣленіе труда, идетъ развитіе денежной системы, техники, происходит образованіе опредѣленныхъ классовъ; но особенный характеръ извѣстной народнохозяйственной эпохи зависитъ отъ того, стоитъ ли на первомъ планѣ (!) деревенское, городское, территоріальное, государственное или народное хозяйство, *распадается ли населеніе на известное число слабо связанныхъ деревенскихъ и городскихъ хозяйствъ, или уже образовались местныя и национальныя хозяйственныя тѣла, которые, воспринявъ въ себя прежніе хозяйственныя органы, господствуютъ надъ ними*¹⁾). Если составить схему ступеней хозяйства въ смыслѣ Шмollerа, то получимъ слѣдующее:

- 1, родовое, деревенское хозяйство, хозяйство марки;
- 2, городское хозяйство;
- 3, территоріальное хозяйство;
- 4, государственное или народное хозяйство.

¹⁾ L. с. стр. 16—17, также стр. 22, 32—33, 49, 59.

Такимъ образомъ, и у Шмольера степень экономического обобществлениа берется въ качествѣ отличительного признака для отдельныхъ ступеней хозяйства, а пространственные размѣры единаго „хозяйственного организма“ и соотвѣтствующая ему сфера дѣйствія единаго строя, опредѣляющаго положеніе отдельныхъ хозяйствъ, берется масштабомъ, съ которымъ онъ сравнивается указанный, важный для хозяйственной жизни, фактъ.

Теперь мы переходимъ къ послѣдней теоріи о развитіи хозяйства, пожалуй, самой извѣстной и распространенной за послѣднее время. Мы говоримъ о теоріи Карла Бюхера¹⁾. Своей популярностью она обязана по истинѣ блестящему изложенію, а прежде всего — большому упрощенію трактуемаго вопроса. Въ то время, какъ изложенные выше теоріи Родбертуса, Маркса и Энгельса, Шмольера, на которыхъ въ существенныхъ пунктахъ основывается и Бюхеръ, частью вслѣдствіе особынностей виѣшней обработки, отличающейся, напр., у Маркса и Энгельса, случайностью и отрывочностью, частію же, вслѣдствіе болѣе глубокаго изложенія всей классификаціи, предъявляли слишкомъ большія требования мыслительнымъ способностямъ средняго читателя, Бюхеръ сумѣлъ такъ легко изложить свою теорію

¹⁾ Karl Bücher, Die Entstehung der Volkswirtschaft, 2 Aufl. Tübingen 1898, стр. 49—124, есть рус. перев.

(впрочемъ не безъ ущерба, на мой взглядъ, для ея научной цѣнности), что пониманіе ея не представляетъ трудностей даже для начинающихъ. Онъ приходитъ къ той же классификациіи ступеней хозяйства, что и его предшественники и такъ ее характеризуетъ:

1. Ступень замкнутаго домашняго хозяйства (производство лишь для собственнаго потребленія, хозяйство безъ обмѣна);
2. Ступень городскаго хозяйства (производство на заказъ или ступень непосредственнаго обмѣна);
3. Ступень народнаго хозяйства (товарное производство, ступень обращенія продуктовъ);

но разсматриваетъ онъ ее съ иной, совершенно, повидимому, правдоподобной и, во всякомъ случаѣ,—крайне простой точки зрѣнія: именно, съ точки зрѣнія длины того пути, который проходитъ продукты отъ производителя къ потребителю. «Если мы хотимъ, говорить онъ на стр. 57 цитированнаго сочиненія, понять все это развитіе съ одной точки зрѣнія, то послѣдняя должна вводить насъ въ кругъ самыхъ существенныхъ явлений народнаго хозяйства и въ то же время выяснить принципъ организаціи предыдущихъ періодовъ хозяйства. Такимъ принципомъ можетъ быть лишь то отношеніе, въ которомъ производство благъ стоитъ къ ихъ потребленію, или, точнѣе—длина пути, проходимаго продуктами отъ производителя къ потребителю».

Междъ тѣмъ какъ теоріи Родбертуса, Маркса-Энгельса, Шмольера (какъ я покажу это въ концѣ изложенія моей собственной теоріи) отличаются лишь, частью односторонней, частью неполной, частью просто неудачной формулировкой, теорію Бюхера, хотя повидимому она и заключаетъ лишь очищенное ученіе названныхъ авторовъ—я считаю, въ его формулировкѣ, совершенно ложной, по крайней мѣрѣ, легко способной ввести въ заблужденіе. Это можно показать въ нѣсколькихъ словахъ. По моему мнѣнію, невозможно разрѣшать столь огромной сложности проблему столь схематично, какъ дѣлаетъ это Бюхеръ, который или вовсе не обращаетъ вниманія на выдающіеся пункты хозяйственной организаціи, или насиливаетъ нужные ему факты. Лучше всего выяснимъ это на примѣрахъ: сукно средневѣковаго городского суконщика, которое онъ продавалъ на рынкахъ и церковныхъ площадяхъ, продукты мелкой желѣзодѣлательной промышленности древней горной марки, серебро изъ рудниковъ въ средніе вѣка—должны были проходить совершенно такой же путь отъ производительного хозяйства къ потребительному, какой проходять тѣ же продукты въ наше время изъ фабрики къ портному, или слесарю, или ювелиру, а, между тѣмъ, эти хозяйственныя явленія принадлежать къ совершенно различнымъ эпохамъ. Путь проходимый сюртукомъ, башмаками и т. д., изъ современной капи-

талистической крупной мастерской до хозяйства потребителя, ничуть не длиннѣе того же пути въ средніе вѣка. Настоящими производителями на заказъ являются Крупъ и другія компаніи, производящія по заказу для государства или для общинъ. Всякая современная вагонная мануфактура, всякая фабрика локомотивовъ исполняютъ чистѣйшую «работу на заказъ». И подобныя явленія не единичны въ наше время: въ нихъ замѣчается, какъ прекрасно знаетъ самъ Бюхеръ, значительная наклонность къ дальнѣйшему развитію. Неужели же многократно и въ разныхъ видахъ наблюдаемое выключение промежуточныхъ членовъ, посредниковъ, и приближеніе потребителя къ производителю возвращаютъ насъ назадъ, къ организаціи средневѣковаго городскаго хозяйства? Или, напр., развѣ не можетъ «производство на заказъ» принадлежать совершенно разнороднымъ periodамъ хозяйства? Хлѣбъ проходитъ совершенно одинаковый путь до хозяйства потребителя и отъ пекаря—ремесленника, и изъ капиталистической фабрики хлѣба, и изъ пекарни потребительного общества, и изъ солдатской пекарни. Неужели же изъ за этого мы должны считать однозначащими эти четыре совершенно различные хозяйственныя организаціи? Съ помощью схемы Бюхера не удается также возсоздать структуру современного мѣнового хозяйства. Если мы вообразимъ себѣ соціалисти-

чески организованное общество, въ которомъ при производствѣ удержана современная специализація труда, то для множества продуктовъ длина пути отъ производительного хозяйства къ потребительному останется та же, что и теперь. Неужели же только ради этого я не долженъ дѣлать различія между столь кореннымъ образомъ разнящимися организаціями? На это Бюхерь не могъ бы привести даже и такого возраженія: теперь продуктъ производится, какъ товаръ, а въ соціалистическомъ обществѣ этого не будетъ. Не могъ бы потому, что своимъ возраженіемъ только подтвердилъ бы справедливость нашей критики: подчеркивая товарный характеръ производства, мы пользуемся совершенно инымъ критеріемъ различія, чѣмъ выставленная Бюхеромъ длина пути, проходимаго продуктомъ. Однимъ словомъ, за что ни возьмись въ теоріи Бюхера, она не выдерживаетъ критики.

Переходя теперь къ очерку собственной теоріи періодовъ или системъ хозяйства (точную формулировку мы дадимъ лишь много ниже), мы прежде всего должны осторегаться тѣхъ недостатковъ, которыми въ большей или меньшей степени грѣшили всѣ изложенные теоріи. Я имѣю въ виду при этомъ не упущенія въ частностяхъ, деталяхъ, но ошибки въ самомъ принципѣ и методѣ. Въ этомъ отношеніи надо замѣтить слѣдующее:

1. ни одна изъ прежнихъ теорій (исключая

теорію Бюхера—но мы уже видѣли, каковъ ея критицизмъ) не критична т. е. ни въ одной изъ нихъ не выяснены все значение и важность принципа ея классификації, который даже не вполнѣ и сознается многими нашими теоретиками;

2. ни въ одной изъ нихъ не проводится съ достаточной послѣдовательностью принятый ею *principium divisionis* (основаніе дѣленія); въ особенности это относится къ послѣдней группѣ теорій, въ которыхъ моментъ обобществленія далеко не ясно выставляется и далеко не съ достаточной строгостью примѣняется въ качествѣ отличительного признака;

3. ни одна изъ нихъ не можетъ, съ помощью предлагаемой ею классификації, исчерпать все богатство хозяйственныхъ явлений—это относится и къ теоріямъ послѣднихъ категорій,—какъ, напр., ни важенъ моментъ обобществленія, но онъ не затрагиваетъ другія особенности хозяйственной организаціи; какъ, напр., родъ объединенія (*Verknüpfung*) основанного на раздѣленіи труда производства, принципы веденія хозяйства, условія зависимости участвующихъ въ производствѣ лицъ и др. Марксу и Энгельсу, мыслителямъ глубокимъ безъ всякаго сомнѣнія, это обстоятельство мѣшало, какъ мы видѣли, дать объединенную, цѣльную классификацію, и они до конца колебались между различными возможными классификаціями.

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію то, что признакъ, на основаніи кото-раго мы будемъ классифицировать виды чело-вѣческаго хозяйства, долженъ выражать собой фактъ, имѣющій отношеніе (*relevant*) къ струк-турѣ хозяйственной жизни, и, по возможности, обусловливающій всѣ остальные явленія т. е. первоначальный (*primär*). Такимъ фактамъ взору каждого внимательного наблюдателя должна ка-заться—степень производительныхъ силъ, имѣю-щихся въ распоряженіи какой нибудь эпохи для ея хозяйственныхъ цѣлей. Степень развитія про-изводительныхъ силъ представляется границей, въ предѣлахъ которой заключены всѣ хозяйствен-ныя дѣйствія и стремленія, а слѣдовательно и фактамъ, вполнѣ объективно опредѣляющимъ всю хозяйственную жизнь. Казалось, его и слѣдовало бы избрать отличительнымъ признакомъ при классификаціи различныхъ періодовъ хозяйства. И если мы проанализируемъ (какъ это было сдѣ-лано во 2-й главѣ настоящей работы) экономи-ческую технику по лежащимъ въ основѣ ея принципамъ, то легко установимъ цѣлый послѣ-довательный рядъ способовъ труда и связанное съ нимъ развитіе производительныхъ силъ. От-личительными признаками отдельныхъ хо-зяйственныхъ эпохъ можно было бы взять примѣ-неніе въ хозяйственной жизни огня, орудий, принципа вращенія, пара, наукъ и т. д. Но про-

тивъ такой классификаціі съ полнымъ правомъ можно было бы возразить слѣдующее:

1. она постоянно носила бы характеръ нѣкоторой произвольности, такъ какъ выборъ важнѣйшихъ признаковъ не опредѣляется никакимъ правиломъ; ¹⁾.

2. подобная классификація не допускаетъ никакого сравненія эпохъ хозяйства другъ съ другомъ, такъ какъ различнымъ способамъ труда не достаетъ какъ разъ *tertium comparationis*. Для полученія его пришлось бы выдвинуть присущую этимъ способамъ труда *производительность* и степень ея развитія положить въ основаніе классификаціи періодовъ хозяйства; тогда можно было бы, принявши извѣстную степень производительности за единицу—различать эпохи съ двойной, тройной и т. д. производительностью. Если бы у насъ нашелся такой масштабъ, то не было бы никакихъ основаній не принять этой классификаціи. Но, такъ какъ пока у насъ такого масштаба нѣть, то отъ нея приходится отказаться. Разъ мы не можемъ удовлетворительно опредѣлить степень производительности при отдельныхъ

¹⁾ Краснорѣчивымъ доказательствомъ этой произвольности служитъ классификація эпохъ примитивнаго хозяйства у Моргана. Я до сихъ поръ не могу понять, почему онъ напр. приписываетъ такое капитальное значеніе изобрѣтенію гончарного станка. Приводимыя имъ объясненія во всякомъ случаѣ неудовлетворительны. Ср. Urgesellschaft, нѣм. пер. 1891, стр. 9 и сл.

способахъ труда, то нечего и говорить о приведеніи къ одному знаменателю всей техники какой нибудь эпохи и точномъ указаніи коэффиціента производительности. Но допустивъ даже и отсутствіе подобныхъ пробѣловъ въ нашихъ знаніяхъ, мы всетаки не могли бы признать нашего способа классифікаціи вполнѣ удачнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, недостатокъ классифікаціи эпохъ хозяйства по состоянію ихъ производительныхъ силъ, заключается еще въ томъ, что

3. въ основаніи ея положень собственно не экономической принципъ дѣленія. Вѣдь насъ интересуетъ не потенциальная способность къ производству, не фактъ простой наличности производительныхъ силъ, но способъ пользованія различными методами труда. Лишь ихъ примѣненіе къ хозяйственнымъ цѣлямъ, введеніе ихъ въ хозяйственную дѣятельность дѣлаетъ производительная силы фактъ первостепенной экономической важности. Поэтому, если мы хотимъ понять ихъ объективное, опредѣляющее вліяніе на хозяйственную жизнь, то мы должны ихъ сначала, такъ сказать, одѣть въ соціальный нарядъ т. е. говоря проще, должны попытаться выдѣлить какія либо феномены соціальной организаціи, непосредственно ими обусловленныя и потому являющіяся ихъ выраженіемъ. Единственнымъ такимъ феноменомъ, по крайней мѣрѣ, при современномъ состояніи нашихъ знаній, предста-

вляется спеціалізація професій или, употребляя естественно-научный терминъ — дифференцированіе хозяйственной дѣятельности. Связь между этимъ экономическимъ фактамъ и развитіемъ производительныхъ силъ устанавливается тѣмъ эмпирическимъ фактамъ, что съ повышениемъ производительныхъ силъ рука объ руку идетъ возрастающая спеціалізація, дифференциованье. Это наблюдение даетъ намъ право рассматривать *степень экономической дифференциациі, какъ выраженіе степени развитія производительныхъ силъ*¹).

Но всякая спеціалізація хозяйственной дѣятельности есть лишь одна сторона сложнаго явленія. Она указываетъ на извѣстную потерю хозяйственной самостоятельности и необходимо

¹) Надо только остерегаться и не считать этого эмпирически установленного и примѣнимаго лишь въ качествѣ методологического средства факта какимъ то „закономъ развитія“. Конечно, мы уже въ цѣломъ рядѣ случаевъ знаемъ *причины, почему извѣстному повышению производительныхъ силъ соотвѣтствуетъ повышение спеціалізаціи*, даже и въ томъ случаѣ, когда причинная связь представляетъ много оттѣниковъ: то спеціалізація необходимо обусловливается развитіемъ производительныхъ силъ, то становится лишь возможной. Въ основѣ всего ученія фізіократовъ лежитъ фундаментальная мысль, что лишь при определенной степени производительности сельско-хозяйственного труда возможно самостоятельное занятіе промышленной дѣятельностью а, следовательно, и какой либо обмѣнъ, (ср. первый параграфъ *Reflexions Turgot Oeuvres*, ed. Daire, 1844, I, 7), который начинается такъ: „Si la terre était distribuée entre tous les habitants d'un pays, que chacun en eut précisément

предполагаетъ возможность для производителя поддерживать свое существование другимъ путемъ, а именно, благодаря связи съ другими специализированными дѣятельностями, дополняющими первую. Для удовлетворенія всей суммы потребностей, необходимо соединеніе специализированныхъ дѣятельностей. Такимъ образомъ, съ точки зрења всей этой суммы потребностей, специализація представляется частичной работой, частью работы въ производствѣ общаго продукта (отсюда ведущее къ неправильному пониманію выражение—раздѣленіе труда!). Соединеніе же нѣсколькихъ отдѣльныхъ специализированныхъ дѣятельностей для производства общаго продукта, мы можемъ мѣтко назвать обобществленіемъ. *Степень специализации хозяйственныхъ дѣятельностей опредѣлена*

la quantit  n cessaire pour le nourrir et rien de plus... personne n'aurait de quoi payer le travail d'un autre, car chacun n'ayant de terre que ce qu'il en faudrait pour produire sa subsistance, consommerait tout ce qu'il aurait recueilli et n'aurait rien qu'il p t  changer contre le travail des autres". Тюрго говорить о „распределеніи земли“, но при этомъ дѣлаетъ молчаливое допущеніе о важности соотвѣтственно низкой степени производительности. Родбертусъ на этой мысли обосновывалъ возможность ренты (Zur Erkenntniss и т. д. стр. 67 и сл.) и у Энгельса она повторяется очень часто. Ср. Entstehung der Familie и т. д. 121 и сл. Когда Адамъ Смитъ выставилъ положеніе, что развитіе дифференціації профессій обусловливается величиной рынка, отъ безъ сомнѣнія сдѣлалъ правильное наблюденіе, но не доходилъ еще до „корня“ вещей. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ лишь задать вопросъ: а отчего же зависитъ величина рынка, и мы, принуждены будемъ отвѣтить: отъ степени развитія производительныхъ

ляетъ степень обобществленія хозяйственной жизни или, пользуясь естественно-научной терминологієй,—степень дифференціації опредѣляетъ степень интеграції. Такимъ образомъ, обобществленіе косвенно выражаетъ степень развитія производительныхъ силъ. Избравши степень обобществленія принципомъ классификації періодовъ хозяйства, мы, я полагаю, удовлетворимъ всѣмъ требованіямъ, которыя къ нему могутъ быть предъявлены, а, именно:

- 1, признакъ этотъ обозначаетъ явленіе социального порядка;
- 2, онъ даетъ возможность сравнивать различные способы хозяйства;
- 3, онъ приводитъ насъ къ крайне важному для организаціи хозяйственной жизни факту, развитію производительныхъ силъ и

силъ. Поэтому что, прежде чѣмъ будетъ достигнута степень богатства, соответствующая опредѣленной специалізації профессій, должна достигнуть извѣстной высоты производительность. Равнымъ образомъ, должны быть развиты въ извѣстной степени техническія приспособленія, прежде чѣмъ будутъ побѣждены неизбѣжныя при столь незначительной специалізації затрудненія при транспорте: примененіе животныхъ для ношенія тяжестей и перевозки, изобрѣтеніе повозки, лодки весельной и парусной, компаса, парохода и желѣзной дороги обозначаютъ столько же этаповъ въ развитіи хозяйственной специалізації. Если эти примѣры показываютъ, что развитіе производительныхъ силъ есть *conditio sine qua non* экономической дифференціації, то изъ другихъ можно видѣть, какъ специалізація профессій можетъ вызываться опредѣленными методами труда, влия-

4, ближе всего подходитъ къ дѣйствительному историческому развитію хозяйственной жизни.

Прежде, чѣмъ изложить нашу собственную теорію periodовъ хозяйства, мы должны сдѣлать лишь одно замѣчаніе: специализація можетъ проходить или внутри одного производительного или потребительного хозяйства, или можетъ имѣть мѣсто между различными хозяйствами. Въ послѣднемъ случаѣ дѣятельность отдельного производительного хозяйства является специальностью. Лишь въ этомъ смыслѣ будемъ мы въ дальнѣйшемъ употреблять слово специализація и обобществленіе.

ющими въ этомъ случаѣ своими качественными особенностями. Трудность, сложность, громоздкость какого-нибудь приема производства способствуютъ выдѣленію его изъ общаго комплекса хозяйственныхъ домашнихъ дѣятельностей и обоснованію въ особую профессію. *A. Шульте* указалъ, что瓦яльный процессъ при фабрикаціи сукна явился главной причиной преобладающе городского характера этого производства, въ противоположность производству полотна, гораздо болѣе долгое время иносившему домашній характеръ. То же можно сказать и о многихъ другихъ производствахъ. „Характерный признакъ отличаетъ... ремесленную городскую технику (*Ortstechnik*) отъ домашней техники. Это—точные приемы, и специально—примѣненіе теплоты и влажности, не могущее быть съ достаточной полнотой осуществлено на дому по техническимъ причинамъ. Поэтому обработка желѣза и металловъ, поскольку она основывается на накаливаніи и плавленіи, напр., кузнецкая работа, золотое и серебряное дѣло, эмалировка—выдѣляются, обособливаются прежде всего, а также—окрашиваніе съ помощью вываривания, выдѣлка посуды при помощи обжиганія и т. д. *E. Hermann*, *Technische Fragen und Probleme* 1891 (стр. 33).

Надо различать слѣдующіе три периода хозяйства:

- I. *Индивидуальное хозяйство;*
- II. *Переходное хозяйство;*
- III. *Общественное хозяйство.*

Это тройное дѣленіе, на параллельность кото-
рого съ таблицей формъ производства можно
указать уже здѣсь, составлено примѣнительно
къ слѣдующимъ историческимъ ступенямъ:

I. ступень индивидуалистического хозяйства¹⁾;
въ немъ вся сумма потребностей какого либо
потребительного хозяйства удовлетворяется въ
этомъ же самомъ хозяйствѣ, которое является,
такимъ образомъ, одновременно и хозяйствомъ
производительнымъ, оно можетъ имѣть нѣкото-
рое соприкосновеніе съ другими хозяйствами,

¹⁾ Название „индивидуалистическое хозяйство“ не особенно удачно, такъ какъ именно этотъ періодъ носить коммунистический характеръ; но лучшаго я не могу найти. „Изолированное“ хозяйство ничуть не лучше. Я думаю, благодаря дальнѣйшимъ разясненіямъ, на этотъ счетъ не будетъ возникать никакихъ недоразумѣй. Замѣчаніе *Маркса* (*Lohnarbeit und Kapital*, стр. 15), что всякое производство совершается „общественнымъ образомъ“, такъ какъ „люди опредѣленнымъ образомъ вступаютъ во взаимодѣйствіе и обмѣниваются дѣятельностями“ безъ сомнѣнія приложимо ко всѣмъ періодамъ хозяйства, на что я указывалъ въ другомъ мѣстѣ. Это не исключаетъ однако возможности противостоять, на основаніи известнаго критерія, (именно, отдѣленія производительного хозяйства отъ потребительного) известную эпоху „индивидуального хозяйства“ соответствующей же эпохѣ хозяйства общественнаго.

но, во всякомъ случаѣ, не сплетается съ ними сѣтью болѣе или менѣе тѣсныхъ отношеній.

II. *Ступень переходнаго хозяйства* или *общественнаю порядка* характеризуется уже болѣе или менѣе опредѣленнымъ отдѣленіемъ потребительного хозяйства отъ производительнаго. Потребности отдѣльнаго хозяйства уже удовлетворяются постоянно при содѣйствіи другихъ хозяйствъ. Такимъ образомъ, есть уже извѣстная степень обобществленія, но обобществленія еще не высоко развитаго и не сильно дифференцированнаго. Значительная часть потребныхъ продуктовъ производится еще внутри того самаго хозяйства, которымъ потребляется, такъ что зависимость, несамостоятельность отдѣльнаго хозяйства—еще не полная; производство различныхъ хозяйствъ другъ для друга происходитъ еще большей частью въ рамкахъ старыхъ общинныхъ формъ, продолжающихъ сохранять рѣшающее значеніе для сношеній между отдѣльными мѣстностями.

III. *Ступень общественнаго хозяйства въ собственномъ смыслѣ, общественное хозяйство высшаго порядка*, при которомъ дифференцированіе производительныхъ хозяйствъ и ихъ слияніе въ одно неразрывное цѣлое закончено, вполнѣ достигло такой степени, какъ въ количественномъ, такъ и въ пространственномъ отношеніи, что для объединенія отдѣльныхъ производитель-

ныхъ хозяйствъ является потребность въ искусственно созданныхъ—наряду и на мѣсто старыхъ общинъ—новыхъ формахъ, такъ что мѣсто нѣкогда обособленныхъ организмовъ занимаетъ механизмъ хозяйственной жизни¹).

Мы ничего не въ состояніи будемъ больше сказать о различныхъ способахъ хозяйства, если для характеристики ихъ возьмемъ лишь степень большаго или меньшаго обобществленія, а это очень немного. Мы вѣдь, въ сущности, намѣтили только контуры, и требуется еще нарисовать всю картину. Но что же придается хозяйственной жизни въ границахъ отдѣльного периода ея отличительный колоритъ, ея характерную форму? Это, безъ сомнѣнія, примѣняемая въ этомъ периодѣ *система хозяйства*. Лишь въ ней впервые выступаетъ творчество хозяйствующаго человѣка. Со ступеню развитія хозяйства т. е., слѣдовательно, со степенью обобществленія человѣкъ долженъ считаться, какъ съ объективнымъ фактомъ, указывающимъ на размѣры его производительныхъ силъ; строй же хозяйственныхъ отношеній создаетъ онъ самъ и онъ же вдыхаетъ жизнь въ весь хозяйственный организмъ, онъ же ставитъ извѣстныя цѣли, осуществляетъ ихъ и проводить въ жизнь хозяйственный прин-

¹) Въ смыслѣ F. Tönnies, *Gemeinschaft und Gesellschaft*, 1887, какъ будетъ выяснено дальше.

ципъ. И, лишь благодаря его дѣятельности, хозяйственная жизнь принимаетъ характеръ такого пестраго разнообразія. Поэтому-то рядомъ съ систематикой хозяйственныхъ ступеней необходимо должна стоять систематика системъ хозяйства.

Подъ системой хозяйства мы разумѣли опредѣленный хозяйственный строй, въ которомъ осуществляются опредѣленные хозяйственныe принципы. Можетъ еще возникнуть сомнѣніе относительно того, что брать за основной критерій при систематикѣ системъ хозяйства: различіе хозяйственного строя или хозяйственныхъ принциповъ. Цѣлый рядъ важныхъ причинъ заставляетъ насъ рѣшиться въ пользу послѣдняго: во-первыхъ, потому, что хозяйственные принципы не представляютъ собой столь пестраго конгломерата многочисленныхъ составныхъ частей, какъ различные структуры хозяйства, при выборѣ пунктовъ различія которыхъ невольно приходится дѣйствовать произвольно, но представляются болѣе однообразными, а потому легче различимыми; во-вторыхъ, потому, что я приписываю громадное значеніе различенію хозяйственныхъ принциповъ, по крайней мѣрѣ, для дѣленія системъ хозяйства на большія группы. Ни одна изъ нормъ объективно опредѣляющихъ хозяйственное поведеніе отдельного лица не имѣть такой важности для всего характера хозяйственной эпохи, такого значенія для всѣхъ отдель-

ныхъ обстоятельствъ въ хозяйственной жизни, какъ общее господствующее направлениe мотивовъ дѣятельности, находящее себѣ выражение въ тѣхъ цѣляхъ, которыя ставятъ въ своей хозяйственной дѣятельности хозяйствующіе субъекты. Это относится въ особенности къ хозяйственному принципу, преобладающему надъ всѣми остальными, дающему, такъ сказать, тонъ направлению всего производства извѣстной эпохи, принципу, которому должны подчиняться или приспособляться всѣ остальные принципы хозяйственного поведенія. Мы можемъ назвать его главнымъ принципомъ или *руководящимъ мотивомъ извѣстной эпохи хозяйства*. Охватывая взоромъ всю прошедшую, настоящую и даже пожалуй всю будущую хозяйственную жизнь на землѣ, мы найдемъ всего лишь *два* такихъ руководящихъ мотива, господствовавшихъ въ различное время и опредѣлявшихъ строй производства. Это тѣ самые принципы, которые такъ мастерски опредѣлилъ еще *Аристотель* (Pol. I, 3), противоположность которыхъ подчеркивалась всѣми великими ихъ напоминателями новаго времени, отъ Лютера до Сисмонди, Карлейля, Трейчке. Согласно одному изъ этихъ принциповъ, производство является лишь средствомъ для достижения опредѣленной цѣли, именно—для удовлетворенія потребностей; согласно другому, производство богатства становится цѣлью само по себѣ,

богатства не въ видѣ цѣлой массы разнообразныхъ потребительныхъ благъ, производство которыхъ можетъ имѣть всетаки дальнѣйшую цѣль,—хотя бы дѣтскую радость отъ обладанія ими,—но богатства въ его самой общей (qualit tslose) формѣ, въ формѣ всеобщаго эквивалента цѣнностей.

Эти два принципа раздѣляютъ какъ бы два міра и, смотря по тому, какой изъ нихъ господствуетъ въ хозяйственной системѣ, мы можемъ различать двѣ группы системъ хозяйствъ:

1. хозяйства, производящія для собственнаго потребленія¹⁾ и 2. хозяйства на сбыгъ (Erwerbswirtschaften).

Существенное различіе обѣихъ этихъ группъ хозяйственныхъ системъ выражается, прежде всего, въ слѣдующемъ: размѣры (Ausmass) и родъ (Art) производства опредѣляется въ обѣихъ группахъ различно; въ первомъ случаѣ количество и качество производимыхъ продуктовъ опредѣляется и сообразуется съ потребностями какогонибудь

1) Слово „хозяйство“ употребляется здѣсь несолько въ другомъ смыслѣ, чѣмъ, напр., въ выраженіи „производительное хозяйство“. Строго говоря здѣсь стѣдовали бы употребить выраженіе: „система хозяйствъ, производящихъ для удовлетворенія собственныхъ потребностей“, („Bedarfsdeckungs wirtschaft system“), но я удержусь отъ та旣го чудовищнаго словообразованія и предпочтутъ употребить болѣе короткое выраженіе, надѣясь не въ ущербъ ясности и точности.

одного лица или группы лицъ. Потребности эти могутъ быть самыми измѣнчивыми и доходить отъ крайней безпритязательности до самой прічудливой утонченности, но нѣ остаются постоянно связанными съ дѣйствительными потребительными способностями тѣльныхъ личностей; это свойство ихъ и опредѣляетъ размѣры производства. Подобно тому, какъ размѣры и родъ производства опредѣляются потребностями, инициатива для начала производства исходить отъ лица, потребности которого должны быть удовлетворены, vulgo, отъ потребителя. Напротивъ того, въ хозяйствѣ на сбыть, есть лишь одна граница для количества производимыхъ продуктовъ и лишь одна направляющая линія для рода производства: возможность получить выгоду при сбытѣ продуктовъ. Вследствіе этого—такъ какъ возрастаніе прибыли и стремленіе къ ней практическіи безграницы—нѣть никакихъ границъ для производства ни въ колицественномъ, ни въ качественномъ отношеніи¹⁾. Побужденіемъ къ

¹⁾ Что всякое производство послѣднемъ счетъ ограничено индивидуальной потребительной способностью и что все продукты въ концѣ концовъ служатъ для удовлетворенія личныхъ потребностей, понятно само собою. Однако это ничего не измѣняетъ въ томъ фактѣ, что въ хозяйствѣ для сбыта опредѣляющимъ моментомъ дѣятельности хозяйствующаго субъека никогда не является объективная потребность въ потребительныхъ благахъ, но постоянно расчетъ на выгоду. Выда же—1.) не имѣеть определенныхъ качествъ, (qualittslos).—безгранична (unendlich) въ колицественномъ отношеніи.

производству является также расчетъ на выгоду; такимъ образомъ, инициатива переходитъ отъ потребителя къ производителю.

Это различіе цѣлей производства имѣеть громадное значеніе для всего строя хозяйственной жизни. Оно опредѣляетъ, прежде всего, родовой характеръ (Artcharakter) производителя. Разъ количество и качество производимыхъ продуктовъ, — какъ это бываетъ въ хозяйствѣ, производящемъ для собственнаго потребленія, — есть величина точно опредѣляемая размѣрами потребностей, то задача производителя заключается лишь въ выполненіи производства. Онъ является при этомъ только, такъ сказать, техническимъ рабочимъ. Если же размѣры и родъ производства требуется еще предварительно опредѣлить, если они не постоянны и зависятъ отъ колеблющихся шансовъ на выгоду, то существенная задача производителя будетъ заключаться въ правильномъ обсужденіи всѣхъ этихъ шансовъ. Производство перестаетъ, такимъ образомъ, быть проблемой техническаго умѣнья и становится задачей спекулятивнаго расчета. Производитель тутъ уже не техническій рабочій, но, прежде всего, купецъ ¹⁾.

1) Т. е. купецъ въ современномъ смыслѣ. Надо замѣтить, что торговецъ по своей природѣ имѣеть наклонность основывать свою дѣятельность на принципѣ приобрѣтенія. Во все времена функция его заключалась въ томъ, чтобы пыть

Такъ какъ въ планѣ нашей работы входить болѣе подробный анализъ двухъ историческихъ системъ хозяйства, съ соотвѣтствующими имъ формами хозяйства, изъ которыхъ одна принадлежитъ одной, а другая — другой изъ названныхъ группъ, то пока мы ограничимся тѣмъ, что уже сказано и перейдемъ теперь къ болѣе детальной классификациіи внутри двухъ большихъ группъ системъ хозяйства. Если хозяйственная система есть хозяйственный порядокъ, строй (*wirtschaftsordnung*), въ которомъ господствуютъ опредѣленные хозяйственные принципы, то, очевидно, что, при одинаковости ихъ, различія отдельныхъ хозяйственныхъ системъ, приходится искать въ различіи хозяйственного *строя?* Но, вѣдь, хозяйственныхъ строевъ столько же, сколько

денегъ дѣлать деньги. Впрочемъ, бывали эпохи, когда мысль о пріобрѣтеніи, какъ о цѣли хозяйственной дѣятельности, была настолько далека отъ общаго сознанія, что даже купеческую дѣятельность хотѣли подчинить общему правилу и утверждали, что цѣль ея — лишь доставленіе занимавшемуся ею лицу „пропитанія“. Въ этомъ сходились *Аристотель*, этотъ „проклятый, надменный, хитрый язычникъ“, какъ называетъ его на своемъ грубомъ языке *Лютерь*, и самъ Лютерь. Основной мыслью Виттенбергскаго монаха, когда онъ толковалъ объ экономическихъ проблемахъ, была слѣдующая: въ новое время купцами овладѣло стремленіе къ наживѣ — „алчность“ (другихъ мотивовъ онъ и знать не хочетъ), тогда какъ они должны были бы заниматься торговлей лишь для добыванія себѣ пропитанія. „Право, тутъ ужъ ничего не подѣлаешь проповѣдями, и надо положиться на твою совѣсть, чтобы ты остерегался и не обманывалъ близкняго и не стремился бы къ алчности, но искалъ бы лишь пропитанія...“

было, есть и будетъ въ хозяйственной жизни нравовъ и обычаевъ, различныхъ правовыхъ укладовъ. Имя имъ—легіонъ. Однако, при классификаціи намъ потребуется выдѣлить лишь принципіально важные элементы, различные въ различныхъ строяхъ хозяйствъ, т.-е. привести лишь выдающіеся типы различныхъ хозяйственныхъ строевъ.

Но, развѣ—могутъ спросить меня—структура хозяйственного строя такъ произвольна, такъ мало зависитъ отъ господствующаго принципа хозяйства?—Да, до извѣстной степени, какъ будетъ сейчасъ выяснено. Конечно, надо принимать это съ однимъ существеннымъ ограниченіемъ: господство принципа выгоды необходимо пред-

Поэтому ты долженъ дать слово заботиться при торговлѣ только о добываніи средствъ пропитанія; ты долженъ разсчѣсть, сколько стоитъ тебѣ товаръ со всѣми издержками на него, трудомъ и хлопотами, и сообразно съ этимъ такъ устанавливать цѣны на товары, чтобы окупался лишь твой трудъ⁴. Von Kaufshandlung und Wucher (1524). Werke ed. Irmischer XXI. 204—205. Сравненіе мнѣній Аристотеля и Лютера такъ интересно потому, что произведения ихъ относятся къ сходнымъ эпохамъ: къ эпохамъ, когда прежній принципъ—производство для удовлетворенія потребностей и соответствующая ему системы хозяйства вытѣсняются новымъ принципомъ—производства на сбытъ, господствующимъ въ мѣновомъ хозяйствѣ. Само собой понятно, что вполнѣ согласно съ духомъ всякой истинной, „этической“ национальной экономіи, этимъ стереотипнымъ продуктомъ крупныхъ переходныхъ эпохъ, считать принципъ Аристотеля и Лютера нравственнымъ, и осуждать, какъ безнравственный, новый, нарождающейся принципъ.

полагаетъ въ хозяйственномъ строѣ наличность определенныхъ составныхъ элементовъ, безъ которыхъ онъ немыслимъ. А именно, хозяйственныи строй всякаго хозяйства на сбыть долженъ заключать слѣдующіе элементы; онъ долженъ давать просторъ:

1. производству для обмѣна: товарному производству;
2. свободѣ производства—въ выборѣ мѣста, времени, рода производства и т. д.

Послѣднее условіе является необходимымъ, по крайней мѣрѣ, тамъ, где хозяйство на сбыть достигаетъ полнаго расцвѣта. Оно всегда стремится къ свободѣ хозяйственнаго строя, хотя надо сознаться, что въ немъ довольно сильно тенденціи къ развитію даже и въ томъ случаѣ, если хозяйственный строй не отличается особынной свободою. Но, съ другой стороны, хозяйство на сбыть допускаетъ много различныхъ оттѣнковъ въ строѣ хозяйства, особенно, по характеру правовыхъ отношеній рабочаго къ руководителю производства. Это послѣднее возможно въ двухъ различныхъ формахъ: или принудительныхъ или свободно-договорныхъ отношеніяхъ. Органами отдѣльного хозяйства на сбыть могутъ быть рабы, или обязаные крестьяне (*Hörige*), или свободные наемные рабочіе. Историческія формы хозяйства на сбыть представляютъ намъ примѣры того и другого: эпоха римскихъ импе-

раторовъ была, безъ сомнѣнія, періодомъ высоко развитаго хозяйства на сбыть и основывала свое производство на трудѣ не свободномъ, какъ и колоніальныя предприятия новаго времени. Теперь же мы привыкли представлять себѣ хозяйство на сбыть со свободнымъ наемнымъ трудомъ, въ формѣ капиталистического мѣнового хозяйства.

Еще болѣе безразличенъ строй хозяйства по отношенію къ принципу удовлетворенія потребностей. Онъ допускаетъ различіе тѣхъ составныхъ элементовъ хозяйственнаго строя, которые регулируютъ, какъ самую производительную дѣятельность, такъ и дальнѣйшее употребленіе (*Vergwendung*) продуктовъ. Теперь для составленія схемы, въ которую можно было бы включить всѣ различные типы потребительныхъ хозяйствъ, мы выбираемъ за основаніе дѣленія—отношеніе затраты труда къ тому лицу, которое пользуется плодами труда. Въ этомъ случаѣ можно будетъ различать четыре главныхъ типа хозяйственныхъ системъ этой группы, смотря по тому, касается ли дѣло:

1. удовлетворенія собственныхъ потребностей собственнымъ трудомъ;
2. удовлетворенія собственныхъ потребностей чужимъ трудомъ;
3. удовлетворенія чужихъ потребностей собственнымъ трудомъ;

4. удовлетворенія чужихъ потребностей чужимъ трудомъ.

ad. 1. Удовлетворение собственныхъ потребностей собственнымъ трудомъ происходит во всѣхъ системахъ хозяйствъ, пока члены хозяйства—кровные родственники, принадлежать къ одной общинѣ. Сюда относятся изъ важнѣйшихъ историческихъ типовъ: *всѣ хозяйства первобытныхъ родовыхъ общинъ*¹⁾, хозяйства китайской, южнославянской, кельтской (?) и другихъ *крупныхъ семей* (Grossfamilien)²⁾, хозяйства *сель-*

¹⁾ Такъ какъ въ задачу настоящихъ этюдовъ не входитъ характеристика всѣхъ системъ и всѣхъ формъ хозяйства, но лишь общий очеркъ классификаціи и ближайшее разсмотрѣніе лишь двухъ хозяйственныхъ системъ или формъ, то здесь я ограничиваюсь краткимъ перечнемъ различныхъ типовъ хозяйства, отсылая читателя въ остальномъ къ литературѣ, изъ которой на нѣмецкомъ яз. слѣдуетъ упомянуть: *Bücher, Arbeit und Rhythmus*. Leipzig 1897, 2 Aufl. 1899 (есть русскій переводъ), его же *Entstehung des Volkswirtschaft* 2 Aufl. 1898. I и II лекція (есть рус. перев.). Тамъ же многочисленныя указанія на специальную литературу. *H. Cunow*. Die ökonomischen Grundlagen der Mutterschaft (Neue Zeit 1897/98, Bd. I. P. пер. въ Науч. Обозр.). *Engels*, Entstehung der Familie 1886 (2 рус. перев.) *E. Grosse*, Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft, 1896 (*Есть рус. пер.?*) *R. Hildebrand*, Recht und Wirtschaft auf den verschiedenen Kulturstufen 1896. *E. Laveleye*, Das Ureigentum, пер. Бюхера, 1879 (Есть русск. пер.) *A. Meitzen*, Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, Kelten, Römer, Finnen und Slaven. 3 Bde und Atlas 1895. *Sew. H. Morgan*, Die Urgesellschaft, нѣм. пер. 1891. *G. Schmoller*, Die geschichte. Entwicklung der Unternehmung; Besond. II. Ось его Jahrbuch Bd. XIV 1890 *Ratzel* Völkerkunde.

²⁾ *K. Bücher* l. c.—*E. Laveleye*, l. c.—*A. Meitzen*, l. c.—*Utiesenovic*, Hauskommunionen der Südslaven, 1859. *M. Zorjeic*, Die bärnerlichen Hauskommunionen in den Königreichen Kroatien und Slavonien (III Congrès intern. d'Hygiène et de Demographie Comptes rendus Tome VІІ, 1896).

скихъ общинъ отъ ихъ начатковъ въ Индіи до
нашего времени ¹⁾).

ad. 2. Удовлетвореніе собственныхъ потреб-
ностей чужимъ трудомъ имѣть цѣлью — съ
точки зрењія главы хозяйства — всѣ тѣ хозяй-
ства, производящія для собственныхъ потребно-
стей, которыя я назвалъ расширенными хозяйствами,
производящими для собственного потребле-
нія — «расширенными» за предѣлы труда кров-
ныхъ родственниковъ или, по крайней мѣрѣ,
односельчанъ. Сюда относятся открытые Родбер-
тусомъ ойкосныя хозяйства древности, импер-
скія виллы, помѣстья и монастырскія хозяйства
среднихъ вѣковъ съ землевладѣльческой организа-
ціей хозяйства ²⁾ и т. д. Размѣры и направле-

¹⁾ W. I. Ashley, Engl. Wirtschaftsgeschichte I, 1896 (Русск. пер.), George Campbell, Modern India 1852. H. Cunow, Die Soziale Verfassung des Inkareichs 1896. K. Lamprecht, Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter, 4 Bde 1885. Laveleye-Bücher 1. c. G. L. von-Maurer, Einleitung in die Mark,—Hof,—Dorf—und Stadtverfassung etc. 2 Auflage 1896 (Рус. пер. Корша) — Meitzen 1. c. Thor. Rogers, Die Geschichte der englischen Arbeit 1896. F. Scobom, The english village community; нѣм. пер. Bunsen'a 1885. F. Tönnies, Gemeinschaft und Gesellschaft, 1887.

²⁾ K. Bücher, op. с.—K. Lamprecht, op. с.—Meitzen, op. с.—G. Schmoller, op. cit.—K. von Inama-Sternegg, Deutsche Wirtschafts-Geschichte Bd. I Bis zum Schlusse der Karolingerperiode 1879. Bd. II X—XII Jahrhundert. 1891. *Онъ же*, Die Ausbildung der grossen Grundherrschaft in Deutschland w hrend der Karolingerzeit. 1878. G. L. v. Maurer, Geschichte der Fronh fe, der Banerm fe w. der Verfassung in Deutschland. 4 Bde. 1862 и сл. M. Weber, R mische Agrargeschichte 1891. *Онъ же*, Die Sozialen Cr nde des Untergangs der antiken Kultur въ журналѣ „Wahrheit“, изд. Chr. Schr mpf. Bd. VI, № 3.

ніе всего производства и въ этихъ хозяйствахъ опредѣляются исключительно потребностями господина и его людей. Но для удовлетворенія этихъ потребностей примѣняется уже и принудительная дѣятельность совершенно чужихъ людей: рабовъ, крѣпостныхъ и др. Какъ мы увидимъ, эта хозяйственная система можетъ имѣть въ основѣ одно общее производительное и потребительное хозяйство или же взаимодѣйствіе нѣсколькихъ отдѣльныхъ хозяйствъ.

ad. 3. Удовлетвореніе чужихъ потребностей своимъ трудомъ имѣеть мѣсто повсюду тамъ, гдѣ имѣеть мѣсто производство для обмѣна, но гдѣ еще не установился принципъ производства специально на сбытъ. Сюда принадлежать всѣ средневѣковыя городскія хозяйства, а также всѣ известныя намъ мѣновыя хозяйства при первобытныхъ отношеніяхъ. Конструкція этой хозяйственной системы можетъ показаться странной съ первого взгляда. Не смотря на это, какъ мы еще подробно выяснимъ, всякое докапиталистическое мѣновое хозяйство можно вполнѣ понять лишь съ точки зренія взаимного удовлетворенія потребностей. Къ формулѣ, поставленной во главѣ этого параграфа, для большей полноты слѣдуетъ добавить: «удовлетвореніе собственныхъ и чужихъ потребностей собственнымъ трудомъ» — опять таки по отношенію къ субъекту производительного хозяйства — скажемъ — ремесленнику или цеху.

Руководящимъ принципомъ всей его дѣятельности, не смотря на обмѣнъ, остается изготавление продуктовъ такого рода и въ такомъ количествѣ, сколько нужно ихъ другому для того, чтобы заработать себѣ средства существованія, въ размѣрахъ соотвѣтствующихъ традиціоннымъ воззрѣніямъ.

ad. 4. Удовлетвореніе чужихъ потребностей чужими трудомъ должно было бы стать принципомъ хозяйственной системы въ соціалистически организованной общинѣ при высшемъ общественномъ строѣ¹⁾.

Производства регулировались бы на основаніи общей суммы потребностей всѣхъ гражданъ, какимъ-либо образомъ приведенной въ извѣстность. Хозяйственная система принадлежала бы къ группѣ хозяйствъ, производящихъ для удовлетворенія потребностей. А такъ какъ хозяйствующимъ субъектомъ былъ бы центральный органъ, руководящій направленіемъ всѣхъ производствъ, то въ такомъ случаѣ занятые въ производствѣ лица являлись бы — съ точки зрѣнія хозяйствующаго субъекта — чужими, т.-е. подчиненными, производящими для удовлетворенія потребностей

¹⁾ Ср. между прочимъ Schäffle, Die Quintessenz des Socialismus. O. Köhler, Der Socialdemokratische Staat. Grundzüge einer mutmasslichen ersten Form Socialdemokratischer Gesellschaftsverfassung etc. 1891. Atlanticus, Produktion und Konsumption im Socialstaat. 1898. G. Sulzer, Die Zukunft des Socialismus 1899.

другихъ гражданъ—чужихъ имъ. Впрочемъ, этотъ четвертый типъ хозяйствъ, производящихъ для потребленія, я прибавилъ исключительно изъ любви къ симметріи и не придаю его конструкціи, которой кстати не приходится считаться ни съ какими эмпирическими данными, особенного значенія.

Такимъ образомъ, мы обозрѣли весь цикль хозяйственныхъ системъ, дѣйствительныхъ и возможныхъ, и сопоставили ихъ въ одну систему. Теперь остается отмѣтить еще одно обстоятельство. Читатель помнитъ, вѣроятно, нашъ упрекъ всѣмъ нашимъ предшественникамъ въ томъ, что они группировали съ различныхъ точекъ зрѣнія роды и виды человѣческихъ хозяйствъ, не постаравшись, въ концѣ концовъ, объединить всѣ эти многообразныя группировки. Подобный же упрекъ заслужили бы и мы, еслибы оставили рядомъ систему хозяйственныхъ ступеней и систему хозяйственныхъ системъ, ничѣмъ не связавши ихъ другъ съ другомъ. Но это мы сейчасъ сдѣлаемъ. На основаніи всѣхъ нашихъ свѣдѣній о сущности ступеней и системъ хозяйства, связать эти двѣ группы можно, лишь включивъ различные системы хозяйства въ схему хозяйственныхъ ступеней. Результатъ получился слѣдующій.

I. На ступени индивидуального хозяйства могутъ имѣть мѣсто лишь хозяйственныхъ системы,

построенная на принципѣ производства для потребленія. Сюда принадлежать именно хозяйства съ производствомъ лишь для собственного потребленія, *поскольку* въ нихъ сохраняется тождественность хозяйства потребительного и производительного, всѣхъ хозяйства кровныхъ родственниковъ и т. д.

2. На ступени *переходныхъ хозяйствъ* равнымъ образомъ, въ силу понятныхъ причинъ, господствуетъ одинъ принципъ производства для потребленія. Сюда принадлежатъ: расширенные хозяйства съ производствомъ лишь для собственного потребленія, въ которыхъ произошло отдѣленіе хозяйства производительного отъ потребительного, какъ въ латифундіяхъ временъ императоровъ римскихъ и помѣстьяхъ средневѣковья; сельскія хозяйства; мѣновое хозяйство съ его главнымъ типомъ—городскимъ хозяйствомъ.

3. На ступени *общественного хозяйства* впервые представляется просторъ для господства принципа выгода (*Erwerbsprinzip*); къ этому періоду принадлежатъ системы хозяйствъ временъ римскихъ императоровъ, производившихъ на сбытъ, рабскія хозяйства современныхъ колоній и господствующее теперь капиталистическое мѣновое хозяйство съ свободнымъ наемнымъ трудомъ. И въ этомъ періодѣ можетъ найти себѣ применение принципъ производства для потребленія, если мы вообразимъ себѣ соціалистическое го-

сударство, возникшее где-либо и не отказывавшееся въ своемъ производствѣ отъ достигнутой въ наше время степени хозяйственной дифференціаціи.

Если мы объединимъ всѣ эти группы и подраздѣленія въ одну таблицу, то получимъ слѣдующее:

Ступени хозяйства:	Индивидуальное хозяйство.	Переходное хозяйство.	Общественное хозяйство.
1) Первобытое родовое хозяйство.			
2) Семейная община—«хозяйство кроткихъ семей».			
3) Расширенное хозяйство для собственнаго потребления съ объединениемъ хозяйства.			
4) Расширенное хозяйство для собственнаго потребления съ раздѣлениемъ хозяйства, единицъ (помѣстье).			
5) Деревенское хозяйство.			
6) Мѣновое и въ особенности городское хозяйство.			
7) Соціалистическое хозяйство.			
Хозяйства производящія для непосредственнаго потребленія.	8) Рабочагдѣльческое хозяйство древности.	9) Рабочагдѣльческое хозяйство современныхъ колоний.	
	10) Капиталистическое мѣновое хозяйство съ свободнымъ найманнымъ трудомъ.		

Группы системъ хозяйства съ единымъ хозяйствомъ: принципомъ:

Хозяйства производящія для непосредственнаго потребленія.

Хозяйства на сбытъ.

Мнѣ остается для завершенія цикла нашихъ разсужденій выключить въ отдѣльныя системы хозяйства соотвѣтствующія имъ *хозяйственные формы*.

Понятно, что въ періодъ примитивнаго хозяйства мы не находимъ самостоятельныхъ организацій для производительнаго хозяйства. Оно составляетъ интегрирующую часть всего хозяйственнаго строя, который, въ свою очередь, обыкновенно совпадаетъ со строемъ соціальнымъ. Представителями хозяйственной инициативы въ началѣ хозяйственной жизни является племя, родъ, семья. Если мы ужъ непремѣнно хотимъ дать название этому примитивному состоянію, то можемъ назвать его *родовымъ хозяйствомъ и семейнымъ хозяйствомъ*.

Начатки самостоятельной организаціи производства въ рамкахъ общехозяйственной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и начатки хозяйствъ производительныхъ можно найти въ сферѣ расширеннаго хозяйства съ производствомъ для собственнаго потребленія. Хозяйственными формами, соотвѣтствующими этимъ хозяйственнымъ системамъ, мы можемъ считать *оїкосъ, помѣстье или виллу*.

Если обратимся къ системѣ деревенскаго хозяйства, то намъ придется различать организаціи, центръ тяжести которыхъ лежитъ еще въ деревенской общинѣ или въ хозяйствахъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого возникаютъ двѣ хо-

зяйственныя формы, которые мы назовемъ *общиннымъ хозяйствомъ* или *крестьянскимъ хозяйствомъ*.

Уже въ расширенномъ хозяйствѣ съ производствомъ для собственного потребленія и въ деревенскомъ хозяйствѣ можетъ имѣть мѣсто занятіе ремесломъ, какъ отдѣльная профессія. Но лишь въ мѣновомъ и въ особенности въ городскомъ хозяйствѣ создаются особыя самостоятельныя организаціи для ремесленнаго производства. Это—*ремесленная организація*, какъ можемъ мы неточно опредѣлить эту хозяйственную форму промышленной дѣятельности, соотвѣтствующую системѣ мѣнового хозяйства. Она можетъ быть двоякаго рода, смотря по тому, лежитъ ли центръ тяжести организаціи въ отдѣльномъ производителѣ или же въ совокупности всѣхъ производителей. Соотвѣтственно этому мы можемъ различать *ремесленные товарищества* и *отдѣльныхъ ремесленниковъ*.

Мы уже говорили выше, что займемся подробнѣе этой хозяйственной формой, а пока удовольствуемся сказаннымъ.

Если мы пожелаемъ представить себѣ хозяйственныя формы при соціалистическомъ строѣ хозяйства, то онѣ представляются намъ или (при централизованной организаціи) въ формѣ *общественно хозяйственныхъ учрежденій, управлений*,

дирекций, или же (при большей децентрализации хозяйственной жизни) въ формѣ *производительныхъ товариществъ*.

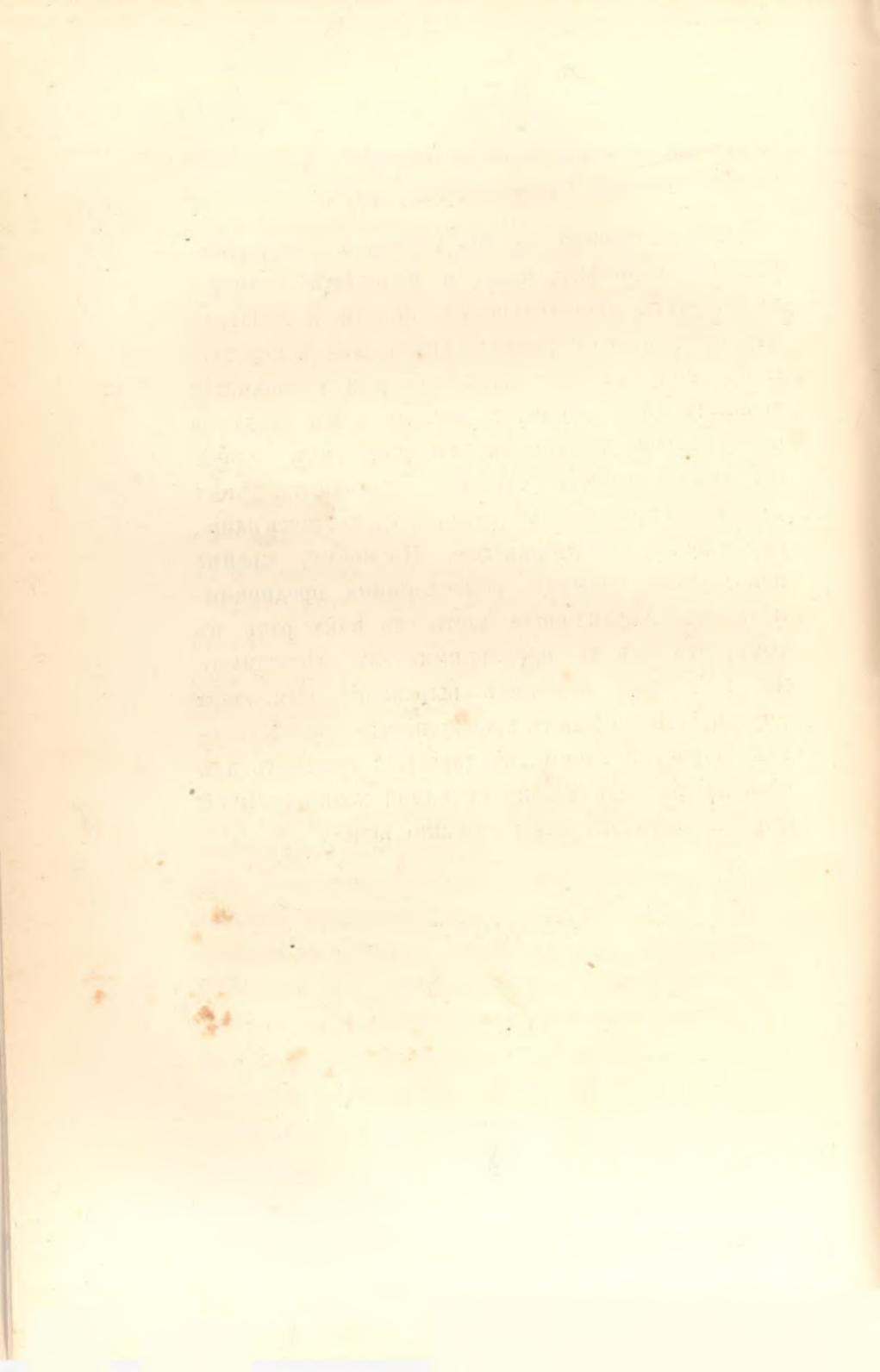
Всѣмъ перечисленнымъ хозяйственнымъ формамъ было обще то, что онѣ построены на принципѣ производства для непосредственного потребления, т. е. въ нихъ производство организуется съ цѣлью покрытия определенныхъ потребностей въ потребительныхъ благахъ. Въ силу этого онѣ вступаютъ въ рѣзкое противорѣчие съ тѣми хозяйственными формами, которые соответствуютъ системамъ *приобрѣтающихъ хозяйствъ* и которые мы обозначимъ общимъ названіемъ—*предпріятій*.

Это употребленіе слова „предпріятіе“ исключительно въ смыслѣ хозяйственной формы приобрѣтающихъ хозяйствъ хорошо нами обдумано: оно должно выражать особенность характера этихъ хозяйственныхъ формъ. Въ этомъ ограничительномъ значеніи оно, какъ извѣстно, неупотребительно. Наоборотъ, чаще говорятъ о „ремесленномъ предпріятіи“, какъ о предпріятіи капиталистическомъ. Густавъ Шмоллеръ даже желаетъ примѣнить это слово ко всѣмъ хозяйственнымъ формамъ, производящимъ для обмѣна. Я считаю это недопустимымъ, такъ какъ мы отнесли бы характерное современное выраженіе къ совершенно неоднородному съ нимъ предмету. Словомъ „предпріятіе“ нѣмецкій языкъ обозначаетъ что-то смѣлое, рискованное.

„Sagt, was Ihr wohl in deutschen Landen
Von unserer Unternehmung hofft“.

Въдь говоримъ же мы теперь о „предпріимчивомъ“ человѣкѣ, какъ о человѣкѣ полномъ инициативы, рѣшительности, энергіи. Я полагаю, что часть этого первоначального смысла перешла и въ экономическое выраженіе для обозначенія хозяйственной формы, и потому намъ слѣдуетъ осторегаться примѣнять его для тѣхъ хозяйственныхъ формъ, которые отличаются какъ разъ отсутствиемъ спекулятивного духа, какъ напр., европейское средневѣковье. По моему, крайне неисторично называть ремесленника предпринимателемъ. Характерная черта его какъ разъ въ томъ, что онъ не предприниматель. Поэтому-то мы и хотимъ замѣнить выраженіе Шмольера „предпріятіе“ общимъ выраженіемъ—хозяйственная форма, а слово „предпріятіе“ оставить для обозначенія одной определенной хозяйственной формы, какъ это нами сдѣлано выше.

II.

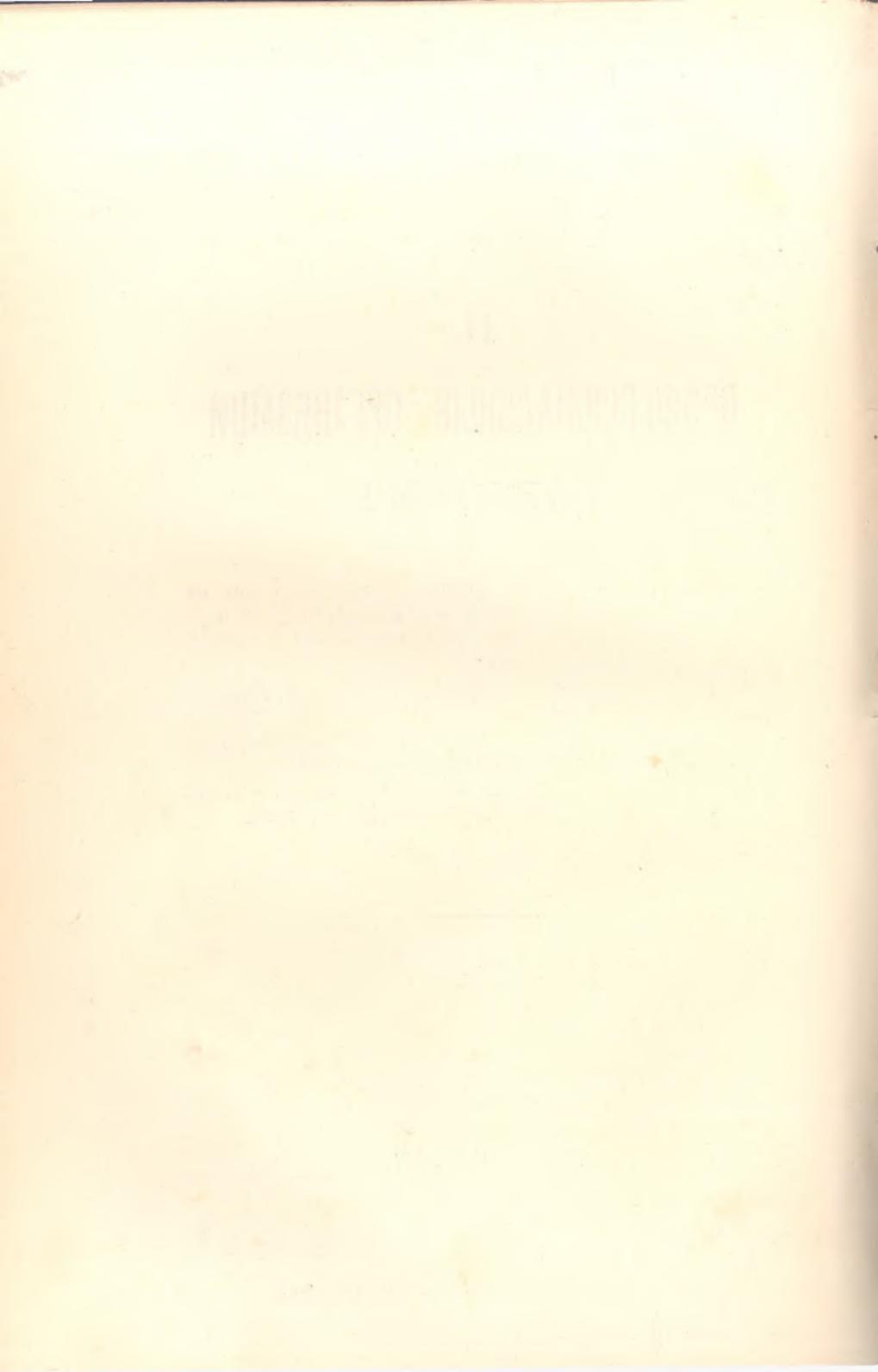
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЯ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОЧИХЪ.

„Истину нужно постоянно повторять, ибо вокруг нас не перестают проповѣдоваться и заблуждения“.

B. Гете.

„Было бы худо, если бы мы не становились смѣтливѣе“...

A. Бебель. Рѣчъ „о професіональномъ движениї“ 25 мая 1900 г.

І.

Возникновеніе и цѣль професіональнаго рабочаго движенія.

Новѣйшіе професіональные рабочіе союзы лишь послѣднее звено длинной цѣпи общественныхъ организацій подобнаго рода. Мы, вѣдь, знаемъ теперь, что человѣкъ всегда и вездѣ чувствовалъ и чувствуетъ потребность въ постоянномъ или временномъ единеніи со своими сотрудниками, сотоварищами. Повидимому, дѣйствительно, «не хорошо быть человѣку одному». Въ хорошемъ и дурномъ смыслѣ слова онъ—стадное животное, для котораго обособленіе гибельно. Къ одиночеству способны лишь не многія, незаурядныя отшельническія натуры, у остальныхъ же врождено стремленіе къ сплоченію. Они какъ бы нуждаются въ согрѣвающемъ промежуточномъ слоѣ между ними и той холодной обстановкой, въ которой намъ приходится жить. Поэтому, съ зарожденіемъ культуры вплоть до нашего времени постоянно возникали тѣ *естественные союзы*, основой которымъ служили

то кровное родство, то соседскія отношенія, таковы: племя, патріархальная семья, сельская община т. е. тѣ органическія образованія—какъ ихъ называлъ остроумный изслѣдователь—въ которыхъ индивидъ ростетъ и развивается, словно членъ недѣлимаго цѣлага. Въ настоящее время такія первобытныя организаціи все болѣе и болѣе распадаются. Отдельные лица отрываются отъ той почвы, къ которой были прикреплены, и перемѣшиваются между собой въ водоворотѣ современной государственной и, особенно, городской жизни. Въ новыхъ условіяхъ жизни они оказываются безъ всякой взаимной связи, безъ всякой иной группировки, кромѣ той, какая вносится государственной или коммунальной регистраціей. Ихъ связь заключаетъ въ себѣ не болѣе органическаго, чѣмъ рядъ развѣяннаго въ шкафу платья или отдельные песчинки въ кучѣ летучаго песка. Такъ могло сложиться мнѣніе о холодности жизни крупныхъ городскихъ центровъ.

Но, какъ муравейникъ, разрушенный ступней ноги, тотчасъ начинаетъ возстановляться, такъ и въ пестрой людской массѣ мы повсюду замѣчаемъ стремленіе снова сплотиться въ какіе-либо новые союзы. Начинаютъ возникать *искусственныя организаціи*, общими основаніемъ которыхъ служить одинаковость интересовъ известныхъ группъ лицъ. Одни вмѣстѣ курятъ, другіе—поютъ,

треты—занимаются гимнастикой, четверты—ездят на велосипедъ. Тамъ возникаютъ художественныя, благотворительныя или какія либо иныя общества; тутъ объединяются всѣ тѣ, кто связанъ общностью повседневныхъ занятій, порождающей многочисленные общіе интересы. Такъ образуется важная группа *профессиональныхъ союзовъ*.

Къ нимъ можно отнести и рабочіе професіональные союзы (Gewerkvereine, Gewerkschaften, Fachvereine), или — какъ ихъ называютъ въ Англіи—*тредъ-юніоны*, во Франціи—рабочіе синдикаты, въ Италіи—рабочія общества борьбы (Societa operaie di resistenza) и т. п., хотя они и отличаются существенно отъ другихъ професіональныхъ союзовъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, какими являлись, напр., средневѣковые цехи. Если тѣ изъ нихъ, въ которые организуется современный наемный рабочій классъ, и называются нѣкоторыми «рабочими гильдіями», чтобы обозначить ихъ родство и даже ихъ происхожденіе отъ прежнихъ ремесленныхъ гильдій, то согласиться съ этимъ можно лишь съ большими оговорками. Ибо какъ разъ въ томъ, что отличаетъ современные професіональные рабочіе союзы отъ ремесленныхъ цеховъ и даже союзовъ подмастерьевъ прежняго времени, мы должны видѣть ихъ главную характерную черту. Если бы мы причислили и рабочіе союзы къ професіо-

нальнымъ, союзамъ, то все же пришлось бы признать, что члены ихъ принадлежатъ къ одной профессіи, а это уже не вполне соответствуетъ смыслу старинныхъ ремесленныхъ организацій. Прежняя профессія ремесленника была обособлена специальной ручной сноровкой, общей всѣмъ членамъ ремесла, одинаковой для всѣхъ возможностью вести дѣло, часто одинаковымъ знаніемъ професіональныхъ тайнъ, одинаковымъ обученіемъ, одинаковой дальнѣйшей судьбой. Такая профессія обусловливала внутреннюю сплоченность и естественную замкнутость по отношенію къ членамъ другихъ профессій. «Професіональная честь» является выраженіемъ, характеризующимъ эти ремесленныя професіональныя корпораціи, слагавшіяся вѣками соответственно медленному развитію эмпирической техники.

Научные методы на службѣ капиталистическихъ предпріятій разрушаютъ этотъ старый партикуляризмъ. Ежедневно капитализмъ наносить ударъ за ударомъ старому ремеслу, чтобы ежедневно создавать новые пріемы труда. То, что издавна совмѣщалось, теперь разъединяется, и наоборотъ, многія отдельныя операциіи объединились. Такъ исчезаетъ прежняя ремесленная специализація, изглаживаются неподвижныя понятія объ одинаковости профессій, професіональномъ единеніи и професіональной чести, и въ союзы начинаютъ объединяться рабочіе ранѣе

совершенно различныхъ профессій; причемъ ими, само собой разумѣется, перестаетъ сохраняться та внѣшняя замкнутость, которая отличала прежнія организаціи. Таковы, напр., весьма часто возникающіе въ послѣднее время «промышленные союзы» (Industrieverbände), какъ-то: союзы рабочихъ, занятыхъ обработкой дерева, въ металлургической промышленности, въ строительномъ дѣлѣ и т. д., гдѣ въ общей организаціи объединяются самыя разнообразныя, прежде обособленныя, профессіи.

Съ другой стороны современные рабочіе союзы *болѣе* чѣмъ только професіональныя организаціи и этимъ также отличаются отъ прежнихъ «гильдій», такъ какъ они объединяютъ *меньшее* количество лицъ, чѣмъ сколько ихъ занято въ данной профессіи; они являются союзами наемныхъ рабочихъ, т. е. состоятъ изъ такихъ лицъ, которые всю жизнь проводятъ лишь въ одной сферѣ професіональной дѣятельности, въ сферѣ исполнительного труда и которые по общему правилу не переходятъ на высшую степень труда организующаго или руководящаго или не находятся въ положеніи людей, живущихъ безъ всякой затраты труда. Прежнее професіональное единство распалось; въ каждой промышленной отрасли, гдѣ господствуетъ капиталистическое производство, существуютъ рѣзко разъединенные группы предпринимателей, къ которымъ часто прибли-

жаются высшіе служащіе въ крупныхъ предпріятіяхъ, и группы рабочихъ. Послѣдніе распадаются на высшій, руководящій слой, и низшій, исполняющій; первый принадлежитъ большей частью къ такъ называемой интеллигенціи и буржуазіи, второй—къ пролетаріату, наемнымъ рабочимъ. Говорить въ наше время о профессії «молотобойцевъ» (Hammerschmiede), усматривать въ ней іерархію постепенно поднимающихся другъ надъ другомъ рабочихъ группъ и связывать, такимъ образомъ, въ одномъ непрерывномъ рядѣ владѣльца сотенъ миллионовъ и послѣдняго чернорабочаго—пустая забава. Въ этомъ то именно и состоитъ отличие отъ прежняго порядка. Тогда подмастерье являлся всегда кандидатомъ въ мастера, а мастеръ былъ бывшимъ подмастеремъ; теперь между предпринимателями и рабочими легла непроходимая пропасть. Тѣ и другіе рекрутируются постоянно изъ различныхъ общественныхъ классовъ и существенно отличнымъ признакомъ новѣйшихъ рабочихъ союзовъ является принадлежность ихъ членовъ всегда только къ классу наемныхъ рабочихъ. Профессиональный союзъ (Berufsverband), не имѣющій такого исключительного характера, не можетъ считаться професіональнымъ союзомъ (Gewerkegein). Замкнутость, слѣдовательно, выражается нынѣ въ иномъ, чѣмъ прежде. Раньше она существовала между профессіями, а не между отдѣльными лицами

одной и той же профессии; теперь она проявляется между различными общественными классами въ одной и той же профессии, между тѣмъ какъ лица хотя и разныхъ профессий, но принадлежащія къ одному и тому же классу, давнымъ давно уже не стоятъ отчужденно другъ противъ друга. Параллельнымъ явленіемъ представляются современныя промышленно-торговыя палаты.

Вертикальное дѣленіе уступило мѣсто горизонтальному; такъ что, если правильно характеризовать современный профессиональный рабочій союзъ, то прежде всего надо отмѣтить, что онъ—союзъ-наемныхъ рабочихъ, т. е., лицъ одного класса и лишь затѣмъ добавить: объединяющій ихъ по извѣстнымъ профессіямъ.

Итакъ, союзы наемныхъ рабочихъ являются современными профессиональными обществами (*Gewerkschaften*). Ихъ цѣль—доставить выгоды сплоченія, объединенія новому общественному классу наемныхъ рабочихъ. Ихъ цѣль—какъ бы сопутствовать наемному рабочему въ теченіе его жизни, служить ему утѣшителемъ, другомъ, помощникомъ и советникомъ во всѣ серьезныя минуты. Ихъ цѣль—развернуть свою дѣятельность тамъ, где не хватаетъ энергіи и силъ его одного. Мы должны, стало быть, познакомиться съ нимъ, чтобы понять особенности рабочихъ профессиональныхъ союзовъ.

Теперь, конечно, всѣмъ извѣстно, что такое *современный наемный рабочий*: это—въ правовомъ отношеніи свободный человѣкъ, не обладающій ни нужными средствами, чтобы вести жизнь рабочеъ или самостоятельного производителя, ни нужнымъ образованіемъ, либо необходимыми знаніями и подготовкой, чтобы обратиться въ ученаго, художника, чиновника и т. д., человѣкъ, который можетъ разсчитывать лишь на рабочую силу собственныхъ рукъ, отдаваемую имъ—за вознагражденіе—во временное распоряженіе владельцевъ средствъ производства, организаторовъ промышленности. Наемный рабочій, следовательно, служитъ выражениемъ капиталистического способа производства съ одной его стороны. Такимъ—каковъ есть, онъ является потому, что 1) нашъ экономический строй основанъ на взаимодѣйствіи двухъ разъединенныхъ классовъ населения: собственниковъ средствъ производства и владельцевъ (прилагаемой къ производству) рабочей силы, и 2) такое взаимодѣйствіе осуществляется въ исторически опредѣленной формѣ свободного договора, договора о наймѣ.

Профессиональные рабочіе союзы, такимъ образомъ, стремятся служить интересамъ этого наемнаго рабочаго и при томъ—необходимо добавить—на почвѣ капиталистического хозяйственнаго строя.

Это ограничение рѣзко отдѣляетъ профессио-
нальное рабочее движение отъ рабочаго движения
соціалистического или, въ узкомъ смыслѣ, со-
ціального движения нашего времени, т. е. того,
которое, хотя и имѣеть конечной цѣлью прежде
всего интересы пролетариата, но осуществленіе
ихъ видѣть въ замѣнѣ капиталистического строя
соціалистическимъ. Было бы грубымъ невѣже-
ствомъ или злымъ умысломъ соглашаться съ
тѣми, кто не признаетъ такого различія обоихъ
видовъ рабочаго движения кореннымъ, безуслов-
нымъ, опредѣляющимъ. Мы увидимъ, что и про-
фессиональное, и соціалистическое рабочія дви-
женія имѣютъ много точекъ соприосновенія;
но было бы отказомъ отъ всякаго уясненія со-
ціальныхъ явлений—не взять за исходный пунктъ
анализа основной разницы того и другого.

Если мы считаемъ характерной чертой рабо-
чихъ союзовъ—что они являются профессиоナル-
ными или классовыми организаціями, то намъ
придется оставить въ сторонѣ ихъ функциі, какъ
дружескихъ и товарищескихъ обществъ. Разу-
мѣется, не слѣдуетъ низко дѣлать того, чѣмъ
полезны они въ этомъ отношеніи для отдѣльныхъ
лицъ, но эти функциі не вытекаютъ изъ самой
сущности этихъ союзовъ. Послѣдняя проявляется
лишь въ тѣхъ функцияхъ, которыя вытекаютъ
изъ необходимости защиты рабочихъ интересовъ,
какъ таковыхъ. Онъ, при внѣшнемъ разсмотрѣніи,

бывають *двухъ* родовъ: 1) функція попеченія о рабочемъ и его сем'ї въ періоды вынужденной безработицї, иначе, отсутствія заработка и 2) функція попеченія о рабочемъ въ періодъ нахожденія на работѣ, а, слѣдовательно и пользованія опредѣленнымъ заработкомъ.

Первая категорія обнимаетъ все то, что является задачей *общества* или *кассы взаимопомощи*. Сюда относится доставленіе денежныхъ средствъ или вспомоществованіе натурой въ случаяхъ болѣзни, инвалидности, несчастій, старости, смерти. Благодаря общимъ взносамъ многихъ лицъ, членамъ такихъ «кассовыхъ союзовъ» могутъ оказываться услуги, которыя непосильны для отдельныхъ лицъ или же имъ можетъ быть предоставлена путемъ обязательныхъ сбереженій возможность, въ случаѣ несчастья, получить такую сравнительно-значительную сумму, какой они не могли бы, по всей вѣроятности, имѣть при отсутствіи общей кассы. Въ началѣ професіонального движенія эти вспомогательные кассы, насколько мы знаемъ, были важнѣйшей, отчасти даже единственной, формой его проявленія. Зачастую онѣ являются связующимъ звеномъ между разнообразными организаціями, не являющимися професіональными организаціями въ тѣсномъ смыслѣ слова, и новѣйшими професіональными рабочими союзами.

Но какъ бы ни было велико историческое значение кассъ взаимопомощи для профессионального движения, какъ ни велика ихъ роль еще и теперь въ очень важныхъ и крупныхъ рабочихъ союзахъ, онъ не составляютъ ихъ сущности. Больничные, похоронные кассы, кассы помощи въ несчастныхъ случаяхъ и др. могутъ существовать и существуютъ въ той же мѣрѣ, какъ для помоши рабочимъ, такъ и не рабочимъ. Англійскія Friendly Societies, итальянскія Societ  di mutuo soccorso еще до сихъ поръ открыты какъ для наемныхъ рабочихъ, такъ и для мелкаго чиновничества, крестьянъ и ремесленниковъ. И, если первыя составляютъ здѣсь значительный процентъ, то это лишь доказываетъ, что они находятся въ значительной степени въ такомъ имущественномъ положеніи, которое дѣлаетъ желающимъ пользованіе кассами; къ особой же соціальной позиції, занимаемой пролетаріатомъ, это не имѣть никакого отношенія. Но и со своими болѣе ранними функціями, привлекавшими рабочія массы большей достижимостью поставленныхъ цѣлей и образовавшими какъ бы остовъ, на которомъ развивалась собственно професіональная дѣятельность союзовъ, вспомогательные кассы, особенно на континентѣ, начинаютъ теперь все болѣе и болѣе развиваться. Это потому, во-первыхъ, что сами професіональныя цѣли уясняются все болѣе и приобрѣтаютъ очевидную

важность, а затѣмъ еще и потому, что задачи, за которыхъ ранѣе брались исключительно свободныя организаціи—поддержка рабочаго въ болѣзни и другихъ случаяхъ нужды—теперь, по примѣру Германской имперіи, все въ большей мѣрѣ принимаются на себя всюду *государствомъ*. Добровольное страхованіе замѣняется обязательнымъ государственнымъ, заставляющимъ предпринимателя или общественные власти оказывать поддержку рабочимъ, не способнымъ добыть себѣ средства къ жизни. Въ какой мѣрѣ эта перемѣна является шагомъ впередъ, служа благу рабочихъ и интересамъ культуры, мы разсмотримъ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь надо установить лишь тотъ фактъ, что перенесеніе заботы о лишенныхъ средствъ рабочихъ на официальныя учрежденія весьма существенно уменьшило значеніе професіональныхъ союзовъ, какъ организацій, включавшихъ вспомогательныя кассы. Это вмѣстѣ съ вышеприведеннымъ заключеніемъ, что въ вспомогательныхъ кассахъ рабочихъ союзовъ отнюдь нельзя видѣть чего-либо специфически свойственного професіональному рабочему движению, побуждаетъ меня исключить изъ области нашего изслѣдованія указанную сторону дѣятельности рабочихъ союзовъ и останавливаться впередъ лишь на ихъ *собственно-професіональныхъ функцияхъ*.

Если характеризовать эти функции въ самыхъ общихъ чертахъ, то можно сказать, что ихъ назначение—увеличить шансы рабочаго при установлении условий его работы. Для этого профессиональные рабочие союзы ставятъ своей ближайшей задачей вліять въ интересахъ рабочихъ на рынокъ труда, гдѣ спросъ и предложение колеблются, какъ и на товарномъ рынке. Такое стремление вытекаетъ, какъ послѣдствіе, изъ того факта, что рабочая сила обыкновенно рассматривается, какъ товаръ. Конструированіе рабочей силы, какъ товара, привило издавна и, какъ ни относиться къ его теоретической правильности, оно, несомнѣнно, имѣло большое значеніе своимъ вліяніемъ на практическую дѣятельность рабочихъ союзовъ. Рабочій—гласятъ обычныя разсужденія—имѣеть въ своей рабочей силѣ товаръ, продажей которого онъ снискиваетъ себѣ пропитаніе. Нашъ правовой строй предлагаетъ ему для этого свободную продажу или, вѣрнѣе, свободный наемный договоръ, посредствомъ которого онъ въ видѣ свободного соглашенія съ капиталистомъ предоставляетъ послѣднему для эксплуатации на определенный срокъ, по большей части для определенного рода труда и за определенное вознагражденіе, свой «товаръ», рабочую силу. Наблюденія показали, что высота вознагражденія, т. е. наемной платы за использованную рабочую силу, зависитъ отъ состоянія

рабочаго рынка, отъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ. Если, какъ на это указалъ еще Рикардо, двое капиталистовъ находятъ одного рабочаго, то условія работы сложатся благопріятно для послѣдняго, и наоборотъ—неблагопріятно, если двое рабочихъ станутъ конкурировать другъ съ другомъ передъ однимъ и тѣмъ же капиталистомъ. Требовалось, слѣдовательно, постоянно вліять на измѣненіе количественныхъ соотношеній въ дѣлѣ спроса и предложенія въ пользу рабочаго, т. е. препятствовать излишнему предложенію рабочей силы. Достичь этого надлежало прежде всего *мѣстнымъ* регулированіемъ числа ищущихъ заработка, путемъ уменьшенія его, гдѣ оно слишкомъ велико, и увеличенія, гдѣ оно являлось слишкомъ незначительнымъ. Сообразно съ этимъ, надо было обезпечить сосредоточеніе свѣдѣній о состояніи рынка въ разныхъ пунктахъ; это достигается организаціей бюро *для пріиска-
нія работы*, первой и элементарнѣйшей функціи рабочихъ союзовъ. Если становилось известнымъ, что въ Бреславль требуются десять шляпочниковъ, которымъ въ Берлинѣ не находится работы, то этимъ сдѣланъ былъ первый шагъ къ устранинію того давленія, которое они оказывали на свой рабочій рынокъ. На очередь становилась тотчасъ же, конечно, вторая задача: профессіональная организація должна была дать этимъ десяти рабочимъ фактическую возможность пере-

браться изъ одного мѣста въ другое. Для этого въ ихъ распоряженіе должны быть предоставлены нужные средства, что достигается *выдачей* имъ пособія на дорогу.

Но указаніе работы и выдача дорожнаго пособія у мѣста лишь тамъ, где можно предпринять равномѣрное распределеніе предлагаемаго количества рабочихъ рукъ между различными мѣстностями. Разъ оказывается избытокъ предложенія надъ спросомъ, подобныя мѣры не имѣютъ значенія. Вместо прежняго распределенія въ пространствѣ на очередь становится какъ-бы распределеніе предложенія во времени; задача заключается въ томъ, чтобы, вообще, устранить давленіе избыточнаго количества рабочихъ силь и тѣмъ склонить рыночные вѣсы въ сторону рабочаго, а это возможно лишь съ устраненіемъ необходимости для избыточныхъ рабочихъ искать работы во что бы то ни стало, т. е. путемъ доставленія имъ средствъ помимо заработка. Въ этомъ, какъ вы знаете, состоитъ назначеніе *поддержки безработныхъ*, одной изъ важнейшихъ задачъ профессиональныхъ рабочихъ союзовъ. Тутъ поддержка оказывается рабочимъ, которые и могли бы, и хотѣли бы работать, но не должны дѣлать этого въ интересахъ уже имѣющихъ заработокъ товарищѣй. Этимъ подобный видъ помощи существенно отличается отъ помощи стачечникамъ и служить специальной мѣрой улучшенія рыноч-

ныхъ условій въ нашемъ смыслѣ, т. е. улучшениемъ количественныхъ отношеній между предложеніемъ и спросомъ. Въ принципѣ онъ сводится къ тому представлению, что надлежащее приспособленіе рабочихъ силъ къ потребностямъ рынка въ состояніи улучшить условія труда.

Но уже накопившійся опытъ и прогрессирующее пониманіе окружающихъ условій приводятъ къ тому заключенію, что однимъ уравненіемъ спроса съ предложеніемъ задача еще не разрѣшается. Скоро пришлось дойти до признания, что установление условій труда не происходитъ часто автоматически—подобно работѣ часовъ, всегда приводящей при определенной постановкѣ къ одному и тому же результату—что напротивъ при совершеннѣ, повидимому, одинаковыхъ условіяхъ рынка для рабочихъ могутъ открыться очень несходныя послѣдствія. Аналогіи изъ сферы товарного обращенія должны были ускорить появленіе такого взгляда. Стоитъ только припомнить столяра (*trôleur*), объезжавшаго мебельные магазины со своей нагруженной мебелью подводой, который изъ недѣли въ недѣлю имѣеть все тотъ же сбыть, не заготовлять избыточнаго товара, всегда идетъ въ уровень со спросомъ—и, тѣмъ не менѣе, сбыть его товара совершается на все болѣе и болѣе невыгодныхъ условіяхъ: почему? Потому, что нашъ столяр—слабѣйшая сторона въ борьбѣ, рѣшающей условія

продажи-купли. Установленіе условій работы стали уже понимать не какъ автоматической процессъ, въ которомъ принимаютъ участіе безжизненные тѣла, а какъ борьбу, борьбу между людьми, обладающими противоположными интересами. Такимъ образомъ, профессиональнымъ союзамъ рабочихъ открылись совершенно новыя перспективы. Они стали видѣть свою задачу уже не только въ томъ, чтобы регулировать рынокъ труда, но и въ томъ, чтобы укрѣпить рабочаго въ борьбѣ съ предпринимателемъ. Если раньше имъ приходилось стремиться измѣнить *положеніе долгъ на рынке* къ выгодѣ рабочаго, то теперь они должны были постараться поднять *силу послѣдняго*, какъ одной изъ договаривающихся сторонъ.

Итакъ, прежде всего нужно было узнать, въ чемъ заключается слабость рабочаго при заключеніи рабочаго контракта. Это вскорѣ удалось. Въ настоящее время каждый ребенокъ знаетъ, что въ борьбѣ за лучшія условія труда рабочій потому является слабѣйшей стороной, что необходимость обратить въ деньги свою рабочую силу давить на него сильнѣе, чѣмъ на капиталиста необходимость пустить въ оборотъ свой капиталъ; а отсюда само собой понятно, что взаимная конкуренція между рабочими оказывается гораздо болѣе ожесточенной, чѣмъ взаимная конкуренція между капиталистами. Конечно, въ концѣ

концовъ и тѣ, и другіе одинаково тѣсно связаны другъ съ другомъ, оба не могутъ порознь существовать точно такъ, какъ не могли бы существовать порознь уже упомянутые хозяинъ мебельнаго магазина и мелкій столяръ; однако, въ послѣднемъ счетѣ въ убыткѣ остается столяръ. Рабочій же не что иное, какъ такой *trôleur*, которому нельзя ждать. Таково всѣмъ извѣстное положеніе вещей, изъ котораго для профессионального рабочаго союза вытекаетъ задача—дать рабочему возможность обождать,—voilatout...

Эта задача слагается изъ двухъ элементовъ:

1. Заботы о томъ, чтобы вакантное мѣсто, оставшееся послѣ рабочаго, рѣшившагося переждать, не занималось другими и
2. заботы о томъ, чтобы такой оставшійся безъ заработка рабочій могъ существовать.

Такимъ образомъ, передъ вами ясно обозначились въ своемъ принципіальномъ значеніи обѣ прекрасно знакомыя всѣмъ вамъ стороны дѣятельности всѣхъ профессиональныхъ рабочихъ союзовъ, какъ организаторовъ борьбы за наилучшія условія труда. Что рѣшеніе указанныхъ задачъ требуетъ объединенія отдельныхъ рабочихъ для согласнаго образа дѣйствій — ясно само собою. Только въ томъ случаѣ, если рабочіе данной фабрики, даннаго города или округа выступаютъ съ одинаковыми требованиями, если они могутъ

добиться, чтобы на смѣну имъ ни откуда не явились желающіе работать вмѣсто нихъ—мѣры противъ наплыва такихъ рабочихъ являются руководящимъ мотивомъ всякаго современаго профессионального рабочаго движенія, соотвѣтствуя какъ разъ его принципу—только тогда они осуществляютъ самое необходимое условіе успѣшности связки, именно, чтобы ни откуда не явились замѣстители покидаемыхъ постовъ. И если они путемъ устройства общихъ кассъ солидарно дѣйствуютъ по части средствъ, необходимыхъ для поддержки добровольно оставшагося безъ работы товарища, то выжиданіе дѣлается возможнымъ. Гдѣ оно совершается организованно, тамъ мы говоримъ о стачкѣ.

Профессиональные рабочіе союзы называютъ стачечными организаціями. Это сдѣлано на томъ же основаніи, на какомъ современныя войска можно назвать военными организаціями для войны. Но война такъ же мало цѣль нашихъ вооруженій, какъ стачки—цѣль рабочихъ профессиональныхъ союзовъ; то и другое—скорѣе лишь средства для проявленія силы. Не употребляя парадокса, оба рода организацій можно назвать также подходяще организаціями мира, исходя изъ того соображенія, что миръ между двумя противостоящими другъ другу силами возможенъ лишь тогда, т. е. лишь тогда уничтожаются поползновенія вступить въ борьбу, когда

объ онъ достигли крайней степени развитія своей мочи и полнѣйшей боевой готовности. Какъ наивенъ взглядъ, будто стачки вызывались професіональными союзами—мы еще увидимъ ниже, при ихъ оцѣнкѣ. Сейчасъ мы должны ознакомиться лишь съ ихъ главнѣйшей цѣлью—быть организованной силой, однимъ изъ подходящихъ и рѣзкихъ проявленій которой служить стачка.

Впрочемъ, рабочіе союзы съ полной готовностью замѣняютъ стачку другими средствами, коль скоро то оказывается удобнымъ. Такимъ средствомъ по мѣрѣ развитія союзовъ все болѣе и болѣе является *коллективное заключеніе договора*, какъ называется предварительное регулированіе условій работы для цѣлой отрасли промышленности, на основѣ соглашенія организаціи рабочихъ съ организаціей предпринимателей; само собой понятно, что, если та же цѣль—выгоднаяя условія работы, можетъ быть достигнута безъ открытой борьбы съ ея губительными для обѣихъ сторонъ послѣдствіями, если достаточно уже призрака стачки, чтобы до возможной степени склонить вѣсы на сторону рабочаго, то было бы легкомыслѣмъ или упрямствомъ со стороны рабочихъ настаивать, на примѣненіи стачки, какъ единственнаго средства добиться успѣха. Такъ явились организаціи, не совсѣмъ точно и болѣе по виѣшности названныя организаціями „для избѣжанія и улаженія стачекъ“;

ихъ назначеніе—соглашеніе обѣихъ борющихся сторонъ, исходящее изъ признанія достигнутой каждой стороной силы. Содержаніемъ соглашеній служитъ, главнымъ образомъ, регулировка рабочаго времени (максимальный рабочій день) и заработной платы (нормальный уровень заработной платы). Въ Германіи результатъ такихъ соглашеній носить название „тарифныхъ соглашеній“ (*Tarifgemeinschaft*), но пока у насъ еще мало такихъ случаевъ, по которымъ мы могли бы изучать эту высшую ступень развитія професіонального рабочаго движенія. Главный примеръ—тарифное соглашеніе типографовъ, на ряду съ которымъ надо поставить тарифныя соглашенія переплетчиковъ, каменщиковъ, горшечниковъ и нѣкоторыхъ др. Напротивъ, въ Англіи эта новая форма професіональной организаціи достигла уже высокой степени процвѣтанія, почему нашъ взоръ и устремляется невольно на Англію, когда мы хотимъ исторически прослѣдить главныя черты жизни и дѣятельности професіональныхъ рабочихъ союзовъ. Марксово *«de te fabula narratur»* (рѣчь идетъ о тебѣ), которымъ онъ распространилъ выводы своего *«Капитала»* и на Германію, теперь болѣе, чѣмъ когда либо, примѣнимо какъ разъ къ английскому рабочему професіональному движенію, и поэтому мы намѣрены прежде всего попытаться установ-

вить взглядъ на ходъ развитія рабочихъ профес-
сіональныхъ союзовъ въ Англіи. Смѣость такой
попытки представляется тѣмъ болѣе привлека-
тельной, что обѣщаетъ успѣхъ. Это потому, что
англійское рабочее професіональное движение—
до сихъ поръ единственное, нашедшее себѣ достой-
наго историка.

II.

Англійскіе траъ-юніоны

Англія по своему виѣшему культурному развитію еще до сихъ поръ, одобно колоссу, возвышается надъ всѣми друими націями; еще до сихъ поръ ни одна страна даже приблизительно не достигла ея экономического процвѣтанія, какъ ни сильно за послѣднія дестилѣтія уменьшилось разстояніе, отдѣлявшее Аглію отъ Германіи и Сѣверной Америки. Еще о сихъ поръ англійскій торговый флотъ равноеликъ флотамъ всѣхъ другихъ странъ, взятымъ вѣстъ; онъ вмѣщаетъ 21 мил. тоннъ изъ 42 ми. тоннъ, составляющихъ вмѣстимость всемірнао флота. Еще до сихъ поръ англійское народное иущество почти вдвое больше нѣмецкаго: 5400 марокъ на жителя противъ 3000 мар. въ Гераніи. И помимо всего этого Англія—страна наиболѣе развитыхъ рабочихъ организаций: двойное основаніе къ тому, чтобы постоянно не упускать изъ виду ея развитія и особенностей.

Объ исторії англійскихъ рабочихъ професіональныхъ союзовъ, трэдъ-юніоновъ, врядъ ли можно сказать что нибудь новое. Самое большее—распределение материала можетъ носить индивидуальный отпечатокъ. Такъ, на мой взглядъ, современному состоянію вещей предшествуютъ два—отличные другъ отъ друга и отъ теперешнихъ условій—исторические періода, обнимающіе: первый—столѣтіе 1720—1825 г.г., второй—следующіе 50 лѣтъ—съ 1825 г. до 1875 г.

Первый періодъ можно назвать *первоначальнымъ*. Медленно—со второй четверти прошлаго вѣка, когда капитализмъ начинаетъ развиваться, (первые трэдъ-юніоны основывались портными, шляпочниками, рабочими шерстяной индустрії), быстрѣе—въ послѣдней четверти, когда значительный техническій прогрессъ въ крупномъ производствѣ вызвалъ оживленіе, развиваются всюду зародыши новыхъ формъ рабочихъ профессиональныхъ союзовъ. Это всего яснѣе подтверждается реакцией господствующихъ классовъ на первое движение пролетаріата: запрещеніемъ союзовъ и собраній и угрозой уголовнаго преслѣдованія за каждую попытку устроить соглашеніе для установленія условій работы. Это происходило на рубежѣ двухъ столѣтій, въ 1800 году. И въ то же время, когда, съ одной стороны, каждая попытка рабочаго оградить себя путемъ союза съ сотоварищами противъ экспессовъ капитализма

влекла за собой наказаніе, съ другой—пали послѣднія препоны, поставленныя прежнимъ законодательствомъ его эксплуатациі: въ 1813—1814 гг. были отмѣнены уже давно на дѣлѣ не примѣнявшіеся законы Елизаветы объ охранѣ ремесленниковъ. Рабочій отнынѣ становился свободенъ, какъ птица, и выданъ былъ головою на произволъ капиталиста.

Здѣсь не приходится распространяться о губительномъ вліяніи такого порядка на положеніе рабочаго класса. Здѣсь надо лишь отмѣтить, что полное запрещеніе коалицій имѣло два послѣдствія: возникновеніе тайныхъ обществъ и частые взрывы преступныхъ страстей. Такъ ручей, истокъ котораго засоренъ, не перестаетъ течь, а пытается проложить себѣ подземный путь. Съ стихійной силой взрываетъ онъ иногда земную поверхность и вырывается такимъ образомъ на свободу.

Обстоятельства, которыхъ мы не можемъ здѣсь ближѣ касаться, открываютъ 1825 годомъ *второй периодъ* жизни англійскихъ рабочихъ професіональныхъ союзовъ, отличающійся, главнымъ образомъ, состоявшимся въ этомъ году *законодательнымъ разрѣшеніемъ* союзовъ и соглашеній съ цѣлью улучшенія условій труда.

Однако, это законодательное разрѣшеніе давало не болѣе, какъ признаніе чисто формальнаго принципа. Вмѣстѣ съ нимъ еще не появ-

влялось на свѣтъ професіональныхъ союзовъ Завоеваніе ими себѣ мѣста въ соціальной жизни Англіи было лишь дѣломъ слѣдующаго полу-вѣка. Для этого необходимо было побѣдить без-численныхъ враговъ, внутреннихъ и внѣшнихъ. Професіональнымъ рабочимъ союзамъ необходимо было пересилить внутри самихъ себя два нежела-тельный явленія. Прежде всего и главнымъ обра-зомъ—*утопизмъ*, стремленіе связать професіо-нальное движение съ политическими, революціон-ными мечтаніями. Особенно богаты подобными шир-роковѣщательными планами были 1829—42 гг. Совращенію умовъ англійскихъ рабочихъ, вовлеченію ихъ во всякаго рода авантюристскіе про-екты, лишенные реальной связи съ дѣйстви-тельной жизнью, содѣйствовали вліяніе идей Овена и чартизмъ. Въ исторіи професіональ-наго рабочаго движенія, повидимому, постоянно повторяющимся явленіемъ оказывается погоня въ началѣ за утопіями, влекущая вскорѣ неиз-бѣжное паденіе. Дѣло начинается проектами объединенія въ короткое время въ единый со-юзъ всѣхъ наемныхъ рабочихъ и послѣ нѣсколь-кихъ лѣтъ численнаго успѣха завершается пол-ной неудачей и обезкураженіемъ. Организаціи, вродѣ англійскаго, расцвѣтшаго подъ вліяніемъ Овена, Grand National'я и нѣмецкаго Gewerk-schaftsbund'a, созданного нѣсколькими десятилѣ-тіями позже Швейцеромъ, заключаютъ чрезвы-

чайно много родственаго, будучи оба одного и того-же утопического характера. И что имѣть силу относительно самыхъ стремлений, то косвенно не теряетъ значенія и относительно формъ, въ которыя выливается профессиональное движение. Второй рядъ внутреннихъ препятствій, которая пришлось осилить английскому рабочему профессиональному движению во второмъ періодѣ его исторіи, были организаціонныя затрудненія. Въ это время медленно слагается тотъ типъ современного профессионального рабочаго союза, который намъ, эпигонамъ, кажется исконнымъ, межъ тѣмъ какъ онъ—продуктъ упорной работы и неутомимыхъ исканій. Этотъ типъ основанъ на счастливомъ соединеніи мѣстныхъ союзовъ и централизованного управлениія, и первымъ большимъ образцомъ его является знаменитая организація объединенныхъ машиностроителей (1851 г.).

Но еще важнѣе и, быть можетъ, еще труднѣе побѣды надъ внутренними затрудненіями, было преодолѣніе внѣшнихъ препятствій, удавшееся англійскимъ профессиональнymъ союзамъ также въ теченіи этого плодотворнаго полувижка ихъ юношескаго развитія. Здѣсь то для нась, нѣмцевъ, и является особенный интересъ, ибо мы сроднились съ тѣмъ положеніемъ вещей, которое создалось тогда въ Англіи.

Законъ 1825 г. разрѣшилъ образованіе про-

фессиональныхъ рабочихъ союзовъ. Это, однако, не исключило систематической борьбы противъ нихъ со стороны всѣхъ факторовъ обществен-ной жизни, т. е. господствующихъ классовъ, по скольку эта борьба оказалась возможной наряду съ законодательнымъ признаніемъ союзовъ. И она была поведена въ широкихъ размѣрахъ. Администрація и суды, предприниматели и «об-щественное мнѣніе» сопѣрничали другъ съ дру-гомъ въ гоненіи на рабочіе союзы. Для насть, нѣмцѣвъ, на исходѣ XIX вѣка крайне любо-пытно просмотрѣть историческіе документы того времени ¹⁾.

Такъ, въ одномъ письмѣ «короннаго стряп-чаго горнорабочихъ», Роберта, по адресу друже-скаго общества (Friendly societies) хрустальщи-ковъ въ 1851 году, мы знакомимся съ такой характеристикой судовъ: «чрезвычайно трудно заставить видѣть вещи въ надлежащемъ свѣтѣ людей, вышедшихъ изъ враждебно къ вамъ на-строенныхъ классовъ. Говорю это безъ всякаго сарказма и высказываю только убѣжденіе—плодъ долголѣтняго опыта. Есть, конечно, въ судахъ люди достаточно честные и желающіе исполн-

¹⁾ Они почти всеѣ использованы въ очень добросовѣст-номъ труде супруговъ *Webb*, History of Trade Unionism, 1894 (есть рус. пер.). Отсюда заимствовано большинство приво-димыхъ въ нашемъ текстѣ примѣровъ.

нить свой долгъ. Но всѣ ихъ симпатіи и всѣ виѣшнія обстоятельства идутъ противъ васъ. Они не только часто, но и съ удовольствиемъ прислушиваются къ словамъ вашихъ противниковъ; такимъ путемъ они знакомятся съ даннымъ фактамъ всегда скорѣе въ неблагопріятномъ, нежели выгодномъ для васъ освѣщеніи. Они слушаютъ также и васъ, но насколько того требуетъ офиціальная формула—«обвиняемый, вы имѣете право сказать все, что считаете нужнымъ и судъ долженъ васъ выслушать, но будьте внимательны къ тому, что вы говорите» и т. д. Вы можете наблюдать на ихъ губахъ то благожелателеная, то насмѣшилывая улыбки. Зная превосходство вашихъ силъ, когда вы дѣйствуете сообща, они испытываютъ желаніе всѣми мѣрами противодѣйствовать вамъ... Я не стану утверждать, что всѣ суды всегда поступаютъ такъ, но, во всякомъ случаѣ, заступаться за рабочаго въ дѣлѣ, хотя бы лишь въ нѣкоторой степени выясняющемся не въ его пользу — это представляется для нихъ рискомъ, имѣющимъ оченъ мало шансовъ на успѣхъ. Никогда я еще не встрѣчалъ суды, который бы посмотрѣль, какъ на незаконное дѣяніе, на соглашеніе между предпринимателями не принимать на работу «несноснаго малаго»; но стоитъ только перемѣниться ролями — тотчасъ оказывается ужасный заговоръ,

который надлежитъ подавить желѣзной рукою закона и т. д.»

Чувствуешь себя совсѣмъ какъ дома, когда узнаешь далѣе, что въ 1834 году были наказаны 7 годами изгнанія шестеро дорчестерскихъ рабочихъ за одно отображеніе присяги, служившей скрѣпленіемъ обѣщанія дѣйствовать сообща; или когда слышишь о составленной экономистами и юристами въ томъ же году по порученію правительства памятной запискѣ, авторы которой— несмотря на то, что въ ней не заключалось ничего добытаго путемъ опроса самихъ рабочихъ— относились съ полнымъ вниманіемъ, какъ къ цѣнному материалу, ко всѣмъ показаніямъ предпринимателей, не исключая передаваемыхъ по наслышкѣ сплетенъ, и въ заключеніе пришли къ слѣдующимъ выводамъ: «мы вынесли убѣжденіе, что, если невинный и старательный рабочій и его семья будутъ оставлены безъ охраны противъ трусливой ярости, съ которой на него обрушаются, если фабрикантъ... будетъ смѣть употреблять свой капиталъ лишь подъ диктатурой своихъ близорукихъ и жадныхъ рабочихъ..., если кучкѣ агитаторовъ будетъ позволено устраивать стачку, парализующую прежде всего ту отрасль промышленности, гдѣ заняты рабочіе, надъ которыми эти агитаторы безгранично властствуютъ, стачку распространяющуюся на тысячи и десятки тысячъ рабочихъ другихъ отраслей:

если все это должно быть безнаказаннымъ и почти санкционированнымъ вслѣдствіе отмѣны законовъ, каравшихъ ранѣе подобныя дѣйствія—тогда нельзя надѣяться, что мы еще надолго удержимъ въ нашихъ рукахъ ту промышленность, то техническое умѣніе и тотъ капиталъ, на обладаніи которымъ此刻ится наше превосходство въ обрабатывающей промышленности,—наше могущество и, говоря безъ обиняковъ, все наше существованіе, какъ націи». Чувствуешь себя какъ дома, видя, какъ эти официальные эксперты, формулируя свои практическіе проекты, находятъ, что, хотя и не слѣдуетъ касаться свободы коалицій, но необходимо впредь препятствовать строгими мѣрами «всякимъ попыткамъ, или призываѣмъ, соглашеніямъ, или подпискамъ и предложеніямъ къ соглашеніямъ», которыхъ будутъ клониться къ угрозѣ хозяевамъ склонить на свою сторону несогласныхъ на стачку или даже уговорить рабочихъ примкнуть къ союзу. «Мы рекомендуемъ—говорится въ названной памятной запискѣ—за уговоры кого-либо къ присоединенію къ коалиціи или къ внесенію денегъ на подобныя цѣли, карать—на основаніи всей совокупности уликъ—тюремнымъ заключеніемъ, не превышающимъ, хотя бы 2-хъ мѣсяцевъ». Выставленіе стачечныхъ сторожевыхъ постовъ должно быть во всякомъ случаѣ запрещено и безъ вся-

каго снисхожденія караемо, какъ бы мирно не было оно организовано.

Хотя тогдашнее англійское правительство, во главѣ котораго стоялъ лордъ Мельбурнъ, было достаточно благоразумно, чтобы противостоять проискамъ подобныхъ совѣтчиковъ, и, уклонившись отъ измѣненія дѣйствовавшаго права союзовъ и собраній, отказалось даже отъ законныхъ ограниченій «излишествъ» коалиціонной свободы—однако враждебное отношеніе руководящихъ сферъ англійской общественной жизни къ трэдъ-юніонамъ продолжалось еще въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Озлобленіе противъ рабочихъ союзовъ, казалось, должно было достичнуть своего апогея, когда послѣ стачки въ 1867 г. въ Шеффільдѣ, нѣкоторыя крайнія выходки вызвали по всей Англіи бурю негодованія противъ безчинства рабочихъ союзовъ и раздалось со всѣхъ сторонъ—что очень характерно для Англіи—требованіе назначенія офиціальной анкеты. Офиціальное разслѣдованіе было, дѣйствительно, произведено, но вмѣсто того, чтобы послужить основаніемъ для враждебной по отношенію къ рабочимъ политики преслѣдованій, возымѣло совершенно иныя послѣдствія. Безпристрастное выясненіе дѣла показало изъ всего того дурного, что утверждалось относительно рабочихъ союзовъ и что вызывало особыя опасенія, въ дѣйствительности имѣло

мѣсто лишь очень немногое; съ другой стороны, передъ широкой публикой предстали, благодаря той-же анкетѣ, многочисленныя преимущества и благотворное вліяніе этихъ профессиональныхъ организаций. Такимъ образомъ, официальная анкета, вмѣсто усиленія враждебности къ трэдъ-юніонамъ, послужила основаніемъ для поворота общественного мнѣнія въ ихъ пользу.

Анкета оказалась

Die Kraft, die stets das Böse will,
Und stets das gute schafft. ¹⁾.

Вскорѣ Trade Unions Act (1871 г.) далъ профессиональному рабочему движению законодательную санкцію предоставленіемъ рабочимъ союзамъ ряда значительныхъ льготъ, какъ-то: дозволеніемъ имъ регистрироваться въ качествѣ союзовъ, обладающихъ имущественными правами, установленіемъ охраны ихъ денежныхъ средствъ и пр.

Ближайшимъ результатомъ всего этого явилось мощное развитіе всего движенія въ теченіе послѣдующихъ десятилѣтій, вводящихъ нась въ послѣдній, *современный периодъ истории английскихъ профессиональныхъ союзовъ*, въ эпоху, когда они сдѣлялись составнымъ элементомъ орга-

1) Силой, которой хотѣло воспользоваться зло, но которая послужила источникомъ добра.

низма англійской общественной жизни. Теперь трэдъ-юніоны являются силой, считаться съ которой долженъ каждый и безъ содѣствія которой никакое соціальное или политическое движение не можетъ достичь высшей цѣли.

О виѣшнемъ развитіи этой силы говорятьъ слѣдующія цифры:

Въ 1898 г. проф. раб. союзовъ было 267
» » » » членовъ въ нихъ 1644591,
въ томъ числѣ 116016 работницъ.

Въ 100 наиболѣе крупныхъ союзахъ, въ которыхъ насчитывалось до $\frac{2}{3}$ общаго числа организованныхъ въ профессиональные союзы рабочихъ доходы опредѣлялись въ $38\frac{1}{2}$ мил. мар.

расходы	»	»	30	»
имущество	»	»	54	»

Наиболѣе значительными трэдъ-юніонами въ 1897 г. обладали:

строит. рабочіе съ 138	»
отдѣльными союзами . . . и 219072 член.	»
горнорабочіе съ 64	»
отд. союзами и 282432	»
металлургич., машино-	
строительные и кораб-	
лестроительные рабоч.	
съ 272 союзами и 317518	»
и текстильные рабочіе	
съ 244 союзами и 217217	»

Такимъ образомъ, члены професіональныхъ союзовъ этихъ 4-хъ промышленныхъ отраслей составляютъ $\frac{3}{4}$ всего числа трэдъ-юніонистовъ.

Самымъ значительнымъ професіональнымъ союзомъ еще до сихъ поръ является въ Англіи союзъ соединенныхъ машиностроителей. Онъ имѣлъ въ 1897 году:

91444	члена
541349	ф. стерл. дохода
156852	> > имущества
7	> > 11 шил.

(свыше 150 мар.) расхода на каждого изъ членовъ.

По исчислениямъ супруговъ Веббъ, количество организованныхъ въ професіональные союзы рабочихъ составляетъ въ Англіи около 20% взрослаго мужскаго наемнаго рабочаго населенія.

Но гораздо значительнѣе этихъ внѣшнихъ успѣховъ, завоеванія, сдѣланныя професіональными рабочими союзами въ области англійской общественной жизни вообще. Здѣсь, дѣйствительно, все что пользуется вліяніемъ въ странѣ склонилось въ ихъ пользу. Государственные и муниципальныя учрежденія, суды, пресса, «общественное» мнѣніе—соперничаютъ въ проявленіи, при всякомъ подходящемъ случаѣ, своего уваженія къ рабочему движению. Въ послѣднее время у насъ часто обращалось вниманіе на эти поразительные для нѣмца факты. Однако все же,

кажется, будетъ нeliшнимъ еще и еще разъ дать широкой публикѣ возможность сравнить все это съ положеніемъ вещей у насъ. Безчисленныя изречения различныхъ высокопоставленныхъ лицъ доказываютъ, также какъ и множество другихъ признаковъ, что въ настоящее время всѣ имѣющія вліяніе въ политикѣ сферы Англіи видятъ въ трэдъ-юніонахъ факторъ прогрессивнаго развитія. Къ такимъ признакамъ причисляю я недавнее назначеніе лица, долгое время занимавшаго должность въ профессиональномъ союзѣ, фабричнымъ инспекторомъ, на томъ основаніи, что своей профессиональной дѣятельностью онъ пріобрѣлъ необходимое знакомство съ положеніемъ и стремленіями рабочихъ; къ нимъ-же (къ этимъ признакамъ) я отношу обычай англійскихъ городскихъ управлений привѣтствовать и торжественно угощать въ стѣнахъ города конгрессы союзовъ, а также все болѣе прививающееся у этихъ управлений обыкновеніе соблюдать при сдачѣ подрядовъ тарифы заработной платы, установленной профессиональными союзами; наконецъ, практика судовъ въ спорахъ по поводу заработной платы, тарифы профессиональныхъ союзовъ въ качествѣ регуляторовъ послѣдней, и многое другое.

Но что, быть можетъ, всего интереснѣе— это наблюденіе, какое мы можемъ сдѣлать въ Англіи, что значительная и при томъ самая зна-

чительная часть предпринимателей считаетъ професіональные союзы рѣшительно благоදтельнымъ учрежденіемъ.

Въ *Contemporary Review* 1892 г. *Масерз*, крупный англійскій работодатель, высказалъ приблизительно слѣдующее: англійскіе предприниматели должны бы быть очень благодарны рабочимъ професіональнымъ союзамъ. Достигнутыя послѣдними съ большой энергией и упорствомъ реформы въ общемъ пошли на пользу промышленности и имъ принадлежитъ главная заслуга въ ея процвѣтаніи. Хотя стремленіе трэдъ-юніоновъ главнымъ образомъ были направлены на повышеніе заработной платы и сокращеніе рабочаго времени, но ихъ руководящей мыслью всегда было поднять отрасль ихъ труда, какъ постоянно развивающуюся индустрію.

Точно также въ ноябрѣ 1892 г. крупный бирмингамскій предприниматель и въ послѣдствіи министръ *Чемберленз*, оцѣнивъ выгоды, созданныя професіональными союзами для своихъ членовъ, высказалъ въ *Nineteenth Century* (ноябрь 1892 г.) слѣдующее: « эти выгоды въ общемъ были достигнуты безъ всякаго ущерба для предпринимателей и промышленности, хотя, конечно, были отдельные случаи неблагоразумія и произвола, какъ со стороны трэдъ-юніонистовъ, такъ и со стороны работодателей. Когда у союзовъ накопился опытъ, ихъ руководители отстранили

несправедливыя и чрезмѣрныя требованія и не разъ помогали совершиться мирнымъ путемъ тому, что раньше, безъ организаціи, несомнѣнно, разбрѣшилось бы стачкой» ¹⁾.

Таковъ образъ мыслей и *Давида Дэля*, одного изъ крупнѣйшихъ англійскихъ владѣльцевъ копей: «я хотѣлъ бы самымъ рѣшительнымъ образомъ объявить, что путемъ долгаго и разнообразнаго опыта пришелъ къ тому заключенію, что лучшимъ ручательствомъ благоразумія и соблюденія договоровъ со стороны рабочихъ является для работодателя сильный многочисленностью своихъ членовъ професіональный рабочій союзъ со спо-собной и пользующейся довѣріемъ у рабочихъ администраціей» ²⁾.

Какъ бы сказочнымъ представляется намъ разсказъ (въ *Sociale Praxis*. VIII, 494) о чествованіи Роберта Кнайта, известнаго генеральномъ секретаря Boilermakers Society (общество котельщиковъ), хотя мы знаемъ, что его содержаніе вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что известно о положеніи професіональныхъ рабочихъ союзовъ въ англійской общественной жизни. Изъ этого разсказа видно, что рабочіе и работодатели устроили Кнайту банкетъ и поднесли ему серебрянныи

¹⁾) Даѣтнѣйшіе примѣры подобнаго отношенія къ союзамъ см. у Н. Неркнер, въ русскомъ перев. Г. Геркнеръ, Рабочій трудъ въ Западной Европѣ, гл. V.

²⁾) Ср. *Schriften des Vereins für Sozialpolitik* 45, 247 и сл.

подность и чекъ на 10000 марокъ въ доказательство ихъ уваженія къ его испытаннымъ качествамъ организатора, вождя трэдъ-юніоновъ и дипломата въ дѣлѣ предупрежденія и улаженія столкновеній въ промышленности между рабочими и работодателями.

Такого рода сужденіе даетъ намъ поводъ пойти въ нашемъ обзорѣ шагомъ дальше: оно уже содержитъ въ себѣ указаніе *причинъ упомянутаго поворота въ англійскомъ общественномъ минніи въ пользу рабочихъ професіональныхъ союзовъ*. Причины эти надо искать прежде всего въ особой тактикѣ союзовъ, въ томъ фактѣ, что они уже въ значительной мѣрѣ достигли той высшей ступени въ професіональныхъ стремленіяхъ, которая въ общемъ характеризуется реформой современного наемнаго рабочаго договора: когда на мѣсто ряда отдельныхъ договоровъ предпринимателей и рабочихъ является *коллективное соглашеніе* предпринимательской и рабочей организаций, иначе говоря—если мы захотимъ воспользоваться аналогіей, существующей между национальными и соціальными войнами—когда открытая война, стачка, начинаетъ все болѣе замѣняться вооруженнымъ миромъ и рядомъ такихъ мѣръ, которыя имѣютъ цѣлью быстро улаживать угрожающія и даже уже разразившіяся столкновенія. Такъ какъ подобный ходъ развитія долженъ сдѣлаться, по всѣмъ вѣроятіямъ, ти-

ническимъ, то мы привѣтствуемъ въ этихъ стремленияхъ англійскихъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ характерную черту развивающагося професіональнаго рабочаго движенія вообще и должны смотрѣть на то, что происходит въ этомъ отношеніи въ Англіи, какъ на грядущую стадію этого движенія и въ Германіи. Поэтому, какъ бы много ни писалось о присущихъ новѣйшему англійскому професіональному движенію чертахъ, популяризаторъ идеи этого движенія все же не долженъ упускать случая снова и снова обращаться къ нимъ и дѣлать ихъ предметомъ своихъ разсужденій вездѣ, гдѣ онъ не можетъ разсчитывать найти—болѣе или менѣе полнаго знакомства съ подобными вещами. Въ виду этого я еще разъ дамъ вамъ въ общихъ чертахъ описание того *метода*, который практикуется новѣйшими англійскими рабочими союзами для *предупрежденія и улаженія стачекъ*—какъ называются его одни—или, для *заключенія колективныхъ сдѣлокъ*, какъ выражаются другіе.

Третейские суды хотя и должны быть отнесены сюда, однако принадлежать лишь къ мѣрамъ начального периода общаго развитія и теперь считаются наиболѣе передовыми союзами устарѣлымъ средствомъ. Исторія его связана съ именами *Мунделлы* и *Кеттле*, защищавшихъ, въ общемъ, одну и ту же мысль. Ихъ можно наз-

вать Райффейзеномъ и Шульце-Деличемъ идеи третейскихъ разбирательствъ.

Оба они высказывали ту мысль, что каждое столкновение между рабочими и предпринимателями должно быть окончательно прекращаемо при посредствѣ *ad hoc* избранного третейского суда, рѣшенію которого спорящіе подчинялись бы безпрекословно. Только Мунделла желалъ, чтобы третейские суды составлялись изъ избранниковъ рабочихъ и предпринимателей, а Кеттле— изъ лицъ, избираемыхъ изъ посторонней среды: мировыхъ судей, крупныхъ чиновниковъ, духовенства и т. п.

Эта форма разрѣшенія споровъ въ 1850—1875 гг. пользовалась въ мірѣ англійскихъ трэдъюніоновъ чрезвычайными симпатіями, но затѣмъ въ ней разочаровались; послѣдніе третейские суды имѣли мѣсто въ Нортумберлендѣ въ 1877, въ Дергемѣ въ 1879 году. И нынѣ судъ не пользуется популярностью ни въ одной изъ хорошо организованныхъ отраслей промышленности.

Почему произошла такая перемѣна? Ее легко объяснить. Сущность третейского разбирательства такова: являясь весьма подходящимъ средствомъ разрѣшенія споровъ при зачаткахъ рабочихъ организацій, она была несомнѣнно прогрессивнымъ факторомъ въ дѣлѣ выработки условій труда, но, при дальнѣйшемъ развитіи рабочихъ союзовъ и ихъ задачъ, оно становится тормазомъ

на пути улучшения этихъ условій. Это зависитъ отъ специфическихъ преимуществъ и неудобствъ третейскихъ судовъ. Ихъ преимущества заключаются въ томъ, что въ нихъ предприниматели впервые научаются подчиняться известному общему обязательному правилу, впервые побуждаются высказываться, вести переговоры о мирѣ съ рабочими; такимъ образомъ, въ нихъ впервые уничтожается установление условій труда, послѣднія перестаютъ быть исключительно дѣломъ отдѣльного предпринимателя и рабочаго. Неудобства же вытекаютъ, прежде всего, изъ того обстоятельства, что судьба предпринимателей и рабочихъ ввѣряется здѣсь произволу третьихъ лицъ, часто совершенно чуждыхъ интересамъ и тѣхъ и другихъ. Самосознанію какъ организованныхъ рабочихъ, такъ и предпринимателя противорѣчить подчиняться наставлѣніямъ профессоровъ и пасторовъ относительно того, какъ слѣдуетъ заключать договоры и слѣдуетъ ли условиться о высшей заработной платѣ, или нѣть и т. п. Мы не говоримъ уже объ опасности, какъ бы «безпристрастный» судь, не смотря на всѣ справки и опросы, не вынесъ подъ конецъ приговора не соотвѣтствующаго экономическому положенію данной отрасли производства. Поэтому въ наиболѣе хорошо организованныхъ отрасляхъ постепенно перешли отъ *arbitration* къ *conciliation*: случайно образующіеся третейскіе суды замѣняются постое-

янными примирительными учреждениями, составленными изъ представителей обѣихъ сторонъ. Находясь въ постоянной связи со своими довѣриителями эти представители дѣйствія безъ всякаго посредничества случайныхъ лицъ гарантируютъ, по крайней мѣрѣ, соответствіе ихъ решеній дѣйствительному положенію рынка или соотношенію силъ спорящихъ сторонъ, не говоря уже о значительной полезности ихъ болѣе технической функции въ дѣлѣ простого разъясненія спорныхъ вопросовъ.

Будетъ достаточно, если я дамъ вамъ картину подобнаго рода учрежденій въ ланкаширской хлопчато-бумажной промышленности, гдѣ примирительные учреждения, повидимому, достигли наивысшей ступени развитія.

Здѣсь существуетъ два способа предотвращенія или улаженія стачекъ. Первый—*разрѣшеніе возникающихъ пререканій должностными лицами* соответственныхъ филиальныхъ союзовъ обѣихъ организаций—рабочихъ и работодателей. Онъ съ успѣхомъ примѣняется тамъ, гдѣ происходятъ, такъ называемые, индивидуальные случаи раздора на извѣстной фабрикѣ, т. е. гдѣ дѣло сводится къ примѣненію общихъ правилъ, коллективнаго договора обѣ условіяхъ труда къ отдѣльному случаю. Напримѣръ, если рабочіе возражаютъ противъ разсчета заработной платы при извѣстномъ качествѣ хлопчатой бумаги или пряжи, утвер-

ждая, что при употреблениі такой бумаги, производительность веретенъ становится менѣе той, которая прината фабричной администрацией и т. п.; или, если возникаютъ жалобы на обращеніе съ рабочими, на извѣстныя гигіеническія неудобства и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ оба секретаря соотвѣтственныхъ организаций отправляются на мѣсто, гдѣ произошелъ вызвавшій недовольство случай, и стараются путемъ переговоровъ съ заинтересованными лицами и умѣльмъ установлениемъ полюбовной сдѣлки возможно скорѣе уладить часто незначительные спорные пункты.

Должность подобнаго секретаря очень отвѣтственна и его выборъ бываетъ поэтому весьма осмотрителенъ. Кандидатовъ на нее подвергаются обстоятельному экзамену; испытывается ихъ каллиграфія, стиль и орографія, ихъ умѣніе надлежащимъ образомъ дѣйствовать во время столкновеній рабочихъ съ предпринимателями и, особенно, ихъ ариѳметическія способности. Здѣсь предъявляются дѣйствительно высокія требования, при чемъ для разрѣшенія задаются довольно сложныя задачи, относящіяся къ профессіи. Такимъ образомъ, роль примирителя споровъ достается человѣку съ основательной специальной подготовкой; это, конечно, здоровая, лишенная крайностей демократического принципа, идея: пускать въ ходъ и бюрократический механизмъ тамъ, гдѣ онъ можетъ принести большую пользу.

Но кругъ дѣятельности этихъ оплачиваемыхъ профессиональныхъ служащихъ всетаки ограниченъ. Она прекращается тамъ, гдѣ возникаетъ вопросъ, касающійся, напр., цѣлаго графства, т. е. установки условій труда для цѣлой области, коллективнаго регулированія рабочаго договора для цѣлой промышленной отрасли. Здѣсь мѣсто секретарей замѣняютъ *представители обѣихъ организаций*—въ видѣ ли комитета или въ видѣ общаго собранія представителей рабочихъ и предпринимательскихъ союзовъ. Насколько благоустроеннымъ, образомъ, съ лестной стороны характеризующимъ обѣ стороны происходитъ тутъ обсужденіе спорныхъ случаевъ, лучше всего можно видѣть изъ слѣдующаго, чисто англійски-дѣловитаго, подробнаго описанія одного изъ наиболѣе значительныхъ за послѣднее время совѣщаній, закончившаго крупную стачку въ хлопчато-бумажной промышленности въ 1893 г.

«Предприниматели требовали сокращенія платы на 10%, а рабочіе настаивали, что лучше сократить число рабочихъ часовъ въ недѣлю. Стачка продолжалась не менѣе, какъ 20 недѣль; закрылись всѣ фабрики во всей этой промышленности. Раздраженіе обѣихъ сторонъ дошло до очень высокой степени, но послѣ многократныхъ переговоровъ и постояннаго обсужденія дѣла прессою были, наконецъ, точнѣе установлены спорные пункты и обѣ стороны почувствовали

необходимость закончить борьбу. Чтобы избежать нашествия репортеровъ, мѣсто собранія было сохранено въ тайнѣ и было назначено въ 3 часа пополудни въ одной загородной гостиницѣ, въ которую всѣ члены отправились вмѣстѣ въ одномъ поѣздѣ.

Со стороны предпринимателей былъ mr. Rayner, который имѣлъ очень хороший видъ послѣ своего вакационнаго отдыха въ Bournemouth'ѣ. Съ нимъ было 16—17 другихъ предпринимателей, въ томъ числѣ mr. Andrew, mr. Sohn Tattersall, и mr. Sames Fletcher изъ Ольдгема. Затѣмъ были mr. Sohn Fletcher, mr. R. S. Buckley и mr. Smethurst изъ округа Аштона, взявши съ собою для помощи mr. Dixon'a. Mr. Sidebottom изъ Стокпорта придавалъ кружку своихъ товарищѣй нѣсколько военный оттѣнокъ, а mr. Sohn Mayall of Moseley своимъ присутствиемъ сообщалъ особенно торжественный характеръ событию: съ нимъ былъ mr. W. Tattersall, секретарь федераціи. Со стороны рабочихъ mr. Ashton, mr. Meller и mr. Sones были отъ Ольдгема; mr. Wood, mr. Rhodes и mr. Carr отъ округа Аштона; представителями отъ всѣхъ рабочихъ были mr. Mullin, mr. Mawdsley, mr. Fielding и человѣкъ 12 другихъ, а mr. D. Holmes, mr. Wilkinson и mr. Buckley имѣли полномочія отъ мотальщиковъ и шпульниковъ. Можетъ быть, слѣдуетъ также упомянуть, что предприниматели взяли съ собою mr. Hesketh Booth'a, секретаря ольд-

гэмскихъ судей, а рабочихъ чесальщиковъ сопровождалъ mr. Acraft, другой ольдгэмской юристъ (solicitor).

Названныя лица составляли вмѣстѣ съ остальными компанію человѣкъ въ 30—40. Отдохнувъ нѣсколько минутъ отъ путешествія, они взялись за работу. Mr. A. E. Rayner былъ единогласно избранъ предсѣдателемъ... Обѣ стороны приготовили и напечатали цѣлый рядъ предложеній, а предприниматели... напечатали ихъ на одномъ листѣ одно противъ другого. Многія предложения отличались только способомъ выраженія, ибо основная мысль въ обоихъ случаяхъ была одинакова. На первомъ мѣстѣ стоялъ вопросъ о понижениіи заработной платы, причемъ предприниматели оставили пробѣлъ по вопросу о размѣрѣ пониженія, а рабочие назначили $2\frac{1}{2}\%$. Предприниматели намѣревались отложить обсужденіе этого вопроса до конца засѣданія, но рабочие настояли, чтобы этотъ вопросъ обсуждался первымъ, находя, что если по этому пункту не состоится соглашенія, то время на обсужденіе остальныхъ пунктовъ будетъ потеряно понапрасну. Затѣмъ, предприниматели удалились на нѣкоторое время и, возвратившись предложили принять пониженіе на 3% . Тогда удалились рабочие и послѣ продолжительного совѣщенія предложили сойтись на пониженіи на 7 пенсовъ на фунтъ. Затѣмъ былъ сдѣланъ перерывъ для чая, и, потомъ продолжалось об-

суждение того-же вопроса. Но переговоры велись уже депутациями оть одной стороны къ другой, ибо было замѣчено, что такой способъ гораздо удобнѣе, чѣмъ общія совмѣстныя совѣщанія съ длинными рѣчами, которыя обыкновенно ни къ чему не ведутъ. Наконецъ сошлись на 7 пенсахъ. Нѣкоторые менѣе важные вопросы были рѣшены, и затѣмъ перешли къ обсужденію слѣдующаго важнаго пункта: опредѣленію срока, въ теченіе котораго условленная норма заработной платы должна оставаться безъ измѣненія. Обсужденіе этого вопроса заняло время до 10 часовъ; всѣ утомились и желали разойтись по домамъ... Но такъ какъ все говорило, повидимому, за возможность окончательного соглашенія, то сочли неудобнымъ разойтись и рисковать такимъ образомъ тѣмъ, что собраніе будетъ безрезультатно. Чтобы дать отдохнуть изнуреннымъ членамъ, былъ назначенъ перерывъ на $1\frac{1}{2}$ часа, во время котораго исчезли холодные остатки чая. Подкрѣпившись этими остатками, а также куренiemъ и прогулками на открытомъ воздухѣ, снова взялись за работу, которая пошла какъ нельзя лучше. Предприниматели говорили немного въ защиту своего предложенія, чтобы рабочіе трэдъ-юніонисты работали въ дружбѣ съ рабочими, не принадлежащими къ трэдъ-юніону, и въ защиту того, чтобы при всякомъ предложеніи объ измѣненіи нормы заработной платы принималось во

вниманіе состояніе промышленности за три предыдущіе года... Когда эта работа была закончена, остальные пункты—о желательности того, чтобы предприниматели и рабочие совмѣстно работали надъ выработкой мѣропріятій, служащихъ общимъ интересамъ всей промышленности—были скоро разрѣшены; около четырехъ часовъ утра совершенно измученные члены совѣщанія бросились вонъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, въ то время, какъ изъ груды протоколовъ выбирали пункты соглашенія и составляли точную формулировку ихъ. Въ это время нѣкоторое развлеченіе доставило прибытіе кѣба. Въ немъ былъ репортеръ одной манчестерской газеты, который изъѣздилъ весь юго-восточный Ланкаширъ, отыскивая мѣсто собранія, и наконецъ-то нашелъ его. За эту предпріимчивость онъ былъ вознагражденъ шестью строчками и поспѣшилъ обратно, чтобы во время поспѣть въ редакцію. Въ пять часовъ съ небольшимъ (послѣ 14ти часовой работы) документы были составлены, требуемыя подписи были сдѣланы, и переговоры закончились нѣсколькими поздравительными словами предсѣдателя—словами, очевидно, глубоко прочувствованными, и вотумомъ благодарности предсѣдателю¹⁾.

Оценка подобныхъ примирительныхъ органовъ должна, само собой понятно, быть различной,

¹⁾ Цитата заимствована изъ Webb'a, *Industriel democracy*: русский переводъ В. Ильина.

смотря по тому, идет ли дело о такъ наз.
«индивидуальныхъ» или «общихъ» вопросахъ.
Въ первомъ случаѣ, точнѣе говоря, когда все
сводится къ простому толкованію существующаго
договора, значеніе и вліяніе подобныхъ органи-
заций нельзя достаточно высоко оцѣнить. При
доброй волѣ обѣихъ сторонъ, здѣсь дѣйствительно
можно достичь того, что путемъ переговоровъ и
объясненій будетъ улажено всякое возникающее
разногласіе. Точно также не можетъ быть сом-
нѣнія, что здѣсь прежде всего требуется комп-
етентное сужденіе специалиста и что такого,
самого по себѣ, совершенно достаточно. Поэтому,
учрежденіе конференціи секретарей, обходящееся
безъ тяжелаго аппарата собственно-примиритель-
ныхъ камеръ, является въ данномъ случаѣ, дѣй-
ствительно самымъ счастливымъ разрѣшеніемъ
проблемы.

Другое дѣло, когда *новыя договорные условия*
еще только должны быть установлены. Но и
здѣсь, чтобы высказать приговоръ, необходимо
снова сдѣлать различіе. Именно—заключается ли
вопросъ только въ томъ, чтобы путемъ опредѣ-
ленія доли заработной платы въ общей суммѣ
доходовъ предпріятія, т. е. путемъ установлениія
постояннаго отношенія между заработной платой
и прибылью, приспособить условія работы къ
измѣнившемуся положению рынка; напримѣръ,
когда повышеніе или пониженіе заработной платы

требуется измѣненіемъ цѣнъ на продукты труда, хотя бы угля. Здѣсь нерѣдко дѣло сводится къ ариѳметическимъ разсчетамъ, которые могутъ быть продѣланы прямо автоматически, какъ это и бываетъ всюду, гдѣ дѣйствуютъ такъ наз. *подвижныя скалы* заработной платы, при которыхъ заработка платы безъ всякихъ дальнѣйшихъ соглашеній схематически слѣдуетъ за цѣнами (въ данномъ случаѣ на уголь). Въ очень многихъ отрасляхъ это автоматическое регулированіе условій работы бываетъ нелегкимъ, но единственno, что требуется здѣсь, это рѣшить, должно-ли *въ виду перемѣнившихъся условій рынка* послѣдовать измѣненіе условій труда, т. е. заработной платы или рабочаго времени, чтобы установленное ранѣе соотношеніе долей прибыли и заработной платы оставалось прежнимъ. Въ подобныхъ случаяхъ, гдѣ, слѣдовательно, дѣло заключается въ томъ, чтобы путемъ изученія рыночныхъ бюллетеней, разсмотрѣнія, въ случаѣ нужды, счетоводныхъ книгъ и др., найти доказательства дѣйствительно измѣнившагося положенія рынка, собственно примирительныя камеры представителей обѣихъ организацій оказываются вполнѣ у мѣста; надо добавить, что и въ подобныхъ случаяхъ можно почти всегда достичь при извѣстномъ добромъ желаніи соглашенія спорящихъ сторонъ *И въ этихъ случаяхъ дѣло состоитъ не въ чёмъ иномъ, какъ въ соотвѣтствен-*

номъ примененіи признаннаго обѣими сторонами общаго правила. Совершенно инымъ является положеніе тогда, когда споръ вращается уже не просто около отвѣчающей положенію рынка пе-ремѣны условленной ранѣе заработной платы, а когда предстоитъ совершенно новая регулировка, когда — повторяя уже однажды приведенное выраженіе — приходится установить на новыхъ основа-ваніяхъ долю труда въ общемъ доходѣ. Или, напр., когда дѣло принимаетъ такой оборотъ, рабочие заявляютъ, что хотя они и согласны, чтобы пониженіе заработной платы соотвѣтство-вало бы измѣнившемуся состоянію рынка, но что они не думаютъ согласиться на таковое по-ниженіе. Пускай предприниматели соображаютъ, какъ имъ быть съ повышенной заработной пла-той, несмотря на ухудшеніе рыночныхъ конъюн-ктуръ, пускай они въ крайнемъ случаѣ отка-зываются вести свои предпріятія: коопераціи или общественныя учрежденія постараются занять ихъ мѣсто. Таковъ приблизительно былъ смыслъ отвѣтовъ, полученныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ англійскими горнопромышленниками отъ ихъ рабочихъ, когда они намѣревались совер-шенно лояльнымъ образомъ понизить заработ-ную плату, вслѣдствіе ухудшенія дѣль на рынкѣ. Рабочему «наплевать» на всякия указанія на скалу заработной платы, равно какъ и на всякія бух-галтерскія пониженія дохода съ предпріятія.

Онъ хладнокровно объявляетъ: ему нужно столько то и столько то, чтобы быть въ состояніи жить, следовательно, онъ столько то долженъ получить въ недѣлю, а остальное онъ предоставляетъ изобрѣтательности предпринимателя. Это—та идея, которая привела къ такъ наз. *«living wages»*—минимальному уровню заработной платы, какъ можно бы перевести это выражение. Точно такой же случай мы имѣемъ, когда возникаетъ какой либо спорный пунктъ принципіальной важности, отличающійся болѣе *идеальнымъ* характеромъ, напр., признаніе рабочей организаціи и т. п. Очевидно, представляющаяся примирительнымъ камерамъ задача является, при такихъ обстоятельствахъ, существенно иною. Всѣ ариеметическія выкладки здѣсь уже не могутъ имѣть большого значенія. Рѣшающимъ моментомъ служитъ соотношеніе силъ. Поэтому, очевидно, что въ очень многихъ изъ подобныхъ случаевъ примирительные попытки остаются безъ всякаго успѣха. Кто полагалъ, что въ третейскихъ судахъ и примирительныхъ камерахъ найдено дѣйствительное средство уничтожить вполнѣ борьбу предпринимателей и рабочихъ, тѣ гигантскія стачки, пережитыя Англіей въ послѣднее время, притомъ въ рядѣ наилучше организованныхъ промышленныхъ отраслей, должны окончательно излечиться отъ такого заблужденія. Всѣ подобного рода учрежденія, конечно, никогда не смогутъ

уничтожить противоположности интересовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и стачекъ—въ той же мѣрѣ, какъ не могутъ упразднить войнъ международные третейскіе суды. Самый фактъ этихъ учрежденій служитъ прямымъ доказательствомъ того, что еще существуетъ противоположность интересовъ, а пока она не исчезнетъ, не исчезнетъ—при предположеніи неизмѣнности человѣческой природы (впрочемъ, эта оговорка представляеть ничего не говорящую фразу и потому можетъ не итти въ счетъ)—и *ultima ratio*—дѣйствительная борьба. Но именно потому, что военное положеніе прямо признается нормальнымъ, наши симпатіи должны принадлежать всѣмъ стремленіямъ организовать высшіе виды посредническихъ учрежденій, каковы совѣщательныя камеры въ Англіи. Вѣдь ясно, какъ день, что подобныя учрежденія могутъ парализовать чрезвычайно большую долю зла, даже и *при столкновеніяхъ послѣдней категоріи*. И въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло рѣшается не путемъ выкладокъ, а соотношеніемъ силъ, возможность объясненій между борющимися сторонами, навыкъ къ спокойному парламентскому обсужденію оказываются полезными въ томъ отношеніи, что стороны остерегаются отъ слишкомъ поспѣшныхъ поступковъ. Вниканіе въ настроение противной стороны, выслушиванье приводимыхъ ею доводовъ, наблюденіе за тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произ-

водять на противника ваши требованія, ясность, къ которой приходится пріучать самого себя, когда приходится отвѣтить на всѣ возраженія противника, все это и многое другое, порождаемое совѣщательной системой, несомнѣнно способствуетъ избавленію каждой изъ спорящихъ сторонъ отъ многихъ неблагоразумныхъ выходокъ.

Однако, какъ бы мы ни расширяли или съуживали значеніе третейскихъ судовъ и примирительныхъ камеръ, одно остается несомнѣннымъ, какъ прямой выводъ изъ разсмотрѣнія настоящаго вопроса, что необходимымъ условиемъ успѣшнаго функционирования всѣхъ ихъ является *крѣпкая организація обѣихъ противныхъ партій*. А это возвращаетъ насъ назадъ, къ нашему исходному пункту, професіональнымъ рабочимъ союзамъ. Ибо не остается сомнѣнія, что лишь они могутъ дать рабочему такое необходимое условіе успѣшности переговоровъ съ предпринимателемъ, укрѣпить его позицію. На всѣ попытки призвать къ жизни третейскіе суды и примирительныя учрежденія до сплоченія обѣихъ партій въ прочныя организаціи слѣдуетъ смотрѣть, какъ на нѣчто мертворожденное. Итальянскій законъ, напр., относительно *probi viri*, надѣляющій промышленные суды полномочіями третейскихъ, не можетъ имѣть ни какого практичес资料ного значенія; точно также и нѣмецкіе промышленные суды исполняютъ свою примирительную задачу лишь

въ слабой степени вездѣ, гдѣ ихъ рѣшеніе не находитъ поддержки въ предпринимательскихъ или рабочихъ организаціяхъ. Ибо ясно: гдѣ отсутствуетъ сила принужденія—сторона, долженствующая уступить, зачастую не хочетъ соблюдать соглашенія, на которое «дорожа миромъ» согласилась передъ примирительнымъ учрежденіемъ; она часто даже не *можетъ* этого сдѣлать при всемъ своемъ желаніи, коль скоро не имѣть средствъ для дѣйствительныхъ проведения и охраны установленныхъ условій работы. Часто наблюдалось, что иной разъ нетрудно было добиться переговоровъ, соглашеній и примиреній, но что они едва доживали до слѣдующаго дня. Часто подъ давленіемъ общественного мнѣнія, у неорганизованныхъ, слѣдовательно, очень бѣдствующихъ слоевъ рабочаго класса (стоитъ вспомнить стачки конфекціонныхъ рабочихъ, рабочихъ, занятыхъ въ перевозочной промышленности и т. п.)—происходитъ соглашеніе съ предпринимателями, устанавливаются тарифы, все, повидимому, складывается къ благополучію рабочихъ. Но, вотъ, недѣлю спустя, прекрасный тарифъ оказывается уже подъ разными предлогами давно забытымъ, и рабочіе должны радоваться, что не теряютъ работы и на прежнихъ условіяхъ. Этотъ урокъ, что сохраненіе достигнутаго соглашенія бываетъ часто труднѣе самого соглашенія, заставилъ англійскія предпринимательскія и рабочія орга-

низациі измышлять средства, *благодаря* которымъ можно бы добиться соблюденія установленныхъ условій работы.

Проще всего было бы признать за потерпѣвшей стороной право гражданскаго иска къ другой сторонѣ, нарушившей соглашеніе. На эту точку зрѣнія стала, дѣйствительно, извѣстный вотумъ меньшинства въ королевской комиссіи труда, изслѣдовавшей нѣсколько лѣтъ тому назадъ положеніе англійскихъ рабочихъ. Это было, конечно, достойнымъ привѣтствія признакомъ пониманія сущности новѣйшей организаціи труда и безпристрастія, особенно, если принять во вниманіе, что такого вотума держалось шесть крупныхъ предпринимателей съ герцогомъ девонширскимъ во главѣ. Но даже въ Англіи этотъ крайній шагъ еще не сдѣланъ и врядъ ли дождется осуществленія въ ближайшемъ будущемъ; заинтересованныя стороны вынуждены, поэтому, добиваться своей цѣли окольными путями. И вотъ они прибѣгли къ цѣлому ряду мѣръ, отличныхъ другъ отъ друга, смотря по тому, заключенъ ли договоръ организованными или неорганизованными представителями.

Въ первомъ случаѣ, когда нарушителями договора являются члены предпринимательской или рабочей организаціи, прибѣгаютъ либо къ непосредственному принужденію соблюденія договорныхъ пунктовъ, либо пытаются достичь того же

результатата дисциплинарнымъ путемъ, налагая установленное взысканіе.

На сколько часто примѣняются эти дисциплинарныя мѣры и какія высокія пени связаны съ ними, можно видѣть изъ одного только мѣсячнаго отчета союза котельщиковъ (Веббъ, I). Союзная комиссія разбирала въ апрѣлѣ 1897 года дѣла о слѣдующихъ членахъ.

Ф. Ф., старшій рабочій, оштрафованъ за одновременное заключеніе договора въ двухъ мѣстахъ на 40 шил.

Т. Б. на 10 шил. за то, что взялся за работу.

Г. Т. за небрежное отношеніе къ работѣ на 10 шил.

І. І. за то же, что и Т. Б. на 20 шил.

Г. Р. за чрезмѣрную, сверхъурочную работу, на 30 шил.

Т. Х. за оскорбленіе словами стачечнаго секретаря на 10 шил.

Р. Д. за безстыдныя и возмутительныя ругательства противъ старшаго рабочаго Б. Т. на 10 шил.

Но особенно пріятно отмѣтить то, что администрація союза караетъ нарушенія рабочими контракта въ своихъ интересахъ, то есть во вредъ *предпринимателю*, такъ же строго, какъ и проступки членовъ союза, вредящіе интересамъ ихъ сотоварищѣй. Чтобы привести два примѣра, оста-

невимся на сообщеніи генерального секретаря союза мѣдниковъ, сдѣланномъ королевской комиссіи труда (группа А, вопросъ 20718): «Недавно въ Гартльпуль ремонтировался корабль. Рабочие знали, что ремонтъ былъ спѣшный, и сочли это обстоятельство удобнымъ для того, чтобы добиться повышенія заработной платы. Отправившись къ старшему рабочему, они потребовали добавочныхъ 2 шил. въ недѣлю. Зная договоръ между нашимъ союзомъ и союзомъ предпринимателей, старший рабочий не рѣшился согласиться и тотчасъ телеграфировалъ мнѣ въ Ньюкастль. По порученію совѣта я снесся съ предпринимателемъ и рекомендовалъ ему согласиться на требуемое повышение разцѣнки. Мы хотѣли предупредить забастовку и покончить поскорѣе съ ремонтомъ корабля, такъ какъ онъ былъ срочнымъ. Предприниматель согласился сдѣлать надбавку, мы же попросили фирму сообщить тѣ добавочные суммы, которая она уплатила за эту работу рабочимъ. По окончаніи работъ, подробности и имена рабочихъ, принимавшихъ въ этой работѣ участіе и потребовавшихъ повышенія заработной платы, были сообщены намъ въ Ньюкастль. Тогда совѣтъ предписалъ членамъ, получившимъ деньги, внести полученное въ качествѣ надбавки въ кассу союза, и мы отправили отъ имени главнаго бюро чекъ на составившуюся такимъ образомъ сумму обратно фирмѣ. Въ другомъ случаѣ рабочіе одного

предпринимателя, зная, что корабль нужно было отдать въ срокъ, внезапно потребовали поднятія разцѣнокъ. Союзъ поступилъ и съ ними точно такімъ же образомъ, и, кромѣ того, рабочіе были еще наказаны за то, что дѣйствовали въ отношеніи предпринимателя, связанного контрактомъ съ заказчиками, нечестно».

Труднѣе, конечно, принудить къ признанію коллективныхъ договоровъ неорганизованныхъ предпринимателей или рабочихъ извѣстной отрасли промышленности тогда, когда всѣ попытки побудить ихъ организоваться окончились неудачей. Тутъ, прежде всего, дѣло зависитъ отъ единодушія предпринимателей и рабочихъ, что мы, дѣйствительно, и наблюдаемъ во многихъ отрасляхъ англійской промышленности. Супруги Веббъ сообщаютъ намъ изъ богатой сокровищницы своего опыта массу случаевъ, гдѣ то предприниматели поддерживаютъ рабочихъ, то рабочіе—предпринимателей, въ борьбѣ съ неорганизованными представителями то рабочаго, то предпринимательскаго класса. Веббъ даже думаютъ, что, съ заключеніемъ союзомъ предпринимателей съ рабочимъ профессиональнымъ союзомъ извѣстнаго договора, условія послѣдняго распространяются предпринимателями, какъ нѣчто само собой разумѣющееся, и на всѣхъ рабочихъ ихъ фабрикъ, состоять ли они членами профессионального союза, или нѣтъ. Обычай, находящій себѣ сильную под-

держку въ третейскихъ приговорахъ министерства торговли, примѣняющихъ рѣшенія мѣстныхъ совѣщательныхъ камерь, если они не содержать прямого ограниченія, и къ членамъ союзовъ, и къ лицамъ, не входящимъ въ нихъ, даже если бы послѣднія не были договаривающейся стороной (третейскій приговоръ 6 мая 1896 г., *Labour gazette*, май 1896). Такое всеобщее примѣненіе коллективнаго договора о работѣ и къ рабочимъ, не участвовавшимъ въ его заключеніи, обнаруживаетъ свое вліяніе, прежде всего, при подвижной скалѣ заработной платы. Въ желѣзодѣлательныхъ районахъ съвера и центра—сообщаютъ намъ историки английскихъ рабочихъ професіональныхъ союзовъ (оп. cit, 186) —третейскія рѣшенія расцѣнниковъ, избираемыхъ сообща рабочими и предпринимателями, регулируютъ обыкновенно всѣ договоры о заработной платѣ въ соответственныхъ отрасляхъ, какъ бы мало эта общая мѣрка ни нравилась отдельной группѣ рабочихъ. Въ Южномъ Уэльсѣ, где изъ 120000 рабочихъ къ професіональному союзамъ принадлежитъ около 40000, заработка плата всѣхъ рабочихъ, за самыми небольшими исключеніями, ежедневно устанавливается третейскимъ рѣшеніемъ расцѣнниковъ. И, какъ здѣсь предприниматели своимъ расположениемъ къ совѣщательному веденію дѣла приходятъ на помощь организованнымъ рабочимъ, хотя бы послѣдніе и составляли

меньшинство, такъ точно въ другихъ отрасляхъ мы можемъ встрѣтить, что профессиональные рабочіе союзы заодно съ организаціей предпринимателей примѣняютъ принудительныя мѣры въ отношеніи предпринимателей противнаго лагеря, медлящихъ присоединиться къ союзу и принять положенія, признанныя въ данной промышленной отрасли, какъ въ единомъ цѣломъ. Такъ, напр., въ исторіи мѣстныхъ совѣщательныхъ камеръ сапожниковъ и башмачниковъ мы многократно встрѣчаемся съ требованіями союза предпринимателей отъ союза сапожныхъ и башмачныхъ рабочихъ принудить своимъ вліяніемъ упорствующія фирмы примкнуть къ общимъ договорнымъ условіямъ, или, какъ мы бы сказали, къ общему тарифу.

Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ вошло даже въ обыкновеніе, что предприниматели обязываются всѣхъ своихъ рабочихъ взносами на покрытіе издержекъ, требуемыхъ совѣщательными камерами и иными, связанными съ коллективнымъ заключеніемъ договора, учрежденіями.

Но своей высшей точки упомянутое расположение предпринимателей къ профессиональнымъ союзамъ достигаетъ въ Роадской долинѣ и нѣкоторыхъ другихъ округахъ южноуэльской углепромышленной области, гдѣ предпринимателями производится ежемѣсячный вычетъ въ нѣсколько пенсовъ у рабочихъ для взноса въ профес-

сіональный союзъ. Крупнейший и наиболѣе важный професіональный союзъ южноуэльскихъ горнорабочихъ не знаетъ иныхъ уплатъ, какъ черезъ посредство этихъ обязательныхъ вычетовъ предпринимателя!

Итакъ, оглядываясь на міръ англійскихъ професіональныхъ рабочихъ союзовъ, мы видимъ въ немъ мощное, благоустроенное, разсчитанное на вѣковое существование зданіе соціальной организаціи. Это—не могила соціализма, не конецъ самостоятельной рабочей политики, какъ часто говорилось; наоборотъ, какъ мы еще увидимъ, это—союзникъ всѣхъ подобныхъ стремленій, которыми мы привыкли давать общее название эманципаціонныхъ стремленій пролетаріата.

Специфически ли англійское это явленіе, подобно квакерству и плумъ-пудингу, или порожденіе духа, свойственного капитализму вообще? Если угодно, то и другое вмѣстѣ. И потому причины высокаго процвѣтанія професіонализма надо искать какъ въ своеобразіи англійской народности и англійского экономического развитія, такъ и въ общихъ фактахъ экономической эволюціи. Мы должны различать, спрашиваемъ ли мы о причинахъ, которые, во-первыхъ, обусловили развитіе въ Англіи на нѣсколько десятилѣтій, до самаго 1880 года, исключительно професіонального движенія, державшагося отрицательного, какъ въ отношеніи политики, такъ и

соціализма, и, во-вторыхъ, способствовали необычайно быстрому расцвѣту професіонализма, или о причинахъ, содѣйствующихъ развитію професіонального движенія самого по себѣ. Въ первомъ случаѣ причины, кажется, преимущественно *всё своеобразіи англійскихъ условій*, и уже изложены мною въ моей работѣ о соціальномъ движеніи XIX в.¹⁾). Это, прежде всего, то исключительное положеніе, которое занимали на міровомъ рынкеъ англійская промышленность въ 1850—1880 гг., особыя условия жизни англійскихъ партій, неопределенная политика обѣихъ крупныхъ политическихъ партій, дѣлавшая ненужнымъ существование самостоятельной рабочей партіи, наконецъ, своеобразіе характера англійского рабочаго, его положительность и трезвость.

Всѣ эти обстоятельства сообща дали возможность англійскимъ професіональнымъ союзамъ сравнительно скорѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, перерости возрастъ дѣтскихъ болѣзней и полнѣе и энергичнѣе приложить всѣ усилия къ развитію професіональной организації; эти же обстоятельства попутно привили узкосердечную, исключительно професіональную программу. Но всѣ они имѣли значеніе лишь для частныхъ особенностей англійского рабочаго професіонального движенія. Процвѣтаніе и превосходство англійского

¹⁾ Рус. пер. въ приложеніи къ „Чудесному вѣку“ Уоллеса, изд. Павленкова.

движения объясняется темъ обще-экономическимъ фактомъ, что хозяйственное развитіе Англіи во-обще выше всѣхъ другихъ странъ, и, съ этой точки зрѣнія, англійская профессіональная организація является картиной будущаго для всѣхъ остальныхъ націй, переживающихъ періодъ капиталистического развитія.

Что это соотвѣтствуетъ дѣйствительности, лучше всего видно изъ сопоставленія съ нѣмецкимъ профессіональнымъ движеніемъ. Здѣсь замѣтнѣе становятся и оригинальныя черты, свойственные Англіи, благодаря контрасту съ специфически нѣмецкими, и то, что въ развитіи обѣихъ странъ оказывается общаго. Сравнительный методъ обществовѣданія сослужитъ свою службу и на этотъ разъ. Поэтому нужно внимательно прослѣдить профессіональное движение въ Германіи.

III.

Изъ германского рабочаго движенія.

Какую картину представляетъ професіональное движение въ Германи? ¹⁾ Точноѣ: каковы формы его организаціи и насколько значительнымъ представляется оно, если судить по чисто внѣшнимъ признакамъ?

Что-бы отвѣтить правильно на этотъ вопросъ, мы должны отдѣлить дѣйствительно професіональные союзы отъ родственныхъ имъ организацій. Мы не должны принимать въ разсчетъ всѣхъ организацій, объединяющихъ не рабочихъ въ узкомъ смыслѣ слова и отказаться, такимъ образомъ, отъ разсмотрѣнія союзовъ прикащиковъ (*die Verbände der Handlungsgehilfen*), служащихъ

¹⁾) До сихъ поръ не существуетъ исторического описанія нѣмецкаго професіональнаго движенія, которое могло бы сравняться съ работою Веббъ. Очень тщательнымъ собраніемъ относящагося сюда матеріала для одной группы нѣмецкихъ рабочихъ организацій обѣщаеть быть еще только что начатое сочиненіе S. Schmölle, *Die sozial-demokratischen gewerkschaften in Deutschland*. Band I, Einleitung 1896; Band II, Der Zimmererverband 1898.

(Beamtenschutzvereine) и т. п. Съ другой стороны, придется исключить всѣ рабочіе союзы безъ опредѣленной профессіональной тенденції. Сюда я отношу евангелическіе и католическіе союзы рабочихъ и подмастерьевъ, изъ которыхъ первые насчитываютъ по новѣйшимъ даннымъ около 90,000, вторые около 50,000 членовъ.

Что-же касается чисто профессіональныхъ организацій, то таковыя въ Германіи относятся къ четыремъ различнымъ категоріямъ:

1. *Консервативные союзы горно-рабочихъ;* они существуютъ съ 1891 года и въ 1898 г. насчитывали 1138 членовъ. Ихъ резиденція—Вальденбургскій каменно-угольный; ихъ душа—главный управляющій князя Плеца—докторъ Риттеръ.

2. *Христіанско-соціальные профессіональные союзы*—образованіе новѣйшаго происхожденія, представляютъ попытку интерконфесіональнаго, хотя и религіозно окрашенного осуществленія идеи профессіональнаго союза. Они существуютъ только со средины 90-хъ годовъ. Главный контингентъ ихъ составляютъ горнорабочіе и рабочіе текстильной промышленности, особенно въ западной и южной Германіи. На первомъ конгрессѣ христіанско-соціальныхъ профессіональныхъ союзовъ, собравшемся въ 1899-мъ году, было представлено 37 союзовъ, изъ которыхъ 19 съверо-германскихъ насчитывали по своимъ

спискамъ до 55 тысячъ членовъ. Судя по этимъ даннымъ, общую цифру членовъ христіанско-соціальныхъ професіональныхъ союзовъ надо принять приблизительно въ 100,000¹⁾.

3. *Свободомыслящие или такъ наз.* Гирш-дункеровскіе професіональные союзы. Число членовъ доходитъ (1899 г.) до 84419 лицъ. Изъ нихъ приходится на

Машиностроительныхъ рабочихъ	32.938.
Фабричныхъ и ремесленныхъ рабочихъ	15.415.

48.353.

Относительно дѣятельности этихъ союзовъ даютъ понятіе слѣдующія цифры. Въ 1895—97 г. было израсходовано:

На дорожный вспомоществованія	38.011 марокъ
› помошь переселенцамъ	34.585 ,
› поддержку безработныхъ	141.138 ,
› пособія безработнымъ членамъ	8.750 ,
› поддержку въ несчастныхъ случаяхъ . .	27.692 ,

Всего . . . 250.176 марокъ.

Разумѣется, отдѣльные союзы принимали участіе въ этой суммѣ расходовъ въ очень различной степени; въ то время, какъ союзъ горнорабочихъ истратилъ всего 132 марки на различные виды помощи, расходы союза машиностроителей и рабочихъ по металлу достигли 113.544 марокъ.

¹⁾ См. дальнѣйшія поясненія въ прилож. I.

4. Социал-демократические професіональные союзы. Они въ свою очередь распадаются на два враждебныхъ лагеря: именно такъ наз. мѣстныя организаціи, съ одной стороны, и примыкающіе къ центральнымъ союзамъ—съ другой.

Относительно числа участниковъ мѣстныхъ организацій точныхъ данныхъ не имѣется; общее число ихъ опредѣляется между 5.000 и 15.000. Доходъ въ 1899 простирался до 7345 марокъ.

Гораздо значительнѣе оказываются централь-
ные союзы соціал-демократическихъ професіо-
нальныхъ организацій, по числу членовъ далеко
превосходящіе всѣ прочія. При томъ значеніи, ко-
торое имѣютъ эти организаціи, мнѣ кажется
вполнѣ умѣстнымъ привести болѣе подробныя
фактическія свѣдѣнія объ ихъ размѣрахъ, со-
ставѣ и дѣятельности. Опубликованная Генераль-
ной комиссіей нѣмецкихъ професіональныхъ
союзовъ статистика представляеть для 1898 г.
слѣдующій видъ.

№	Название организаціи.	Число членовъ		При- ростъ.	Умень- шenie.
		1897	1898		
1	Пекари	1.635	2.533	898	—
2	Парикмахеры	588	1.000	412	—
3	Строительные рабочіе . . .	4.339	7.866	3.527	—
4	Горнорабочіе	18.000	27.300	9.300	—
5	Ваятели	3.327	3.572	245	—
6	Бондари	4.150	4.168	18	—
7	Пивовары	8.133	7.645	—	488
8	Переплетчики	6.258	6.598	340	—
9	Типографищики	22.865	24.020	1.155	—

№	Название организаций.	Число членовъ		При- ростъ.	Умень- шени.
		1897	1898		
10	Вспомогат. типограф. рабоч.	—	1.333	1.333	—
11	Служащіе въ бюро	260	280	20	—
12	Кровельщики	1.800	1.800	—	—
13	Фабричные рабочіе	15.639	18.172	2.533	—
14	Литейщики	4.853	6.155	1.302	—
15	Формовщики (Formenstecher)	—	243	243	—
16	Садовники	350	300	—	50
17	Служащіе въ трактирахъ . .	1.108	1.328	220	—
18	Рабоч. коммунальныхъ пред- пріятій	924	1.611	687	—
19	Рабоч. по стекл. заводамъ .	4.024	3.600	—	424
20	Стекольщики	1.195	1.630	435	—
21	Рабоч. золот. и сер. издѣлій	1.401	1.391	—	10
22	Граверы и чеканщики . . .	752	849	97	—
23	Портовые рабочіе	11.000	10.637	—	963
24	Рабочіе въ торг. предпріят.	2.703	5.087	2.384	—
25	Приказчики	225	300	75	—
26	Рабочіе въ перчат. произв.	2.970	3.147	177	—
27	Рабоч. по дереву. (Союзъ) .	40.876	48.998	8.112	—
28	Раб. по дер. (вспомог. раб).	921	97	57	—
29	Шапочники	2.688	2.488	—	200
30	Кондиторы	452	440	—	12
31	Мѣдники	3.284	3.287	3	—
32	Магазинеры	267	315	48	—
33	Кожевники	4.136	4.826	690	—
34	Литографщики	5.139	4.224	—	965
35	Маліры	6.861	8.291	1.430	—
36	Машинисты и кочегары .	2.364	3.700	1.336	—
37	Каменщики	42.652	60.175	17.523	—
38	Рабочіе по металлу	59.890	75.431	15.541	—
39	Рабочіе на мельницахъ . .	1.072	1.048	—	24
40	Рабочіе въ фарфор. произв.	8.668	8.857	189	—
41	Съдельщики и обойщики .	2.151	2.285	134	—
42	Корабельные плотники. . .	1.259	1.400	141	—
43	Кузнецы	2.190	2.500	310	—
44	Портные	9.041	9.435	454	—
45	Башмачиники	14.935	14.810	—	125
46	Матросы	2.444	1.921	—	523

№	Название организации.	Число членовъ		При- ростъ.	Умень- шениe.
		1897	1898		
47	Каменотесы	11.500	10.000	—	1.500
48	Мостильщики	2.980	2.943	—	37
49	Штукатуры	1.325	2.000	675	—
50	Табачники	17.951	18.613	662	—
51	Обойщики	1.344	2.249	905	—
52	Рабоч. текстильн. произв.	22.648	29.007	6.359	—
53	Гончары	4.416	4.891	1.475	—
54	Позолотчики	1.029	1.000	—	29
55	Рабочіе на верфяхъ . . .	2.526	2.599	73	—
56	Сигарщики.	685	912	227	—
57	Плотники.	17.620	22.104	4.484	—
<hr/>					
		418.863	493.742	85.229	5350

Изъ этихъ 493.742 членовъ приблизительно четверть организована въ такъ наз. индустриальные союзы, а именно:

Рабочіе по металлу съ	75.431	член.
Рабочіе по металлу съ	48.988	»
Кожевники съ	4.826	»
Всего	129.245	член.

Годовой доходъ всѣхъ профессіональныхъ союзовъ достигаетъ	5.508.667,64	мар.
Годовой расходъ	4.279.726,19	»
Имущество	4.373.313,36	»

Между отдѣльными видами помощи, отраслями, управлениія, а также образовательными задачами (газеты, библиотеки и пр.) расходы распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Поддержка стачекъ	1.073.290	мар.
Помощь больнымъ	491.634	»
	22*	

Помощь переезжающим	283.267	мар.
Помощь безработнымъ	275.404	"
Помощь инвалидамъ	79.587	"
Похорон. издержки и помощь въ смертныхъ и несчастныхъ случаяхъ	78.419	"
Юридическая защита	43.378	"
Поддержка разсчитанныхъ фабрикантами . .	39.978	"
Присяжане мѣста	3.826	"
Газеты союзовъ	518.949	"
Канцелярск. расходы (членскія книжки, кас- совые и пр.	165.926	"
Агитациія (для пріобрѣтенія новыхъ членовъ)	136.229	"
Должностныя лица (въ 57 союзахъ)	140.423	"
Конференція и общія собранія	68.693	"
Главная комиссія	41.665	"
Судебные расходы	6.674	"
Прочіе расходы (уплата долговъ, интернац. и пр.)	117.759	"
Подмастерьямъ (на мѣстную администрацію, на мѣстные виды помощи)	723.101	"

Самый богатый и наилучше организованный нѣмецкій рабочій професіональный союзъ—это союзъ нѣмецкихъ типографицковъ. По отчету за 1899 годъ союзъ насчитывалъ къ концу года 27187 членовъ, что представляетъ по сравненію съ предыдущимъ годомъ увеличеніе на 1815 членовъ. Общій доходъ союза достигъ за отчетный годъ 586.526,54 марокъ, общій расходъ 1005097,29 марокъ, что даетъ излишекъ въ 581428,25 м.; капиталъ же выросъ до 2688251,14 мар. (противъ 2106822,89 м. въ 1898 г.).

Если сложить рабочихъ, принадлежащихъ къ четыремъ названнымъ нами категоріямъ союзовъ, то общее число професіонально-органи-

зованныхъ рабочихъ Германіи въ концѣ 19-го столѣтія опредѣлится цифрою отъ 680.000 до 700.000, изъ которыхъ на долю соціаль-демократическихъ профессиональныхъ союзовъ падаетъ приблизительно пять седмыхъ.

Приступая затѣмъ къ попыткѣ набросать въ общихъ чертахъ внѣшнюю исторію нѣмецкихъ профессиональныхъ союзовъ, мы должны предварительно заявить, что вообще таковою обладаютъ только 3-я и 4-я категоріи нашихъ организацій. Поэтому мы оставимъ въ сторонѣ обѣ остальные категоріи и при дальнѣйшемъ изложеніи будемъ заниматься исключительно Гиршь-дункеровскими и соціаль-демократическими профессиональными организаціями. Если не принимать въ разсчетъ тѣ фантастической эфемерныя организаціи, которая породилъ въ профессиональной области 1848 годъ и которая не стоять ни въ какой сколько-нибудь замѣтной связи съ дальнѣйшимъ развитіемъ, то начало профессионального движенія относится къ 60-мъ годамъ, когда вмѣстѣ съ новѣйшей промышленностью начинаютъ мало-по-малу возникать органы, поставившіе своей задачей защиту интересовъ рабочихъ. Правда, къ началу этого десятилѣтія относится агитация Лассала, какъ по существу, такъ и по формѣ враждебная всякому профессиональному движенію, однако одновременно мы встречаемся уже съ профессиональными органи-

зациями, носящими, разумеется, главнымъ образомъ мѣстный и сначала вполнѣ изолированный характеръ. Важнѣйшіе изъ нихъ—основанный въ 1865 году Фрицше союзъ табачныхъ рабочихъ и возникшій въ 1866 году союзъ типографщиковъ. Въ общемъ, однако, положеніе вещей въ Германіи было въ 60-хъ годахъ таково: рабочіе уже начинаютъ выступать на защиту своихъ интересовъ; но дѣло по большей части ограничивается стихійными забастовками, не опирающимися ни на какие союзы или же только на союзы временного характера; поэтому, эти забастовки по большей части оканчиваются неудачно для рабочихъ. Это, разумѣется, не исключаетъ ихъ многочисленности; скорѣе—наоборотъ.

Только конецъ седьмого десятилѣтія ознаменованъ настоящимъ годомъ рожденія новаго германскаго професіональнаго движенія; это именно 1868 годъ, когда свобода коалицій, которая дѣйствительно была провозглашена въ Промышленномъ уставѣ 1869-го года, уже носилась въ воздухѣ и была, такъ сказать, предвосхищена.

Въ 1868 году только, и даже за одинъ сентябрь мѣсяцъ этого года въ трехъ различныхъ мѣстахъ были положены основы професіональной организаціи.

Прежде всего выступаютъ на сцену, какъ возбуждающій элементъ, участники *Международ-*

наго общества рабочихъ. 5-го сентября 1868-го года германскіе рабочіе ферейны, засѣдавшіе на своеі пятьмъ съездѣ, подъ вліяніемъ Бебеля и воодушевленные Либкнехтомъ, который только что вернулся въ Германію, полный марксистскаго духа, рѣшили примкнуть къ *Международному обществу рабочихъ*. А, такъ какъ *Интернациональ* смотрѣла тогда на основаніе профессіональныхъ ферейновъ какъ на одинъ изъ главныхъ пунктовъ своей программы, то это рѣшеніе означало вмѣстѣ съ тѣмъ пробужденіе профессіональнаго духа среди рабочихъ массъ, плескавшихся до тѣхъ поръ въ мелкой водѣ шульцевскихъ товариществъ и прогрессиетскихъ образовательныхъ ферейновъ. Движеніе, поднятое Бебелемъ и Либкнехтомъ, получило, какъ известно, въ слѣдующемъ году въ Эйзенахѣ прочную организацію въ видѣ «соціальдемократической» рабочей партіи (назв. «честные»), причемъ въ существенныхъ чертахъ была принята программа *Интернационали*; это обстоятельствоочно связало указанное крыло нѣмецкаго рабочаго класса съ профессіональнымъ движениемъ.

Но большинство политически зрѣлыхъ нѣмецкихъ рабочихъ все еще стояли въ 60-хъ годахъ за Лассалля и его послѣдователей, а Лассаль именно завѣщалъ враждебное отношеніе къ профессіональнымъ стремленіямъ. Тѣмъ выше слѣдуетъ оцѣнить проницательность фонъ-Швей-

цера, который, сознавая, что обстоятельства благоприятствуютъ профессиональному движению, сумѣлъ приспособить къ кораблику своего Всеобщаго германскаго союза новый парусъ, чтобы использовать для своихъ цѣлей поднимавшійся вѣтеръ профессионального движения. Уже на засѣдавшемъ въ августѣ въ Гамбургѣ общемъ собраниіи Всеобщаго германскаго рабочаго союза онъ провелъ рѣшеніе въ пользу основанія профессиональныхъ союзовъ. И дѣйствительно, вслѣдствіе этого постановленія, 26-го сентября въ Берлинѣ былъ образованъ изъ представителей профессиональныхъ союзовъ Германіи, раздѣленныхъ на 32 рабочихъ союза—которымъ еще только предстояло по большей части возникнуть—Союзъ профессиональныхъ организацій (*gewerkschaftsbund*). Это было одно изъ тѣхъ гигантскихъ созданій, съ которыми мы встрѣчаемся въ дѣтствѣ англійскихъ трэдъ-юніоновъ: общая организація всѣхъ рабочихъ—на бумагѣ. Уже указывалось на внутреннее родство швейцеровскаго Союза профессиональныхъ организацій съ *Grand National'емъ*. Во всякомъ случаѣ съ этимъ созданіемъ Швейцера идея профессионального объединенія проникла и въ ряды до сихъ поръ ортодоксально исключительныхъ лассалеанцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ была устранена близорукость чистаго политканства и для этой части рабочаго класса Германіи.

Въ конгрессѣ, который 26-го сентября въ Берлинѣ по инициативѣ Швейцера постановилъ основать Союзъ професіональныхъ организацій, хотѣлъ принять участіе одинъ человѣкъ, который считалъ своимъ призваніемъ принять дѣятельное участіе въ заложеніи основъ професіональнаго движенія въ Германіи: онъ недавно воротился изъ Англіи, гдѣ онъ изучалъ трэдъ-юніоны. Итакъ это былъ специалистъ: звали его Максъ Гиршъ.

Однако онъ не имѣлъ никакого успѣха у рабочихъ лассалеанскаго оттѣнка; ему не позволили принять участіе въ преніяхъ. Гиршъ, однако, не считалъ своего дѣла проиграннымъ. Въ союзѣ съ нѣсколькими другими прогрессистами—самъ Гиршъ былъ сторонникомъ прогрессистской партіи—между которыми надо отмѣтить особенно издателя и книготорговца Франца Дункера, онъ на слѣдующій день созвалъ въ Берлинѣ самостоятельное рабочее собраніе и на этомъ собраніи положилъ со своей стороны основаніе професіональному движенію съ прогрессистской окраской. 27-ое и 28-ое сентября 1868-го года были днями рожденія Гиршъ-дункеровскихъ професіональныхъ союзовъ; такимъ образомъ, это была третья организація, вызванная къ жизни въ Германіи въ теченіе одного мѣсяца.

Если мы захотимъ затѣмъ прослѣдить ходъ развитія этихъ молодыхъ побѣговъ, то по отношенію къ судьбамъ Гиршъ-дункеровскихъ про-

фесіональныхъ союзовъ мы можемъ ограничитьсѧ нѣсколькими словами, такъ какъ въ сущности у этихъ союзовъ и не было никакихъ особыхъ судебъ, о которыхъ стоило бы упоминать. Именно это можетъ служить хорошимъ признакомъ ихъ здоровой организаціи. По большей части и жизнь великихъ ученыхъ не отличается драматизмомъ. Во всякомъ случаѣ професіональные союзы, основанные прогрессистами, непрерывно продолжали развиваться въ томъ же направлениі, которое было указано имъ съ самаго дня ихъ основанія. Такоже основная идея организаціи, тѣжѣ задачи и даже тотъ-же человѣкъ во главѣ дѣла. Только число мѣстныхъ союзовъ увеличилось за этотъ промежутокъ времени съ 258 до 1673, а число членовъ съ 30.000 до 84.000, и созвано было 13 такъ наз. союзныхъ съѣздовъ.

Организація Гиршъ-Дункера если не по формѣ, то по содержанію носить слишкомъ замѣтный личный характеръ, центръ, вокругъ котораго все обращается—Максъ Гиршъ,—занимающій свое мѣсто безъ перерывовъ со дня основанія организаціи.

Професіональную единицу образуетъ национальный союзъ извѣстной профессіи. Онъ описывается на мѣстные союзы, которыхъ для образования професіонального союза требуется не менѣе пяти. Во главѣ каждого професіонального

союза стоитъ «генеральный совѣтъ», который избирается на общемъ собраниіи, созываемомъ черезъ каждые 3—5 лѣтъ. Общее представительство всѣхъ профессиональныхъ союзовъ принадлежить основанному въ 1869-мъ году, «союзу германскихъ профессиональныхъ союзовъ», во главѣ котораго стоитъ «центральный совѣтъ». Совѣтникомъ послѣдняго, подъ именемъ адвоката союза, является Гиршъ. Онъ же издаетъ союзный органъ «Der gewerkverein».

О дѣятельности Гиршъ-дункеровской организаціи можно составить понятіе по приведеннымъ даннымъ таблицы расходовъ. Центръ тяжести этихъ профессиональныхъ союзовъ лежить въ организаціи кассъ. Въ области боевой политики они всегда отличались осторожнымъ, отчалии даже трусливымъ поведеніемъ, такъ что соціалъ-демократы дали имъ прёзрительное прозвище «апостоловъ гармоніи интересовъ». Кроткій характеръ ихъ руководителя Гирша существенно способствовалъ мирному направленію этихъ союзовъ.

Союзы эти распространены въ Германіи гнѣздами. Особенно сильны они въ нѣкоторыхъ частяхъ Силезіи и больше всего въ Вальденбургскомъ округѣ, гдѣ имъ пришлось перенести сильные гоненія со временемъ ихъ участія въ неудачной стачкѣ 1869-го года, гоненія, которыми они еще и теперь охотно хвастаются.

Гораздо болѣе бурнымъ было жизненное по-
прище остальныхъ профессиональныхъ организа-
цій. На всемъ протяженіи оно было скорбнымъ,
тернистымъ путемъ. Когда семидесятые годы при-
несли Германиі свои дары, когда капитализмъ
получилъ наконецъ возможность отпраздновать
и у насъ свой медовый мѣсяцъ, германскіе рабо-
чіе были все еще раздроблены между тремя раз-
личными организаціями, не считая Гиршъ-дунке-
ровскихъ. Въ три ручейка, протекавшіе другъ
возлѣ друга, вливались скучные воды мѣстныхъ
профессиональныхъ союзовъ, спорадическое воз-
никновеніе которыхъ въ срединѣ 60-хъ годовъ
мы наблюдали, профессиональныхъ союзовъ Швей-
цера и интернаціональныхъ профессиональныхъ
товариществъ, какъ предпочитали называть свои
профессиональные союзы рабочіе группы, тянувшіе
въ сторону *Международной ассоціації рабо-
чихъ*. Самый ничтожный мѣстный союзъ, со-
стоявшій часто изъ однихъ должностныхъ лицъ
и не имѣвшій ни одного члена кромѣ нихъ, все-
же гордо именовалъ себя: «Интернаціональное про-
фессиональное товарищество такихъ-то рабочихъ».

Въ 1875 г. все-таки произошло сліяніе двухъ
послѣднихъ организацій; оно было результатомъ
объединенія обѣихъ руководившихъ ими полити-
ческихъ группъ, лассалеанцевъ и марксистовъ на
конгрессѣ въ Готѣ. А такъ какъ черезъ годъ

Международная ассоциація рабочихъ, которая уже нѣсколько лѣтъ влачила призрачное существование, была наконецъ распущена формально, то появилась надежда, что теперь-то разовьются зародыши сильнаго професіонального движенія въ Германіи и разовьются въ силу внутренней необходимости экономическихъ отношеній, безъ нарушающихъ ходъ правильнаго развитія вліяній извнѣ. Но счастливые семидесятые годы прошли, не оправдавъ этой надежды. Еще въ концѣ этого десятилѣтія успѣхи професіональныхъ организацій были крайне ничтожны. Чисто фиктивныя цифры, которые приводились въ годы основанія этихъ организацій—напр., говорилось, что на конгрессѣ 1869-го года, организованномъ Швейцеромъ, 206 депутатами представлено было 142008 рабочихъ изъ различныхъ частей Германіи—мало по малу исчезали изъ статистики и когда въ 1877 году былъ предпринятъ подсчетъ всѣхъ професіональныхъ организацій (за исключеніемъ прогрессистскихъ), то таковыхъ оказалось только 30 съ 49.065 членами; эти организаціи располагали доходомъ въ 8000 марокъ въ мѣсяцъ, изъ которыхъ однако 3500 приходилось на долю союза типографщиковъ.

Вотъ какъ немного могъ найти и уничтожить законъ противъ соціалистовъ, открывшій въ 1878 году новую эру германской соціальной политики. Совершенно ложенъ взглядъ, съ которымъ при-

ходится почти всюду встречаться, будто до обнародования закона противъ соціалистовъ германское професіональное движение находилось уже въ цвѣтущемъ состояніи и будто это процвѣтаніе было уничтожено мѣрами грубаго насилия въ слѣдующіе годы. Нѣть, все, что тогда было, представляло не болѣе, какъ нѣжные зародыши. Зародыши эти безъ сомнѣнія были уничтожены грубою рукою полицейскаго насилия. Между 23 и 31-мъ октября 1878-го года было распушено 16 изъ 25 професіональныхъ союзовъ, такъ что восьмидесятымъ годамъ достались въ наслѣдство одни остатки. Исключеніе составляеть одинъ союзъ типографщиковъ, который сумѣлъ въ теченіе ряда лѣтъ такъ искусно пригибаться и укрываться за щитомъ своей дѣятельности на поприщѣ взаимопомощи, что самумъ полицейскихъ мѣропріятій пронесся надъ нимъ, не причинивъ ему существеннаго вреда.

Хрупкое растеніе возникавшихъ професіональныхъ организацій было растоптано; однако корни его остались цѣлы, и, какъ только пронесся мимо первый ураганъ, тотчасъ начали опять развиваться новые организаціи. Начало новаго германского професіональнаго движенія относится къ срединѣ 80-хъ годовъ. И здѣсь мы должны внести весьма существенные поправки въ господствующее воззрѣніе, которое видитъ въ законѣ противъ соціалистовъ средство подавить

профессиональное движение, а въ отмѣнѣ этого закона силу, давшую могучій толчекъ этому движению. Напротивъ, какъ разъ въ самыя мрачныя времена жизни Новой Германіи, въ тѣ тяжелыя времена, когда нижне-померанскій духъ, нашедшій свое совершеннѣйшее воплощеніе въ министрѣ Путткаммерѣ, болѣе чѣмъ когда либо руководилъ правительствомъ, во времена знаменитаго распоряженія о стачкахъ того-же министра, который полагалъ «что за каждой стачкой скрывается гидра революції», какъ разъ въ эти времена начинаетъ снова развиваться съ непреодолимой внутренней силой и на зло всѣмъ враждебнымъ вліяніямъ идея профессионального объединенія. И врядъ-ли исторія знаетъ лучшее доказательство безсилія реакціонныхъ полицейскихъ мѣръ по отношенію къ силамъ новаго времени, стремящимся прорваться наружу, какъ тотъ фактъ, что на зло всѣмъ еще столь «сильнымъ людямъ изъ нижней Помераніи и соѣдникъ областей, ко времени паденія закона о соціалистахъ уже стояло подъ оружиемъ, приготовившись къ борбѣ, около 350.000 профессионально организованныхъ рабочихъ, т. е. въ семь разъ больше, чѣмъ въ началѣ этого злосчастнаго периода нѣмецкой исторіи.

Въ 1890-мъ г. германское профессиональное движение вступаетъ въ новую фазу своего развитія, въ которой оно находится и сейчасъ. Это та

самая фаза, которую англійскіе тредъ-юніоны начали переживать приблизительно со средины столѣтія. Она характеризуется двумя измѣненіями, которые рѣзко отличаютъ ее отъ предшествующей эпохи. Борьба, какъ съ вѣшними, такъ и съ внутренними врагами, вступаетъ въ новую стадію. Изъ открытой она становится тайной. На мѣсто грубаго насилия выступаютъ коварныя придирки, вместо ударовъ дубиной выступаютъ уколы булавкой. Но въ такихъ уколахъ со стороны администраціи, судовъ, со стороны предпринимателей и со стороны общественнаго мнѣнія недостатка не было. Мнѣ пришлось бы подвергнуть слишкомъ сильному испытанію ваше терпѣніе, если бы я захотѣлъ разобрать подробнѣе хотя-бы въ общихъ чертахъ эту партизанскую войну вліятельныхъ факторовъ общественной жизни Германіи. Во первыхъ, сами рабочіе испытываютъ каждый день эту враждебную политику на собственной шкурѣ, а во-вторыхъ, мнѣ пришлось бы въ такомъ случаѣ повторяться, такъ какъ я далъ картину современного положенія вещей въ Германіи раньше, говоря объ Англіи, какою она была за два поколѣнія до нашего времени¹⁾. Второе важное измѣненіе, которое ясно высту-

¹⁾ Богатый матеріалъ по этому предмету даетъ памятная записка генеральной комиссії професіональныхъ союзовъ Германіи, которая издана Легиономъ подъ заглавіемъ: „Право коалицій нѣмецкихъ рабочихъ въ теоріи и на практикѣ“ (Гамбургъ 1899).

наеть въ развитіи нѣмецкихъ професіональныхъ союзовъ 1890-го года, касается процессовъ, про-исходящихъ въ области внутренней организації. Здѣсь мы замѣчаемъ, что вмѣсто неувѣренныхъ попытокъ и опытовъ выступаетъ и становится все болѣе настойчивымъ проведеніе одного типа новаго професіональнаго союза, который долженъ достигнуть въ концѣ концовъ преобладанія, что вмѣсто шатанія изъ стороны въ сторону наступаетъ непрерывное движение впередъ.

Къ 1890-му году относится также возникновеніе одного очень цѣлесообразнаго учрежденія. Засѣдавшая въ Берлинѣ конференція професіональныхъ союзовъ учредила между прочимъ органъ, получившій название *Генеральной Комиссии*, со специальной задачей созвать конгрессъ всѣхъ професіональныхъ союзовъ и подготовить для этого конгресса проектъ организаціи.

Этотъ конгрессъ, первый конгрессъ германскихъ союзовъ, засѣдалъ въ 1892-мъ году въ Гальберштадтѣ. Его задача, которую онъ и разрѣшилъ, заключалась въ томъ, чтобы выработать новую форму организації также и для соціаль-демократическихъ союзовъ послѣ отмѣны закона противъ соціалистовъ. Онъ сдѣлалъ это путемъ представленія такъ называемыхъ центральныхъ объединеній нѣкоторыхъ профессій съ такъ называемыми мѣстами платежей, замѣнившихъ отдѣленія професіональныхъ союзовъ.

Этимъ думали избѣжать зацѣпокъ прусского закона о союзахъ, который, какъ известно, запрещалъ объединеніе политическихъ союзовъ. Но кассационный судъ оказался слишкомъ хитрымъ и не позволилъ шутить съ собою: онъ объявилъ, что мѣста платежа должны считаться союзами и поэтому не имѣютъ права, разъ они занимаются политикой, вступать въ соединеніе между собою и, если они не вступили въ таковое, то не имѣютъ права заниматься политикой. Раздѣленіе должно было по плану генеральной комиссіи быть проведено прежде всего по профессіямъ: хотя, какъ идеаль, были намѣчены союзы цѣлыхъ отраслей промышленности, но для нихъ пока еще не вездѣ настало время.

Всѣ центральные союзы должны были соединиться, имѣя во главѣ постоянную генеральную комиссию, резиденція которой должна была быть въ Гамбургѣ; комиссія эта должна была исполнить прежде всего слѣдующія функции:

- 1) Служить посредникомъ между различными организаціями;
- 2) Организовать правильную статистику, которая давала бы профессиональнымъ союзамъ свѣдѣнія объ ихъ составѣ и дѣятельности.

Какъ известно, этотъ проектъ генеральной комиссіи представляетъ въ существенныхъ чертахъ планъ, лежащій въ основѣ современной организаціи нѣмецкихъ профессиональныхъ сою-

зовъ. Гальберштадтскій конгрессъ высказался окончательно не въ пользу мѣстныхъ организацій, представители которыхъ покинули засѣданія конгресса и тѣмъ повліяли на дальнѣшее направление внутренняго развитія.

Напротивъ, генеральная комиссія должна была снова завоевать себѣ право на существованіе на второмъ конгрессѣ професіональныхъ союзовъ, который засѣдалъ въ 1896-мъ году въ Берлинѣ. Послѣ этого вопросъ объ организаціи уже не ставился на очередь, и *третій конгрессъ*, засѣдавшій въ 1899-мъ году во Франкфуртѣ на Майнѣ, не имѣлъ болѣе нужды возбуждать пренія о формахъ организаціи. Онъ видѣлъ свою задачу въ занятіи внутреннимъ устройствомъ професіональныхъ союзовъ.

Спокойно и съ большимъ знаніемъ дѣла занялся онъ изслѣдованіемъ жгучихъ вопросовъ о тарифныхъ комитетахъ, о посредничествѣ въ пріисканіи занятій и о помощи безработнымъ.

Въ юридическія и административныя отношенія професіональныхъ союзовъ, напротивъ, истекающее столѣтіе не внесло никакихъ существенныхъ перемѣнъ. И это во всякомъ случаѣ счастье: перемѣны при современномъ положеніи дѣлъ могли произойти только къ худшему. Большое счастье, что страшный призракъ каторжного закона былъ разсѣянъ въ прошломъ вѣкѣ. Пусть послужить это благопріятнымъ предзнаменова-

ніемъ того, что уже дѣйствительно наступило утро, которое гонить привидѣнія и показываетъ вещи въ ихъ дѣйствительномъ видѣ.

Но все, что я вамъ сообщилъ, должно только послужить материаломъ для оцѣнки виѣшней стороны процесса развитія германскихъ профессиональныхъ союзовъ. Познакомившись въ общихъ чертахъ съ нею, мы должны перейти къ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ внутренней связи между отдѣльными виѣшними проявленіями.

При этомъ, прежде всего, напрашивается вопросъ: какой приговоръ произнести намъ относительно дороги, пройденной профессиональными союзами со времени ихъ возникновенія? Благопріятный или нѣтъ? Много принесли они пользы или мало? Разумѣется, отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ въ значительной степени зависѣть отъ субъективной оцѣнки. мнѣ кажется, что оба противоположныя рѣшенія одинаково справедливо отвѣчаютъ на эти вопросы. Имѣются всѣ основанія для пессимистического рѣшенія. Какъ еще немного профессионально организованныхъ рабочихъ въ Германіи. Въ лучшемъ случаѣ ихъ 700000, а между тѣмъ въ 1895 году въ одной промышленности насчитывалось 6000000 рабочихъ, не говоря уже о земледѣліи, торговлѣ и транспортѣ. Итакъ, даже среди собственно промышленныхъ рабочихъ организовано немного болѣе 10%/. Какая разница по сравненію

съ Англіей! и, что дѣлаетъ сравненіе еще болѣе неблагопріятнымъ для Германіи: какъ мало имѣеть теперь еще значенія въ Германіи міръ профессіональныхъ союзовъ, какъ ничтожны ихъ средства, какъ безсильны они противъ любого каприза великихъ и сильныхъ въ царствѣ капитализма! Какъ безусловно, не обращая ни на что вниманія, можетъ еще и теперь въ большей части германской промышленности нарядившійся въ юнкерскій костюмъ, абсолютный владыка фабрики игнорировать съ презрительнымъ смѣхомъ желанія и стремленія своихъ рабочихъ, какъ будто ихъ совсѣмъ нѣтъ на этомъ свѣтѣ. Игнорировать, совершенно не замѣтить ихъ, разматривать, какъ ничто—это гораздо хуже, чѣмъ если-бы онъ, по крайней мѣрѣ, неистово боролся противъ нихъ. Но что такое въ настоящее время для какого-нибудь Круппа или Штумма союзъ металлургистовъ? Ничто!

Но съ такимъ же правомъ, кажется мнѣ, можно высказать и оптимистическое сужденіе. Стоитъ только указать на непрерывный подъемъ въ теченіе послѣднихъ 10—15 лѣтъ, на все увеличивающееся единообразіе дѣйствій, на быстрое возрастаніе числа членовъ, на усиленіе за послѣднее время кассъ, и вы можете по справедливости назвать очень значительнымъ дѣломъ объединеніе 700.000 рабочихъ съ бюджетомъ въ 6—7 миллионовъ марокъ.

Намъ удастся, я думаю, составить объективное суждение объ ихъ внутреннемъ содержаніи, вполнѣ соответствующее ихъ положенію, объединивши оба эти взгляда слѣдующимъ положеніемъ: хотя современное развитіе професіонального движения въ Германии еще къ сожалѣнію ничтожно, но оно даетъ право питать самыя радужныя надежды относительно будущаго, такъ какъ съ нѣкоторыхъ поръ оно стало на здоровый путь мирнаго прогресса.

Это позволяетъ намъ такъ опредѣлить нашу научную задачу: показать, съ одной стороны, причины, которыя обусловили ничтожное до сихъ поръ общее развитіе союзовъ, а съ другой—причины, которымъ главнымъ образомъ обязанъ энергической прогрессъ послѣдняго десятилѣтія. Большею частью указываются на отношеніе къ рабочимъ професіональнымъ союзамъ законодательства и администраціи, какъ на причину слабаго развитія професіональнаго движения въ Германии.

Наше право коалицій въ высшей степени неудовлетворительно и окружено колючою изгородью безполезныхъ карательныхъ постановленій: наше право союзовъ и собраній представляеть плачевную картину и недостойно современного государства; а примѣненіе и безъ того отнюдь не благосклоннаго къ рабочему движению законодательства судами и администрацией вовсе не

обнаруживаетъ склонности смягчать букву закона, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ симпатій къ стремленіямъ рабочихъ.

Правда, мы имѣемъ „свободу коалицій“, но далеко не общую, какъ это часто думаютъ. Статья 152 имперскаго промышленнаго устава гласить, какъ известно, только, что: „всѣ запрещенія и уголовныя положенія для ремесленниковъ, подмастерьевъ и фабричныхъ рабочихъ заключать соглашенія и союзы съ цѣлью достиженія болѣе выгодной заработной платы и условій труда, а особенно при помощи остановки работъ или увольненія рабочихъ, а равно и соотвѣтствующія карательныя постановленія“ отмѣняются. А это означаетъ: запрещенія коалицій, существовавшія въ государствахъ Германскаго союза до 1869 года объявляются чисто отрицательнымъ образомъ отмѣненными, *однако*—только узко ограниченаго круга наемныхъ рабочихъ, именно для рабочихъ *промышленныхъ*. Такимъ образомъ тамъ, где существовали для какой-либо другой категоріи рабочихъ мѣстные законы противъ коалицій, не отмѣненные специальнымъ актомъ, они продолжаютъ существовать и до сихъ поръ. А это—перо отказывается писать подобная вещи въ XX столѣтіи—въ дѣйствительности бываетъ еще не въ ничтожномъ съ практической точки зрѣнія числѣ случаевъ. Такъ въ восьми германскихъ союзныхъ государствахъ: Гессенѣ, Ольден-

бургъ, Брауншвейгъ, Шварцбургъ-Рудольфштадтъ, Шварцбургъ-Вондерсгаузенъ, Саксенъ-Альтенбургъ, Вальдекъ и Шаумбургъ-Липпе—постановление 1854 года еще и теперь не потеряло силы, и все политические союзы рабочихъ запрещены. Но по решению имперского суда, мы имѣемъ дѣло уже съ политическимъ союзомъ, какъ только какая-либо промышленная корпорація вмѣшается въ сферу дѣйствія Государства, т. е. какъ только она начинаетъ предъявлять требованія къ органамъ государства и къ его дѣятельности, напр., если она станетъ обсуждать какой-нибудь вопросъ изъ области рабочаго законодательства или государственного страхованія рабочихъ. Гораздо большее практическое значеніе имѣеть все-таки второй важный случай запрещенія коалицій, сохранившій еще силу. Это—созданное прусскимъ закономъ отъ 24-го апрѣля 1854 года постановленіе, по которому прислугѣ, морякамъ и сельско-хозяйственнымъ рабочимъ воспрещается собираться, сговариваться, объединяться и добиваться лучшихъ условій труда. И при этомъ дѣло идетъ не только о сельскихъ рабочихъ, которые, какъ говорятъ, „связаны контрактомъ“, т. е. батракахъ и т. п., но также и о такихъ „рабочихъ, которые нанялись на какія-нибудь работы по сельскому хозяйству или лѣсоводству, напр. на уборку хлѣба или сѣна, на мелiorативныя ра-

боты или рубку лѣса", т. е. практически о всѣхъ сельскихъ рабочихъ.

Что же касается тѣхъ группъ рабочихъ, къ которымъ по закону приложимо право коалицій, то и эти рабочие не могутъ считаться вполнѣ удовлетворенными. Ибо за статьею 152 промышленного устава слѣдуетъ статья 153-я, которая въ сущности опять уничтожаетъ почти всю ту свободу коалицій, которая дана была предыдущей статьею. Эта статья, которая цитировалась особенно часто въ послѣднее время, гласить:

„Всякій, кто при помощи физического насилия, угрозъ, оскорблений или безчестящихъ заявленій побуждаетъ или пытается побудить другихъ, принять участіе въ вышеуказанныхъ (ст. 152) соглашеніяхъ, или слѣдовать за ними, а также всякий, кто при помощи подобныхъ средствъ препятствуетъ или пытается воспрепятствовать другимъ отступить отъ вышеуказанныхъ соглашеній, наказывается тюремнымъ заключеніемъ срокомъ до 3-хъ мѣсяцевъ, если только по общему уголовному уложенію онъ не подлежитъ болѣе супроводной карѣ».

Такимъ образомъ — замѣтимъ, что этого преимущества не раздѣляетъ съ ними никакой другой классъ въ нашемъ государствѣ — неорганизованные или враждебные организаціи рабочие, для которыхъ специально придумано въ новѣйшее

время ласковое название «желающіе работать» (*Arbeitswillige*), пользуются особенной защитой отъ покушеній со стороны своихъ организованныхъ товарищей. О чести и доброй славѣ ихъ заботятся гораздо больше, чѣмъ о чести и доброй славѣ какого нибудь другого слоя населенія; вѣдь въ то время, какъ всѣ мы, простые смертные, должны довольствоваться общимъ уголовнымъ уложеніемъ, для «желающихъ работать» отечески заботливый законодатель имѣть на готовѣ еще и специальная постановленія. Это напоминаетъ известную поговорку: ст. 152 говоритъ: „обмой меня“, а ст. 153: „только смотри не намочи“.

Но еще болѣе отсталымъ, чѣмъ наше право коалицій, хотя это кажется почти невозможнымъ, является наше право союзовъ и собраній. Для его характеристики достаточно указать на два факта:

1. что оно еще и теперь, въ XX столѣтіи, въ четвертое десятилѣтіе существованія новой Германской имперіи, въ эпоху, которая заявляетъ претензію стоять „подъ знакомъ обращенія“, опредѣляется не однообразными законами имперіи, а законами отдельныхъ государствъ; и

2. что всѣ законы отдельныхъ союзныхъ государствъ, регулирующіе право союзовъ и собраній, ведутъ свое происхожденіе отъ пятидесятихъ годовъ; поэтому они исходить не изъ

той идеи, очевидной для насть, что, если собирается нѣсколько лицъ или они устраиваютъ общество, то до этого нѣтъ никому дѣла, и всего менѣе полиції, само собой разумѣется, до тѣхъ поръ, пока не нарушаются общіе законы; они исходятъ изъ противоположной идеи, которая тѣмъ не менѣе казалась вполнѣ естественной реакціоннымъ правительствамъ, еще не оправившимся отъ испуга 1848-го года, именно изъ идеи, что за каждымъ политическимъ обществомъ, за каждымъ общественнымъ собраніемъ скрывается, говоря словами Путткаммера, гидра революціи.

Если сопоставить все то въ законодательствѣ и администраціи, что должно отравлять рабочимъ союзамиъ жизнь, то неизбѣжно приходишь къ убѣжденію, что этого слишкомъ достаточно, чтобы дѣйствовать задерживающимъ и замедляющимъ образомъ на развитіе професіональныхъ союзовъ. Прежде всего то табу, которое наложено законодательствомъ на сельскихъ рабочихъ, представляеть страшное препятствіе для распространенія рабочихъ организацій въ деревнѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ остается надежда, что въ деревнѣ скоро вовсе не останется рабочихъ или останется ихъ столько, что организація ихъ не будетъ за-служивать труда.

Такимъ образомъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что развитіе професіональныхъ

союзовъ въ Германіи шло-бы гораздо быстрѣе, если-бы у насъ было современное право коалицій, обществъ и собраній, если-бы у насъ былъ штатъ чиновниковъ, идущій наряду съ вѣкомъ, и судебное сословіе, менѣе враждебное рабочему движению. Но вотъ, что я могу противопоставить господствующему воззрѣнію: я не могу придавать преобладающаго значенія подобнымъ несовершенствамъ законодательства и администраціи. Послѣдніе причиняютъ затрудненія, но далеко не непреодолимы. Вѣдь именно это показываетъ намъ историческое изслѣдованіе вопроса: несмотря на законъ о соціалистахъ, несмотря на путткаммеровское распоряженіе о стачкахъ, професіональное движение всетаки подвинулось впередъ. Съ нѣкоторымъ правомъ можно, пожалуй, даже сказать: благодаря этимъ враждебнымъ мѣрамъ. Вѣдь сопротивленіе, какъ известно, способствуетъ развитію силъ.

Если непремѣнно надо искать причину отсталости германскаго професіональнаго движенія въ отношеніи къ нему государственной власти, то было-бы правильнѣе разсматривать, какъ политику подавленія этого движенія, особый родъ офиціальной соціальной политики. Я разумѣю отклоненіе рабочихъ отъ самостоятельной защиты своихъ интересовъ посредствомъ обязательного государственного страхованія. По крайней мѣрѣ, духовные отцы этихъ законовъ, Бисмаркъ и

Штуммъ, видѣли цѣль, которая собственно должна быть достигнута ими въ томъ, чтобы зажать ротъ рабочимъ, подавить всякое самостоятельное движение и воспитать въ средѣ рабочихъ консервативное довольство. Они держались девиза:

Verbrauet Eurem Magistrat
Der fromm und liebend schützt den Staat
Durch huldreich hochwohlweisés Walten;
Euch ziemt es, stets das Maul zu halten! ¹⁾

Я уже указалъ въ другомъ мѣстѣ на то, что перенесеніе всего дѣла обезпеченія рабочихъ въ случаяхъ болѣзни, увѣчья, инвалидности и смерти въ руки государства естественно должно было ослабить значеніе профессіональныхъ союзовъ, какъ кассъ взаимопомощи, и этимъ отнять средство привлекать членовъ, важность котораго англійскіе трэдъ-юніоны до сихъ порь не перестаютъ оцѣнивать слишкомъ высоко.

Но и этому обстоятельству мы не можемъ придавать слишкомъ большого значенія.

Больше вниманія мы должны обратить на то, что экономическое развитіе Германіи все еще сравнительно молодо. Капиталистическая революція еще только началась. Годы грюндерства закончили прологъ; въ 1880 году начался первый актъ, второе явленіе котораго пришлось на по-

¹⁾ Положитесь на правительство, которое честно и съ любовью охраняетъ государство милостивымъ и мудрымъ правлениемъ; вамъ остается только держать языкъ за зубами.

слѣднєе десятилѣтіе истекшаго столѣтія. Поэтому мы не должны удивляться, если въ рабочемъ движениі, отражающемъ фазы капиталистического развитія наталкиваемся еще на всѣ признаки раннаго дѣтства съ неизбѣжнымъ прорѣзываніемъ зубовъ и дѣтскими болѣзнями: неправильности организації, личные раздоры, слова, выступающія вмѣсто дѣла, и тому подобныя явленія.

Безъ сомнѣнія—здесь мы приступаемъ къ весьма важному пункту—внимательному наблюдателю можетъ показаться, что эти явленія, свойственные дѣтскому возрасту держались въ германскомъ профессиональномъ движениі слишкомъ долго, что движение это не развивалось параллельно съ экономическимъ развитіемъ страны. Мы не должны, конечно, забывать того, что длинные періоды роста англійскихъ профессиональныхъ союзовъ не могутъ служить масштабомъ для соответствующихъ фазъ развитія нашихъ рабочихъ организацій. Послѣдніе опираются на завоеванія и опытъ первыхъ, а всякому очевидно, что для созданія типа современного профессионального союза нуженъ совсѣмъ другой періодъ времени, чѣмъ для приспособленія уже выработаннаго къ условіямъ другой страны. Теперь надо только дать молодымъ деревцамъ укорениться, англійскіе-же рабочіе должны были ждать, пока посѣянное сѣмя дасть ростки.

Но существеннѣйшимъ моментомъ, затрудняющимъ развитіе германскихъ профессіональныхъ союзовъ, я считаю особенность вытекающую изъ специфического способа ихъ возникновенія: проклятие, тяготѣвшее надъ ихъ рожденiemъ, заключается въ томъ, что они появились на свѣтъ въ качествѣ отростковъ политическихъ партій, оно и теперь нездоровыми проявленіями даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу.

Что значитъ этотъ своеобразный актъ рожденія? Прежде всего, *раздробленіе*. Что еще и теперь существуютъ рядомъ другъ возлѣ друга соціалъ-демократические и свободомыслящіе союзы, которые при случаѣ готовы даже вѣпиться другъ другу въ волосы; что рядомъ съ этими двумя главными группами непрерывно возникаютъ новыя организаціи, которыхъ выставляютъ себя „безпартійными“, „христіанскими“, „консервативными“ или еще какими-нибудь въ противоположность свободомыслящимъ и соціалъ-демократамъ и такимъ образомъ увлекаютъ за собою часть способныхъ къ профессіональной организаціи элементовъ—всѣ эти условія, ослабляющія общее развитіе профессіонального движенія, были бы устраниены, если бы нѣмецкіе профессіональные союзы не были плотью отъ плоти политическихъ партій. Далѣе, смыщеніе политическихъ стремленій съ профессіональными во всякомъ случаѣ ослабляетъ послѣднія. Различіе цѣлей и

потребностей дѣлаетъ затруднительнымъ объединеніе дѣятельности въ томъ и въ другомъ направлениіи. Лучшіе люди партіи, особенно когда послѣдняя находится въ періодѣ развитія, будуть заняты дѣлами послѣдней и защиту профессіональныхъ интересовъ они могутъ брать на себя въ то же время, какъ дѣло второстепенное. Но невыгоды для этихъ интересовъ отъ связи съ партійно-политическими стремленіями еще усиливаются въ данномъ случаѣ характеромъ тѣхъ партій, которые вызвали это движение къ жизни. Сюда прежде всего относятся отпрыски свободомыслящей партій: Гиршъ-дункеровскіе союзы. Они страдаютъ прежде всего отъ того, что не исповѣдуютъ соціаль-демократическихъ убѣждений и даже противятся самыми ожесточеннымъ образомъ распространенію соціаль-демократіи. Еще и теперь каждый новый членъ Гиршъ-дункеровскаго професіональнаго союза долженъ дать подписку въ томъ, что онъ не принадлежитъ къ соціаль-демократической партіи и въ будущемъ намѣренъ держаться въ сторонѣ отъ нея. А такой образъ дѣйствія означаетъ смертный приговоръ для всякаго рабочаго движенія въ Германіи. Кто у насъ хочетъ защищать интересы рабочихъ и въ то же время стоитъ въ сторонѣ отъ соціаль-демократіи и даже выступаетъ противъ нея, тотъ заранѣе осужденъ на полное безсиліе. Во всякомъ случаѣ, такъ было до сихъ поръ.

Престижъ этой партии въ средѣ рабочаго класса Германіи такъ великъ, что должно случиться чудо или пройти по меньшей мѣрѣ 10 лѣтъ, прежде чѣмъ она встрѣтитъ сильнаго соперника съ какой-либо другой стороны. Кромѣ всего про-чаго, двѣнадцать лѣтъ закона противъ соціалистовъ и гоненій на рабочихъ сдѣлали союзъ между рабочими и соціаль-демократіей неразрыв-нымъ по всей вѣроятности на долгое время. Они скованы другъ съ другомъ кровью и же-лѣзомъ. Изъ этого ясно, что всякое партійное стремленіе къ организаціи рабочаго класса, враждебное соціализму, должно постоянно довольствоваться такими же скромными результатами, какъ и Гиршъ-дункеровскіе профессіональные союзы¹⁾). Но если эти союзы страдаютъ отъ того, что не принадлежатъ къ соціаль-демократіи, то большей части остальныхъ профессіональныхъ

1) Читатель, принадлежащий къ партіи центра, почувствуетъ пожалуй побужденіе поставить въ этомъ мѣстѣ на поляхъ вопросительный знакъ. Онъ будетъ неправъ. Конечно дѣло здѣсь идетъ только о рабочихъ съ развитымъ классо-вымъ сознаніемъ. Будущее покажетъ, долго ли центръ будетъ въ силахъ уберечь ихъ отъ соціаль-демократіи. Пораженія центра именно въ промышленныхъ центрахъ (Верхняя Си-лезія) за послѣдніе годы даютъ поводъ для размышиленія. Тотъ способъ, которымъ центръ старается отвратить угро-жающее ему пробужденіемъ классового сознанія отчужденіе рабочихъ массъ посредствомъ очень искуснаго учрежденія „безпартійныхъ“ профессіональныхъ союзовъ (см. прило-женіе I), говорить во всякомъ случаѣ за правильность запи-щаемаго здѣсь взгляда.

союзовъ приносить вредъ то обстоятельство, что они ведутъ свое происхожденіе отъ соціаль-демократической партіи.

Я указалъ уже на то, какъ враждебно относились лассалеанцы къ идеѣ професіональнаго объединенія и какъ Швейцеръ искусствымъ ходомъ отчасти съумѣлъ воспользоваться вѣтромъ професіональнаго движенія для своихъ парусовъ. Но духъ Лассала вопреки Швейцеру жилъ еще цѣлые годы, цѣлые десятки лѣтъ среди нѣмецкихъ рабочихъ, а этотъ духъ былъ рѣшительно неблагосклоненъ ко всякому професіональному движенію. Взгляды Лассала на сущность исторического развитія противорѣчили идеѣ професіональнаго движенія. Объ англійскихъ условіяхъ онъ, очевидно, вовсе не имѣлъ яснаго представленія. Въ дѣйствительности англійскіе професіональные союзы были открыты для нѣмецкой науки впервые Брентано, и въ то же время, т. е. въ началѣ 70-хъ годовъ для практики—Гиршемъ. Этимъ объясняется то, что Лассаль въ своемъ „Гласномъ отвѣтѣ“, упоминая о потребительныхъ обществахъ, товариществахъ ремесленниковъ и подобныхъ имъ организаціяхъ ни однимъ словомъ не обмолвился о професіональномъ движеніи и что онъ могъ написать въ своемъ „Anti-Schulze“ (изд. 1878 г. стр. 172). слѣдующія строки:

„Изъ этого общественнаго положенія нельзѧ

выйти путемъ организаціи обществъ. Напрасныя усилия стать человѣкомъ представляютъ англійскія стачки (пріостановки работъ) печальный исходъ которыхъ достаточно извѣстенъ. Поэтому, рабочіе могутъ выйти изъ этого затруднительного положенія только черезъ тѣ сферы, внутри которыхъ они еще считаются людьми, т. е. черезъ государство, но черезъ такое государство, которое поставитъ своею задачею то, чего нельзя избѣгать долгое время. Отсюда инстинктивная, но безграничная ненависть либеральной буржуазіи противъ самаго понятія о государствѣ во всѣхъ его проявленіяхъ".

Наоборотъ, тѣ элементы германской соціаль-демократіи, которые прониклись марксистскимъ духомъ, не могли конечно застыть въ такой принципіальной оппозиції профессіональному движению, какъ Лассаль и его приверженцы. Марксы и пріѣхавшіе изъ Лондона апостолы марксизма всетаки стояли слишкомъ близко къ міру англійскихъ трэдъ-юніоновъ, чтобы безъ дальнихъ разговоровъ покончить со всѣми стремленіями рабочихъ къ организаціи въ профессіональной области однимъ замѣчаніемъ, основаннымъ на полномъ незнаніи дѣла, какъ это дѣлаетъ Лассаль. Марксы и его послѣдователи знали также очень хорошо, что въ задуманномъ ими интернаціональномъ соціалистическомъ объединительному движениі пролетаріевъ всѣхъ странъ нельзя было

обойтись безъ англійскихъ сторонниковъ профессіональныхъ союзовъ, не возбуждая смѣха, въ силу чего, при основаніи *Международной ассоціації рабочихъ* было обращено соотвѣтствующее вниманіе на профессіональные интересы. Въ поддержкѣ стачекъ его вожди видѣли даже одно изъ существеннѣйшихъ средствъ агитаціи въ пользу его идеаловъ. Затѣмъ мысль воспользоваться профессіональными организаціями обсуждалась очень оживленно на каждомъ слѣдующемъ конгрессѣ *Международной ассоціації рабочихъ*. На Базельскомъ конгрессѣ 1869-го г., было формулировано постановленіе:

«Конгрессъ объявляетъ, что всѣ рабочіе должны энергично стремиться къ учрежденію профессіональныхъ союзовъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности».

Какъ только возникнетъ такое товарищество обѣ этомъ должны быть увѣдомлены секціи, союзы группъ и центральные комитеты, которые принадлежать къ той-же отрасли промышленности, чтобы имѣть возможность приступить къ организаціи національныхъ союзовъ профессіональныхъ товариществъ. На эти союзы должна быть возложена задача собирать всѣ свѣдѣнія, касающіяся ихъ отраслей промышленности, обсуждать сообща мѣры, которыя надо принять и содѣйствовать осуществленію и усилѣнію этихъ мѣръ, пока современная система наемнаго труда

не будетъ вытѣснена асоціаціей свободныхъ работниковъ.

Совершенно тѣмъ-же духомъ открытаго сочувствія професіональному движению дышатъ резолюціи, принятыя тогда германской соціаль-демократической партіей, вызванной къ жизни Бебелемъ и Либкнектомъ; отношеніе ея къ професіональному движению было охарактеризовано выше. Бебель былъ вполнѣ правъ, отклоняя, нѣсколько лѣтъ тому назадъ на соціаль-демократическомъ партейтолѣ въ Кёльнѣ, сдѣланный ему упрекъ, будто онъ только мало по малу научился интересоваться професіональными союзами. Съ самаго начала своей дѣятельности на соціаль-демократическомъ поприщѣ онъ, безъ сомнѣнія, усердно старался содѣйствовать професіональному движению, и резолюція, принятіе которой закончило Эйзенахскія пренія 1869-го года, было предложено Бебелемъ и Гиркомъ; эта резолюція гласила слѣдующее: „соціаль-демократическая партія вмѣняетъ въ обязанность каждому изъ своихъ членовъ всѣми средствами содѣйствовать объединенію професіональныхъ союзовъ, но подъ тѣмъ условіемъ, что эти союзы откажутся отъ предсѣдательства господина фонъ-Швейцера“. Вмѣстѣ съ тѣмъ конгрессъ рекомендуется болѣе широкое учрежденіе професіональныхъ товариществъ на международной основѣ. Такимъ образомъ, до извѣстной степени спра-

ведливо, то что марксистская соціаль-демократія въ Германії уже издавна признавала професіональное движение. И всетаки я считаю вполнѣ вѣрнымъ мое утвержденіе, что соціаль-демократическая опека задержала развитіе своего питомца. Въ томъ, что всѣ ортодоксальные марксисты на создание професіональныхъ союзовъ никогда не смотрѣли и не могли смотрѣть какъ на самостоятельную задачу, а всегда — какъ на средство для достиженія цѣли, можно также мало сомнѣваться, какъ и въ фактѣ ихъ энергичнаго участія въ учрежденіи этихъ союзовъ. Сдѣлать всѣ приготовленія къ тому, чтобы въ великій моментъ крушенія буржуазнаго мира соціаль-демократическая дѣви имѣли масло въ своихъ свѣтильникахъ — вотъ въ чёмъ видѣла эта партія свою задачу, а при такихъ условіяхъ она могла въ лучшемъ случаѣ въ професіональныхъ организаціяхъ видѣть только школу для подготовки рабочихъ баталіоновъ къ предстоящей битвѣ.

Это — въ лучшемъ случаѣ; очень-же часто она должна разсматривать професіональное движение, какъ элементъ враждебный ея дѣлу. Такъ самый вліятельный въ настоящее время теоретикъ ортодоксальнаго марксизма развивалъ свои воззрѣнія въ направленіи все болѣе и болѣе враждебномъ всякимъ професіональнымъ стремленіямъ. «Тамъ, гдѣ професіональное движение»

пишеть онъ, напримѣръ, въ своей «Эрфуртской программѣ», «приводить къ развитію односторонняго кастоваго духа и къ аристократической исключительности, какъ то имѣть мѣсто въ Англіи, тамъ оно не только содѣйствуетъ подъему пролетаріата, какъ класса, но даже можетъ задержать и затруднить этотъ подъемъ. Между тѣмъ организованные рабочіе могли-бы оказать услугу общему рабочему дѣлу, дѣйствуя пробуждающимъ и ободряющимъ образомъ на своихъ „неквалифицированныхъ“ братьевъ. Я буду еще имѣть случай показать, какъ мало въ дѣйствительности гармонируютъ между собою ортодоксально-марксистскій и профессіональный духъ. Здѣсь достаточно указать, что даже тамъ, гдѣ со стороны соціал-демократіи оказывалась поддержка профессіональному движенію, на эту дѣятельность смотрѣли не какъ на преслѣдованіе самостоятельной цѣли, но исключительно, какъ на средство для достижения цѣли, лежащей въ профессіональнаго движенія. И въ этомъ обстоятельствѣ, я думаю, можно не безъ основанія видѣть причину, задерживающую свободное развитіе профессіональнаго движенія.

Отсюда выводъ: послѣ того какъ нами изслѣдовано и представлено значеніе причинъ, дѣйствующихъ задерживающимъ образомъ на развитіе профессіональнаго движенія, въ ихъ истинной послѣдовательности, представляется естествен-

нымъ искать причины, которымъ мы обязаны быстрымъ прогрессомъ послѣдняго десятилѣтія, въ соотвѣтствующемъ ослабленіи вышеуказанныхъ задерживающихъ моментовъ. Такъ оно и есть въ дѣйствительности. Правда, отношеніе общественныхъ властей въ государствѣ едва-ли измѣнилось за послѣдніе годы въ пользу рабочаго движенія, поэтому, съ этой стороны, нельзя объяснить наступленія новой фазы въ профессіональномъ движеніи. Зато въ двухъ другихъ рядахъ причинъ, которымъ мы приписывали медленность его развитія, наблюдается какъ разъ за послѣднее десятилѣтіе огромный переворотъ.

Прежде всего, Германія двигается гигантскими шагами по пути промышленного капитализма. Нѣть надобности приводить доказательства этого факта. Всюду вы можете найти пару убѣдительныхъ цифръ, указывающихъ на возрастаніе производства и обращенія. При томъ-же, этотъ колоссальный подъемъ каждый изъ насъ переживаетъ. Куда ни глянешь, растетъ и развивается, какъ послѣ теплого дождя въ весеннюю ночь. Сосѣднія страны отступаютъ съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ недовольствомъ, когда юный великанъ германского народнаго хозяйства начинаетъ раздвигать и выпрямлять свои колоссальные члены. А мы знаемъ, конечно, что экономическій прогрессъ въ наше время означаетъ расширение и распространеніе капиталисти-

ческой системы хозяйства; что расширение капиталистической системы означаетъ, въ свою очередь, увеличеніе матеріала для професіональной организаціи, такъ какъ въ ряды пролетариата вербуются все большія массы населенія. Благопріятная конъюнктура представляеть еще одинъ моментъ, въ высшей степени содѣйствующій развитію професіональныхъ союзовъ. Она оживляетъ умы, наполняетъ ихъ надеждой, вызываетъ подъемъ духа, увеличиваетъ тѣлесныя силы для совершенія великихъ дѣлъ; она отклоняетъ прежде всего умъ отъ преслѣдованія отдаленнѣйшихъ цѣлей и возбуждаетъ больше склонности добиваться лежащаго ближе, стремиться къ непосредственной выгодѣ, такъ какъ успѣхъ теперь гораздо обезпеченнѣе, чѣмъ во времена застоя. Мы вступили въ періодъ, который имѣть нѣкоторое сходство съ тѣмъ, который пережила Англія съ 1850 и до средины восьмидесятыхъ годовъ: періодъ сказочнаго экономического подъема, періодъ колоссальнаго народно-хозяйственнаго развитія.

И эта погода очень благопріятствуетъ развитію зародышей професіонального движенія. Она ускоряетъ прежде всего процессъ, который можно представить себѣ всего характеристичнѣе, какъ процессъ оздоровленія професіональнаго развитія. Вмѣстѣ съ этимъ я перехожу ко второму ряду

причинъ, устраниеніе которыхъ дѣйствуетъ благопріятнымъ образомъ на професіональные союзы. Дѣло идетъ объ эмансираціи професіонального движенія отъ опеки политическихъ партій, короче—объ ихъ самостоятельности.

Совершается ли эта эмансирація на самомъ дѣлѣ? И изъ чего можно усмотрѣть ее, такъ какъ никто изъ участниковъ движенія не сознаетъ ее, а если даже и сознаетъ, то не считаетъ нужнымъ говорить о ней.

Я думаю, всякий внимательный наблюдатель нашего соціального движенія долженъ прежде всего признать фактъ, что въ германскомъ професіональномъ мірѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ выступилъ цѣлый рядъ новыхъ людей, которые теперь даютъ ему тонъ; но въ прошломъ десятилѣтіи они еще были совсѣмъ не извѣстны, и вліяніе ихъ не давало себя чувствовать.

Я говорю о людяхъ, подобныхъ фонѣ Эльму, Легину, Зешцу, Милларгу, Тимму, Дѣблингу, Першу и многимъ другимъ. Это—новое поколѣніе офицеровъ нашихъ професіональныхъ союзовъ, къ которымъ примыкаетъ соотвѣтствующее число унтеръ-офицеровъ, одушевленныхъ тѣми же стремленіями. Эти люди представляютъ новый типъ для Германіи. Это уже не професіональные политики, которые въ то же время берутся и за дѣло професіональныхъ союзовъ, только, какъ

за побочное занятие; это Gewerkschaftler¹) по профессии, которые посвящают свою жизнь и свои силы защиту и развитию профессиональных интересовъ. Благодаря этому они развиваются въ себѣ до полной зрѣлости тѣ специальные познанія и способности, которых требуются для политической жизни партіи. Происходитъ своего рода дифференціація талантовъ. По мѣрѣ того, какъ политическое рабочее движение принимаетъ все большие размѣры, соціалъ-демократія уже не требуетъ для своихъ цѣлей всѣхъ лучшихъ людей партіи. Партійная работа не занимаетъ всѣхъ дѣятельныхъ силъ и онѣ посвящаютъ себя дѣлу профессиональныхъ союзовъ. Неизбѣжный результатъ этой дифференціаціи—повышение работоспособности и съ той и съ другой стороны. Каждый изъ нихъ—и политикъ и профессіоналъ—и Gewerkschaftler защищаетъ теперь свое дѣло, которое онъ знаетъ основательно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, новый духъ, постепенно доводить теперь возможковъ професіонального движения до убѣжденія, что професіональное движение имѣть свою собственную душу, что оно живетъ своею собственою, черпающею основаніе въ немъ самомъ, жизнью. Благодаря тому, что дѣльные люди посвящаютъ всѣ свои силы одному дѣлу, у нихъ незамѣтно выростаетъ вѣра въ то дѣло, которое они защи-

¹) Gewerkschaftler — отъ Gewerkschaft (профессиональный союзъ).

щаются, и эта вновь возникшая въра въ профессиональное движение и есть прежде всего то чѣму я долженъ приписать успѣхи послѣдняго времени. Ибо эта въра въ дѣйствительность, въ благодѣтельность профессіональной борьбы даетъ душѣ тотъ размахъ, въ которомъ она нуждается, когда надо проявить великую дѣятельность,— даетъ способность обратить всю силу воли на преслѣдованіе одной цѣли.

„Все искусство практическаго успѣха состоитъ въ томъ, чтобы въ каждый моментъ концентрировать всѣ силы на одномъ пункѣ, на самомъ важномъ пункѣ и не уклоняться отъ него ни вправо, ни влево“—таково политическое завѣщаніе, которое оставилъ нѣмецкимъ рабочимъ Фердинандъ Лассаль и которое теперь впервые находитъ примѣненіе въ сферѣ профессіональныхъ стремленій. Только тогда, когда известное число руководителей перестало уже смотрѣть на профессіональную организацію главнымъ образомъ съ политической точки зрењія, но начинало видѣть въ ней самостоятельную цѣль, тогда только дорога для развитія этой организаціи освободилась отъ всѣхъ внутреннихъ преградъ, и могъ начаться періодъ постояннаго роста профессіональныхъ союзовъ.

Но не станемъ-ли мы тогда на ту-же точку зрењія, которой держались, поколѣніе тому назадъ, къ великому прискорбію всѣхъ истинныхъ друзей

рабочаго класса англійскіе рабочіе, на точку зре́ння безсодержательного „только трэдъ-юніонизма“, „профессионального тупоумія“, „погруженія въ болото специальности“, „кастовой исключительности“ и тому подобныхъ прелестей.

Вовсе нѣть; этого не допустило-бы даже то развитіе, которое приняла общественная жизнь въ Германіи. Мой убѣждennyй профессіоналъ не есть непремѣнно только профессіональ. Онъ можетъ, конечно, быть въ то же время и ръянымъ политикомъ, свободомыслящимъ изъ партіи центра, или сторонникомъ самостоятельной рабочей партіи,—я еще покажу вамъ въ послѣдствіи, какъ мало исключаютъ другъ друга профессіональное и политическое рабочее движение; професоіональ можетъ быть даже убѣжденнымъ соціалистомъ, ортодоксальнымъ соціаль-демократомъ, т. е. вѣрить въ будущій соціалистический строй на демократической основе и стремиться къ его осуществленію: вѣдь могутъ-же лучшіе историки и теоретики англійскихъ профессіональныхъ союзовъ и горячіе защитники трэдъ-юніонистской идеи супруги Веббъ быть въ то же время убѣждеными соціалистами.

Одно только несомнѣнно: убѣждennyй профессіоналъ не можетъ быть утопистомъ. Поэтому, предварительнымъ условіемъ успѣшнаго развитія профессіональнаго движения является побѣдонос-

ная борьба съ социальнымъ утопизмомъ, которая начинаетъ понемногу разгораться у нась.

Политическая дѣти, вѣрящія въ скорую гибель буржуазнаго міра, просто не обладаютъ еще зрѣлостью для работы на профессиональномъ поприщѣ. Люди, проникнутые такого рода догматизмомъ, никогда также, смѣю утверждать, не будутъ имѣть настроенія необходимаго для того, чтобы спокойно работать надъ медленно воздѣвгающимся строеніемъ профессиональныхъ союзовъ. Они будутъ постоянно выбѣгать, чтобы посмотретьъ не стоятъ-ли уже у дверей новое государство, въ которомъ текутъ молоко и медъ. Кто изъ васъ будучи твердо, непоколебимо убѣжденъ въ томъ, что міръ, какъ это недавно предсказывали, погибнетъ 13-го ноября, тотъ былъ-бы дуракомъ, еслибы-бы 12-го ноября еще дѣжалъ вклады въ сберегательную кассу, отдавалъ свои рубашки въ починку, приглашалъ тещу въ гости. Кто же, наоборотъ, убѣжденъ въ томъ, что пройдетъ много десятилѣтій, прежде чѣмъ капиталистический міръ будетъ смѣненъ другимъ, тотъ почувствуетъ истинную потребность слиться съ той обстановкой, которая современемъ должна быть устранина; только тотъ приобрѣтѣ истинное спокойствіе, необходимое для постоянной борьбы за лучшія условія жизни при данныхъ экономическихъ условіяхъ. Равнымъ образомъ, только тотъ можетъ сдѣлаться полез-

нымъ професіоналомъ, чиі понятія о сущности перехода капиталистической формы организаций въ соціалистическую очищены отъ всякаго уточническаго хлама. Кто все еще вѣрить въ дѣйствительность политическихъ дѣйствій безъ соответствующихъ хозяйственныхъ предпосылокъ, кто все еще позволяетъ водить себя за носъ старой робеспьеровщинѣ, диктатурѣ пролетаріата, кто все еще не видить, что, при измѣнившихся политическихъ условіяхъ нового времени, соціалистической идеалъ можетъ быть осуществленъ только путемъ постепенного органическаго измѣненія нашего правового порядка, кто все еще не понимаетъ, что мы живемъ въ эпоху проведения въ жизнь соціалистического строя обществъ, что никогда новый міръ не увидитъ болѣе радикальныхъ новшествъ, чѣмъ первый актъ законодательной защиты рабочихъ, первая муниципализація трамвая, совершенная по ясно сознаннымъ соціально-политическимъ мотивамъ, или приплата изъ государственныхъ суммъ къ каждой инвалидной рентѣ, тотъ безнадежно потерянъ для этого міра, тотъ никогда не научится понимать глубокій смыслъ профессионального движенія; онъ не пойметъ, что это движеніе есть не что иное, какъ одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ переходныхъ процессовъ, которые ведутъ изъ царства знатности и богатства въ царство труда и таланта.

Но, дѣйствительно-ли, профессиональное движение есть подходящее средство для проложенія пути къ болѣе совершенному общественному порядку. Можетъ-ли оно достигнуть тѣхъ цѣлей, которыя оно себѣ ставить? И слѣдуетъ-ли самымъ искреннимъ образомъ желать достижениія этихъ цѣлей или, наоборотъ, всѣми силами препятствовать ему, какъ дѣлу, противному культурѣ? И кто дасть намъ масштабъ для правильной оцѣнки того, что мы наблюдаемъ? ибо при всѣхъ поставленныхъ нами вопросахъ дѣло идетъ объ оцѣнкѣ значенія профессиональныхъ союзовъ. Объ этомъ я побесѣдую съ вами въ слѣдующій разъ.

ІV.

Сущность и значеніе професіонального движенія; его культурная миссія.

Не такъ давно не только среди лицъ заинтересованныхъ, что вполнѣ понятно, но и въ кругу людей, которыхъ професіональное движение не затрагивало лично, именно въ кругу научныхъ представителей политической экономіи, существовало два рѣзко враждебныхъ другъ другу лагеря. Тогда какъ одни считали професіональные союзы панацеей и, видя въ нихъ разрѣшеніе соціального вопроса, съ известнымъ упрямствомъ откращивались отъ всякой другой формы соціальной эволюціи, другіе смотрѣли на професіональные союзы, какъ на явленіе, свойственное исключительно Англіи, перенесеніе котораго въ Германію не только было бы практически безполезно, но даже вредно. Теперь мы разсуждаемъ хладнокровнѣ. Опытъ показалъ, что обѣ эти точки зрѣнія—безусловное восхваленіе и огульное порицаніе—одинаково далеки отъ истинной. Мы поняли, что професіональные

союзы являются однимъ изъ многихъ, быть можетъ важнѣйшимъ средствомъ для преобразованія нашего общественнаго порядка, но вовсе не связаны съ какой-нибудь опредѣленной страной и предназначены выполнить одинаково важныя функции во всѣхъ странахъ съ капиталистическимъ производствомъ. Мы научились вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть въ профессиональныхъ союзахъ интегрирующую составную часть нашей соціальной эволюціи и разматривать ихъ развитіе съ точки зренія исторического метода.

Одинъ взглядъ на современныя культурныя страны достаточно убѣдить насъ въ томъ, что капитализмъ не можетъ въ концѣ концовъ существовать безъ профессионального движенія. Цифры организованныхъ рабочихъ въ Англіи и Германіи намъ уже известны. Но въ другихъ странахъ наблюдаются тѣ же отношенія. Слѣдующій обзоръ современаго положенія профессионального движенія въ культурныхъ странахъ лучше всего можетъ послужить доказательствомъ всеобщности этого явленія. (Для болѣе подробныхъ справокъ слѣдуетъ указать на прекрасное сопоставленіе цифръ у *W. Kulemann, Die Gewerkschaftsbewegung, Iena, 1900. gr. 8°, 730 Seiten.*).

Въ професіональные союзы было организовано:

Въ Англіи (1898)	1.644.591 рабочихъ.
> Германіи > до	700.000 >

Въ Франції	419.761	рабочихъ.
> Австріи	105.855	>
> Швейцаріи (1896): въ профес. союзахъ въ узкомъ смыслѣ	54.562	>
во всякаго рода дру- гихъ рабочихъ союзахъ	119.619	>
> Бельгіи	70.000	>
> Голландіи	126.669	>
изъ нихъ 10106 въ соб- ственно проф. союзахъ.		
> Италиі нѣтъ достойной довѣрія статистики.		
> Даніі (1899)	96.295	>
> Норвегіи (1898) около	24.000	>
> Швеціи (1898) свыше .	50.000	>
Соед. Штаты (конецъ 1898)		
круглымъ счетомъ.	1.000.000	>

Если къ этимъ цифрамъ присоединить еще
данныя объ австралийскихъ профессиональныхъ
союзахъ, охватывающихъ будто бы три четверти
всѣхъ рабочихъ страны, то окажется, что въ
капиталистическомъ мірѣ подъ знаменами про-
фессиональныхъ организацій стоитъ армія свыше
четырехъ миллионовъ рабочихъ; подобная цифра
не оставляетъ болѣе никакого сомнѣнія въ томъ
фактѣ, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, при-
сущимъ одинаково всѣмъ странамъ съ капитали-

стической культурой, тѣмъ болѣе, что изъ сопоставленія приведенныхъ данныхъ слѣдуетъ, что профессіональное движеніе прямо пропорціонально степени капиталистического развитія страны и, очевидно, является логически необходимымъ слѣдствиемъ капитализма.

Но если данное явленіе представляется необходимымъ слѣдствіемъ определенныхъ хозяйственныхъ условій, то у насъ еще нѣть основаній относиться къ нему благопріятно или неблагопріятно. Однако, намъ всетаки хотѣлось бы дать известную оцѣнку значенія профессіональныхъ союзовъ. Какъ же начать?

Оцѣнку эту можно сдѣлать съ двухъ точекъ зрењія: съ точки зрењія заинтересованныхъ въ союзахъ группъ и съ точки зрењія національной культуры, или (какъ часто неправильно говорить) общихъ интересовъ.

Непосредственно заинтересованы въ профессіональномъ движеніи прежде всего, конечно, *рабочie*, а изъ нихъ главнымъ образомъ тѣ, которые организованы въ эти союзы. Что преимущественно послѣднія группы получаютъ выгоды отъ своего участія въ союзахъ ясно слѣдовало бы, казалось, уже изъ одного факта, что они—члены союзовъ. Однако существуютъ глубоко-мысленные люди, знающіе дѣло лучше и называющіе рабочихъ глупцами за то, что они помѣщаютъ свои скудныя сбереженія въ кассы про-

фессиональныхъ союзовъ. Повышеніе заработной платы, утверждаютъ они, произошло бы при благопріятныхъ условіяхъ рынка безъ всякихъ професіональныхъ союзовъ и стачекъ, а если его нельзя достичнуть этимъ „естественнымъ“ путемъ, то не помогутъ и никакія организаціи. Если даже вслѣдствіе забастовки и благодаря поддержкѣ удастся повысить плату или добиться какихъ-нибудь улучшенній, то это вовсе не такъ ужъ много по сравненію съ тѣмъ, что теряетъ рабочій во время стачки отъ непрерывной выдачи пособій и прогульныхъ дней.

Нѣть такой теоріи, которая, несмотря на свою ложность и неоднократныя опроверженія, не возрождалась бы по временамъ и не поселяла бы смуты въ неопытныхъ головахъ. Происходитъ это тогда, когда подобная, повидимому мертвая, теорія оказывается въ близкой связи съ чими либо интересами, откуда она почерпаетъ себѣ новую силу. То же происходитъ и съ теоріей повышенія заработной платы и со всѣмъ къ ней относящимся. Родбертусъ—шестьдесятъ, Брентано—тридцать лѣтъ назадъ, а въ промежутокъ между ними безчисленные другіе ученыe убѣдительнымъ образомъ доказали, что концепція старыхъ теоретиковъ о фондѣ заработной платы (такъ какъ имъ обязана своимъ существованіемъ важнѣйшая часть указанной выше теоріи) невѣрна. Точно также доказана была недѣйствительность

и непримѣнимость «желѣзного закона заработной платы», чѣмъ заграждень быль второй источникъ «теоріи». Но все тщетно: по временамъ то тутъ, то тамъ снова возникаеть болѣе или менѣе робкая попытка «теоретически» доказать безполезность профессіональныхъ союзовъ для рабочихъ. Какъ ни тяжело, а приходится въ виду этого и мнѣ въ нѣсколькихъ словахъ указать на полнѣйшую несостоительность этой «теоріи», что можно сдѣлать двумя различными способами.

Собственно говоря можно было бы ограничиться указаниемъ на несомнѣнное повышеніе уровня жизни организованныхъ рабочихъ, на улучшеніе ихъ условій труда, за которое боролись ихъ организаціи. Но, быть можетъ, цифровыя данныя, неоднократно приводимыя историками англійскихъ трэдъ-юніоновъ, Шульце-Гевернищемъ и другими, недѣйствительны? Тогда послушаемъ *ильмецкаго* рабочаго, на основаніи богатаго опыта высказавшаго недавно свой взглядъ на заслуги гамбургскихъ профессіональныхъ союзовъ:

„Каковъ же положительный результатъ двадцатипятилѣтней борьбы — спрашивается онъ въ концѣ составленнаго имъ отчета¹⁾. Въ короткихъ словахъ отвѣтъ будетъ таковъ: дальнѣйшія завое-

¹⁾ H. Bürger. Die Hamburger Gewerkschaften und deren Kämpfe von 1865 bis 1890 Hamburg, 1899.

ванія рабочихъ въ хозяйственной области, упроченіе професіональныхъ союзовъ и повышеніе жизненнаго уровня рабочихъ. Рабочее время сокращено на 3—4 часа въ день. Передъ борьбой въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ рабочій день продолжался съ 5 часовъ утра до 8 часовъ вечера, отъ 5 до 7 часовъ, позднѣе отъ 6 до 7, и, наконецъ, отъ 6 до 6 часовъ. Теперь тринадцати и четырнадцатичасовой рабочій день замѣненъ двѣнадцатичасовымъ. Дальнѣйшими этапами, отчасти уже достигнутыми, на пути къ восьмичасовому рабочему дню, являются рабочіе дни въ девять съ половиной и девять часовъ.

Заработка плата съ прежней—въ 9 и 12 марокъ въ недѣлю поднялась до 18 и 24 марокъ, а въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности установлена даже минимальная граница въ 27, 30 и 36 марокъ. Правда, издержки на содержаніе увеличились тоже вдвое и даже больше, но безъ професіональнаго движения не было бы повышенія заработной платы... Въ шестидесятыхъ годахъ особенно успешно шла борьба за уничтоженіе обычая столоваться и жить у хозяина; воскресный трудъ былъ отмѣненъ опять таки благодаря стараніямъ професіональныхъ союзовъ. Дальнѣйшимъ приобрѣтеніемъ слѣдуетъ считать введеніе устойчивыхъ заработныхъ тарифовъ и вознагражденіе съ согласія рабочихъ и т. д. “

Можно было бы указать также на различія

жизненного уровня рабочих въ хорошо организованныхъ и неорганизованныхъ отрасляхъ промышленности, напримѣръ, на условія жизни типографовъ и работницъ конфекціонныхъ промысловъ.

Но защитники теоріи безполезности профессиональныхъ союзовъ упрямы. Они не признаютъ такихъ доказательствъ. Они утверждаютъ, что *post hoc* не значитъ еще *propter hoc*. Нужно еще доказать, говорятъ они, что соответствующая категоріи рабочихъ не достигли бы такихъ успѣховъ *безъ* професіонального движенія. А если имъ приводятъ второй аргументъ—различie уровня жизни у организованныхъ и неорганизованныхъ рабочихъ, то они съ лукавой улыбкой отвѣчаютъ вамъ: пусть имъ докажутъ сначала, что разница эта, наличности которой не могутъ отрицать и они сами, является слѣдствiemъ, а не причиной хорошихъ или дурныхъ организацій. Какъ будто въ самомъ дѣлѣ у типографовъ не могло быть прочной организаціи, именно *потому*, что они много зарабатываютъ и вообще находятся въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ рабочie въ конфекціонной промышленности, для которыхъ условія рабочаго рынка неблагопріятны.

Подобнаго рода возраженія, если только они чистосердечны, доказываютъ, что таковое пониманіе взаимоотношеній хозяйственной жизни страдаетъ въ самомъ существенномъ пунктѣ.

Поэтому, чтобы убѣдить его, пришлось бы прибѣгнуть къ коренному разбору вопроса, что невозможно для насъ за недостаткомъ времени. Достаточно будетъ нѣсколькихъ указаній, чтобы выяснить то направленіе, въ которомъ нужно итти къ разрѣшенію этого вопроса.

Прежде всего, участіе рабочихъ въ національномъ доходѣ вовсе не заключено въ какія то ненарушимыя границы, расширеніе которыхъ было бы совершенно внѣ власти самихъ рабочихъ. Не существуетъ никакого „фонда заработной платы“ въ смыслѣ особаго вида имущества, не поддающагося увеличенію. Заработка плата можетъ повыситься во всякой данный моментъ за счетъ другихъ составныхъ частей національного дохода, т. е. за счетъ „прибавочной цѣнности“ въ широкомъ смыслѣ, вслѣдствіе ли уменьшенія предпринимательской прибыли вообще или вслѣдствіе повышенія цѣны товаровъ, не потребляемыхъ рабочимъ классомъ.

Теорія фонда заработной платы имѣла еще нѣкоторый *raison d'être* въ начальныхъ стадіяхъ капитализма, въ то время, когда суммы вкладываемыхъ въ промышленныя предпріятія капиталовъ были не такъ значительны: способность капиталистического производства къ развитію и расширенію была невелика, и на практикѣ обыкновенно приходилось имѣть дѣло съ ограниченными суммами. Теперь эта теорія совершенно

устарѣла. Теперь для предпринимателей, какъ класса, не представляеть никакихъ затрудненій съ практической стороны возмѣстить излишніе расходы, являющіеся необходимымъ слѣдствіемъ повышенія заработной платы. „Желѣзный законъ заработной платы“ получилъ смертельный ударъ въ тотъ моментъ, когда ему его же защитниками придана была такая формулировка: „средняя заработка плата всегда остается на уровнѣ издержекъ, необходимыхъ для поддержанія жизни, сообразно съ установившейся въ данномъ народѣ привычкой, и — для продолженія рода“ (Лассаль). Съ введеніемъ словъ „по установленной привычкѣ“ страшный законъ превратился въ безобидную тавтологію. Вѣдь никто не станетъ оспаривать, что заработка плата извѣстной страны стоитъ на высотѣ, соотвѣтствующей уровню жизни рабочихъ или правильнѣе говоря: уровень жизни рабочихъ бываетъ таковъ, какой возможенъ при данномъ состояніи заработной платы. А если высота заработка, слѣдовательно и уровня жизни, опредѣляется „привычкой“, то ее во всякой данный моментъ можно приоровать къ повышеннымъ требованиямъ рабочихъ. Такимъ образомъ, на практикѣ дѣло сводится къ тому, могутъ ли въ извѣстный моментъ рабочіе сдѣлать свой повышенный уровень жизни „привычнымъ“.

„Сдѣлать“ привычнымъ. Этими словами выдвигается въ противовѣсь теоріи механическаго образованія и регулированія высоты заработной платы уже указанная мною въ первой лекціи правильная соціальная точка зрењія. Съ этой точки зрењія распределеніе национального дохода является результатомъ борьбы между различными группами, борьбы, исходъ которой зависитъ не отъ очевидныхъ и подающихся цифровому подсчету условій товарнаго и рабочаго рынка, но въ столь же значительной степени и отъ другихъ факторовъ, опредѣляющихъ власть и силу партій. Мы видѣли, что организація есть одинъ изъ этихъ факторовъ. Разъ, такимъ образомъ, оказалось виѣ всякаго сомнѣнія, что рабочеѣ дѣйствительно *могутъ* завоевать себѣ лучшія условія жизни, даже большую долю участія въ общемъ доходѣ производства, то дальнѣйшимъ шагомъ является положеніе, что они *должны* завоевать ихъ. Все это необходимо вытекаетъ изъ правильнаго пониманія хозяйственныхъ явлений, представляющихъ намъ результатомъ безчисленныхъ столкновеній и соприкосновеній между живыми людьми, а не механической игрой безжизненныхъ, автоматически движущихся тѣлъ.

Но, если не подлежитъ сомнѣнію, что, въ случаѣ повышенія заработной платы и связаннаго съ нимъ увеличенія доли рабочихъ въ общемъ продуктѣ производства, этими выгодами рабочеѣ

обязаны главнымъ образомъ своимъ организаціямъ, то насколько рѣзче выступаютъ благодѣтельныя заслуги профессіональныхъ союзовъ въ другихъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается сокращенія рабочаго дня или выгодъ, выражавшихся не непосредственно въ увеличеніи количества выпадающихъ на долю рабочихъ продуктовъ, но въ благопріятномъ вліяніи на условія найма въ пользу рабочихъ.

Но какъ разъ сокращеніе рабочаго дня должно возбуждать въ рабочихъ болѣе живой интересъ, чѣмъ повышеніе заработной платы. Здѣсь то становится вполнѣ понятнымъ, какъ велики могутъ быть результаты объединенныхъ дѣйствій рабочихъ: очень часто предприниматели рѣшаются на сокращеніе рабочаго дня только тогда, когда нововведеніе это распространяется на цѣлую отрасль производства. Здѣсь же вполнѣ обнаруживается вся избитость аргументовъ теоретиковъ, указывающихъ на бесполезность профессіональныхъ союзовъ. Мишурный блескъ теоріи фонда заработной платы и „желѣзнаго закона“ тускнѣеть, такъ какъ сокращеніе рабочаго дня вовсе не влечетъ за собою увеличенія доли рабочаго въ продуктахъ производства или расширенія границъ „привычныхъ жизненныхъ условій“ и, следовательно, могло бы настуپить даже *если-бы* обѣ старыя теоріи были правильны.

А когда дѣло коснется, такъ называемой, идеальной стороны договорныхъ условій, т. е.

обращенія съ рабочими со стороны предпринимателя и т. д., какъ бессильны оказываются всѣ возраженія теоретическихъ противниковъ професіональныхъ союзовъ!

Но я не стану больше утомлять васть опроверженіемъ возраженій, возбуждающихъ теперь во всякомъ знающемъ человѣкѣ недоумѣніе, относительно того, грубое ли невѣжество или злой умыселъ являются преобладающимъ мотивомъ у лицъ, выступающихъ съ ними. Вѣдь всякий, хотя бы въ основныхъ чертахъ знакомый съ исторіей соціальной науки и соціальной жизни нашего вѣка, *знаетъ и долженъ знать*, что жизнь и наука подавляющей массой аргументовъ доказали ошибочность взгляда о бесполезности професіонального движенія для организованныхъ рабочихъ. Поколѣніе тому назадъ этого можно было не знать и Лассалю. Теперь же знаніе это требуется отъ всякаго знакомаго съ азбукой политической экономіи. По данному вопросу написаны цѣлые библіотеки, а потому даже немногія приведенные мною соображенія, по своей скучности могущія произвести впечатлѣніе граничащей съ легкомысліемъ поверхности, не трудно счѣсть за желаніе ломиться въ открытые двери.

Но если для всякаго понимающаго человѣка не подлежитъ никакому сомнѣнію, что професіональные союзы приносятъ только выгоды организованнымъ въ нихъ рабочимъ, то всетаки

этимъ еще не рѣшается вопросъ, каковы ихъ отношения къ интересамъ всѣхъ вообще рабочихъ, такъ какъ до сихъ поръ еще не вполнѣ выяснено, не терпятъ ли отъ профессиональныхъ союзовъ ущерба *неорганизованные рабочіе*, составляющіе почти во всѣхъ странахъ преобладающее большинство. Въ самомъ дѣлѣ, ссылки на ущербъ, наносимый неорганизованнымъ рабочимъ организациями, часто фигурируютъ въ качествѣ доказательствъ бесполезности послѣднихъ—и на этотъ разъ едва ли съ болѣшимъ правомъ, чѣмъ всѣ приведенные выше обвиненія. Я никакъ не могу отнести къ числу вѣрныхъ утвержденіе, будто неорганизованные рабочіе терпятъ ущербъ отъ того, что достигаемое организованными рабочими повышеніе заработной платы необходимо должно отзываться на нихъ ея пониженіемъ, такъ какъ предприниматели сваливаютъ на плечи неорганизованныхъ рабочихъ свои излишніе расходы. Утвержденіе это является составной частью теоріи фонда заработной платы и падаетъ вмѣстѣ съ ней. Въ дѣйствительности дѣло происходитъ какъ разъ наоборотъ. Добрая часть успѣховъ достигаемыхъ профессиональными союзами, служить на пользу и неорганизованнымъ рабочимъ, потому что всякое повышеніе заработной платы, всякий тарифъ, всякое сокращеніе рабочаго времени косвеннымъ образомъ оказывается выгоднымъ и для нихъ. Вспомните только приведенные

уже мною случаи изъ англійской жизни, когда предприниматели цѣлыхъ округовъ и отраслей промышленности нанимаютъ рабочихъ только по тарифамъ, установленнымъ союзами или подумайте о сокращеніи рабочаго времени, благодѣяніями котораго пользуются всѣ рабочіе извѣстной фабрики или даже цѣлой отрасли промышленности, какъ организованные, такъ и неорганизованные. Я не говорю уже объ общемъ улучшениі условій рынка для рабочихъ, благодаря вздорожанію отдельныхъ (организованныхъ) рабочихъ силъ.

Нѣть, если въ чёмъ и можно съ нѣкоторымъ правомъ упрекнуть профессіональные союзы отъ лица неорганизованныхъ рабочихъ, такъ это въ томъ, что они въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣшаютъ послѣднимъ въ продажѣ ихъ рабочей силы и ограничиваютъ такимъ образомъ ихъ свободу дѣйствія, когда она становится въ противорѣчіе съ интересами ихъ организованныхъ товарищѣй. Нужно принять однако во вниманіе, что съ подобными ограниченіями свободы мы встрѣчаемся *только въ этихъ* случаяхъ. Лишь тогда, когда рабочій своимъ поведеніемъ вредить другимъ рабочимъ, когда онъ, несмотря на забастовку всѣхъ товарищѣй, выражаетъ готовность продолжать работу, является „желающимъ работать“, или соглашается на условія, противорѣчашія установленному тарифу, только тогда онъ несетъ

наказаніе въ видѣ материального ущерба, если оно вообще возможно. Здѣсь я долженъ предостеречь васъ противъ преувеличенныхъ представлений о томъ, что жизнь всякаго непринадлежащаго къ союзу рабочаго представляется въ видѣ сплошной цѣпи чувствительныхъ придирокъ и оскорблений со стороны организованныхъ рабочихъ. Отдѣльные случайные факты тутъ непомѣрно раздуты. Въ общемъ надо сказать, что рабочіе, стоящіе въ сторонѣ отъ организацій, не могутъ жаловаться на какія-либо помѣхи съ стороны членовъ союзовъ. Конечно, злоупотребленія возможны и случаются въ грубой ли формѣ физическихъ насилий и отнятіи инструментовъ, или въ болѣе вѣжливой—въ формѣ отказа организованныхъ рабочихъ отъ совмѣстной работы съ лицами, не принадлежащими къ союзу, въ формѣ опороченія или другихъ косвенныхъ принудительныхъ средствъ.

Если нельзя ничего сказать въ пользу этихъ проявленій грубой силы—развѣ что «tout comprendre, c'est tout pardonner»—то мнѣ не хотѣлось бы оставить безъ слова защиты или по крайней мѣрѣ извиненія все болѣе и болѣе входящую теперь въ употребленіе форму косвенного принужденія рабочихъ къ участію въ коллективныхъ дѣйствіяхъ товарищей.

Никакая корпорація не можетъ преуспѣвать безъ особаго чувства корпоративной чести: она

не можетъ не признавать безчестными лицъ, нарушающихъ интересы корпораціи. Среди офицеровъ и студентовъ особенно рѣзко проявляется это чувство корпоративной чести и послѣдствія ея нарушенія—безчестье, опороченіе, но оно существуетъ и почти во всѣхъ другихъ сферахъ буржуазной жизни. Понятно, что и рабочіе професіональные союзы оказываются въ этомъ отношеніи очень чувствительными, тѣмъ болѣе что въ такихъ случаяхъ дѣло одновременно идетъ и объ ощущительномъ ущербѣ ихъ материальными интересамъ. Для ожесточеннаго настроенія, господствующаго въ кругахъ организованныхъ рабочихъ противъ не принадлежащихъ къ союзамъ и нарушающихъ ихъ интересы, очень характерно слѣдующее мѣсто изъ general Laws of the Amalgamated Society of Cordwainers, приводимое Веббами въ ихъ теоріи трэдъ-юніоновъ (1,184) и гласящее въ переводѣ такъ:

«Нарушающій стачку рабочій является для своего промысла тѣмъ же, чѣмъ измѣнникъ по отношенію къ своей родинѣ; оба во время смуты могутъ быть полезными той или другой партии, въ мирное же время всѣ относятся къ нимъ съ одинаковымъ отвращеніемъ. Когда требуется помочь, нарушитель стачки окажетъ ее послѣдний, но первый готовъ воспользоваться выгодами организаціи, для которой онъ никогда не работалъ. Онъ заботится только о себѣ; но онъ не

думаетъ о завтрашнемъ днѣ. Ради минутнаго и ничего не стоящаго выраженія одобренія онъ готовъ предать друзей, семью, страну. Однимъ словомъ, онъ предатель въ миниатюрѣ—онъ сначала продаеть рабочихъ, и въ свою очередь бываетъ проданъ своимъ хозяиномъ, пока, наконецъ обѣ стороны не покидаютъ его съ презрѣніемъ. Онъ—свой собственный врагъ, врагъ современаго и будущаго поколѣнія».

Лишая корпорацію возможности предавать позору провинившихся членовъ, мы тѣмъ самымъ отнимаемъ у нея существенное орудіе защиты противъ угрожающихъ ея существованію элементовъ. Даже государство, какъ охранитель личной свободы каждого отдѣльного человѣка, не можетъ обойтись безъ того, чтобы не предоставить той или другой корпораціи извѣстныхъ правъ надъ отдѣльными гражданами, конечно при условіи признанія полезности ея цѣлей. Въ этомъ вся суть дѣла. Вопросъ здѣсь идетъ собственно не обѣ охранѣ индивидуума противъ притязаній корпорацій, но о признаніи профессиональныхъ союзовъ полезными. Тамъ, гдѣ государство признаетъ пользу корпорацій, оно не колеблется принести имъ въ жертву индивидуальную свободу. Я напомню вамъ о ремесленныхъ корпораціяхъ, куда оно заставляетъ въ послѣднее время вступать отдѣльныхъ ремесленниковъ. Заставляетъ вступать! Подумайте, вѣдь это со-

вершенно другая форма содѣйствія цѣлямъ корпораціи, чѣмъ снисходительное отношеніе къ карательнымъ приговорамъ рабочихъ союзовъ. Вѣдь еслибъ государство захотѣло заставить всѣхъ рабочихъ какой нибудь отрасли промышленности вступить въ профессіональный союзъ, то это *косвенное* принудительное средство оказалось бы вовсе излишнимъ.

При всемъ томъ, само собою понятно, что всякий рабочій, не желающій вступить въ профессіональный союзъ, пользуется совершенно такой же охраной закона, какъ и всякий другой гражданинъ, котораго законъ охраняетъ отъ оскорблений, тѣлесныхъ поврежденій или какихъ либо другихъ покушеній на его личность или имущество. Вѣдь рѣчь идетъ собственно о примѣненіи власти профессіонального союза внѣ области, охраняемой карательнымъ закономъ. А въ этомъ случаѣ государству не слѣдовало бы вмѣшиваться въ отношенія между организованными и неорганизованными рабочими, тѣмъ болѣе что для послѣднихъ всегда остается возможнымъ вовсе не трудный выходъ: вступить въ организацію для избѣжанія всякихъ непріятностей. А всѣ онѣ сводятся въ сущности къ легкому давленію въ цѣляхъ признанія профессіональныхъ союзовъ въ рабочихъ кругахъ; но подобныя пріемы извѣнитъ всякий, кто считаетъ профессіональная организація благодѣтельными для общества. Дѣй-

ствительно ли это такъ, конечно, мы еще не знаемъ, такъ какъ сначала выяснили только ихъ значение для рабочихъ и еще не задавались вопросомъ, каково должно быть къ нимъ отношение со стороны другихъ, непосредственно заинтересованныхъ группъ населенія. Но мы далеко не со всѣхъ сторонъ еще обслѣдовали значение профессиональныхъ союзовъ и для рабочихъ. Пока мы знаемъ только, что они полезны для организованныхъ рабочихъ и не приносятъ особенного вреда неорганизованнымъ. Теперь намъ остается разобрать спорный вопросъ: *достаточно ли профессиональные союзы защищаютъ интересы рабочихъ* или же въ этой защите есть пробѣлы, которые приходится заполнять другими средствами?

Теперь повсюду распространено мнѣніе, что *одно* только профессиональное движение не въ состояніи оправдать возлагаемыхъ на него рабочими надеждъ относительно защиты ихъ интересовъ. Прежде всего бросается въ глаза фактъ, что еще очень долго организованные рабочие будуть лишь небольшой кучкой среди всего пролетариата и что, если не принимать во внимание нѣсколькихъ апокрифическихъ цифръ, относящихся къ Австралии, до сихъ поръ отъ четырехъ пятыхъ до девяти десятыхъ рабочихъ всѣхъ странъ лишены благодѣяній профессиональныхъ союзовъ. Въ случаяхъ нарушенія интересовъ этихъ послѣд-

нихъ группъ, въ защиту ихъ должны быть приняты мѣры совершенно независимо оть дѣйствій професіональныхъ союзовъ. Къ числу этихъ лицъ, стоящихъ виѣ организацій, надо отнести еще неокрѣпшихъ физически, несовершеннолѣтнихъ и сиротъ, женщинъ и дѣтей; о нихъ то должно позаботиться законодательство, охраняя ихъ отъ эксплуатациіи. Часто и вполнѣ справедливо указывали на то, что благодаря охранительному законодательству не только рабочая сила становится дороже, но и условія рабочаго рынка измѣняются въ благопріятномъ для рабочихъ смыслѣ; тѣмъ самымъ государство, порой быть можетъ и неохотно, оказываетъ услуги професіональному движению.

Но безъ принудительной власти государства трудно обойтись и въ собственной сферѣ дѣятельности професіональныхъ союзовъ. Можно установить такое положеніе: законодательство должно ввести новый порядокъ рабочихъ отношеній при помощи объективно принудительныхъ нормъ, не должно допускать, чтобы впредь заключеніе всякаго рода договоровъ у предпринимателей съ рабочими и у рабочихъ между собою происходило на совершенно свободныхъ началахъ. Принудительная власть государства окажется необходимой для *поддержки* дѣятельности професіональныхъ союзовъ особенно при нормировкѣ рабочаго времени: запрещеніи воскресной работы,

введеніи максимальнаго рабочаго дня и тому подобныхъ мѣропріятій. Съ этимъ начинаютъ соглашаться даже пропитанные ортодоксально-манчестерскимъ духомъ трэдъ-юніоны, такъ какъ теперь они гораздо менѣе враждебно относятся къ подобнаго рода государственной поддержкѣ, чѣмъ прежде.

Но кромѣ того государство должно пополнить и такие *проблы* въ дѣятельности професіональныхъ союзовъ, которые зависятъ не отъ недостатка доброй воли, а отъ отсутствія средствъ у нихъ. На первой очереди, по моему мнѣнію, стоитъ обширная область попеченія о больныхъ, увѣчныхъ, старыхъ, неспособныхъ къ труду рабочихъ и остающихся въ случаѣ ихъ смерти несовершеннолѣтнихъ дѣтяхъ. Я уже указывалъ вамъ, какъ невелики здѣсь результаты дѣятельности професіональныхъ союзовъ, такъ что вступленіе государства въ послѣднее время это поприще дѣятельности является большимъ шагомъ впередъ. Мы нѣмцы должны радоваться, что хоть на этотъ разъ своимъ законодательствомъ о принудительномъ страхованиі рабочихъ мы указали другимъ націямъ одинъ изъ путей соціального прогресса.

Такимъ образомъ, формы законодательства и управлениія въ указанныхъ пунктахъ должны весьма интересовать рабочаго; живость этого интереса не ослабѣваетъ и тогда, когда рѣчь за-

ходить о нормахъ, регулирующихъ самое рабочее движение; имъ полны тысячи вопросовъ внутренней и внешней политики, касающихся благосостоянія рабочихъ. А такъ какъ рабочій классъ, какъ таковой, всегда будетъ заинтересованъ въ определенно направленной политикѣ, то онъ никогда не откажется отъ попытокъ оказать воздействіе на государственное управление. Другими словами, за своими профессиональными интересами онъ никогда не забудетъ интересовъ политическихъ, и съ движениемъ профессиональнымъ все въ возрастающей мѣрѣ будетъ итти рука обь руку *политическое рабочее движение*. Только близорукостью или холдностью можно объяснить, когда какой-нибудь якобы горячій сторонникъ профессиональныхъ союзовъ выражаетъ надежду или совѣтуетъ рабочимъ отказаться отъ защиты ихъ интересовъ въ политикѣ. Какъ купецъ внѣ своихъ торговыхъ палатъ или ремесленникъ внѣ своей корпораціи не перестанутъ защищать интересовъ своего сословія, такъ и отъ рабочаго нельзя требовать, чтобы онъ пересталъ быть политикомъ или безусловно примкнулъ къ политическимъ стремлѣніямъ другихъ соціальныхъ классовъ. Онъ имѣеть такое же право на дѣятельную защиту своихъ интересовъ въ политической борьбѣ, какъ и юнкеръ или крестьянинъ. При этомъ является уже вопросомъ чисто практической цѣлесообраз-

ности, лучше ли ему защищать свои интересы при помощи самостоятельной рабочей партии или при помощи воздействия на партии, уже существующие. На последний путь вступили, какъ известно, наши немецкие «политики средняго сословія», т. е. представители гибнущей мелкой торговли и ремесла. Дѣла ихъ особенно проявляются, когда имъ удается вступить въ соглашение съ консерваторами или центромъ и принудить эти партии, объединенные совершенно другими интересами, къ защитѣ ихъ требований. Тѣмъ же путемъ до сего времени шли, какъ известно, английские рабочіе, и имъ хорошо удавалось въ теченіе почти столѣтія играть роль стрѣлки у вѣсовъ. Въ Германіи судьба большинства политически зрѣлыхъ рабочихъ была иная. Здѣсь достигла могучаго развитія самостоятельная рабочая партия, которая, конечно, не исчезнетъ снова съ горизонта политической жизни. Соціаль-демократія въ качествѣ политической рабочей партии представляетъ собою столь же прочную составную часть политической будущности Германіи, какой скоро станутъ и профессиональные союзы. Поэтому я считаю, чистѣйшей утопіей мечтанія тѣхъ, кто думаетъ, что съ усиленiemъ профессиональныхъ союзовъ соціаль-демократія будетъ устранина. Всякая политика, ставящая себѣ подобную цѣль, заранѣе обречена на безплодіе. Всякая вылазка противъ

соціаль-демократії только упрочить ея положеніе. И всякий сторонникъ мирнаго, органическаго развитія нашей государственной жизни долженъ желать не устраненія соціаль-демократії, потому-что подобное желаніе останется тщетнымъ, но того, чтобы соціаль-демократія цивилизовалась. Тѣмъ самымъ онъ будетъ, насколько позволитъ ему сила, работать на благо своей родины.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній я долженъ замѣтить, что «цивилизоваться» для соціаль-демократіи вовсе не значитъ отказаться отъ своихъ конечныхъ цѣлей. Въ другомъ мѣстѣ я уже выяснилъ, почему политическое рабочее движение, тамъ гдѣ оно является вполнѣ сознательнымъ, можетъ быть только соціалистическимъ и демократическимъ. Соціаль-демократами стали теперь и англійскіе рабочіе съ развитымъ классовымъ сознаніемъ—не менѣе, чѣмъ нѣмецкіе. Да и кѣмъ же имъ иначе быть, скажите пожалуйста? Развѣ приверженцами цеховой организаціи или манчестерцами? Подъ словомъ «цивилизоваться» я разумѣю окончательный разрывъ съ соціально-политическимъ утопизмомъ, официальной представительницей которою и до сихъ поръ еще является нѣмецкая соціаль-демократія, и возвращенія къ реальнopolитической концепціи, очеркъ которой я вамъ далъ.

Больше распространяться объ этомъ здѣсь не мѣсто.

Перейдемъ лучше ко второму вопросу: какъ относятся къ профессиональнымъ союзамъ интересы другихъ, непосредственно затронутыхъ ими круговъ, особенно же каково должно быть отношение къ нимъ *предпринимателей*?

Вредить ли профессиональное движение интересамъ предпринимателей, хотя бы, напримѣръ, тѣмъ, что обнаруживаетъ тенденцію *повышать цѣну рабочей силы?* На мой взглядъ, въ подобномъ вздорожаніи рабочей силы никакъ нельзя усматривать невыгоду для капиталиста—предпринимателя, по крайней мѣрѣ невыгоду материальную, потому-что прибыль его отъ этого не должна обязательно уменьшиться.

Онъ можетъ, прежде всего, возмѣстить такое вздорожаніе повышенiemъ цѣны товаровъ. При этомъ профессиональные союзы могутъ оказаться для него даже полезными, такъ какъ они ставятъ цѣлью *общее* повышение заработной платы и потому нашему предпринимателю нечего опасаться, что конкурентъ его, не согласившійся на повышеніе платы, сбьетъ ему цѣны. Я полагаю, что хозяева типографій безъ особенного труда согласились бы на болѣе высокую расценку, убѣдившись предварительно, что всѣ крупныя, конкурирующія съ ними фирмы тоже должны едѣлать прибавку и что, слѣдовательно, они съ

спокойнымъ сердцемъ могутъ поднять цѣну листа съ 35 до 40 пфенниговъ.

Вздорожаніе рабочей силы предприниматели могутъ возмѣстить также расширеніемъ производства, не повышая цѣны на каждую отдельную единицу продукта. Допустимъ, напримѣръ, что рѣчь идетъ о книгѣ, которая хорошо читается и расходится: тогда ее можно продавать дешевле и при всемъ томъ, несмотря на болѣе короткое рабочее время, рабочій будетъ получать болѣе высокую плату. Наконецъ, предприниматель можетъ уравновѣсить вздорожаніе рабочей силы при помощи улучшенія техники или организаціи производства, т. е. повышеніемъ производительности труда. Во всѣхъ этихъ случаѣахъ предпринимательская прибыль, несмотря на повышеніе заработной платы, можетъ и не уменьшаться. А то обстоятельство, что общія выгоды предпринимателей бываютъ больше какъ разъ въ отрасляхъ промышленности съ хорошо оплачиваемыми рабочими, а не въ отрасляхъ производства съ высокимъ коэффиціентомъ эксплуатаціи, легко объясняется тѣмъ, что предприниматели, несмотря на дороговизну рабочей силы, находятъ много средствъ и путей получать барыші.

Но у многихъ и какъ разъ самыхъ влиятельныхъ противниковъ профессионального движенія среди предпринимателей не опасеніе за уменьше-

ніе прибыли вызывает враждебное отношение къ союзамъ. Въ самомъ дѣлѣ, что стоитъ какому нибудь Штумму или Крупшу согласиться на повышение заработной платы, отъ котораго его миллионная прибыль уменьшится на какихъ нибудь 2—3 сотни тысячъ марокъ? Нѣтъ, для большинства предпринимателей старого закала невыносимой является мысль, что подъ влияниемъ профессиональныхъ союзовъ падеть ихъ величие, какъ самостоятельныхъ руководителей фабрики, что они перестанутъ быть «хозяевами въ собственномъ домѣ». Потому-то они постоянно и оказываются такое упорное противодѣйствіе всякимъ сношеніямъ съ рабочими, «какъ съ равными»: они боятся, что разъ подавши мизинецъ, они принуждены будутъ потомъ подать и цѣлую руку, а, наконецъ, чего доброго и цѣликомъ исчезнуть въ жадной пасти ненасытныхъ рабочихъ. Глупо было бы играть въ прятки и доказывать предпринимателямъ, что они ошибаются, что професіональные союзы вовсе не такъ злы и дурны, не хотятъ «помѣриться съ ними силами» и превратить данный вопросъ въ вопросъ о преображеніи. Въ дѣйствительности какъ разъ это они и дѣлаютъ. Вѣдь безъ сомнѣнія это-то и представляется существеннѣйшимъ пунктомъ всѣхъ професіональныхъ стремленій, какъ я еще попыталось вамъ выяснить.

Въ отвѣтъ на возраженія предпринимателей можно посовѣтовать имъ съ достоинствомъ примириться съ неизбѣжнымъ и постараться подбодрить себя соображеніемъ, что достойнѣе быть прирожденнымъ руководителемъ свободныхъ людей, чѣмъ господствовать надъ рабами.

Но предприниматели не должны также упускать изъ виду, что сильное и прочное профессиональное движение сулитъ имъ также и существенные *выгоды*. Ничто не въ состояніи лучше обезпечить ихъ отъ безсмысленной и буйной стачки, какъ процвѣтающая профессиональная касса. Даже мѣропріятія министра фонъ Путткамера не защитять его лучше. Припомните то благородство, съ какимъ англійскіе профессіональные союзы умѣютъ охранять интересы предпринимателя противъ своихъ же собственныхъ членовъ, когда послѣдніе ведутъ себя недостойно. Для предпринимателя не менѣе важна и охрана его профессіональными союзами отъ «безчестной конкуренціи». Сколько предпринимателей съ радостью согласятся улучшить положеніе своихъ рабочихъ, сколько охотно вступятъ въ соглашеніе съ своими рабочими, разъ будутъ увѣрены, что конкуренты ихъ принуждены выполнить одинаковыя съ ними требованія и не могутъ сбить у нихъ цѣнъ, благодаря дешевой заработной платѣ. А о предупрежденіи подобныхъ слу-

чаевъ лучше всего могутъ позаботиться понимающіе дѣло и дисциплинированные члены профессиональныхъ союзовъ.

Мнѣ кажется, будто на материкѣ и даже у насъ въ Германіи въ кругахъ предпринимателей все больше начинаетъ распространяться давно уже господствующее въ Англіи мнѣніе, что, какъ ни скверны сами по себѣ профессиональные союзы, но они даютъ достаточно выгодъ, чтобы отнести къ нимъ иѣсколько благосклоннѣе, чѣмъ прежде.

Какъ въ сферѣ професіональнаго движенія появляются новые люди, проникнутые современными вѣяніями, такъ и среди предпринимателей увеличивается число лицъ, примирившихъ съ событиями недавняго прошлаго, умѣющихъ понять значенія времени и не желающихъ отставать, видя, какъ кругомъ нихъ все мѣняется свою наружность. События начала 1899 года въ нѣмецкомъ рейхстагѣ являются предвѣстниками новой эры, въ которой роль предпринимателей старого закала будетъ уже сыграна. Въ одномъ изъ послѣднихъ годовыхъ отчетовъ гамбургской торговой палаты встречаются выраженія, подкрѣпляющія нашу надежду, что такое время скоро наступитъ. Вѣдь находимъ же мы въ отчетѣ такія, достойныя всякаго сочувствія, слова:

«Хотя, вслѣдствіе увеличивающейся концентраціи вліянія и власти обѣихъ партій, начав-

шаяся между ними борьба пріобрѣла болѣе тяжелый и губительный характеръ, однако надо надѣяться, что развитіе это поставитъ во главѣ партій руководителей съ широкими взглядами, лучше понимающихъ современныя отношенія, что возросшая отвѣтственность поведетъ къ большей умѣренности идержанности въ дѣйствіяхъ и что, какъ въ политикѣ, такъ и въ соціальной области усиленныя со всѣхъ сторонъ приготовленія къ войнѣ станутъ оплотомъ мира».

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ и предприниматели не станутъ особенно дурно относиться къ профессіональнымъ организаціямъ. Теперь остается лишь вопросъ объ отношеніи къ движению со стороны третьей изъ затронутыхъ группъ, именно—«насть, потребителей», вообще «публики», почтенныхъ гражданъ, филистеровъ. Я не стану говорить о соображеніяхъ высшаго порядка, столь часто высказываемыхъ противъ профессіональныхъ союзовъ за кружкой пива—будто они являются разсадниками недовольства и классовой ненависти, школами для будущей революціи, и другихъ подобного же рода мрачныхъ обвиненіяхъ, порождаемыхъ трусостью или полнымъ незнакомствомъ съ положеніемъ вещей. Я обращусь лучше къ вопросу о другихъ, гораздо болѣе скромныхъ, но въ то же время и болѣе реальныхъ неудобствахъ и невыгодахъ, доставляемыхъ публикѣ профессіональными союзами,

какъ, напр., *вздорожаніе товаровъ*, вслѣдствіе удачныхъ дѣйствій рабочихъ организаций. Я уже показалъ вамъ, что вздорожаніе товаровъ вовсе не является необходимымъ слѣдствіемъ повышенія заработной платы или сокращенія рабочаго времени. Но, конечно, оно можетъ происходить въ другихъ случаяхъ, когда предприниматели не чувствуютъ необходимости или не имѣютъ возможности возмѣстить вздорожанія рабочей силы помошью повышенія производительности, увеличенія сбыта или пониженія своей прибыли. Товары, при продажѣ которыхъ подобное урегулированіе цѣнъ представляеть наибольшія затрудненія, принадлежать обыкновенно къ товарамъ лучшаго качества, даже къ предметамъ роскоши, а потому при переплатѣ за нихъ какихъ-нибудь двухъ-трехъ марокъ можно утѣшаться соображеніемъ, что этимъ мы лучше всего и наименѣе оскорбительнымъ образомъ содѣйствуемъ до известной степени уравниванію нашего собственнаго благосостоянія съ бѣдственнымъ положеніемъ массъ. Во многихъ случаяхъ благодушные люди, ознакомившись съ положеніемъ дѣла, охотно и даже съ нѣкоторымъ воодушевленіемъ будуть платить дорожія цѣны, сознавая, что этимъ они содѣйствуютъ улучшенію жалкихъ условій жизни, часто встрѣчающихся и до сихъ поръ въ домашней промышленности, особенно среди промышленности конфекціонной. Неужели у вся-

кой женщины не забьется сильнѣе сердце при мысли о возможности оказать тайную услугу страдающимъ сестрамъ? Неужели счастливой невѣстѣ трудно будетъ заплатить за свое свадебное бѣлье 10500 марокъ вмѣсто 10000 оттого, что бѣлошвейки, трудившіяся надъ нимъ, получали вмѣсто 1 марки за 15 часовъ $1\frac{1}{2}$ марки за 12 часовъ? Неужели для обладательницы роскошнаго бальнаго платья, или обладателя дорогой фрачной пары трудно будетъ переплатить за свои богатые наряды двадцать, тридцать марокъ?— При этомъ мнѣ постоянно приходятъ въ голову слова, сказанныя депутатомъ Бисмаркомъ-Шёнгаузеномъ, въ засѣданіи прусскаго ландтага 18 октября 1849 года: «Я думаю, что не особенно удобно бы сидѣли на наѣ наши дешевые платья, если бы дѣлавшіе ихъ люди отчаялись честнымъ образомъ зарабатывать свой кусокъ хлѣба». Я полагаю, что восклицанія одобренія, сопровождавшія, если вѣрить стенограммѣ, эти слова будутъ раздаваться всякий разъ и теперь, когда, въ видахъ повышенія низкой заработной платы, покупателямъ, принадлежащимъ по большей части къ кругамъ обезпеченными придется платить за товаръ болѣе дорогія цѣны. Вѣдь надо принять во вниманіе, что только въ товарахъ высокаго качества и товарахъ художественныхъ рабочая плата составляетъ существенную часть издержекъ производства на каждую от-

дѣльную штуку товара и только въ такихъ то-
варахъ оказывается невозможнымъ уравновѣше-
ніе повышенія заработной платы при помощи
расширенія сбыта.

Напротивъ того, гораздо больше основаній
имѣеть недовольство публики, когда вслѣдствіе
преднамѣренного прекращенія работы возникаютъ
всякаго рода неудобства, чувствительнымъ обра-
зомъ нарушающія обычное теченіе жизни (прошу
при этомъ замѣтить, что я отнюдь не приписы-
ваю всѣхъ стачекъ профессіональнымъ союзамъ,
и не желаю выставлять эти послѣдніе въ го-
раздо болѣе дурномъ свѣтѣ, чѣмъ на самомъ дѣ-
лѣ). Представьте, напримѣръ, что у васъ въ тѣ-
ченіе нѣсколькихъ дней или недѣль не бываетъ
свѣжаго хлѣба, потому что какая нибудь дюжи-
на хозяевъ булочныхъ отказываютъ своимъ ра-
бочимъ въ прибавкѣ десяти пфениговъ заработ-
ной платы, или что весь городъ погружается
во мракъ, оттого что нѣсколько газовыхъ рабо-
чихъ считаютъ себя обижденными, или что сред-
ства сообщенія не дѣйствуютъ, или наконецъ—
представьте, что утромъ за кофеемъ не находите
своей любимой газеты, такъ какъ кучка рабо-
чихъ и предпринимателей перессорилась между
собой изъ-за какихъ то разногласій, несомнѣнно
крайне важныхъ для нихъ, но для всего-то об-
щества довольно безразличныхъ. Во всѣхъ этихъ
случаихъ значеніе причины, вызвавшей стачку,

не стоитъ ни въ какомъ прямомъ отношеніи къ наносимому стачкой ущербу. То же можно сказать и про всѣ отрасли промышленности, отъ непрерывнаго хода производства которыхъ зависитъ существованіе многихъ другихъ отраслей, напр., каменноугольной промышленности. Что дѣлать въ такихъ случаяхъ? Предлагали ограничить свободу коалицій у рабочихъ подобныхъ отраслей промышленности. Но подобное рѣшеніе вопроса, на мой взглядъ, было бы слишкомъ суворымъ и напраснымъ. Прежде всего нельзя установить границы подобныхъ, угрожающихъ общимъ интересамъ, стачекъ, по крайней мѣрѣ нельзя указать, хотя бы съ нѣкоторой достовѣрностью, тѣхъ отраслей промышленности, въ которыхъ приостановка работъ являлась бы общественнымъ бѣдствиемъ. Во *всякой* отрасли производства можетъ произойти приостановка работы, не отзываясь на общемъ ходѣ производства: стачка газовыхъ рабочихъ можетъ и не помѣшать функционированію газовыхъ службъ, если своевременно найдутся замѣстители забастовщикъ; но въ то же время *каждая* стачка можетъ вызвать непрѣятныя осложненія для всего общества. Было бы несправедливо ставить на одну доску стачки и рабочія организаціи и изъза первыхъ запрещать послѣднія. У профессіональныхъ организацій есть много и другихъ важныхъ задачъ кромѣ поддержки стачекъ.

Нѣтъ, разсмотрѣніе этихъ критическихъ случаевъ должно показать намъ, насколько необходимо возможно скорое устраненіе какимъ бы то ни было образомъ вредныхъ для всѣхъ стачекъ. Прекращеніе это должно выражаться не въ призывѣ вооруженной силы, а въ обязательномъ подчиненіи подобного рода дѣлъ третейскимъ судамъ, специально образованнымъ для этой цѣли. Непремѣннымъ условіемъ правильнаго функционированія такихъ судовъ должно являться—равномѣрность состава представителей и довѣріе обѣихъ спорящихъ сторонъ. Намъ въ Германіи не придется даже создавать для данной цѣли новыхъ учрежденій, такъ какъ въ промышленныхъ судахъ этой почти единственной организаціи, пользующейся довѣріемъ всѣхъ политическихъ партій, мы имѣемъ превосходную судебную инстанцію, вполнѣ подходящую для выполненія функций третейского суда. Извѣстно, что и теперь уже промышленный судъ дѣйствуетъ часто въ качествѣ третейского суда. Такимъ образомъ, въ случаѣ необходимости стоитъ только законодательнымъ порядкомъ закрѣпить за нимъ эту функцию. Но окончательное заключеніе о значеніи какого-либо соціального учрежденія никогда нельзѧ вывести, исходя изъ точки зренія отдѣльныхъ группъ заинтересованныхъ лицъ. Ихъ выгоды и невыгоды обыкновенно никогда не уравновѣшиваются между собою, такъ какъ вообще не сущес-

стуетъ третьяго, съ которымъ ихъ можно было бы сравнить. Напротивъ того, значеніе самихъ групповыхъ интересовъ надо измѣрять нѣкоторымъ высшимъ критеріемъ, каковымъ критеріемъ представляются намъ не интересы всѣхъ вообще (такихъ интересовъ и не существуетъ), но интересъ общины лицъ, предназначенныхъ для совмѣстной жизни и развитія, интересы ея жизнедѣятельности и функционированія въ настоящемъ и будущемъ, т. е. то, что можно было бы назвать интересомъ процвѣтанія національной культуры. Исходя изъ этой точки зренія, мы включаемъ явленіе, подобное профессиональному движению, въ общій потокъ исторического развитія, стараемся опредѣлить его значеніе въ широкой исторической связи. Мы спрашиваемъ, способно ли оно привести нашу общественную жизнь къ высшимъ формамъ, сдѣлать болѣе способной нашу соціальную организацію къ развитію мощи и культуры; моши—т. е. силы сопротивленія натискамъ извнѣ, культуры—т. е. индивидуальной свободы, богатства, внутренняго совершенства.

Но и съ этой, высшей точки зренія, профессиональные союзы выдержать испытаніе.

Прежде всего—они не мѣшаютъ, а *содѣйствуютъ развитію хорошихъ сторонъ капитализма*, помогая повышенію производительности. Какимъ образомъ происходитъ это, я уже имѣлъ случай указать: именно, вслѣдствіе вздорожанія

рабочей силы, которое представляется ближайшей цѣлью стремленийъ профессиональныхъ союзовъ. А всякое вздорожание рабочей силы непремѣнно должно приводить къ удешевленію труда при помощи повышенія производительности. Теперь всѣмъ уже извѣстно эмпирическое положеніе—справедливость котораго подтверждается огромной массой матеріала—что высокая заработка плата и короткое рабочее время идутъ рука объ руку съ высокоразвитой техникой, а низкое развитіе техники стоитъ въ связи съ низкой заработной платой и продолжительнымъ рабочимъ временемъ, т. е., что высокая степень эксплуатации соотвѣтствуетъ незначительному развитію производительныхъ силъ, а низкая степень эксплуатации—значительному развитію производительности. Легко найти и причины этого эмпирически установленного параллелизма: во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вслѣдствіе такъ называемыхъ „естественнѣхъ“ или „искусственныхъ“ условій рабочая сила дорожаетъ, предприниматель долженъ изыскать способы полученія прибыли, *несмотря* на выше-приведенное обстоятельство; но гдѣ потребителя больше обложить нельзя, тамъ остается одинъ только способъ: повысить производительность рабочихъ силъ при помощи улучшенной организаціи производства и улучшенной техники, чтобы уменьшить такимъ образомъ издержки производства, приходящіяся въ каждой штукѣ товара на

счетъ заработной платы. Такимъ образомъ, все, что содѣйствуетъ вздорожанію рабочей силы, будь то охрана рабочихъ или рабочія организаціи, должно быть радостно встрѣчено всяkimъ приверженцемъ техническаго и соціального прогресса. Вскорѣ, при оцѣнкѣ всякаго теченія нашей общественной жизни, критеріемъ ея будетъ служить то, насколько оно является прогрессивнымъ въ указанномъ отношеніи, т. е. насколько содѣйствуетъ повышенію производительности. Такимъ прогрессивнымъ общественнымъ движениемъ является профессиональное движение, и уже по одному этому оно не нуждалось бы въ оправданіи своего существованія, не говоря о прочихъ доставляемыхъ имъ выгодахъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и переходимъ.

Какъ мы уже видѣли, профессиональное движение не только не задерживаетъ, но даже содѣйствуетъ великой исторической миссіи капитализма:—развитію экономическихъ производительныхъ силъ; съ другой стороны, это вліяетъ на *урегулирование несовершенства капиталистической системы хозяйства*, устраниетъ ея вредныя послѣдствія и ненамѣренно и незамѣтно содѣйствуетъ путемъ органическаго преобразованія переходу капиталистической системы хозяйства въ высшія общественные формы.

При этомъ, прежде, всего я имѣю въ виду предохраненіе общества отъ разстройствъ въ меха-

низмъ хозяйственного обмѣна отъ кризисовъ; эта предохранительная роль сильныхъ профессио-
нальныхъ организацій заключается безъ сомнѣнія
въ томъ, что они *предоставляютъ рабочимъ*
больше участія въ выгодахъ отъ благопріятныхъ
конгюнктурахъ, чѣмъ это могло бы быть въ про-
тивномъ случаѣ. Это двоякимъ образомъ содѣй-
ствуетъ мирному развитию хозяйственной жизни.
Во-первыхъ, огонь производства, такъ сказать,
не разгорается во всю свою силу. Въ самомъ
дѣлѣ, требованія, предъявляемыя рабочими—по-
вышеніе заработной платы, укороченіе рабочаго
времени—*прежде всего* имѣютъ въ результатаѣ
затрудненіе сбыта вслѣдствіе повышенія издер-
жекъ производства, а иногда также, при извѣ-
стныхъ обстоятельствахъ, непосредственное со-
кращеніе размѣровъ производства, именно въ
томъ случаѣ, если, отказываясь отъ сверхурочної
работы, рабочие добиваются сокращенія рабочаго
времени. Правда, въ дальнѣйшемъ теченіи эти,
препятствующіе развитию, моменты могутъ быть
устранены различнаго рода мѣропріятіями. Но
вздорожаніе рабочей силы играетъ какъ-бы роль
тормаза у стремящейся внизъ съ горы повозки
спекуляціи; какъ уже сказано, это очень хорошо,
такъ какъ предохраняетъ отъ паденія въ бездну
перепроизводства и краха. Увеличеніе доли
участія рабочаго класса въ продуктахъ его труда,
къ которому стремятся професіональные союзы,

тоже содѣйствуетъ уменьшению кризисовъ; оно повышаетъ благосостояніе массъ, увеличиваетъ ихъ потребительную способность, упрочиваетъ такимъ образомъ сбыть среди широкихъ круговъ населенія, которымъ въ концѣ концовъ принадлежитъ рѣшающее значеніе, и обезпечиваетъ ровное теченіе хозяйственнаго производства.

А развѣ повышеніе благосостоянія рабочихъ, рассматриваемое само по себѣ какъ цѣль, не представляется также облегченіемъ зла, присущаго современной хозяйственной жизни? Конечно, бѣдность массъ не есть результатъ капитализма: безъ него онѣ жили бы въ еще гораздо болѣе плачевыхъ и жалкихъ условіяхъ. Но капитализмъ приносить съ собой контрасты и пробуждаетъ въ массахъ сознаніе своего положенія. Поэтому—а не сама по себѣ—бѣдность представляется зломъ, и уменьшеніе ея—прогрессомъ, который надо привѣтствовать и въ интересахъ культуры, которая безъ сомнѣнія будетъ прочнѣе развиваться на широкомъ основаніи народнаго благосостоянія.

Но главное зло, капиталистической системы хозяйства, явившееся на свѣтъ лишь вмѣстѣ съ ней, заключается во все возрастающей экономической зависимости большинства людей отъ предпринимателей—капиталистовъ. По мѣрѣ развитія капитализма число зависимыхъ, несамостоятельныхъ лицъ растетъ, что въ сущности

есть тавтология. Но несмотря на ростъ числа зависимыхъ лицъ число лицъ, «самостоятельныхъ» можетъ и не уменьшаться. «Политики средняго сословія» не совсѣмъ неправы, указывая на это лишеніе самостоятельности все болѣе и болѣе широкихъ круговъ лицъ, какъ на внутренній недостатокъ капиталистического развитія. Но еще болѣе увеличиваетъ тягость положенія то, что параллельно съ возрастаніемъ зависимости хозяйственнаго существованія идетъ пробужденіе самосознанія индивидуума. Такимъ образомъ, получается одинъ изъ многочисленныхъ современныхъ конфликтовъ и, пожалуй, одинъ изъ неразрѣшимыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нельзя же сомнѣваться, что насильственная остановка развитія по пути къ капиталистической организаціи общества или, какъ обыкновенно говорятъ, «къ крупному производству», въ томъ смыслѣ, какъ ее представляютъ себѣ «политики средняго сословія», была бы равносильна самоубійству націи. Подъ страхомъ оскудѣнія и обнищанія экономического, а затѣмъ и всеобщаго разрушенія, прежняя «самостоятельность» лицъ ремесленного сословія должна уступить място капиталистическимъ условіямъ подчиненія и зависимости. Но тутъ снова является на помощь профессіональное движение. Оно смягчаетъ чрезмѣрныя тягости все уменьшающейся самостоятельности рабочаго, обѣщаю-
щимъ

създать новую форму промышленной и коммерческой рабочей организації:—форму конституціонную. Всѣ его пріобрѣтенія, съ которыми мы до сихъ поръ познакомились: коллективные рабочіе договоры между организаціями рабочихъ и предпринимателей, фабричныя правила, примирительныя камеры и др. въ сущности сводятся не къ чему иному, какъ къ ограниченню самовластія предпринимателя, перестающаго быть абсолютнымъ владыкой и превращающагося въ конституціоннаго правителя. Однажды я уже имѣлъ случай замѣтить и теперь подчеркиваю, это еще разъ: *сущность спора по вопросу о професіональныхъ союзахъ заключается въ борьбѣ за промышленный конституціонализмъ противъ промышленного абсолютизма или феодализма.*

Мы только что рассматривали эту борьбу съ точки зрењія предпринимателя, и въ этомъ смыслѣ распространеніе идеи професіонального движенія должно считаться стремленіемъ ограничить прежнюю предпринимательскую власть. Но если мы станемъ на точку зрењія мірового развитія, то какъ разъ въ стремленіи професіональныхъ союзовъ проложить путь конституціонализму въ промышленной области, мы должны видѣть ихъ великую историческую миссію. Дѣйствительно, они обусловливаютъ возможность дальнѣшаго существованія хозяйствующей общини, которое въ противномъ случаѣ было бы

сомнительно. Здѣсь то проявляется специфическая охранительная функция профессиональных союзов.

Взглянемъ безпристрастно на существующее положеніе вещей. Въ чёмъ заключается проблематичность «рабочаго вопроса»? Не въ трудности улучшения материальнаго положенія массъ, но въ томъ, окажется ли возможнымъ примирить все увеличивающееся стремленіе рабочихъ къ самостоятельности, захватывающее даже самые низкіе слои населенія, съ требованіями экономического прогресса относительно расширения капиталистической крупнопромышленной организаціи.

Стремленія профессиональныхъ союзовъ представляютъ, по моему мнѣнію, единственное рѣшеніе этого вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, они хотятъ завоевать рабочимъ полное равноправіе при полной неприкосновенности хозяйственной производительности, дать имъ возможность вставить и свое словечко при устройствѣ хозяйственной жизни при капиталистическомъ строѣ. Если здѣсь мы видимъ только зародыши, то мы заранѣе можемъ предполагать, что они пышно разольются и приведутъ къ такой промышленной организаціи, при которой снова получитъ полное признаніе человѣческое достоинство рабочаго. И лишь тотъ, кто достигъ такой глубины пониманія, вполнѣ уяснитъ себѣ, въ чёмъ замѣ-

чается сущность т. называемаго рабочаго вопроса; пойметъ и то, что въ процессѣ преобразованія, которому суждено привести нашу хозяйственную жизнь къ высшимъ, болѣе свободнымъ и дѣеспособнымъ формамъ, никакія попеченія со стороны государства или предпринимателей не могутъ замѣнить профессіональнаго движенія. Такимъ образомъ мы приходимъ къ послѣдней великой миссіи, выполнить которую призваны, какъ кажется, профессіональные союзы; по своему значенію и важности она выходитъ за предѣлы собственно хозяйственной жизни, такъ какъ касается всеобщихъ культурныхъ и культурно-политическихъ задачъ. Я имѣю въ виду содѣйствіе профессіональныхъ союзовъ разрѣшенію великой проблемы всѣхъ современныхъ государствъ, обозначаемой ходящимъ словомъ—*демократія*.

Аристократическая натуры еще болѣе чѣмъ демократическая должны считать—важнѣйшимъ вопросомъ будущаго слѣдующій вопросъ—какъ возможна увеличивающаяся демократизація нашей общественной жизни, все возрастающее участіе массы въ веденіи государственныхъ дѣлъ, безъ нарушенія существующаго порядка и современаго состоянія общества, безъ нарушенія успѣшности дальнѣйшаго развитія нашей культуры. Такова проблема политики. Человѣкъ не усматривающій здѣсь проблемы, или настолько неопыт-

тенъ и лишенъ всякихъ знаній, что не знаетъ, что до сихъ поръ всякий строй и всякая культура носили аристократический отпечатокъ, или же настолько поверхностенъ и ослѣпленъ, что не замѣчаетъ, какъ неодолимо поднимается волна демократизма. Человѣкъ, возстающій теперь противъ „демократіи“, если только не личный интересъ руководитъ его мнѣніемъ, похожъ на того, кто считалъ бы себя въ состояніи удержать бѣгъ образовавшагося изъ растаявшаго снѣга водопада при помощи однихъ только своихъ аргументовъ, что онъ *не долженъ* и *не можетъ* падать въ долину. Нѣть, лѣсной потокъ можно вздымается и шумить, онъ настолько же реаленъ, какъ и опасность для долинъ, полей и т. д., созданныхъ трудами вѣковъ, подвергнуться опустошенію и разрушенню. Всякій разумный человѣкъ будетъ думать только о томъ, какъ бы направить бѣгъ его по настоящему руслу. По отношенію къ данному случаю задача такова: путемъ медленнаго процесса самовоспитанія развить способности для совмѣстнаго управлѣнія или, что еще важнѣе—воспитать людей, которые отъ имени всей массы могли бы взять въ свои руки судьбы общества. При этомъ надо принимать во вниманіе не немногихъ выдающихся лицъ, но безчисленныхъ на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ общественной іерархіи, призванныхъ къ участію въ управлениі. Но по-

добная выработка соответствующихъ способностей всегда должна имѣть въ виду двоякую цѣль выучиться искусству управлять другими и, что гораздо труднѣе, управлять собой, искусству приказывать и искусству повиноваться. А насколько зависитъ значение класса въ государствѣ отъ его специфического умѣнья повелѣвать и господствовать, примѣромъ вамъ можетъ послужить прусское юнкерство, несмотря на свой экономической упадокъ, въ значительной степени обязанное своимъ влияніемъ въ Пруссіи своей способности господствовать. При этомъ процессѣ воспитанія самостоятельности въ массахъ я очень многаго ожидаю отъ профессиональныхъ союзовъ. Они разовьютъ сдержанность, подчиненіе, дисциплину въ отдѣльныхъ лицахъ, какъ сознательныя добродѣтели. Вѣдь послушаніе, которому учится нашъ солдатъ, или послушаніе рабочаго въ капиталистическомъ предпрѣятіи не стоять ровно ничего: важно только сознательное подчиненіе. Число лицъ, совершенно негодныхъ въ гѣтевскомъ смыслѣ: (Кто ни къ чему негодный человѣкъ? Тотъ кто не умѣеть ни приказывать, ни повиноваться), значительно уменьшится благодаря дѣятельности профессиональныхъ организаций. Число же людей, умѣющихъ повиноваться сознательно и добровольно, возражаетъ? А, для массы, будь она «благороднаго происхожденія»

или буржуазнаго, богата или бѣдна, повиновеніе всегда будетъ единственной политической добродѣтелью.

Съ другой стороны, профессиональные союзы развиваются въ своихъ руководителяхъ организаторскіе таланты, которые такъ будуть нужны демократіи будущаго. Кромѣ того, какъ въ руководителяхъ, такъ и въ руководимыхъ они пробуждаютъ необыкновенно важную способность—политической смыслъ. Подъ нимъ я разумѣю пониманіе всей громадной сложности политической и экономической жизни и правильное отношение къ политически достижимому, т. е. практически возможному. Въ сущности на этомъ основывается все искусство повѣлевать—на знаніи, что можно сдѣлать изъ данной людской массы.

Здѣсь предъ профессиональными союзами открывается столь широкая перспектива, что отрицать ее могутъ только невѣжды или демагоги. Избавить рабочихъ отъ мелкихъ безмозглыхъ болтуновъ, еще и теперь зачастую задающихъ тонъ въ прессѣ, на собраніяхъ и ферейнахъ, отъ лѣнтиевъ, способныхъ только какъ попугай повторять двѣ-три выученныхъ наизусть и непонятыхъ фразы изъ партійной литературы и съ бычачьимъ упрямствомъ вбивать ихъ въ головы массы, негодныхъ ни на что другое, кромѣ «партийной агитации», освободить, повторяю я, рабочихъ отъ этихъ карикатуръ на политическихъ

агитаторовъ: таково, прежде всего, по моему призванию профессиональныхъ союзовъ. Но быть можетъ кто нибудь задастъ вопросъ: если профессиональные союзы будутъ действовать въ указанномъ направлении, не приведутъ ли мы прямикомъ къ «социальному государству?» На это у ортодоксального марксиста навѣрно уже готовъ отвѣтъ: о, конечно, нѣтъ; совсѣмъ напротивъ: всѣ действия профессиональныхъ союзовъ будутъ клониться не къ чему иному, какъ къ увѣковѣченію капиталистической системы хозяйства.

Кто же правъ? Конечно, оба! Подобное решеніе вопроса не покажется удивительнымъ тому, кто вполнѣ проникнется мыслью, что *социализмъ и капитализмъ не представляютъ собою двухъ исключающихъ другъ друга противоположностей, что скорѣе идеалы ихъ до извѣстной степени могутъ быть совмѣстно осуществлены въ одномъ и томъ же обществѣ.*

Когда я пытаюсь представить себѣ хозяйственную жизнь современныхъ культурныхъ народовъ въ двадцатомъ вѣкѣ, то мнѣ рисуется, что она въ возрастающей степени принимаетъ капиталистическую и социалистическую форму. Наряду съ капиталистическими организаціями будутъ разростаться одновременно кооперативныя и общиннохозяйственныя формы организаций. Но, конечно, насколько можно судить о ближай-

шемъ будущемъ, центръ тяжести хозяйственной жизни будетъ лежать въ капиталистическихъ предпріятіяхъ. Мысль о близости хозяйственного строя безъ капиталистическихъ предпринимателей, занимавшая поколѣніе тому назадъ даже самые свѣтлые умы, теперь живетъ только въ воображеніи вымирающаго поколѣнія соціальныхъ фантазеровъ. Теперь мы знаемъ, что процессъ вытѣсненія предпринимателей происходитъ крайне медленно, органически, что на мѣсто почти каждого капиталистического предпринимателя, который оказывается излишнимъ на одномъ концѣ, на другомъ концѣ длиннаго пути развитія капитализма выдвигаетъ двухъ новыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, капиталистическая система хозяйства еще въ теченіе столѣтій будетъ развиваться какъ интенсивно, такъ и экстенсивно: съ каждымъ днемъ захватываетъ она все новыя области, находившіяся прежде въ сферы ея вліянія; это можно наблюдать и внутри культурныхъ странъ, въ видѣ вытѣсненія докапиталистическихъ способовъ производства или въ видѣ распространенія хозяйственной дѣятельности на области, прежде ей недоступныя, такъ и въ странахъ варварскихъ и въ полуцивилизованныхъ царствахъ миллионовъ. Не кому иному, какъ европейскимъ и американскимъ капиталистамъ, суждено превратить Китай, путемъ долгаго развитія, въ страну капиталистическую и привести его къ «соціализму»,

къ которому современныя культурныя страны къ тому времени значительно приблизятся. Еще поколѣніе тому назадъ, мы съ полнымъ правомъ могли игнорировать всѣ подобнаго рода соображенія. Еще поколѣніе тому назадъ, можно было не возбуждая смѣха высказывать мысль о національной экономической самостоятельности европейскихъ государствъ. Теперь же всякое соціальное преобразованіе должно разсматриваться съ точки зреянія мірового хозяйства, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мысль о близости соціалистического общественного порядка безъ предпринимателей капиталистовъ, что бы мы не думали о ея осуществимости въ предѣлахъ одного самодовлѣющаго національного государства, должна показаться чудовищной, если мы сопоставимъ ее съ фактъмъ все возрастающаго вліянія отдѣльныхъ культурныхъ странъ другъ на друга или на остальныя полуцивилизованныя и нецивилизованныя страны земного шара. Вотъ почему послѣдовательные соціалисты - утописты отступаютъ предъ лицомъ современного всемірно-хозяйственнаго развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, придется получить отставку и соціализму старого покроя, такъ какъ ему нечего теперь сказать. Въ самомъ дѣлѣ, въ періодъ своего расцвѣта онъ выдвигалъ первой посылкой своей программы экономической прогрессъ и считалъ это своей заслугой; теперь же онъ оказался бы реакціоннымъ въ экономи-

ческомъ отношеніи и, съ своей оппозиціей «мировой политикѣ» современныхъ націй, оказался бы заодно съ аграріями и мелкой буржуазіей. Такимъ образомъ— и этотъ пунктъ скоро можно будетъ установить вполнѣ прочно—съ существованіемъ капиталистического хозяйства нашему поколѣнію приходится считаться во всякомъ случаѣ; тоже самое, вѣроятно, придется дѣлать и будущимъ поколѣніямъ. Поэтому нась должна радовать перспектива—еще въ теченіе долгаго времени видѣть, въ качествѣ пionеровъ экономического прогресса, во главѣ нашей хозяйственной жизни геніальныхъ предпринимателей и выдающіхся коммерсантовъ наряду съ столь же блестящими директорами-пайщиками крупныхъ акціонерныхъ обществъ и руководителями нашихъ государственныхъ, коммунальныхъ и кооперативныхъ организацій. Но дѣло обстоитъ вовсе не такъ, чтобы идеаламъ соціализма приходилось капитулировать передъ капитализмомъ вообще, передъ всей сферой его дѣятельности, *наоборотъ*, они скорѣ разовьются на капиталистической почвѣ. Положеніе это имѣеть силу, какъ бы мы ни понимали идеаловъ соціализма: въ видѣ ли планомѣрного регулированія производства и гospodства надъ первоначально дикими, естественными силами рыночнаго обращенія при помощи взаимныхъ договоровъ въ формѣ картелей; или въ видѣ все увеличивающейся защиты труда противъ

капитала. Послѣдній идеалъ будетъ достигнутъ путемъ медленнаго преобразованія господствующаго хозяйственнаго строя въ соціалистическомъ смыслѣ; попытки такого преобразованія замѣчаются уже въ охранѣ рабочихъ, въ страхованиі рабочихъ, въ реформахъ законодательства и управлениія, благодаря которымъ рабочій договоръ, бывшій прежде чисто частно-правовой сдѣлкой, теперь обѣщаетъ принять характеръ общественно-правового отношенія.

Къ этому идеалу мы приближаемся также съ расширеніемъ участія рабочаго населенія въ бла-
гахъ материальной культуры, съ расширеніемъ его вліянія на хозяйственную и общественную жизнь; а достиженіе этой цѣли, какъ мы знаемъ, поставили своей первой задачей и профессіональ-
ные союзы. Кто же послѣ этого, наблюдая внимательно происходящія вокругъ него явленія, станетъ отрицать, что мы *живемъ среди процесса внутренняго преобразованія капиталистической хозяйственной системы*, что теперь вырабатывается новый соціальный строй, который можно назвать соціалистическимъ, если мы ужъ непремѣнно хотимъ дать ему имя. Выраженіе одного старого соціалистического вождя, что мы вступили въ область „государства будущаго“ и даже стоимъ посреди нея, оказывается буквально вѣрнымъ. Вѣдь сущность всякой соціальной эволюціи въ томъ и заключается, что новый обще-

ственний строй медленно развивается подъ покровомъ старого, который вслѣдствіе этого еще на очень долгое время можетъ налагать на него свой отпечатокъ. Сдѣланное Марксомъ сравненіе развитія новаго общественнаго строя съ ростомъ ребенка въ утробѣ матери и съ беременностю— неудачно: оно имѣеть смыслъ только въ томъ случаѣ, если мы хотимъ объяснить и мотивировать революціонныя насильственные дѣйствія, какъ бы соотвѣтствующія акту рожденія. Правильнѣе была бы аналогія, заимствованная изъ архитектуры и сравнивающая возникновеніе новаго общественнаго строя съ превращеніемъ, переходомъ одного архитектурнаго стиля въ другой: ренессанса въ барокко, барокко въ рококо. Но всякия сравненія совершенно бесполезны тамъ, гдѣ реальные факты сами по себѣ достаточно ясны. Въ заключеніе бросимъ, съ достигнутаго нами пункта, взглядъ на пройденный нами длинный путь: мы знаемъ теперь, что профессиональное движение является однимъ изъ звеньевъ той цѣпи соціальныхъ явлений, которымъ суждено привести насъ къ высшимъ формамъ общественной жизни; что оно должно быть для насъ дорого и полно значенія и что мы, по мѣрѣ силъ, должны ему содѣйствовать.

Будемъ же надѣяться, что никакой морозъ весеннюю ночью не убьетъ тысячи зародышей, рвущихся къ счастливой жизни, и что грядущія

поколѣнія, когда наступятъ лѣто и осень, по-
жнутъ сторицей то, что мы озабоченные и въ потѣ
лица сѣмъ теперь.

Но я думаю также, что мы имѣемъ право
смотретьъ съ надеждой на будущее. Мы можемъ
наблюдать теперь, какъ всюду, въ рабочихъ
кругахъ и внѣ ихъ сферы глубже разви-
вается сознаніе важности начавшагося дви-
женія, важности профессіональныхъ стремленій
рабочихъ. Все болѣе широкіе круги буржуазіи
даже въ Германіи отказываются отъ своей преж-
ней враждебности къ движенію; даже предпри-
ниматели, и тѣ, какъ мы видѣли, стали вполнѣ
оцѣнивать его хорошія стороны. Такимъ образ-
омъ, это дѣло пріобрѣтаетъ себѣ все боль-
ше и больше сторонниковъ, и если припомнить
что и нѣмецкая наука, за немногими исключ-
еніями, лишь подтверждающими правило, стоитъ
за профессіональныя стремленія, то, мнѣ кажется,
нѣть никакихъ основаній для опасеній за ихъ
будущее.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Христіанские професіональные союзы.

Какъ разъ теперь, во время печатанія этихъ лекцій, я получилъ отчеты о 2-мъ конгрессѣ христіанскихъ професіональныхъ союзовъ; отчеты эти даютъ числовыя данныя для ознакомленія съ значительнымъ развитіемъ союзовъ въ теченіе послѣдняго года. Но, именно теперь, только названные союзы и вступили, вслѣдствіе различныхъ причинъ, на путь экономической борьбы и обнаружили при этомъ твердость и рѣшительность, которыя даютъ право видѣть въ нихъ факторъ, имѣющій устойчивое значеніе и свѣтлую будущность въ германскомъ професіональномъ рабочемъ движеніи. Поэтому, я приведу еще нѣкоторыя точныя данныя, которыя могутъ ознакомить читателя съ развитіемъ и характеромъ этихъ христіанскихъ професіональныхъ союзовъ.

Въ настоящее время имются слѣдующіе христіанскіе профессіональные союзы:

	Число членовъ.	
	1 октября 1899 г.	1 апреля 1900 г.
Профессиональный союзъ христ. горнорабочихъ Германии въ Альтенассенѣ (1894).	22.000	25.200
Союзъ нѣмецкихъ желѣзнодорожныхъ мастеровыхъ и рабочихъ въ Трирѣ. (1894)	25.638	25.638
Баварскій желѣзнодорожный союзъ въ Мюнхенѣ (1896).	17.500	25.000
Союзъ баденскихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ въ Карлсруэ (1898).	4.239	6.000
Вюртембергскій желѣзнодорожный союзъ въ Штутгартѣ	—	5.300
Христіанскій профессіональный союзъ кирпичниковъ въ Липпе. (1895).	3.980	3.980
Нижнерейнскій союзъ христіанскихъ текстильныхъ рабочихъ въ Крефельдѣ (1898).	8.500	8.600
Христіанско-соціальный союзъ текстильныхъ рабочихъ Майнца-Гладбаха и окрестностей (1898).	5.000	5.806
Союзъ текстильныхъ рабочихъ и работницъ Баварии въ Мюнхенѣ (1896).	2.000	2.500
Христіанско-соціальный союзъ текстильныхъ рабочихъ Аахена, Буртшайда и окрестностей (1897).	2.500	2.700
Христіанско-соціальный союзъ текстильныхъ работницъ Аахена, Буртшайда и окрестностей (1898).	300	300
Христіанско-соціальный союзъ текстильныхъ рабочихъ Дюрена и окрестностей (1898).	840	800
Христіанско-соціальный союзъ текстильныхъ рабочихъ Эйпена и окрестностей (1897).	600	750
Христіанско-соціальный союзъ текстильныхъ работницъ Эйпена и окрестностей (1898).	130	130

	Число членовъ.	
	1 октября 1899 г.	1 апреля 1900 г.
Христіанско-соціальний союзъ текстильныхъ рабочихъ Випперфюрта и окрестностей (1898)	80	100
Христіанский союзъ текстильныхъ рабочихъ Бохольта и окрестностей (конецъ 1899)	400	1.500
Профессиональный союзъ христіанскихъ горныхъ, желѣзодѣлательныхъ и металлургическихъ рабочихъ въ Обербергскомъ административномъ округѣ Бонна (преимущественно въ Siegerlandѣ) Эйзенфельдъ на Сигѣ (1897)	8.000	10.650
Зауерландскій профессиональный союзъ рабочихъ по металлу (1899)	1.500	2.100
Христіанско-соціальный союзъ металлургическихъ рабочихъ Германіи, Дуйсбургъ (конецъ 1899)	2.000	4.100
Христіанско-соціальный ремесленный союзъ формовщиковъ въ Дуйсбургѣ (1888)	83	88
Профессиональный союзъ христіанско-соціальныхъ фабричныхъ рабочихъ свинцовыхъ, цинковыхъ и химическихъ производствъ Штолльберга (Рейнская пров.) (1899)	350	700
Христіанский союзъ германскихъ рабочихъ по дереву, Мюнхенъ (конецъ 1899)	1.000	2.100
Христіанский союзъ рабочихъ—часовщиковъ Шварцвальда, Филингенъ (1899)	424	520
Союзъ христіанскихъ каменщиковъ Германіи, Берлинъ (1899)	953	2.900
Профессиональный союзъ христіанскихъ каменщиковъ и рабочихъ родственныхъ профессий, Кёльнъ (1898)	800	600
Профессиональный союзъ христіанскихъ рабочихъ по камню, Гоннебъ на Рейнѣ	—	450
	108.817	188.507

Кромѣ того въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуютъ професіональныя организаціи, распадающіяся на секціи.

Съ характеромъ христіанскихъ професіональныхъ союзовъ знакомить сочиненіе генерального секретаря д-ра Августа Пинера, являющагося душой христіанскаго професіональнаго движенія.

Какъ было уже упомянуто въ моихъ лекціяхъ, христіанские професіональные союзы стремятся не различать *впроисповѣданій* и быть *политически-безпартийными*. Говоря точнѣе, они стремятся быть *антисоциалистическими* прежде всего въ смыслѣ борьбы съ материализмомъ и атеизмомъ. Предоставляя членамъ своимъ быть «въ прочихъ отношеніяхъ», съ чѣмъ имъ угодно, лютеранами или католиками, они требуютъ отъ нихъ одного: стоять на почвѣ «естественнаго закона» и «естественнаго права». Подъ этими понятіями католическая доктрина (именно обѣней идетъ здѣсь рѣчь) разумѣеть опредѣленныя основныя истины, въ особенности «вѣру въ Бога и признаніе естественного нравственнаго и и правового строя». «Лишь при условіи всеобщей вѣрности этимъ основнымъ истинамъ, возможно успѣшное лечение соціальныхъ золъ мирными и законными средствами въ современномъ нашемъ обществѣ, основанномъ на христіанскомъ правѣ. Но подобно религіозному, имѣетъ предѣлъ и политическое безразличіе христіанскихъ союзовъ.

Хотя христіанські професіональні союзи не налагають на своїх членів никаких обов'язковств по відношенню до якої-либо політичної партії, однакож въ названномъ выше сочиненіи мы читаемъ: «Есть лишь одно основное политическое право, посягнуть на которое не позволить и не смѣеть позволить ни одна организация, ибо отнюдь не можетъ быть высшихъ оснований, которыя бы могли побудить рабочаго къ отказу отъ этого права; это основное право—всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право (въ рейхстагъ). Если бы поэтому какая-либо партія забыла въ этомъ отношении свою обязанность, тогда и организація, какъ таковая, должна выступить противъ данной партіи.»

Напротивъ, въ качествѣ рабочихъ професіональнихъ організацій христіанськіе союзи стоять цѣлкомъ и рѣшительно на почвѣ *идей професіонального движенія*; они такимъ образомъ не повредятъ послѣдній, но могутъ лишь содѣйствовать ея успѣху. Въ виду этого, кажется мнѣ, каждый другъ професіональныхъ організацій долженъ будуть съ радостю привѣтствовать этотъ новѣйший многознаменателійный фактъ образованія христіанскихъ професіональныхъ союзовъ. И они не избѣгли участія явиться на свѣтъ съ присущимъ германскому рабочему движенію клеймомъ, т. е. какъ созданіе *полити-*

ческой партии, именно партии центра. Фактически это такъ; кчему играть въ прятки? У насъ есть теперь, рядомъ съ свободомыслящими и соціалъ-демократическими професіональными союзами и союзы политически-католические, какъ я бы выразился, чтобы избѣжать обиднаго слова «ультрамонтанские.» Но будучи самыми молодыми, христіанскіе професіональные союзы болѣе всѣхъ — по крайней мѣрѣ въ принципѣ — считаются съ современнымъ возвѣніемъ: они *стремятся* быть чисто професіональными. Если, какъ мнѣ кажется, они пока еще и не достигли этой цѣли, то все же внесутъ свою долю содѣйствія въ развитіе *междубракціоннаго професіональнаго движенія*. Во всѣхъ концахъ политической и религіозной области заключаются соглашенія и, надо надѣяться, будутъ впредь заключаться все чаще и чаще. Если и есть основаніе полагать, что въ Германіи никогда не будетъ вполнѣ объединенного професіональнаго движенія, по образцу англійскаго, то все же события послѣдняго времени возбуждаютъ надежду, что въ стремленіяхъ професіональныхъ организацій всѣхъ типовъ будетъ все болѣе выдвигаться на первый планъ идея движенія чисто професіональнаго. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ той же мѣрѣ будетъ прекращаться взаимная борьба професіональныхъ организацій, какъ таковыхъ, и начнутся попытки создать общій ор-

ганизаціонный базисъ для защиты всѣхъ обще-
рабочихъ интересовъ. Цѣлью развитія должна
быть всеобщая картель професіональныхъ орга-
нizaцій, *великий германский професіональный союзъ*, въ которомъ различныя направленія сое-
диняются для совмѣстнаго дѣйствія.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Берлинский профессионально-рабочий домъ.

Въ юго-восточной части Берлина,—гдѣ новичекъ, привыкшій вращаться лишь въ шумномъ потокѣ западныхъ кварталовъ, чувствуетъ себя какъ бы перенесеннымъ въ иной городъ,—нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ открыло свои двери учрежденіе, которому нesомнѣнно предназначено, въ союзѣ со своими собратьями въ другихъ городахъ, послужить болѣшимъ краеугольнымъ камнемъ въ соціальной исторіи нашего времени. Это берлинскій профессіонально-рабочій домъ. Всякому, кто серьезно стремится понять современное рабочее движеніе, нигдѣ не представляется случая изучить его лучше, какъ на этомъ каменномъ воплощеніи профессіонально-организаторской идеи. Мнѣ кажется, что уже одно описание внешняго вида и внутренней обстановки этого зданія прольетъ больше свѣта на занимающей насъ предметъ, чѣмъ цѣлая глава теоретическихъ разсужденій. Поэтому я дамъ

въ заключеніе бѣглый набросокъ Берлинскаго профессіонально-рабочаго дома.

Я хотѣлъ бы подѣлиться съ читателемъ тѣмъ чувствомъ удовлетворенія и удовольствія, которое я испыталъ при первомъ ознакомленіи съ Берлинскимъ рабочимъ домомъ, когда одинъ солнечный апрѣльскій день въ сопровожденіи моего уважаемаго екскъ-коллеги д-ра Лео Аронса, одного изъ духовныхъ отцовъ всего предпріятія, проходилъ черезъ воздушныя галлерей, уютныя комнаты, прекрасныя залы обширнаго, состоящаго изъ трехъ корпусовъ, заключающаго въ себѣ три большихъ двора, комплекса зданій. Я принужденъ вмѣсто субъективнаго изображенія моихъ впечатлѣній, которыхъ все же потеряли бы на бумагѣ почти всю свою привлекательность, живость и наглядность, удовольствоваться систематическимъ перечисленіемъ функцій, для которыхъ предназначены многочисленныя помѣщенія зданія.

1) *Бюро отдельныхъ профессіональныхъ союзовъ Берлина.* Смотря по величинѣ и значенію разныхъ организацій, имъ отведено по одной, по двѣ и болѣе комнаты подъ бюро, въ которомъ даются справки относительно мѣстъ, для кассъ и т. п. Распределеніе помѣщеній даетъ геометрическую картину степеней развитія, достигнутыхъ разными берлинскими профессіональными союзами. Первое мѣсто отведено величествен-

ному союзу metallurgическихъ рабочихъ, занимающему не менѣе 6 комнатъ, изъ которыхъ одна—подъ библіотекой. Интересную картину представляетъ рядъ денежныхъ шкафовъ, въ которыхъ находять себѣ временное помѣщеніе средства отдѣльныхъ союзовъ. Глядя на эти *Rochers de bronze*, на которые опираются современные рабочие союзы, есть надѣть чѣмъ призадуматься! Съ другой стороны, о томъ, какъ много отраслей труда стоить еще на первыхъ ступеняхъ организаціи, свидѣтельствуетъ рядъ простыхъ столовъ, разставленныхъ въ одномъ большомъ залѣ: для пѣкоторыхъ союзовъ одинъ такой столъ является до поры до времени всѣмъ, что предоставлено въ этомъ огромномъ домѣ въ его распоряженіе для занятій, въ указанные часы, выдачей справокъ ищущимъ работы и счетоводствомъ. Отъ этого стола до шести комнатъ metallurgическихъ рабочихъ лежитъ долгій, тернистый путь.

Мы ознакомились съ бюро —мѣстами повседневной работы профессиональныхъ организацій. Переидемъ теперь къ 2)—заламъ для собраний, комнатамъ ферейновъ и пр. Посредствомъ нихъ профессионально-рабочій домъ оказываетъ организованнымъ рабочимъ помощь и въ особыхъ случаяхъ: когда происходитъ засѣданіе союза, или когда нужно обсудить какой-либо вопросъ въ болѣе многочисленномъ собраніи.

Для союза несомнѣнно большое удобство—имѣть здѣсь для собранія помѣщенія, пользованіе которыми не зависитъ отъ благосклонности полиціи и милости хозяина гостинницы. Обширный залъ въ верхнемъ этажѣ громаднаго бокового корпуса предоставляетъ въ своихъ галлереяхъ и прекрасныхъ отдѣленіяхъ мѣсто для 1200—1300 человѣкъ.

Но не для однихъ только серьезныхъ совѣщаній предназначены смѣны дома: въ нихъ находится мѣсто и для веселыхъ музъ. Въ числѣ составныхъ частей дома мы находимъ:

3) *Мѣсто для развлечений.* Пѣніе и танцы, музыка и театральныя представлениа въ этихъ элегантныхъ, скромно, но со вкусомъ убранныхъ, большихъ и малыхъ залахъ, соединяютъ рабочихъ для дружественаго общенія. Три прекрасныхъ кегель-бана располагаются къ спорту и игрѣ, а обширный ресторанъ въ нижнемъ этажѣ передняго фасада предлагаетъ по недорогимъ цѣнамъ въ любое время дня кушанья и напитки. Буфетъ находится въ арендѣ у известной пивоварни Schultheiss Bräuerei, во главѣ которой стоитъ коммерціи совѣтникъ Рѣзике: въ общей картинѣ профессионально-рабочаго дома не долженъ быть отсутствовать и образъ этого просвѣщенаго предпринимателя. Ресторанъ опять-таки, подобно остальнымъ помѣщеніямъ, представляетъ собой образецъ изящной простоты и

всей своей обстановкой долженъ будетъ оказывать на посѣтителей цивилизующее и нравственное вліяніе; и вообще все зданіе, съ безукоизненной чистотой своихъ помѣщеній и скромной красотой всего убранства, будетъ служить элементарной школой внѣшней культурности. Въ особенности же это относится къ послѣдней части нашего зданія, въ которой помѣщается:

4) *Гостиница.* Гостинница собственно не является органической составной частью цѣлага. Она могла бы вовсе отсутствовать или быть въ другомъ мѣстѣ. Однако, будучи связана съ профессионально-рабочимъ домомъ, она и сама выигрываетъ и увеличиваетъ его значеніе. Рабочій, пришедший со стороны и нашедшій здѣсь приличное и опрятное пристанище рядомъ съ заломъ для увеселеній и бюро своего союза, вмѣсто того, чтобы остановиться въ отвратительныхъ помѣщеніяхъ ужасающихъ трущобъ, содержимыхъ разорившимися трактирщиками,—такой рабочій наглядно убѣдится въ важности организаціи, можно сказать, ощутить свою принадлежность къ ней. Внѣшній видъ этого первого рабочаго отеля рисуется въ слѣдующихъ чертахъ.

Въ гостиницу ведеть особый входъ непосредственно съ улицы. Вторыя ворота съ улицы, проложенные на углу участка, занятаго домомъ, выходятъ черезъ передній корпусъ на широкую дорогу для пѣшеходовъ и экипажей, отдѣленную

отъ первого двора желѣзной рѣшеткой для охраненія цвѣтовъ. Съ другой стороны стѣнасосѣдняго дома до значительной высоты красиво убрана шпалерами изъ дикаго винограда. Дорога ведеть къ воротамъ въ боковой корпусъ, въ которомъ расположены залы, выходящія во второй дворъ; такимъ образомъ мы съ улицы прямо доходимъ до входа въ гостинницу, который вполнѣ обособленъ отъ остальныхъ зданій. Къ задней стѣнѣ зданія гостиницы примыкаютъ съ обѣихъ сторонъ два боковыхъ крыла, вмѣстѣ съ которыми оно ограничиваетъ третій дворъ. Благодаря такому расположению, во всей огромной гостиницѣ нѣть темнаго угла. Въ нижнемъ этажѣ ея влѣво отъ входа, находится сначала пріемная комната, затѣмъ помѣщенія для служащихъ, а въ боковомъ крылѣ—кухня ресторана. Вправо отъ входа въ нижнемъ этажѣ расположены въ особомъ помѣщеніи двѣ ванны и тринадцать душей и далѣе—дезинфекціонная комната съ дезинфекціонной печью и прачечной.

Переднія помѣщенія второго этажа заняты по одну сторону ресторационнымъ заломъ гостиницы (ресторанъ гостиницы держить само общество), по другую—обширной читальней, въ которую напитки и кушанья не допускаются, такъ что останавливающимся въ гостиницѣ, въ противоположность прежнимъ ихъ пристанищамъ, доставляется возможность пріятно провести

время, не будучи окружеными трактирной обстановкой. Уже въ боковыхъ крылахъ второго этажа начинаются комнаты, которыми цѣликомъ заняты остальные три этажа. Въ камерахъ поставлены по 2, по 4, по 6 и по 11 кроватей—въ общемъ 200 кроватей. Смотря по числу кроватей въ комнатѣ, понижается и цѣна: отъ 40 пфениговъ въ наибольшихъ комнатахъ до 1 марки за кровать въ наименьшихъ. Въ каждомъ номерѣ имѣется умывальникъ съ водопроводомъ; устроены также приспособленія для регулированія температуры воды зимой. Гостиница тоже выстроена цѣликомъ изъ камня и желѣза, и здѣсь все выстлано линолеумомъ.

Уже по этой бѣглой картинѣ величественнаго зданія можно заключить обь огромности всего предпріятія. Потребовалась многолѣтняя и самоотверженная работа многихъ людей, прежде чѣмъ удалось осуществить намѣченный планъ дома, въ которомъ организованные рабочіе Берлина были бы полными хозяевами. Двигателемъ предпріятія былъ д-ръ Лео Аронсъ, который и теперь, когда завѣдываніе дѣломъ перешло въ руки осмотрительного г. Зассенбаха, остается здѣсь воплощеніемъ совѣта и духа порядка. Фирма общества: «Geverkschaftshaus, Gesellschaft mit Beschränkter Haftung». Завѣдующихъ, кромѣ Зассенбаха, еще двое: Рудольфъ Милларгъ и Рихардъ Гагенъ; обязанности наблюдательного совѣта

выполняютъ Августъ Буссе и д-ръ Лео Аронсъ. Учредительный капиталъ общества равняется 64.000 марокъ и внесенъ 29 участниками. Конечно, операціи основываются не на этомъ капиталѣ, а на ипотекахъ, общая сумма которыхъ достигаетъ приблизительно $1\frac{1}{2}$ милл. марокъ. Касса страхованія отъ старости и неспособности къ труду въ Берлинѣ выразила готовность въ видѣ первого ипотечного займа, выдать половину оцѣночной суммы долга изъ 3%. Фактъ этотъ—почетное свидѣтельство просвѣщенной соціально-политической точки зрењія предсѣдателя кассы страхованія д-ра Фрейнда.

Такъ стоитъ это зданіе—гордое знаменіе великаго времени. Оно не похоже на уютные, теплые и укромные дома прежнихъ гильдій, словно прятавшихся въ узкихъ улицахъ средневѣковыхъ городовъ, черезъ которыя медленнымъ шагомъ проходили столѣтія, оставляя всюду слѣды своей органической работы и созиданія. Нѣть, гордо и открыто высится оно на солнечной сторонѣ, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ выстроенное и снабженное всѣми приспособленіями щедрой техники, практическое и до мелочей раціонально устроенное, какъ истинная эмблема нашего свѣтлаго, слишкомъ свѣтлаго, просвѣщенаго,

порой даже педантичного времени. И въ эту эпоху оно служитъ какъ бы вѣхой въ борьбѣ рабочихъ классовъ за самостоятельность. Да, оно поистинѣ есть знаменіе этой борьбы и въ то же время оно представляеть какъ бы бастіонъ и крѣпость. Но не бомбы и адскія машины приготавляются въ ней: согласно дѣловому купеческому духу времени, орудіями обороны считаются здѣсь счетныя книги и кассовые счета. Да, это своего рода крѣпость и арена борьбы, но здѣсь есть «три превосходныхъ кегель-бана», здѣсь есть мѣсто и смѣху, и шуткѣ, и юмору. Люди, являющіеся въ этотъ домъ, желаютъ взглянуть прямо въ лицо жизни, желаютъ братъ ее, какова она есть, и сдѣлать ее болѣе сносной; они хотятъ веселиться и бороться, но при этомъ стоять на твердой почвѣ.

Если что особенно ясно и рельефно знаменуетъ наступленіе новой эпохи въ жизни германского профессионального движенія, такъ именно это гордое знаніе.

Не смущаясь ни ссорами на почвѣ теоріи, ни нападками справа и слѣва, духовные вожди рабочихъ пошли здѣсь своей дорогой и на дѣлѣ доказали, что и у насть дѣйствительно существуетъ профессиональное рабочее движеніе съ своей особой жизнью, собственными цѣлями и идеалами. Между тѣмъ какъ мы ведемъ споры объ отвлеченныхъ положеніяхъ, здѣсь изъ камня

и желѣза создано прочное обиталище для прогрессивнаго реализма.

Но то, возникновеніе чего мы видимъ теперь въ Берлинѣ, не ограничивается однимъ только кругомъ берлинскихъ рабочихъ. Уже и теперь другіе нѣмецкіе города: Штутгартъ, Лейпцигъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ—имѣютъ у себя собственныя зданія профессіональныхъ союзовъ. Будемъ надѣяться, что недалеко то время, когда по всей странѣ раскинется цѣлая сѣть такихъ домовъ, большихъ и малыхъ, подобно современнымъ почтамтамъ. «Чѣмъ больше сопротивленіе, тѣмъ тверже должна быть направлена наша воля на достижениѣ желаемой цѣли». Эти слова, произнесенные недавно императоромъ, приложимы и къ современному профессіональному движению.

О г л а в л е н і е.

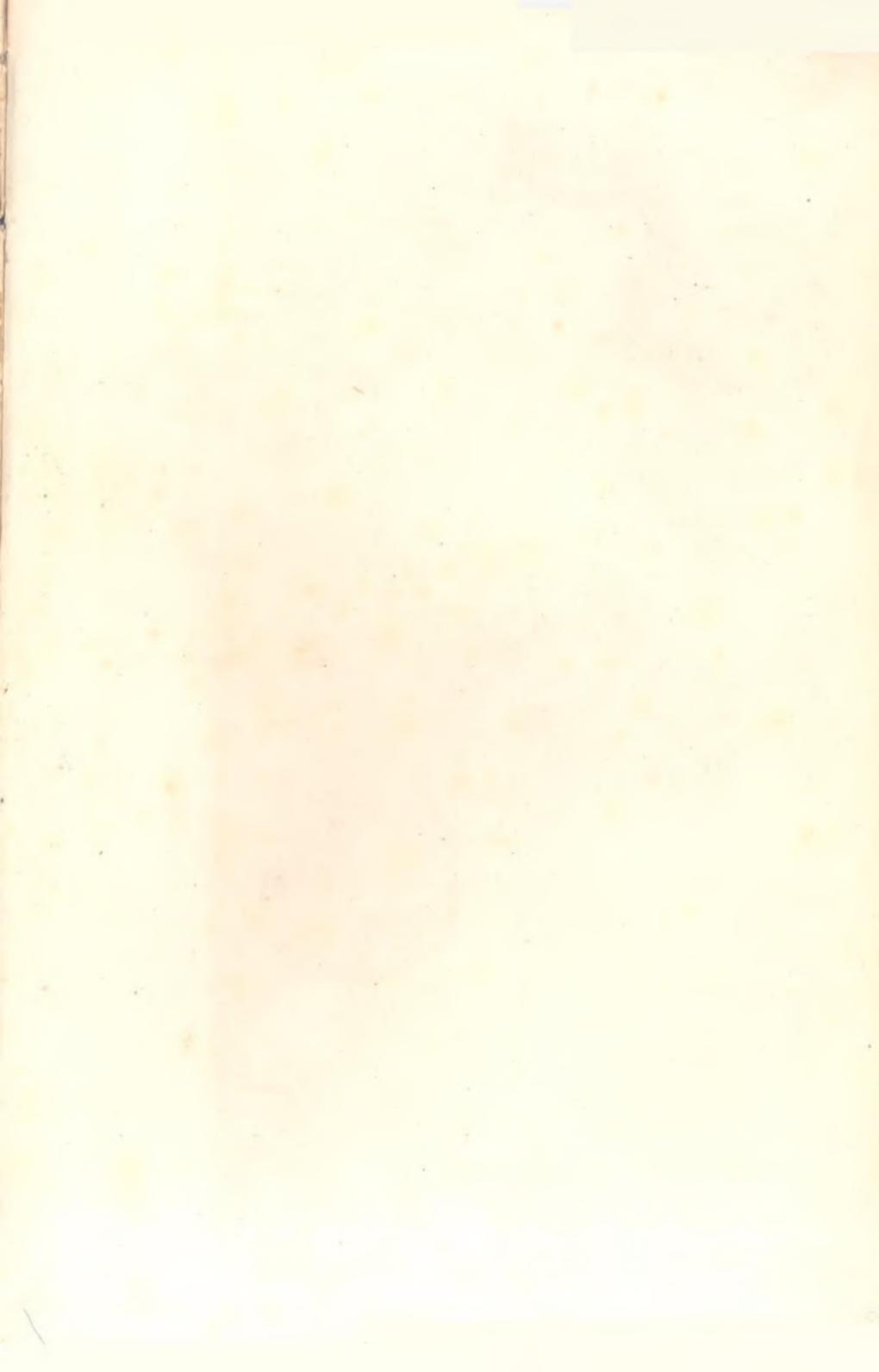
Стр.

I. Промышленный трудъ и его организація.	
Глава I. Промышленный трудъ съ естественно-научной и соціологической точки зрѣнія	3
» II. Основныя черты ученія о принципахъ экономической техники	33
» III. Хозяйство и производство	98
» IV. Производство и формы производства. 117	
» V. Ступени хозяйства; системы и формы хозяйства	203
II. Професіональныя организаціи рабочихъ.	
» I. Возникновеніе и цѣль професіонального рабочаго движенія	269
» II. Англійскіе трэдъ-юніоны	291
» III. Изъ германскаго рабочаго движенія 334	
» IV. Сущность и значеніе професіональнаго движенія; его культурная миссія	385
Приложеніе I. Христіанскіе професіональные союзы	440
» II. Берлинскій професіонально-рабочій домъ	447.

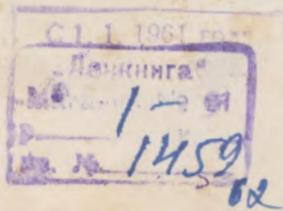
ЛІНІЙНИЙ

лінійний овіт відсутній і
занурений у ділянку з підлітковими
і молодими деревами та кущами. Він
єдиний в екологічному аспекті, але
спільнота є пізньо-лісовим застосуванням. І
з цією спільнотою пов'язані високі
рівні вологи та підвищена температура. Це
зумовлено, що після знищення лісу він
зникає, але знову виникає після
знищення лісу.

Лінійний лісовий комплекс є
пізньо-лісовим застосуванням.
Це пізньо-лісовий лісовий комплекс
з підвищеною вологістю та температурою. Це
зумовлено, що після знищення лісу він
зникає, але знову виникає після
знищення лісу.

1961
1459

-K215912